

НШ БДVP

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
★ БИБЛИОТЕКА ★**

Ю. ЛАРИН

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КАПИТАЛИЗМ
ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
В ГЕРМАНИИ**

(1914 — 1918 гг.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1

9

2

8

Ю. ЛАРИН

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КАПИТАЛИЗМ
ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
В ГЕРМАНИИ**

★

(1914—1918 г.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ Гиза.
Москва, Пятницкая, 71.
Главлит А. 1197. С. 11.
Гиз 22655. Тираж 3 000.
Зак. № 4712.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ И ОЧЕРЕДНЫЕ ВОПРОСЫ

Когда теперь в СССР говорят о «государственном капитализме», то имеют в виду обычно использование и существование остатков капитализма при пролетарской диктатуре. В этой книге идет речь о другом — о государственном капитализме как о проявлении буржуазной диктатуры.

Государственный капитализм в первом смысле (использование капиталистических остатков победившим рабочим классом) существует в переходный к социализму период, начинающийся с момента торжества пролетарской революции. Государственный капитализм во втором смысле (как система экономического и политического полновластия буржуазии) является как бы заключительным звеном капиталистического развития до момента пролетарской революции — «пролог пролога», как выражался Чернышевский.

Капитализм владеет еще большею частью земного шара, господствует над большинством человечества. Ознакомление с тенденциями его развития необходимо для успешной борьбы против него. К тому же организационный опыт враждебных нам предшественников, как показал опыт СССР, используется по-своему победившим пролетариатом в деле своего строительства и будет, конечно, использован еще не раз в ходе предстоящих пролетарских революций разных стран. Уж одни эти обстоятельства оправдывают появление книги, сводящей вместе почти единственные марксистские работы на русском языке по конкретному изображению соответственных тенденций капитализма на примере той страны и того отрезка времени, где и когда они проявились всего ярче и нагляднее, — на примере Германии эпохи империалистической войны 1914—1918 гг.

Понятие «государственного капитализма» в этом последнем смысле, как и самое название, было развито мною в корреспонденциях конца 1914 г. и начала 1915 г. о военном хозяйстве Германии. В то время и самый термин и обозначаемые им понятия не были еще привычными и общепризнанными. Теперь в наличии и существенном историческом значении такого явления никто из коммунистов не сомневается. Мне кажется целесообразным обратить внимание здесь на другую сторону дела — на связь даваемых здесь изложения и оценки изображаемой конкретной исторической обстановки и выводов из нее со злободневными вопросами коммунизма нынешнего дня. Вопросы о возможности «социализма в одной стране» и о соотношении его с мировой пролетарской революцией (статья «Утописты минимализма и действительности»); о понимании «зрелости», необходимой для возможности успеха рабочей революции и о «законе» этой революции (временное падение производительных сил и пр.); о методе организации сельского хозяйства и введения его в общее экономическое русло, несмотря на распыленность его между миллионами мелких производителей (что теоретически означает линию по отношению к крестьянству, после победы революции, как основанную на подходе через рынок); о тенденции к «плановому капитализму» и о предупреждении его осуществления пролетарской революцией; о роли Соединенных штатов и о значении процесса передвижки центра тяжести мировой экономики; о механическом понимании Маркса, чем так грешит троцкизм, и о закономерности фаз революции (идеология — политика — экономика) и т. д. и т. п., вплоть до постановки вопроса о грядущих «совхозах» и некоторых других деталях, — все это нахожу я теперь в предлагаемых статьях военного времени (эпохи до Февральской революции) при просмотре их для настоящего издания. Статьи эти подходили к конкретной проработке германского исторического опыта с точки зрения осмысливания его для перспектив социалистической революции. А основные вопросы, какие стоят перед социализмом теперь, могли быть выведены из изучения и логического продолжения исторического опыта уже и тогда. Конечно, социалистической революции в то время еще не было ни в одной стране, но можно было уже предвидеть, какие вопросы встанут в связи с нею, когда придет для нее время. Самая целесообразность воспроизведения теперь печатаемых в этой книге статей основана на том, что это предвидение оказалось соответствующим развитию практики и взглядов ком-

мунистической партии, как они установлены в настоящее время ¹⁾.

То обстоятельство, что таким образом я ориентировался на возможность построения социализма в одной стране и при условии затем промежутка в «пару десятилетий» до развертывания мировой революции, которая одна может обеспечить «безапелляционность» (т. е. невозможность обратного уничтожения, — см. статью «Утописты минимализма»), это обстоятельство в начале нашей советской государственной деятельности наложило печать и на мою практическую работу. Ряд товарищей ориентировался в то время на мировую революцию в самом непродолжительном времени. Они считали у нас все весьма временным «до мировой революции» и по этой причине вначале не особенно вдавались в формы и методы организации хозяйства на краткий, как они думали, переходный период. Отсюда отчасти и произошел тот уже опубликованный факт, что первое полугодие советской власти мне предоставлена была широкая возможность единоличного составления и публикации мер экономического законодательства и управления, то за своей подписью, то за подписью Вл. Ильича или других подлежащих товарищей.

Государственный капитализм военного времени в Германии для нас, людей советского строя, кроме общего исторического и теоретического интереса, имеет еще интерес специфический: его формы, наполняемые пролетарским классовым содержанием, во многом служили нам образцом при первоначальном построении советского строя в 1917—1919 гг. В нашей печати было уже опубликовано, что в день 25 октября 1917 г., обращаясь ко мне с общим поручением «заняться хозяйством», Владимир Ильич между прочим мотивировал это тем, что

¹⁾ В нашей печати отмечался в свое время характер «предвидения» перепечатаваемых здесь работ. Так, устанавливая «неизбежный закон пролетарской революции», т. Бухарин замечает, что его «теоретически предвидел т. Ю. Ларин в вышеупомянутой брошюре «Утописты минимализма и действительность» (стр. 97 «Экономики переходного времени»). В той же книге (стр. 78) т. Бухарин отмечает «совершенно правильную» постановку мною в этих работах военного времени вопросов о «материальной зрелости страны» и о том, как можно «сверху и извне объединить и связать сельское хозяйство в единый, планомерно управляемый организм» в том случае, «если само земледелие изнутри недостаточно созрело в организационном отношении», и т. д.

я много занимался изучением тогдашней организации германского хозяйства, т. е. «плахового военного госкапитализма».

Когда через сравнительно большой промежуток времени Владимир Ильич обдумывал вопрос о введении рабочей повинности, он не ограничился устным обменом мнений, но затребовал у меня некоторые печатаемые в настоящем сборнике статьи для более детального продумывания отрицательных и положительных сторон немецкой постановки. Вообще предварительный учет немецкого опыта как высшей ступени организованности, до какой вообще доработался наш враждебный предшественник — капитализм, — имел место не раз. Особенно это относится к организации «главков и центров», т. е. к методам организации нами анализуемой промышленности и к нашим мерам в области «изъятия излишков», продразверстки, «коллективного товарооборота», классового нормирования пайков, вообще продовольственной политики советской власти в первые ее годы. Будущий историк советской революции, изучая формы и методы ее строительства, не сможет пройти мимо использования ею при этом «организационного наследства» наиболее развитого в то время капитализма Европы — германского. Я прямо признаю, что в эти первые годы, намечая ту или иную меру, я не раз предварительно вспоминал свои корреспонденции о Германии и затем описанный в них опыт «ставил на голову». Иначе сказать, организационные формы господства буржуазного хозяйства превращал в орудие организационного утверждения диктатуры пролетариата.

Повторится ли еще когда-либо в своих развернутых формах «государственный капитализм» в истории нынешних буржуазных государств? Этого никоим образом нельзя считать принципиально исключенным. Новая мировая война, можно думать, станет моментом дальнейшего расширения крушения капитализма (начавшегося в 1917 г. с СССР), в том числе и того «государственного капитализма», какой составит в ней последнюю историческую форму и фазу буржуазной диктатуры. Но и вообще тенденции развития к развернутому госкапитализму глубоко свойственны нынешнему состоянию буржуазного хозяйства, а тем самым, кстати сказать, и тенденции к новым войнам как к орудию распространения и воплощения в жизнь этого госкапитализма. В минувшем военном опыте Германии мы имеем лишь более «чистую культуру» того строя, к какому идет буржуазное хозяйство вообще и к какому

пришло бы, поскольку социализм не восторжествует до полного его развертывания.

Организация и методы буржуазной диктатуры военной Германии — это картина не прошлого, а существующих и в настоящее время тенденций буржуазного хозяйства. Централизованный плановый капитализм вместо «стихийно-анархического» — вот суть этих тенденций.

Печать войны лежит, конечно, на той конкретной исторической картине развертывания государственного капитализма, какую дала Германия в 1914—1918 гг. Война, в частности, усилила элемент «лисьего хвоста» в манере обращения правящих верхов с рабочими массами. В полном ходу была маскировка социально-экономического укрепления буржуазной диктатуры «демократическими» манерами и показным демонстрированием якобы существовавшего «внеклассового» бесстрастия государственной власти. Вносила война самым фактом своим некоторые особые черты и в материальное содержание проводившихся мер. Но сущность их и право на исторический интерес определяются не этими особенностями военного времени, а самой системой государственного капитализма, которая в то время наглядно откристаллизовались из бывших уже в наличии и до войны тенденций буржуазного строя (сохранившихся и после войны).

Чтобы бороться с буржуазным строем, надо ясно представлять не только состояние его в данный переходящий исторический момент, но и направление его развития. Этому последнему и служит настоящая книга. Конечно, установление некоторых внутренних тенденций капитализма отнюдь не означает предсказания, что эти тенденции обязательно победят в истории. Наоборот, мы надеемся, что социалистическая революция в решающих странах опередит во времени организацию там «планового капитализма». Но чем больше будет грозить капиталистам опасность со стороны пробуждающегося пролетариата, тем скорее будут преодолевать капиталисты внутренние трения между собой, задерживающие оформление тенденции к централизованному плановому капитализму. Такие явления, как международная экономическая конференция 1927 г., являются зародышевым проявлением этих тенденций и на международной арене. Военная опасность 1914—1918 гг. дала толчок к временному преодолению трений внутри капиталистов Германии для перехода их к организации госкапитализма на

время опасности. Так и пролетарская опасность предстоящих годов будет форсировать переход от капитализма распыленного к капитализму централизованному. На место индивидуальных капиталистов и их групп будут все более становиться капиталисты как класс. В этом смысле настоящая книжка рассказывает не только о прошлом, но также и о том будущем, какое объективное (и субъективное) развитие капиталистических интересов стремится приготовить трудящемуся человечеству.

Организация в каком-либо буржуазном государстве системы централизованного планового капитализма равносильна значительному усилению его мощи по отношению к другим странам. Только благодаря введению «планового капитализма» германская буржуазия оказалась в силах развернуть ту энергию сопротивления и нападения, какой «удивлялся мир» в 1914—1918 гг. А увеличение относительной мощи в капиталистических условиях означает и увеличение «воли к войне» за расширение своих эксплуататорских возможностей. В этом смысле тенденция капиталистического строя, выражающая интерес класса капиталистов, к буржуазной диктатуре в форме «государственного капитализма» означает тем самым и тенденцию к новым войнам. И наоборот: тенденция к войне означает форсирование (ускорение) развертывания государственного капитализма на практике из тех тенденций к нему, какие заложены в уже существующих отношениях. Если бы, например, консервативному правительству Англии удалось организовать войну против СССР ряда буржуазных государств, — несомненно, вновь стали бы в этих странах действительностью сегодняшнего дня те проявления государственного капитализма в Германии 1914—1918 гг., какие описаны в настоящей книжке. Разумеется, в жизни осуществление капиталистического плана сопровождалось различными недоделками, недоговоренностями, отклонениями, какие иногда теряются в схематическом изложении. Но основные линии представлены здесь с достаточной полнотой. По соображениям места пришлось лишь исключить главы, посвященные отражению государственного капитализма военного времени на политике социал-демократии, на бытовых отношениях, на культурной жизни и т. д., и ограничиться более узким кругом вопросов.

Настоящая книга состоит из ряда работ, напечатанных в легальной русской печати 1914—1917 гг. Исключены некоторые по-

вторения, длинноты, сделаны кое-где в интересах связности небольшие перестановки из одной статьи в другую, устранены местами по сохранившейся части оригиналов цензурные пропуски и искажения точками отдельных фраз и т. п. Вообще же материал дается без изменений по существу, ибо воспроизводимые здесь толкования, оценки и взгляды автора, как ему представляется, во всем основном достаточно оправданы последующим ходом событий.

В силу подцензурного характера почти всех статей вместо слова «социализм» иногда говорится «конечная цель» и т. п. Цензура бывала то добра, то свирепа (иногда можно было это заранее учесть, зная, есть ли у того или иного журнала соглашение с военным цензором о получении им взяток и т. п.). Потому соответственная терминология не везде одинакова. Все статьи ставили себе целью в то же время дать пропагандистский материал против военным элементам рабочего класса России, раздравшегося в то время борьбой скатывавшихся к буржуазии «оборонцев» с оставшимися верными идеям и задачам рабочего класса революционными марксистами. Этим объясняется между прочим и подбор материала. Невозможность в подцензурной печати вести политическую полемику заставляла подбирать преимущественно факты объективного экономического развития, приводя читателя их сочетанием к мысли о необходимости и неизбежности социалистической революции как к основному выводу из войны и единственному верному средству для предотвращения ее в дальнейшем.

Предисловие к сборнику некоторых из этих статей, изданному в начале 1917 г. в Саратове под названием «Следствия войны» (складом т-ва «Книга»), хорошо выражает непосредственный практический уклон этих работ. Перепечатаваю его в заключение по этому полностью.

... И новая, совсем новая жизнь подымется из руин... Как ни трудно, мы доживем, мы увидим ее своими глазами.

Война не только будит мысль, но и оглушает. Тирания ежедневных впечатлений приковывает к себе, засасывает ум и чувство. Борьба с ней — задача каждого сознательного осведомителя общественного мнения. Место ее оков должна занять в царстве духа и жизни свобода исторического кругозора, основанная на искании широких перспектив. В этом смысле при всей объектив-

ности изложения естественным и страстным стремлением составителя, неизменно двигающим его пером, была мысль о пропечатанном во всех школьных хрестоматиях завете поэта:

Если царство в оковах уснет
И услышат свободы набат, —
Пусть меня тирания клянет:
То мои ополченцы звонят.

Или, как сказал другой из наших славных предшественников:
«Бей в барабан и не бойся, целуй маркитанку смелей!»

Стокгольм, 10 декабря 1916 г.

Всего десять с небольшим лет прошло с тех пор, как написаны эти строки, пропущенные глупой цензурой, поверившей «школьным хрестоматиям». Исполнилась твердая вера. Новая, совсем новая жизнь подымается из руин. Мы дожили, мы видим ее своими глазами. Пусть еще не везде, пусть пока только в СССР. Мы еще поборемся.

Ю. Ларин.

13 июля 1927 г., Москва.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

1. ВОЕННЫЙ ЦЕНТР ГЕРМАНСКОЙ ИНДУСТРИИ ¹⁾

I

Империалистическая война принесла германской промышленности несравненно больше перемен, чем война 1870 г. Тогда Германия не была отрезана от подвоза сырых материалов из-за моря. Тогда от производительного труда было призвано под знамена лишь менее 1 200 тыс. человек. Тогда весь мир, кроме Франции, открыт был для немецкого экспорта. Тогда, словом, после замешательства первых двух месяцев, производительная деятельность пришла в порядок без какого-либо изменения направления и организации, какими она обладала до войны. Теперь, наоборот, изменилось и то и другое — и самые предметы производства и организация управления им. Только путем такой двойной реорганизации, материальной и внутренней, смогла германская индустрия спастись от неизбежного крушения.

Во главе работ по преобразованию германской индустрии стал учрежденный для этого особый «Центральный военно-промышленный совет» — Кригсаусшусс. В нем приняли участие члены Союзного Совета Германской империи, имперский министр внутренних дел, представители банков и уполномоченные обоих центральных союзов германских промышленников, объединяющих «тяжелую» и «легкую» индустрии. Совет этот учрежден был по инициативе крупного промышленника Вальтера Ратенау (стоявшего во главе «Всеобщей компании электричества») и начал работать 9 августа 1914 г. Кроме представителей правительства, высший орган Кригсаусшусса, выбранный в этом заседании, состоял из 24 крупных банковских и индустриальных деятелей (директор «Дейтше Банк» Гвинер, дир. «Дрезденер Банк» Мюллер, дир. «Дисконто Гезельшафт» Урбиг, дир. «Миттельдейтш Кредитбанк» Вебер, представитель фирмы Блейхредера Бляшке, затем Борзиг, Сименс и другие индустриальные магнаты). В Кригсаусшуссе сходились нити от всех важнейших банковых ин-

¹⁾ Напечатано в апреле 1915 г. в «Вестнике Европы».

ституты страны и от 90 % индустрии. Заместитель канцлера Дельбрюк назначил туда своим комиссаром одного из директоров своего ведомства (Дельбрюк состоял также имперским министром внутренних дел). Прочие министры, имперские, прусские, саксонские, вюртембергские и др., рассылали циркуляры всем властям всячески поддерживать «заслуживающие благодарности стремления» Кригсауспусса. Оба центральных индустриальных союза закрыли свою газету в пользу «Миттейлунген» Военно-промышленного совета, первый номер которых вышел уже 14 августа 1914 г.

Задачи новой организации следующим образом очерчены были в первом же ее «воззвании к германской индустрии», подписанном 8 августа. «Необходимо, насколько возможно, поддержать хозяйственную работу, рациональнейшим образом собрать и организовать имеющиеся для этого в распоряжении силы, чтобы прежде всего избегнуто было раздробление и расточение средств напей хозяйственной мощи. Сплочение всех духовных и материальных средств, какие объединяет в себе промышленность, под единым руководством опытейших руководителей немецкого труда, в общении с имперским правительством и с германским финансовым капиталом, — вот большая задача, которую мы должны решить. Дело идет о плабомерной совместной деятельности уже существующих индустриальных организаций для полного разделения труда, для целесообразного применения наличных национальных хозяйственных сил — не только для военных надобностей, но и ради обеспечения внутренних потребностей страны во все продолжение войны».

Поставить под «единое руководство испытанных вождей» всю промышленную жизнь 70-миллионной страны — такова была грандиозная цель, провозглашенная приведенным воззванием. Германская индустрия потеряла, правда, две трети своего экспорта. Она сумела заменить это переходом к изготовлению предметов, доставлявшихся из-за границы или производившихся дома, но понадобившихся теперь в большем количестве по причине войны. Германская индустрия лишилась подвоза значительной части сырых материалов. Она справилась с этим — созданием суррогатов, широким использованием технической изобретательности.

До войны предсказывали, что с каждым ее месяцем будет все расширяться круг банкротящихся германских фирм, все сокращаться будут торгово-промышленные обороты страны, все расти — безработица. Общее крушение должно было начаться с фабрик предметов экспорта и роскоши, продолжаться банками, как связанными с ними, и постигнуть, в конце концов, и счастливых, работающих на внутренний рынок, ибо покупательная сила внутреннего рынка должна была быть совершенно подорвана все растущей массовой безработицей. К тому же население должно было лишиться многого, что получалось из-за границы.

Вероятно, все это так и осуществилось бы, если бы каждая хозяйственная единица осталась предоставленной самой себе, если

бы в хозяйственной жизни страны попрежнему господствовала частная конкуренция: одни были бы завалены военными заказами и не могли бы выполнить их в срок, другие банкротились бы, и покупательная сила рынка все более сходила бы на-нет. В действительности получилась следующая картина. Выручка от грузового движения по железным дорогам (тарифы не увеличивались) составила в августе н. ст. 1914 г. (первый месяц войны) всего 41,2% выручки за тот же месяц предшествовавшего года. Далее, если засчитать и мобилизованных, и безработных (по августовскому уровню), ко второй половине августа 1914 г. германская промышленность занимала лишь 52% того количества рабочих рук, какое она применяла до войны. На рабочем рынке, по итоговым данным посреднических учреждений по указанию труда, на каждое замещавшееся место приходилось свыше чем по десяти желающих получить занятие. Таким образом первый месяц как бы оправдывал пессимистические ожидания. Но к концу его начало уже сказываться влияние деятельности Критсаусшусса и целого ряда вызванных по его мысли к жизни подсобных организаций, о которых речь ниже.

Были приняты меры, позволившие производить на шелковых фабриках перевязочные материалы, на бархатных — материю для палаток, на зонтичных — непромокаемые ткани, на велосипедных — кровати, на фабриках швейных машин — шпальнель, на фабриках фотографических аппаратов — осветительные принадлежности и карманные лампы (сводка «Крейццейтунг» от 1 декабря 1914 г.). Фабрики шляп изготовляют войлочные одеяла, химические — санитарно-фармацевтические препараты и препараты для удобрения (вместо привозившегося из Чили), пианинные — гильзы для патронов, стеклянные — вместо бутылок для пива и вина на экспорт — медицинские склянки и т. п. (сводка Кунова в «Нейе Цейт» от 24 января 1915 г.). Рекорд побили крупные типографии и бумажные фабрики, которые по недостатку чисто типографской работы изготовляют теперь и бокалы для питья, и теплые одеяла, и жилетки, и вату — все из бумаги. Уже из приведенных примеров, число коих легко весьма значительно увеличить, можно видеть, что переход от одной фабрикации к другой требовал значительных технических перемен вообще и уменьшения и желания рабочих приспособиться к новым требованиям производства в частности. Возможность технических перемен облегчена была политикой Критсаусшусса и подсобных ему организаций, проводивших распределение заказов по предприятиям в соответствии с наименее трудным для данного предприятия направлением технического приспособления и облегчивших его соответственным направлением средств кредитных институтов. Полное уравнивание всех предприятий в условиях снабжения рабочими силами и сырьем материалами, равномерное и централизованное распределение заказов и вообще сбыта не только на казну, но и экспортного и на внутренний рынок, — все это вновь позволило от-

крыться закрывшимся-было фабрикам и вернуться к станкам потерявшим-было занятие рабочим.

В итоге доходы от перевозок по железным дорогам по сравнению каждый раз с тем же месяцем предшествовавшего года составили в августе 1914 г. только 41,2%, в сентябре уже 68,7%, в октябре — 79,6% в ноябре — 81,4%, в декабре — 95,9%, в январе 1915 г. — 92,2%. При этом надо еще заметить, что в августе весьма заметную долю составляют перевозки военных грузов, а затем, постепенно понижаясь, доля их доходит в январе всего лишь до 6,4%. За вычетом этого выручка от грузового движения составляет, следовательно, уже шесть седьмых нормальной величины — заслуживающие внимания результаты для страны, ведущей войну на три фронта. Выручка от пассажирского движения, составлявшая еще в сентябре лишь 49,6% нормальной, в январе дошла также до 84,6%.

Подобным образом развивалось положение и на рынке рабочих рук. По сводке данных посреднических учреждений для всей Германии (№ 2 «Рейхсарbeitsblatt» за 1915 г.) количество мест относилось к числу домогавшихся их лиц в августе 1914 г., как 1:10, в октябре уже — 1:4, в декабре — 1:3 и в феврале 1915 г. даже только — 1:2. Среди членов профессиональных союзов процент безработных понизился с 22% в начале сентября 1914 г. до 6,6% на 30 января 1915 г. На две трети, впрочем, безработица уменьшилась просто потому, что за время с начала сентября по 30 января в Германии призвана на военную службу еще ровно треть того количества людей, какое призвано было за первый месяц войны по начало сентября 1914 г. Это как раз поглотило $\frac{2}{3}$ уменьшения количества безработных (подробные подсчеты в № 9 за 1915 г. «Корреспондентблатта» — центрального органа германских «свободных» профессиональных союзов), и лишь оставшая треть приходится на действительное улучшение положения от расширения хозяйственной деятельности. Но надлежит удивляться, конечно, не большим сравнительно размерам увеличения абсолютного количества занятых лиц, а тому, что не происходило дальнейшего и быстрого его уменьшения. В этом и сказываются результаты перевода германской индустрии на новые рельсы — на рельсы централизованного, планомерного и согласованного руководства производством.

Направленная к этому деятельность Кригсаусшусса и подсобных организаций распадается на семь главных отраслей: 1) обеспечение промышленности сырыми материалами, 2) обеспечение рабочими руками, 3) регулирование поставок на казну, 4) внутреннего сбыта, 5) экспорта, 6) транспорта и 7) удовлетворение потребности в кредите. Обслуживались еще вопросы правовые, по интернациональной агитации и т. п., но это имеет уже второстепенное значение. Ниже сопоставлены сжато данные из первых семи областей.

II

Одной из первенствующих задач в деятельности Критсауссуса была забота о наличности и распределении материалов для производства. Застой в подвозе одних сырых материалов и секвестр других военным ведомством (например меди) создает чем дальше, тем большие затруднения германской индустрии. Значительная ее часть была построена в расчете на непрерывное общение с мировым рынком.

Теперь у Германии сохранилось непрерывное сообщение лишь с рядом европейских государств (Австро-Венгрия, Швейцария, Голландия, Дания, Швеция и др.), поглотивших в 1913 г., правда, целых 41,2% ее экспорта, но доставивших ей только 25,4% ее ввоза. В 1913 г. Германия ввезла на 607 млн. мар. хлопчатой бумаги, на 413 млн. сырой и на 61 млн. чесаной шерсти, на 335 млн. сырой меди, на 322 млн. необделанной кожи, на 275 млн. угля, на 227 млн. железной руды, на 355 млн. всевозможных шкур и мехов (козьих, бараньих, телячьих и т. д.), на 172 млн. чилийской селитры, на 122 млн. копры, на 47 млн. кальция, на 158 млн. некрашенного шелка-сырца, на 147 млн. резины, на 237 млн. леса, на 135 млн. необработанных табачных листьев, на 116 млн. хлопчатобумажной и на 108 млн. шерстяной пряжи, на 70 млн. керосина и на 46 млн. других минеральных масел, на 60 млн. кишек и т. п., на 58 млн. цинка и на 57 млн. льна. Не считая угля, железной руды и леса (все это частью может быть произведено дома, частью — получено из Швеции), оказывается, на 3 400 млн. мар. в год получала Германия сырых материалов для своего производства из-за границы (по «Ежегоднику Герм. имп.» за 1914 г.), и притом главным образом из воюющих с нею стран или из-за океана.

Подобно Робинзону на необитаемом острове, осталась Германия предоставленной самой себе в границах своей страны. Заботливо осматривает она у себя всякую мелочь, все стараясь приспособить для надобностей своего производства, из всякого предмета извлечь пользу, прежний отброс превратить в сырой материал для нового производства, создать замену привычным материалам при изготовлении новых продуктов того же назначения и такой же пригодности. И техника творит чудеса. Теперь сказалось в полной мере значение громадного количества химиков, образованных инженеров и ученых, как и давно гордится Германия. Вновь и вновь наблюдая удачное замещение образующихся или намечающихся пробелов техническими усовершенствованиями, рядовой немец начинает испытывать такую уверенность в силе своей науки, что генерал Фалькенгейм заявил в одном интервью: «Если не будет для пороха селитры — наши ученые приготавливают ее из песков Бранденбурга». Селитры действительно нехватало, но ученые оказались еще хитрее, чем думал генерал: они стали ловить азот прямо из воздуха и таким — несколько дорогим, что не имеет во время войны обычно

значения — способом освободили Германию от иностранной зависимости при фабрикации взрывчатых веществ.

Чрезвычайное развитие электротехнической индустрии в Германии вызывает потребность в большом количестве меди. Телеграфы, телефоны, провода электрического освещения, трамваев и т. д. в свою очередь требуют ее в большом количестве. Между тем военные надобности требуют еще более громадных количеств меди. Медные части машин постоянно стоящих под парами боевых судов, исполняющих сверхнормальную работу, оси железнодорожных вагонов и т. п. соперничают если не в быстроте изнашивания, то в расходуемых массах с кольцами на оболочках гранат, с патронными гильзами, с некоторыми принадлежностями мин и т. п. По расчету военных властей всех свободных запасов меди не в деле (и в виде непроданной проволоки и т. п.) было в Германии в январе 1915 г. столько, что хватило бы еще на два года войны при исключительном обращении на военные цели (статья Люкса в № 4 «Соц. Monatshefte» за 1915 г.). Потому вся эта медь, у кого бы она ни находилась, секвестрована государством в том же январе и употребляется только на военные и железнодорожные надобности.

Электрическая промышленность осталась без меди. Между тем ей пред'являются теперь особо крупные требования: недостаток керосина Германия заменяет необычайным развитием электрического освещения. В совершенно исключительном объеме вводится оно теперь и в сельских местностях. И вот германским техникам благодаря новой системе изоляции удалось заменить медь для проволок мягким никелированным железом, которого можно иметь в Германии сколько угодно. При этом устранена была от роли изолятора резина, ибо и ее подвоз прекратился.

Подобные же вопросы пришлось решать технике в применении к бензину и резине. Оба предмета потребляются главным образом автомобилями, отчасти велосипедами и т. д. Бензин легко заменен был спиртом. Но спирт притотовлялся главным образом из картофеля, а картофель нужен теперь для людей, потому производство спирта было даже ограничено на 40% (постановление Союзного Совета), а в отдельных частях Германии даже почти на 70% (например в Вестфалии). Когда выяснилось положение, проведены были некоторые подготовительные меры, и с февраля 1915 г. производство спирта вновь предписано увеличить до 100%, но с тем, чтобы он выкуривался из сахара. А запасов сахара в Германии имеется на два года вперед, ибо она всегда вывозила половину за границу. Ввиду такого применения сахара, правительство предписало теперь сократить посевы свеклы на будущий год не до 50%, как предполагалось (сахар теперь не вывозится, так что и незачем производить на экспорт), — экономленную площадь предпологалось занять пшеницей, — а только до 75%, всего на четверть.

Что касается машинных и других технических масел, то проектируется между прочим усиленное культивирование растения, дающего рициновое масло (*olium ricini* — касторка). Как по-

казали опыты, почвенные и климатические условия Германии вполне подходят для его произрастания. Широкие круги знают «касторку» лишь как медицинское средство. Между тем она с успехом служит приготовлению масляных препаратов для текстильной и кожевенной индустрии, равно для производства мыла. Найден способ химическим путем получать из рицинового масла твердые жиры. В этой форме оно совершенно лишено запаха и идет на изготовление свечей, мыла и т. п. На ближайшие месяцы запасов еще достаточно, а ко времени их истощения рассчитывают покрыть недостачу разведением рицинового семени и т. п.

Хуже обстоит дело с резиной. В лабораториях задача искусственного приготовления резины, правда, решена, но вследствие дороговизны и трудности процесса нет и речи о покрытии потребности в ней уже теперь таким путем. Резина применяется главным образом для изготовления эластичных ободков на колесах автомобилей и велосипедов, для фабрикации газо- и водоподающих рукавов, для производства изолирующих оболочек проводящей электрический ток проволоки, для изготовления гребешков, пальто, хирургических инструментов и т. п. Немцы поступили следующим образом. Для изолирующих оболочек, гребешков, пальто и ряда других предметов резина уже вовсе не применяется и заменена туземными материалами. Все ее запасы резервированы для надобностей военных автомобилей, шины которых быстро изнашиваются, и для грузового движения в городах и т. п. Запрещено с 15 марта 1915 г. употребление автомобилей, служивших лишь удобству или роскоши. По сообщению «Норддейтше Алльгемайне Цейтунг» от 26 февраля 1915 г., это сокращает количество находившихся в конце февраля в движении автомобилей наполовину. Что будет, когда нехватит резины и для другой половины? В собрании союза германских инженеров Эхельгейзер указал как на выход на опыты по созданию столь эластичной стали, которая могла бы заменить резину для ободов; несколько патентов уже взято, и работа в этом направлении продолжается¹⁾.

В списке ввозимых в Германию сырых материалов довольно видную роль играют кишки — без них немислимо производство колбасы, а колбаса — привычный и необходимый предмет питания германского обывателя. После почти полного прекращения ввоза кишек цена на них стала быстро расти, и на колбасном рынке поднялась тревога. Тогда приготовлена была для обертывания колбасы бумага разных сортов, с успехом заменившая кишки для всякого рода колбасных изделий, кроме только особо любимых в Германии коротких толстеньких «винер вурстхен». Производство последних должно поэтому прекратиться (для них годится только одна специальная короткая кишка из бараньего желудка).

¹⁾ Позже замена на автомобильных колесах резины эластичной сталью была осуществлена в Германии во время войны в довольно широких размерах и практически.

Особенно крупную роль сыграла бумага при замене шерсти. Шерсти ввозилось, как приведено выше, более чем на 400 млн. мар. в год. Здесь техника сделала прямо чудеса, и производство многих введенных теперь бумажных предметов, по многим отзывам, останется и после войны, — настолько удобны они, практичны и дешевы. Жилетки, одеяла, теплые чулки, полотенца, туфли, скатерти, дорожки и т. д. — все вполне удовлетворяет своему назначению, имеет приличный вид, отличается прочностью и стоит дешево; зимняя мужская куртка из бумаги, например, в приличном исполнении — 6 мар. 50 пфенн. Речь идет не о хлопчатой бумаге, а о самой обыкновенной, — например, одеяла приготавливаются просто из старой газетной бумаги. Иногда шерсть заменяется и каким-нибудь другим материалом — например, матрацы набиваются древесными опилками, старательно размельченными, — но бумага решительно доминирует. Правительство распорядилось, чтобы из лесов отпускали на продажу (для построек, переработки бумаги и т. д.) не только то количество, какое отпускается обычно согласно принципам правильного лесного хозяйства, но просто сколько потребуется. Распределение же тех запасов шерсти и шерстяных отходов, какие привозятся из завоеванных районов, поручено для всей Германии лейпцигскому «Союзу шерстяной торговли».

Переработке в качестве сырых материалов подвергаются теперь, далее, всевозможные отбросы и отслужившие предметы, на которые раньше не обращалось внимания. Примером может служить применение кухонных отбросов для кормления молочных коров (в одном Берлине 22 тыс. коров питаются этими отбросами). Крупное значение имеют и запасы сырых материалов, привезенные из Франции. Как известно, германские войска занимают как раз наиболее промышленный район этой страны. По сообщению официального агентства Вольфа, из Лилля, Рубе и других центров французской индустрии вывезено в Германию на сумму около миллиарда франков шерсти, хлопчатой бумаги, шкур, жировых препаратов и т. п. В Западной Германии устроено три складочных места этих запасов для планомерного распределения по немецким предприятиям. Если принять во внимание обычную годовую ценность ввоза в Германию сырых материалов, то одна эта добыча покрывает потребность нескольких месяцев. Главное, впрочем, не в этом увеличении запасов, а в систематическом стремлении заменить ввозившиеся сырые материалы туземными произведениями.

Стремление это нашло до некоторой степени отголосок и в земледелии. Помимо замены чилийского удобрения препаратами кальция, можно указать, например, на изготовление «сахарных шницелей» и «соломенной муки». Первыми кормят коров, последнюю — свиней. Как известно, в Германию ввозилось большое количество корма для животных. Теперешний недостаток его владельцы пытались заменить скормливанием зернового хлеба и картофеля. После секвестра хлеба государством (с 1 февраля 1915 г.)

и выяснившейся необходимости сохранить картофель для населения, а из скота в первую очередь сохранить лошадей и коров, — предстояло уничтожить свиноводство, теперь очень выгодное благодаря ценам на мясо. Желая сохранить его хотя бы отчасти, сельские хозяева принимают теперь перемалывать в муку обыкновенную солому, и оказывается, в таком виде этот корм довольно пригоден для свиней. Были сделаны даже попытки, правда, неудачные, убедить в пригодности его и для людей.

Уже из описания того, как бьется германская техника над замещением истощающихся сырых материалов, понятно, какую важность имеет теперь общий их учет и правильное распределение по отдельным отраслям индустрии и между отдельными предприятиями. Первому служит январский (1915 г.) закон (постановление Союзного Совета) о периодическом сборе сведений относительно имеющихся в стране запасов сырых материалов, предметов массового потребления и питательных средств; второе осуществляется Кригсаушсуссом и подсобными ему организациями.

На собрании Среднерейнского союза фабрикантов во Франкфурте 17 декабря 1914 г. докладывавший о внутренней реорганизации германской индустрии д-р Швейтгоффер сообщил: «Цель путем планомерного регулирования снабжения материалами создать соответствие между спросом и предложением — с самого начала была одним из главных стремлений Кригсаушсусса, который находился для этого в постоянном взаимодействии с заинтересованными кругами и соответственными агентами правительства. Во многих случаях, ввиду ограниченности запасов сырых материалов, были основаны «военные общества сырых материалов», большей частью в форме бездивидендных акционерных обществ, главной целью которых является создание, распределение и обращение к применению отдельных родов сырых материалов».

На упомянутые здесь «военные общества» и легла значительная часть технической и организационной работы по приспособлению немецкой промышленности к новым условиям. В каждой отрасли ее этот распределительный центр составлялся из соединения в соответственное общество всех сколько-нибудь заметных предприятий данной индустрии. Отдельные предприятия отказывались тем самым от права самим прискивать себе сырые материалы. Вся наличность материалов в стране для данной индустрии поступала в единое распоряжение соответственного распределительного центра. Он раздавал их на равных для всех условиях и с учетом равномерности использования производительных возможностей каждого предприятия. Как увидим, это централизованное регулирование заготовки материалов дополнялось таким же централизованным распределением заказов для данной индустрии,

к какому бы из ее представителей заказы ни обращались, и планомерным регулированием сбыта вообще¹).

Еще нет полной сводки данных о деятельности Кругсаушпюсса. Но в его «Миттейлунген» есть сообщение о деятельности уже 17 центров указанного типа (сырые материалы): кожевенный, льняной, жировой, резиновый, химический, по шкурам и меху, металлический, шерстяной, хлопчатобумажный, табачный, ниточный, прядильный и т. д. Если вспомнить, что медь выпала из торгового оборота, а уголь почти целиком находился в одних руках и до войны (рейнс-вестфальский синдикат), и сравнить приведенный список со списком главнейших привозимых в Германию сырых материалов, то обнаружится почти полное совпадение. Надо добавить, что действительная планомерность и урегулирование снабжения германской промышленности сырыми материалами еще больше, ибо наряду с деятельностью Кругсаушпюсса для указанных отраслей имели место подобные же правительственные меры для других отраслей. Так, в феврале учреждено было имперское бюро по распределению сахара-сырца. Перед этим другое постановление Союзного Совета объединило в ведении специально созданного общества производство и распределение некоторых картофельных продуктов и крахмала. В силу установленной законом 25 января 1915 г. хлебной монополии регулируется с полным исключением частной конкуренции снабжение мукомольной индустрии. Медь выдается государством отдельным предприятиям только в соответствии с государственными надобностями и т. п. Даже усиленное снабжение земледелия паровыми двигателями (ввиду уменьшения количества сельскохозяйственных рабочих) правительство стремится объединить в соответственных аграрных организациях, иногда само вызывая их к жизни (равно как культивирование болот и пустырей силами русских военнопленных и т. п.).

III

Изменение пропорциональности в соотношении между размерами отдельных индустрий, неизбежно связанное с войной и с описанной выше реорганизацией, вызывает передвижение рабочих из одних ее отраслей в другие. К такой же перемене занятия ведут и технические изменения процесса производства в данной индустрии, когда изменяется вдруг материал, из которого она приготовляет свои продукты, как мы видели это на ряде примеров. Отсюда вытекает необходимость для рабочего быстро уметь овладеть новым материалом, новыми приемами работы. Не со всяким человеческим материалом

¹ Эта организация, дополненная и осложненная некоторыми существенными моментами, послужила для меня примером при создании советских промышленных «главков» и «центров» с конца 1917 г. Примечание 1926 г.

можно проделать так быстро то преобразование, какому подвергла себя германская промышленность.

Интеллигентный рабочий, способный разобраться в новом деле, не в малой степени создан наличностью в Германии всевозможных обширных рабочих организаций. Это значение их подчеркивается теперь и лицами, не принадлежащими к кругам деятелей рабочего движения. В восточной Германии, с ее более отсталыми отношениями и менее развитым профессиональным и политическим рабочим движением, процесс реорганизации промышленности оказался поэтому значительно затрудненным. Секретарь союза восточно-германских промышленников д-р Ион пишет в органе этого союза, что многие предприятия должны были сократить производство или остановиться именно по причине невозможности новой постановки дела с наличными у них рабочими. Д-р Ион жалуется по этому поводу, что восточно-германская индустрия принуждена обходиться менее ценным людским материалом, чем Центр, Север, Запад и Юг, но забывает прибавить о причинах этого. «Социалисты — лучшие солдаты, у них сознательней дисциплина и больше инициативы», — отозвался один немецкий генерал. То же оказывается и в чисто производственной сфере: чем больше рабочий привык к самостоятельности, к организации, тем больше может положиться на него и сама индустрия.

Рихард Фрейнд, председатель примыкающего к имперскому ведомству внутренних дел союза учреждений по указанию труда, писал в № 357 «Франкфурктер Цейтунг» за 1914 г.: «Крупные предприятия, у которых мобилизация отняла много рабочих сил разных категорий, принуждены были предпринять их перегрушку, которая поистине была нелегка и которая стала возможна только благодаря энергии и умению приноровиться к месту германского пролетариата. Пекари и горшечники стали формовщиками, сверлильщики по дереву — сверлильщиками по металлу, портфельщики, сапожники и переплетчики преобразовались в седельщиков, столяры приноровились к плотничным работам, инженеры стали мастерами и старшими рабочими в металлической промышленности, торговцы, трамвайщики и печатники определились на почту. Стремление рабочего переучиться нашло себе поддержку в разнообразных учреждениях. Были учреждены особые курсы для пожелающих обслуживать сельскохозяйственные паровые машины кочегаров и машинистов из индустрий, в Оффенбахе союз кожевенных рабочих организовал особые учебные мастерские для превращения портфельщиков в седельщиков и т. д. и т. д.».

Все эти переучивания и превращения происходили в обстановке величайшей циркуляции рабочих, созданной реорганизацией индустрии и изменениями в соотношении ее отраслей, и в обстановке большой безработицы, разившейся в первый месяц по объявлении войны. Это потребовало немедленного регулирования рынка труда, чтобы избежать полного хаоса, чтобы не по-

терять из виду специалистов по всем отраслям, чтобы не стояли по отсутствию квалифицированных рабочих фабрики и заводы в то самое время, когда эти рабочие где-нибудь в другом месте не в силах отыскать себе подходящее занятие. В предварительном отчете Критсаусшусс (в № 6 своего органа) пишет, что с первого же дня он осаждался требованиями немедленного урегулирования этого дела и сейчас же приступил к переговорам с союзом германских обществ работодателей, с представителями имперского и прусского правительств и с союзом учреждений по указанию труда. В итоге состоялось постановление Союзного Совета об учреждении «имперского центра учреждений по указанию труда», и изданы циркуляры министра торговли и промышленности от 15 и 16 августа 1914 г. об объединении деятельности всех бирж труда на местах.

Тысячи всевозможных мелких и средних, конкурирующих между собой и иногда взаимно враждебных учреждений по указанию спроса и предложению труда были связаны таким образом в единую сеть. О предшествовавшем состоянии анархии можно судить по тому, что в одном, например, Берлине, не считая предместий, было свыше 400 (не 40, а 400) независимых друг от друга, да же не обменивающихся сведениями, не объединенных в высшем органе и потому в значительной мере бесполезных местных «бирж труда», вернее — «бюро по бесплатному указанию работы». Нечего уж и говорить, что эти бюро руководствовались совершенно различными принципами в своей деятельности, превращаясь нередко в учреждения, форменным образом способствующие ухудшению условий труда. А несвязанность одного района с другим совершенно исключала возможность планомерного передвижения рабочих масс из одних частей страны в другие, из одних отраслей индустрии в другие, к чему открылась довольно широко использованная возможность после учреждения указанного центра и централизации им сведений местных бюро. Опыт показался настолько заслуживающим внимания, что даже прусский ландтаг, вообще весьма мало расположенный к социальным реформам, высказался в феврале 1915 г. за сохранение такой организации рынка труда также для мирного времени.

Дабы рабочие не обходили эту организацию, с одной стороны, и дабы поставить всех предпринимателей в равные условия по обеспечению рабочей силой, — в основу деятельности Центрального имперского бюро по указанию труда был положен принцип соблюдения тарифных договоров об условиях труда, заключенных организациями рабочих с союзами хозяев еще до войны. Больше того: когда это бюро обратилось к профессиональным союзам индустриальных рабочих с предложением отправить своих безработных членов в помещичьи экономии для уборки урожая и когда рабочие организации в ответ потребовали, чтобы был раньше отменен знаменитый прусский «закон о челяди», лишающий сельскохозяйственных батраков в Пруссии многих прав, к которым при-

выкли городские рабочие, вплоть до права коалиций, то постановлением правительства приостановлено было на время действие пресловутого «закона о челяди», которого не могли раньше пошатнуть целые десятилетия. При реорганизации индустрии рабочий оказался слишком важным условием успеха, чтобы можно было вовсе не считаться с его интересами и требованиями.

Дать некоторое представление о размерах произведенной работы по урегулированию рынка труда могут следующие цифры. После завершения первого периода мобилизации к началу сентября 1914 г. осталось около 13 млн. наемных рабочих и работниц. Из них в это время без работы было около 3 400 тыс. человек. По данным же к 1 февраля 1915 г., безработных оставалось всего менее 800 тыс. человек на все государство, причем дополнительно было мобилизовано за эти 5 месяцев из рабочих рядов еще миллион с третью человек; остальные же миллион с четвертью были поставлены за это время на работу. Действительная циркуляция рабочих была, впрочем, еще больше, так как немало из тех, кто был занят и в начале сентября и к 1 февраля, успели перемениться за это время местами, что не отражается на итоговых цифрах безработицы, но создает много добавочного труда при руководстве рынком спроса и предложением работы. Можно наметить здесь три периода.

Первый период — это время общего беспокойства, застоя, повальной приостановки предприятий, выбитых из колеи войной и потерей экспорта; это время массовой безработицы, избытка рабочих рук на рынке. За этим последовало полугодие второго периода — время удачного приспособления промышленности к военной обстановке 1) путем создания руководства ею из единого центра и 2) путем внутренней перегруппировки на основе неисточенных еще в общем запасов сырых материалов и вполне достаточной наличности рабочих рук. В марте 1915 г. начинается намечаться уже третий период — период, когда чувствуется стесненность в рабочих силах, особенно во время полевых работ. Этот период будет стоять под знаком «растягивания запасов» в области рабочей силы, подобно тому как это происходит уже с хлебом и овсом. Правительство обещает принять меры, чтобы к полевым работам быть в состоянии дать отпуск из казарм максимальному числу обучающихся рекрут. Но в общем, вероятно, придется, при достаточно долгой продолжительности войны, просто приостановить или серьезно сократить менее необходимые производства и сосредоточить людей и средства в том, без чего нельзя обойтись. Начало уже положено предписанным Союзным Советом в конце февраля 1915 г. сокращением пивоваренного производства на 40% (в розничной продаже это вызвало повышение на один феннинг за бокал — обычную берлинскую кружку). Наличность Критсаусшусса с подсобными организациями — залог того, что все сокращения и растягивания «третьего периода», если они окажутся действительно необходимыми, будут про-

исходить организованно и планомерно, без внесения полного расстройств и общего банкротства в хозяйственную жизнь страны в целом.

Из деятельности Кригсауссуса на поприще обеспечения предприятий личными силами надо отметить еще один пункт. Центр германских промышленников взял на себя хлопоты перед правительством об освобождении от военной службы тех фабрикантов и директоров фабрик, организаторские таланты и познания которых необходимы для продолжения деятельности соответственных предприятий. В своем органе от 5 сентября 1914 г. Кригсауссус сообщает, что он добился возвращения из военной службы уже 2 400 лиц, «облеченных ответственным и руководящим положением в разных отраслях индустрии» (стр. 55). Проще говоря, магнаты германской промышленности, когда доходит до них очередь стать под знамена, умеют найти способ остаться дома, да еще по самым патриотическим побуждениям. И в последующих номерах попадаются подобные же сообщения; но, к сожалению, уже без цифровых данных.

Что касается рабочих и простых смертных, то здесь Кригсауссус условился с военным начальством об одной мере: чтобы сначала принимались в расчет все добровольцы и чтобы на равное количество призывалось меньше запасных и ополченцев. Вначале это имело больше значения, так как были призваны далеко не все разряды, и записались в добровольцы многие, подлежавшие призыву лишь позже или даже вовсе не подлежавшие. Общее число их достигло грандиозной цифры в два миллиона человек (в том числе 90 тыс. от Эльзаса, т. е. выше среднего %). С дополнительными призывами экономия от зачета добровольцев крайне понижалась.

IV

Рядом с регулированием обеспечения предприятий сырыми материалами и рабочими руками шло регулирование сбыта, с которым были согласованы и первые две стороны деятельности Кригсауссуса. Здесь приходится различать три рода отраслей промышленности: 1) имеющие отношение к обслуживанию созданных войной потребностей, 2) продолжавшие работать на экспорт и 3) занятые удовлетворением спроса обычного внутреннего рынка. Поскольку какая-либо отрасль индустрии сразу входила в два из этих разрядов, она входила либо в две организационные сети, как металлическая, или объединяла обе функции в одной организации, как табачная.

Непосредственное руководящее участие Кригсауссуса больше всего сказалось в области военной и экспортной индустрии. Под «военной» следует понимать, разумеется, не только производство ружей и пушек, но всего, что имеет отношение к созданным войною потребностям. Сюда относится производство платья, верхней одежды и палаток для войск, всевозможных кожаных изделий,

теплого белья, картонных и всяких коробок для упаковки подарков солдатам, папирос для них же, санитарных принадлежностей, походной посуды и т. д. Какое развитие получили посылки в действующую армию, видно из того, например, что за одну пред рождественскую неделю 1914 г. было отправлено туда из Германии 8½ млн. посылок (не считая вкладываемого в обычные письма большого веса). По подсчетам немецких журналов численность всех членов семей рабочих, занятых в предприятиях, непосредственно обслуживающих потребности войны, превышает семь миллионов человек, а сумма всех сделанных по случаю войны правительством заказов приближается уже к годовой стоимости всего германского экспорта.

Как сообщает Кригсаушсусс в одном из своих отчетов, между ним и правительством состоялось такое соглашение относительно всех заказов на военные надобности. Создаются распределительные инстанции в каждой индустрии, и правительство обращается со своими заказами впредь не к отдельным предприятиям, а к этим бюро. Последние следят за тем, чтобы одни фирмы не были переобременены заказами, когда другим нечего делать, и т. п. Во многих случаях заказ распределяется так, что каждому предприятию достаются лишь отдельные операции производственного процесса. Например, все табачные фабрики Германии объединены в одну «Централь». Эта «Централь» разделила всю Германию на семь районов и так правильно регламентирует производство каждого отдельного предприятия и всей индустрии в целом, что вся табачная промышленность может быть теперь рассматриваема как одно хозяйство. В таком виде она совершенно «созрела» для государственной монополии, если бы создались для этого общественные условия.

Что касается экспортных индустрий, то (по сводке «Миттейлунген» от 6 февраля 1915 г.) при содействии Кригсаушсусса были учреждены до тех пор 11 регулирующих центров: химический, для железа и стали, кожевенный, резиновый, меховой, машиностроительный, оптический, шерстяных товаров, сахарный и др. Все это — центры обработки важнейшей промышленности, а не заготовки сырых материалов, как 17 центров, упоминавшихся в § 2. Продукты одних этих 11 отраслей промышленности обнимают 38,3% всего германского экспорта 1913 г. Вывоз же некоторых других регулировался могущественными синдикатами и до войны, например угля и кокса (7% всего экспорта в 1913 г.). Война дала таким образом громадный толчок сплочению германской индустрии, внесению единства в управление ею, лучшей организации внутри нее — и тем самым увеличила ее боеспособность и в мирной конкуренции между индустриями разных стран после войны.

Впрочем, и сейчас было бы ошибочно считать германскую промышленность несуществующей на внешнем рынке. Выше уже указано, что в одни только европейские страны, не состоящие с нею сейчас в войне, Германия отправляла обычно до войны свыше 40%

своего экспорта. Спрос этих стран на немецкие произведения после общего сокращения первых месяцев войны постепенно даже возрастает, ввиду затрудненности получения товаров из Англии.

Вместе с тем не прекратилась и заокеанская торговля¹⁾. Кригсаусшусс вменяет себе в особую заслугу (№ 29 его органа) меры, принимаемые им для создания технической возможности вывоза из Германии товаров в Северную и Южную Америку. О путях этого вывоза он публикует в следующих выражениях: «Относящиеся сюда сведения сообщаются доверительно заинтересованным фирмам, которые прилагаются поддерживать постоянное общение с органом Кригсаусшусса для внешней торговли». Идея поставить конспиративно заокеанский вывоз такой страны, как Германия, кажется сначала довольно эксцентричной. Однако это впечатление проходит, когда знакомишься с отчетами американских генеральных консулов в Германии о вывозе из их округов в Соединенные штаты за время войны. В «Гандельсцейтунг» мне попались 4 таких отчета по округам лейпцигскому, бреславльскому, дрезденскому и кобургскому. Из всех четырех округов вместе за последние три месяца 1914 г. Германия вывезла в Соединенные штаты до 75 % того количества, какое вывозила за то же время в мирное время. Между тем экспорт только в Соединенные штаты, Бразилию и Аргентину составил в 1913 г. 12 % всего германского вывоза. С присоединением 42 %, какие вывозились в невоюющие против Германии европейские страны, можно считать, что за Германией и во время первого года войны остается половина экспорта, каким она обладала раньше; остальная же половина покрыта в полной мере военными заказами, вся сумма которых остается внутри страны, ибо Германия не заказывает за границей ни пушек, ни сверлильных станков и т. п. Не мудрено, что в итоге германская промышленность, переорганизовавшаяся согласно запросам времени, имеет достаточно занятия; тем более, что покупательная способность внутреннего рынка поддерживается более широко, чем в других государствах, проведенной помощью безработным и семьям мобилизованных. Семья мобилизованного рабочего имела в Берлине в начале 1915 г. около трех четвертей среднего дохода германской рабочей семьи в нормальное время (и содержала одним взрослым человеком менее).

Что касается промышленности, работающей специально на внутренний рынок, то в ней произошло такое же объединение управления целыми индустриями в руках одного центра. По большей части это имело место в форме учреждения так называемых «Арбайтсгемайншафтен». Так были названы своеобразные соглашения между союзами рабочих и союзами хозяев, объединившие (в целях регулирования) в каждой промышленности все организации всевозможных направлений тех и других. Так организованы теперь в Германии: строительная промышленность (в Арбайтсгемайншафт которой входит около 60 тыс. хозяев и около миллиона рабо-

¹⁾ В первый год войны.—Примечание 1926 г.

чих); типографское дело, деревообделочное, производство белья и платья (кроме некоторых конфекционеров), обойное, малярное и т. д. Сущность заключается в том, что рабочие и хозяева соединяют усилия для урегулирования данной индустрии и привлечения к ней заказов. Бюро Арбайтсмайншафта, составленное из равного количества представителей союзов рабочих и союзов предпринимателей, регулирует: 1) передвижение рабочих внутри индустрии и 2) распределение в ней заказов и продукции. Хозяева обязуются признавать и соблюдать тарифные соглашения об условиях труда, не стремясь к ухудшению положения рабочих, а рабочие зато не бастуют. В учреждении «Арбайтсмайншафтен» сказался, без сомнения, помимо их роли в промышленности, высший пункт провозглашенного в Германии на время войны «междуклассового перемирия». Именно поэтому нельзя ждать от этих образований прочности, какая способна была бы пережить условия, создавшие это междуклассовое перемирие («Бургфриден»). По крайней мере А. Винниг, инициатор самого большого из «Арбайтсмайншафтен», строительного (Винниг — секретарь самого большого из союзов строительных рабочих), — пишет, что он не считает возможным сохранение их и на время после войны, как ни интересен сам по себе факт, что предприниматели согласились в известных отношениях отказаться от точки зрения «единого хозяина в доме» и согласились допустить представителей рабочих в равном числе участвовать в регулировании снабжения предприятий заказами и рабочими силами. В последнем отношении любопытен, между прочим, основанный 19 февраля 1915 г. «Военный комитет металлических предприятий Велико-Берлина» (т. е. Берлина с предместьями, что, по данным на 1 января 1915 г., составляет район с 4,1 млн. жителей). Комитет основан, при посредничестве военного министра, с одной стороны, союзом берлинских металлозаводчиков, с другой — девятью профессиональными рабочими союзами разных направлений, члены которых заняты на металлообрабатывающих предприятиях Берлина (металлисты, деревообделочники, кочегары и т. д.). Комитет состоит из трех хозяев и трех рабочих, избранных каждой стороной. Полномочия комитета заключаются в определении того, при каких условиях рабочий имеет право оставить службу, несмотря на несогласие хозяина отпустить его (например, если хозяин не желает прибавить платы и не желает в то же время упустить рабочего, имеющего в виду лучшее место). Без увольнительного свидетельства от этого комитета (или от хозяина) ни один рабочий-мужчина не имеет права перейти в Берлине с одной металлической фабрики на другую. По существу это представляет собою, конечно, чувствительное ограничение свободы передвижения, лишь несколько смягчаемое тем, что окончательное решение предоставлено наполовину представителям самого же рабочего. Создаются отношения, по внешности напоминающие многим регулирование цен, регулирование производства и сбыта, регулирование рабочей силы и т. д., иногда даже

в деталях — старые отношения цехового периода: замкнутый, заранее определенный, предоставленный самому себе рынок приводит к одинаковым формальным последствиям и для отдельного немецкого города XV столетия и для всей Германии XX века. Но в XX веке во главе стоят не цеховые мастера, а возглавляемый своим государством капитал. В иных отраслях, как мукомольная, хлебопекарная, кожевенная и многие другие (большая часть), инициативу и руководство берет на себя государство непосредственно, в других регулирование складывается, так сказать, изнутри — соглашением самих владельцев и организаций под неформальным давлением власти. Но в общем и целом победа принципа централизованного регулирования, раз только хозяйственная жизнь стала перед серьезным испытанием, над принципом частного усмотрения и анархической конкуренции представляется несомненной. Современная Германия дала миру образец централизованного руководства народным хозяйством как единой плано-работающей машиной¹⁾. Ключи от машины находятся в современной Германии в руках Сименса, Борзига, Гвинера, Блейхредера и тому подобных представителей крупнейших банков и крупнейших накоплений индустриального капитала в стране. Кто держит ключи от машины, тот и управляет ею по своему усмотрению; но принципиальный интерес доказательства на опыте громадной страны возможности построения такой единой машины в сложной обстановке современной культурной жизни остается и сохраняет все свое общественно-научное значение.

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ¹⁾

I

Различные изменения в организации хозяйственной жизни Германии привлекают тем больше внимания, чем дольше продолжается война. Чем дольше она продолжается, тем более законченный, стройный вид приобретают эти мероприятия. Вопросы эти тем значительнее, что происходящее в Германии никоим образом не является случайным и исключительным отклонением от обычных тенденций развития, любопытным лишь как редкий курьез. Наоборот, и в других капиталистических странах принимаются теперь сходные меры, стало быть мы имеем дело здесь с интернационально-капиталистическим явлением, надо сказать, только ускоренным войной, но никоим образом ею не созданным. Для каждой принятой теперь

¹⁾ Кригсаусшусс занимался еще много организацией кредита транспорта, но общий тип отношений уже ясен из сказанного, и потому не останавливаться на этом.

²⁾ Напечатано в апреле 1915 г. в «Современнике», а частью в брошюре «Америка и война» и др.

меры можно найти корни и предпосылки в предшествовавшем ходе вещей. И если совокупность этих мер создает все же впечатление начинающегося рождения новой фазы организации капиталистического производства, то тут имеет силу скорее, пожалуй, известное правило о превращении в качественную разницу накопления количественных отличий.

Германия представляет собой сейчас лишь более замкнутый капиталистический район, более предоставленный самому себе, более отгороженный от других капиталистических и некапиталистических районов. Потому и изменения в области производства, кредита, сбыта и распределения зашли здесь дальше, чем в других странах. Но экономическое развитие, поскольку ограничиваться рассмотрением его в рамках буржуазного хозяйства, имеет тенденцию превратить весь мир в единый замкнутый капиталистический район. Именно поэтому опыт Германии имеет значение для суждения о будущем ходе вещей вообще.

Ясно, как день — наблюдаемая ныне хозяйственная реорганизация отнюдь не является «государственным социализмом», о котором говорят иногда по этому поводу различные путаники. Напротив, это лишь высшая стадия, более совершенная форма организации частного присвоения — капиталистическое «обобществление». Война лишь обострила, резче обнажила, ярче выявила намечающиеся процессы, ускорила их проявление (может быть, за счет прочности) по сравнению с темпом развития без нее.

История дает пример государства с подобным образом организованной хозяйственной жизнью, т. е. с обобществлением «сверху», руководимым эксплуататорами в их интересах. Это — древнее Перу, великая империя инков. Разумеется, перуанский строй сложился на основе совершенно иного уровня материальных средств, иного строя хозяйства и иного уровня культуры. Германский народ может не пожелать долго жить при организации, подобной той, при которой жил народ перуанский, — но мы не касаемся здесь совершенно политической стороны проблемы. Что же касается самого типа организации хозяйственных отношений, к какому приводит капиталистический строй производства в своем логическом развитии и на какой указывает военное хозяйство Германии, то он принципиально совершенно однороден и равнозначен с перуанской организацией народного хозяйства. Замкнутое от остального мира высокими горами (не из таможенных пошлин и пулеметов, а натуральными), все Перу имело лишь один хозяйственный центр. Этим центром был двор верховного инки. Многочисленные жрецы и благородные были тем кругом лиц, который соответствует отказавшимся от лично-хозяйских функций отдельным владельцам при капиталистическом обобществлении. Весь народ занимался указанным ему делом под руководством уполномоченных центром лиц и полностью получал свое содержание от этого центра, содержание, ответственное, можно думать, физиологическому и бытовому минимуму при тогдашнем уровне. А продукт избыточного труда окристаллизовыв-

вался согласно примитивным условиям тогдашнего времени непосредственно в виде громадных золотых солнц в грандиозных перуанских храмах, в необычайном количестве золотых и часто массивных золотых предметов во дворцах инков и благородных и т. п. Наивные испанцы, разрушившие государство инков, с удивлением рассказывали о «странном обычае» перуанцев ежегодно накапливать в храмах и дворцах новые массы золота в виде различных солнечных дисков и т. п. и пытались объяснить необычайное количество накопленных в дворцах сокровищ вообще предполагавшейся легкостью добычи в Перу драгоценного желтого металла. Но стоило им разрушить общественную организацию древнего Перу — и сразу выяснилось, что золото там добывается из земли тем же тяжелым трудом, как и везде. Все дело было здесь не в своеобразии строения земной коры, а в своеобразии строения общества.

Капиталистическое обобществление, т. е. замена частной конкуренции централизованным усмотрением класса капиталистов, не падает в один «прекрасный» день готовым с неба, а преемственно развивается из частной конкуренции. Картели промышленников, торговые синдикаты, тресты, чужих индустрий; банковые консорциумы — все это зародыши и провозвестники нового порядка, все более растущие в своем числе и значении. Чем относительно теснее делается для капиталистического развития какой-либо страны в силу внутренних противоречий самого капитализма, — тем неизбежнее делается для капитализма данной страны та же альтернатива, какая в иных формах ставится периодически историей перед земледелием: превзойти достигнутую степень развития, преодолеть ее неудобства или экстенсивно, или интенсивно. Когда, например, трехпольное хозяйство в земледелии не удовлетворяет более потребностям населения, перед ним открываются два исхода. Или оно должно расселиться шире, если есть возможность распахать новые земли, — и тогда оно может сохранить то же примитивное трехполье. Это будет экстенсивный выход из положения, — и долгое время, например, земледелие Европейской России именно таким путем избегало перехода к интенсификации хозяйства, заселяя вместо того заволжские и южно-русские степи. Или же, — и это будет второй исход, — если свободных земель для расширения данного хозяйственного организма уже нет, а население все сгущается и возникший кризис трехполья все обостряется, — происходит волей-неволей изменение методов полеводства и его организации, нарождается интенсивное земледелие Европы наших дней. Известно, что и Европейская Россия, особенно последнее десятилетие, начинает переходить, наконец, к интенсификации своего земледелия, после того как истощилась возможность заменить внутреннюю переорганизацию географическим, пространственным расширением пашни.

Нечто подобное происходит и с капитализмом развитой индустриальной страны, как Германия, если она не желает задохнуться от недостатка необходимого ему воздуха, необходимого для реали-

зации прибавочной стоимости при сохранении частной конкуренции разрозненных капиталистических единиц и групп. Он должен или расширить район своей эксплуатации, подчинить своему влиянию и пользованию новые соответственные районы, — или он должен изменить внутреннюю организацию свою и впредь реализовать прибавочную стоимость в порядке «капиталистического обобществления», а не путем частной конкуренции. Первый исход и по аналогии и по существу можно назвать экстенсивным, второй — интенсивным.

Ошибка Люксембург заключалась в том, что установление исторического факта географического распространения капитализма она хотела обратить в теоретическое доказательство неизбежности его конца при невозможности или завершении такого географического расширения. К концу капитализм двигают другие пружины. Географией не только нельзя уйти от социальных противоречий в жизни, но и нельзя заменить их в теории. Ограничение или завершение географического круга означает невозможности существования капитализма. Оно должно усилить тенденции к росту «государственного капитализма», это верно. Но вопрос о судьбе самого капитализма, насколько предвидит современная наука, получит разрешение не в плоскости экономической немыслимости его дальнейшего существования (к чему теоретически ведут идеи Люксембург), а в плоскости социальных отношений. Первое представление означает (в теории) автоматически-фаталистический подход к истории, которого марксизм избегает, считает вульгаризацией. Второе — остается на почве жизненных откошений, складывающихся между разными частями населения под влиянием и на основе соответственной действительности и вызывающих в них различным образом направленную активность.

Упразднение частной конкуренции при сохранении капиталистического строя есть лишь логическое развитие того процесса ограничения ее, какой развивался перед нашими глазами последние десятилетия и до войны. Картели, синдикаты, тресты были первым робким прообразом замены анархической конкуренции планомерным руководством в интересах их учредителей. Систематическая постройка железных дорог в пустыне, хозяйственно бесполезных, была скромным намеком на непроизводительное применение прибавочного труда в грядущем «капиталистическом Перу» и мощные банковские консорциумы наших дней — предвкушением тенденций к объединенному капиталистическому центру вообще. Каждый капиталистический предприниматель и все капиталистическое общество в целом непрерывно и каждодневно разрешают задачу преодоления противоречия между общественной основой хозяйства и частным характером присвоения. Чем более нагромождается затруднений при решении этой — вначале столь легкой — задачи, тем более приуждены все они в интересах собственного самосохранения к соединению сил, к ограничению частной конкуренции между собой.

Оттого и нет логического скачка, нет принципиального разрыва между обычными до сих пор капиталистическими отношениями и развивающимися из них условиями «капиталистического Перу».

Война и пришедшие с ней перемены не могли, следовательно, означать разрыва германского хозяйства с его прошлым, — война только ускорила его преобразование в ту сторону, в какую оно и без того было уже направлено. От этого нельзя уйти «Соединенным штатам Европы» Каутского и др. Идея Соединенных штатов Европы, создаваемых военным насилием под главенством одной какой-либо капиталистической державы, является исторически реакционной попыткой задержать ход экономического развития. Не в том только дело, что национальный капитализм перерос рамки отдельного государства, как часто говорят наблюдатели, довольно поверхностно обращающие внимание только на «экстенсивную» сторону вопроса и ограничивающие потому этим свой анализ. Дело скорее в том, что капитализм вообще перерастает уже рамки частной конкуренции, с чем он может справиться, оставаясь капитализмом, лишь «интенсивным» путем — внутренней реорганизацией. Потому наблюдаемое сейчас в Германии — прообраз предназначенных для всех путей, и в этом особый интерес этих наблюдений. Поскольку война особо ускорила новую фазу развития капитализма, прекращение войны, может быть, ослабит ее проявления. Но дальнейшее развитие, поскольку капитализм вообще будет существовать, должно вести к тем же тенденциям.

II.

Новая организация хозяйства не вводилась в Германии сразу как до конца продуманная система, да и вообще устранение частной конкуренции и т. п. не зашло здесь еще так далеко, как это мыслимо. Печать полумер и стихийности лежит на всех постановлениях и изменениях, проведенных в жизнь как Союзным Советом Германской империи, так и капиталистическими организациями. В схематическом, сжатом изложении все это приобретает большую стройность и законченность, чем имеет на самом деле. Но так как нас интересует здесь больше общий смысл перемен, их тенденций, чем детали, то мы можем здесь отвлечься от так называемых «маленьких недостатков механизма». И то сказать — тому, что дело приспособления хозяйственной жизни к созданным войной условиям сделано плохо, не пришлось бы удивляться, ввиду полной новизны обстановки, даже при наличии единого регулирующего центра, руководящегося только благом всего населения. Скорее приходится удивляться тому, что оно вообще хоть кое-как сделано без образования такого центра и без того всеобщего банкротства, которое ожидалось многими, даже осторожными наблюдателями на случай, если руководство регулированием оста-

нется в руках нынешнего центра и отдельных капиталистических групп с их особыми интересами.

Во время войны произошло, как известно, много изменений в предметах производства германской индустрии. Изготовление предметов, предназначенных для вывоза, должно было сократиться, изготовление предметов, обслуживающих потребности военного времени, в широком смысле слова, должно было расшириться. Это изменение направления производства (выделываемых предметов) было той материальной обстановкой, при которой протекала внутренняя реорганизация индустрии. Оно и было непосредственным толчком для более планомерного и более централизованно регулируемого производства, чем каким это производство было раньше.

Предстояло решить ряд задач о равномерном снабжении предприятий рабочей силой и сырыми материалами, о равномерном распределении между ними возможности сбыта (как за границу, так и для надобностей войны), об обеспечении такой замены приостановившихся функций биржи, какое сделало бы мыслимым удовлетворение основных, обычно обслуживаемых ею потребностей, и в итоге всего этого — о так называемом «справедливом» обеспечении доходов предпринимателей. Было ясно, что руководство принципом «всяк за себя» может привести только к общему крушению. Одна фабрика набрала бы очень много заказов, тогда как другие не имели бы ничего. Вместе с тем в ее распоряжении могло не оказаться ни сырых материалов, ни, особенно, рабочих сил, беспомощно толпящихся у дверей других закрывающихся фабрик. Банкротство этих последних предприятий потрясло бы банки и капиталы, интересы которых связаны ведь не только с фабриками-счастливчиками, а и со всеми предприятиями страны. Влияние банков теперь достаточно, чтобы побудить к общему соглашению и те отдельные предприятия, какие по случайным причинам могли бы даже выиграть при общем господстве анархии. Интересно отметить, что согласно с этим банки были очень сильно представлены в учрежденном уже 9 августа 1914 г. центральном для всего государства «Военном комитете германской индустрии» (Кригсауспусс). При его видном участии и принято было затем большинство из упомянутых ниже мер. Одной из ближайших задач его было — содействовать тому изменению в выборе объектов производства индустрией в целом и тому передвижению сил между разными ее отраслями, какие диктовались создавшимся положением.

Конкуренция между предпринимателями за привлечение рабочих, конкуренция между рабочими за приискание занятий, борьба между рабочими и хозяевами за условия труда — во всех этих отношениях отдельные предприятия поставлены были в равные условия с прочими. Регламентация должна была привести к удовлетворению потребности в рабочей силе путем планомерного ее распределения, а не привычным способом «игры экономических сил». По призыву правительства и по собственным соображениям хозяева обещали не ухудшать условий

труда во время войны, а рабочие прекратили зато стачечную борьбу¹⁾.

Неизбежная передвижка рабочих из одних отраслей индустрии в другие и между отдельными предприятиями должна была совершаться автоматически, просто в силу надлежащего усовершенствования учреждений по указанию труда. С этой целью была учреждена в Берлине Центральная биржа труда и объединена до известной степени деятельность местных бирж труда.

Вместо индивидуального принципа искания и замещения места личными усилиями выдвинут, таким образом, соответствующий дух централизованного регулирования принцип очереди.

Сообразно такому регулированию рабочего рынка должен был быть, и был фактически, признан принцип помощи безработным из общественных средств, городских и государственных, без придачи этим пособиям характера милостыни бедным. В самом деле, присписание себе занятия перестало быть частным делом рабочего, у него отняли право прилагать особые усилия к использованию возможных своих личных преимуществ, и он должен пассивно ждать очереди, ждать усмотрения капиталистического общества, объявляемого через соответственное «бюро по указанию труда». Но тогда естественно и с самой буржуазной точки зрения, чтобы это общество содержало пока того безработного, у которого отняло свободу распоряжения собою. Нынешние германские меры по организации рынка труда и согласие на государственно-городскую помощь безработным являются таким образом лишь логическими выводами из стремления к устранению частной конкуренции при обеспечении индустрией себя рабочими руками. Что меры эти в некоторых отношениях выгодны и для рабочих — не меняет причин согласия на них германского капитализма.

Второй ряд мер направлен был на устранение конкуренции при снабжении сырыми материалами и при сбыте. Учреждение во всех важнейших индустриях специальных центров для заготовления и распределения сырых материалов обеспечивало всем предприятиям равные условия относительно цены и возможности получения нужных им сырых материалов. А в отношении организации сбыта старания Кругсаусшусса с его подручными организациями, старания разных «Арbeitsgemeinschaften» и т. д. направлены к тому, чтобы казенные и муниципальные заказы поступали не к отдельным фирмам, а в бюро союза хозяев, или в «Арbeitsgemeinschaft» соответственной индустрии. Бюро распределяет их уже затем между отдельными предприятиями, обеспечивая каждому

¹⁾ Позже, во втором и в третьем году войны, стачки постепенно стали опять возникать, о чем — в части 2 настоящей книги. **П р и м е ч а н и е** 1926 г.

равномерно занятие и сбыт по одной цене. По причине войны сбыт на заранее определенный рынок, по заранее определенным ценам, на казну и местные самоуправления играет теперь особенно крупную роль. В журнале «Соц. Monatshefte» Э. Фишер высчитал, что из 70 млн. населения Германии сейчас около 40 млн. человек живут либо на счет непосредственных выдач из казны и общественных учреждений, либо от занятия в предприятиях, работающих на казну и эти учреждения, — притом не считая еще в полной мере сельского хозяйства. Но ведь и в сельском хозяйстве для ряда продуктов, да и вне его, для ряда предметов цены регламентированы государством, которое приняло на себя и прямое руководство передвижением продуктов от «производителей» к потребителям¹⁾, отчасти при содействии учреждений местного самоуправления (хлеб, свиное мясо). Высота установленных «максимальных цен» именно и вскрывает смысл всех постановлений не как социалистических мероприятий, а как мер, признанных необходимыми для существования капиталистической системы при условиях, потребовавших от нее сохранения ограничения в некоторых отношениях частного-хозяйственного усмотрения и устранения свободы конкуренции. В этом смысле подобные предупредительные меры капиталистического обобществления, если они умно и последовательно проведены, служат предохранительным средством против вероятности стихийных порывов трудовых элементов нации.

Мы имеем, таким образом, в Германии в данный момент производство в значительной степени на замкнутый рынок, заранее определенной величины, по заранее известным ценам, с плановым распределением доль производства между отдельными предприятиями, при устранении конкуренции между ними как при сбыте, так и при снабжении их рабочей силой и сырыми материалами. Что в средние века для ремесленников маленькой городской общины определяли цеховые постановления, то теперь для капиталистов целого государства устанавливают разные капиталистические «центры» с Кригсауспуссом во главе, и государственная власть — их высшее единство.

III

Приспособление индустрии к новым условиям происходило главным образом усилиями самих капиталистических организаций, хотя и при полном содействии государственной власти. Гораздо дальше зашло вмешательство государства в две другие области — в деятельность биржи и в торговлю продуктами сельского хозяйства. Биржа была около полугода просто закрыта, а

¹⁾ Кроме того объединены в регулирующие центры и все индустрии, работающие на экспорт.

торговля продуктами сельского хозяйства попала под непосредственный контроль центральной власти.

Главных функций биржи, как известно, несколько. Сюда относятся, во-вторых, обеспечение возможности финансирования предприятий основным капиталом путем выпуска акций, облигаций и т. д. Для того чтобы люди соглашались помещать свои деньги в акции, надо, чтобы они имели возможность всегда превращать свои акции обратно в деньги, что и обеспечивается фондовой биржей. Как наглядно показал Гильфердинг, без возможности всегда превращать акции в деньги немислимо самое существование индустрии при современной форме ее организации.

Второй важной для нас сейчас функцией являются сделки на срок на товарной бирже. Руководствуясь составленными ими надолго вперед вехами, фабрикант имеет возможность рассчитать, например, сколько он может заплатить теперь за сырые материалы для товара, который продавать ему придется только через полгода. Имея в виду намечаемое сделками на срок движение цен в будущем, он может до некоторой степени руководствоваться этим при решении вопроса о сокращении или расширении своего производства в данный уже момент. При полном, неограниченном господстве частной конкуренции и частно-правового усмотрения фабрикант лишен почти вовсе всякого другого масштаба для оценки, в какой мере его производство «нужно обществу», т. е. может рассчитывать на сбыт. Сделки на срок, — эта равнодействующая всех требований к будущему и всех ожиданий от будущего, — являются для капиталистического предприятия своего рода суррогатом, заменяющим планомерное объединенное распределение со стороны общества, сколько чего оно должно, хочет и может иметь в предстоящий период своей жизни.

Очевидно, закрытие биржи не могло произойти без удовлетворения каким-нибудь другим путем жизненных потребностей капиталистического общества, удовлетворяемых в нормальное время этими двумя основными функциями биржи. При господстве частной конкуренции, иначе сказать — при отсутствии сознательного общественного регулирования хозяйственной жизни, они могли удовлетворяться только путем ее стихийного регулирования, т. е. стечением и столкновением частно-капиталистических интересов на бирже. То, что биржа могла быть хотя бы временно устранена и заменена, когда капитализм получил сильный толчок в сторону централизации и планомерности управления им, — это способно и вообще пролить некоторый свет на судьбу биржи в том строе, тенденции к которому обнаружились, и который мы условимся называть интенсивным выходом из кризиса капитализма, «государственным капитализмом», или «капиталистическим общественством», этим предтечей обобществления совсем другого порядка, назначения и содержания.

Обе указанные функции биржи были заменены в Германии особыми учреждениями. Для возможности превращать всегда в деньги акции и другие ценные бумаги были устроены государственные ссудные кассы. Закон о них был издан в тот же день — 4 августа 1914 г., когда рейхстаг впервые вотировал кредиты на войну (война началась 1 августа). Ссудные кассы получили право печатать «ссудные бумажные деньги». Деньги эти принимаются во все казенные учреждения наравне с обычными бумажными деньгами и получили уже фактически полное право гражданства и в лавках и среди частных лиц (выпускаются бумажки преимущественно низкой нарицательной цены — в марку, две, пять и т. п.). Ссудные кассы не имеют особого золотого фонда, обеспечивающего выпуск ими бумажек, а только общую гарантию имперского банка. Но и по самой сути вещей золотой фонд им не требуется: одни и те же лица периодически то испытывают нужду в деньгах и тогда закладывают свои акции и т. п., то деньги у них высвобождаются, и они опять выкупают свои бумаги. Таково положение фабриканта в разных стадиях оборота промышленного капитала, таково периодически положение всякого капиталиста. Надо было лишь обеспечить возможность осуществления этого неустанного «молекулярного движения» в капиталистическом обществе, собирания и перераспределения временно высвобождающихся средств, а равновесие его и сведение концов с концами гарантируется уже самим смыслом операций, самим их характером. Одно уж учреждение этих ссудных касс, одна возможность всегда превратить свои акции и прочие ценности в деньги — одно это устранило стремление прочно отвязаться от бумажных ценностей.

Для всех бумаг был принят при этом курс 25 июля 1914 г. — последний нормальный биржевой день в Берлине до войны. Это определение устранило конкуренцию между отдельными предприятиями и в смысле разницы курсов их акций. Оставайся биржа открытой, она понизила бы курс акций одних предприятий и повысила — других (например Крупп). Фондовая биржа обеспечивает возможность превращения денежного капитала в промышленный — преобразованием его в фиктивный, т. е. в акции и т. п. Она делает это путем создания возможности всегда превратить акции в деньги, но путем превращения курсов акций в предмет и орудия частной конкуренции. Введенная с началом войны система ссудных касс и тут решает задачу по общему методу мероприятий военного времени, т. е. соединяя новый способ решения старой задачи с устранением частной конкуренции.

Фондовые биржи между прочим имеют обычно немало дела с размещением вновь выпускаемых акций и облигаций. Но если в Германии вообще накапливались перед войной ежегодно многие миллиарды капиталистической прибыли, то теперь большая часть этой

суммы поглощается непосредственными нуждами войны: с августа 1914 г. по март 1915 г. только рейхстаг и прусский ландтаг разрешили государственных займов около 12 млрд. мар. Часть же прибавочной стоимости и прибыли в этом году выпадает вследствие сокращения чуть не на четверть рабочего класса (по причине призыва под знамена). Как без всего этого разрешился бы вопрос о конкуренции за привлечение новых капиталов к отдельным предприятиям и отдельным отраслям промышленности, можно поэтому лишь предполагать. Фактически его устраняет обращение почти всей накопляемой в этом году прибавочной стоимости на военные цели, т. е. передача ее отдельными капиталистами полностью своему государству (в долг), которое плановым порядком (заказами) обращает ее затем на различные отрасли индустрии (и сельского хозяйства).

Обходиться месяц за месяцем без вех, расставляемых обычно срочными сделками на товарной бирже, германская индустрия смогла в свою очередь именно благодаря тому общему усилению момента планомерности, объединенности в экономической жизни, какое описано выше. Когда индустрия работает в значительной мере по заранее определенным к моменту сбыта ценам (казенные заказы), когда вообще в ряде важнейших отраслей сообща регулируются и заготовление сырых материалов, и распределение работ по предприятиям, и сбыт, — тогда масштаб производства и соотношение между ценами материалов и продуктов могут определяться уже не стихийным путем частной конкуренции, а предварительным сознательным соглашением между собой соответственных капиталистов: через Крисгаусшусс и все подсобные ему центры. Биржа, как и самостоятельная торговля (торговля за свой счет как отдельный капиталистический «промысел»), является для общества в целом накладными и непроизводительными расходами, налагаемыми на него лишь несовершенствами капиталистического строя. Развитие картелей и трестов в индустрии нанесло уже удар «независимой» торговле, сократив ее роль и издержки и подчинив ее индустрии. Полное объединение управления промышленной жизнью в руках одного хозяйствующего капиталистического центра способно совсем уничтожить и биржевую торговлю, как явление самостоятельного значения (не только как технический прием). Эта тенденция достаточно проявилась в Германии и сейчас.

3. ЗАЙМЫ, БАНКИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА ¹⁾

I.

По расчету нынешнего (1915 г.) министра финансов К. Гельфериха, сделанному еще до войны, весь годичный национальный доход Германии составляет около 46 млрд. мар. в год (расчет 1913 г.).

¹⁾ Напечатано в «Вестнике Европы» за август 1915 г.

Из этой суммы 10 млрд. проходит через государственные кассы, 27 млрд. идут на жизнь 60 млн. человек германского населения (т. е. на каждых двух лиц приходится 900 мар., что соответствует среднему годовому заработку одного лица в 1 200 мар. без 300 мар., поступающих в казну), а из прочей суммы остальные 7 млн. жителей (всего в Германии 67 млн. жителей), за покрытием расходов на свое содержание, откладывают еще 6 млрд. мар. в год для помещения в доходные предприятия и т. п. Эти 6 млрд. и представляют собой по Гельфериху, ежегодное «нормальное» возрастание германского капитала. Из этого количества ежегодно около миллиарда марок германские владельцы их вкладывали до войны в иностранные предприятия, или покупая их акции, или непосредственно открывая за границей свои заведения, или подписываясь на займы иностранных правительств. По подсчетам Сарториуса в 1906 г. германский капитал за границей достигал уже 26 млрд. мар.: 16 млрд. в ценных бумагах и 10 млрд. в иных видах. Теперь величина помещенного за границей капитала составляет уже около 35 млрд. мар. — около десятой части всего «национального имущества» Германии (по тому же Гельфериху).

Война прекратила экспорт германского капитала за границу. Миллиард в год на государственные займы для военных целей был таким образом гарантирован казне. Ибо владельцы этой доли годового прироста национального дохода, потеряв возможность помещать ее для извлечения нового дохода за границей, ухватились за возможность превратить этот оставшийся у них на руках миллиард в приносящий доход капитал путем приобретения 5%-ных билетов военного займа.

Но в такое же положение попадают и многие владельцы остальных 5 млрд. мар. прироста, обычно обращавшие эту сумму на развитие производительной деятельности в самой Германии. Ибо война в нынешних ее размерах исключает самую мысль о возможности во время ее общего расширения промышленности в Германии. Прежде всего для этого нехватало бы рабочих сил.

Каков бы ни был спрос и какова бы ни была наличность свободных капиталов, уже одно отсутствие рабочих сил не позволяет особенно много вкладывать новые средства в промышленность. Потому и 5 млрд., обычно шедшие ежегодно на развитие внутренней экономической деятельности, оказываются в крупной части теперь вынужденными искать единственного остающегося доходного помещения — превращения все в те же 5%-ные билеты государственного военного займа.

Внутри промышленности происходят только передвижки, перегруппировки (например развитие отраслей, обслуживающих военные нужды, за счет сжатия отраслей, производящих машины). Но производство в целом не расширяется, и вновь вкладываемому в одно дело капиталу соответствует, может быть, еще большая сумма, вынимаемая из другого. Нет статистики, охватывающей сразу все виды помещения средств в производственную деятельность в Гер-

мании, но есть, например, данные о таком важном виде этого помещения, как акционерные общества. Вложено капитала в новые акционерные общества с ограниченной ответственностью и расширен капитал старых за мирные первые 4 месяца 1914 г. на общую сумму 370 млн. мар., а за те же 4 месяца нынешнего 1915 г. — только на 165 млн. При этом разница все увеличивается: для апреля 1914 г. имеем 108,7 млн., а для апреля 1915 г. только 24,7 млн. Из отчетов о кооперативах видно, что их основано в марте и апреле 1915 г. всего 67 и 40, а за тем же месяцы прошлого года — 222 и 219, и т. д. Всюду ослабление учредительской деятельности: германская индустрия проявила много мастерства в умении приспособиться к создавшимся особо неблагоприятным условиям, но она сумела лишь удержать те размеры, какие допускались наличностью рабочих сил населения. И в итоге весь ежегодно накапливаемый новый капитал обращается теперь в государственные военные займы, но потребность Германии в средствах на ведение войны этим не исчерпывается.

Если считать, что рабочие силы нации, индустрия и накопление реальных избыточных ценностей сократились на четверть, то в первом году войны в распоряжении германского правительства путем внутренних займов могло поступить только 4½ млрд. мар., если ограничиваться помещением в военные займы только вновь создаваемого избыточного капитала, раньше шедшего на расширение промышленности внутри и вне Германии.

Но в действительности в первый же год войны заключено империей два займа в 4½ и в 9 млрд. мар., и Пруссией — один заем в 1½ млрд., а всего на 15 млрд. мар. для покрытия вызванных войной расходов. При этом второй имперский заем (как и первый, выпущенный не на определенную сумму, а на всю величину подписки, какая окажется), выпущенный в марте 1915 г. несколькими месяцами позже первого (октябрьского 1914 г.), прошел много удачнее как в смысле размеров подписки, так и в отношении привлечения на помощь ссуд из «ссудных касс».

При подписке на первый заем (срок первого взноса по нему — 5 октября 1914 г.) к помощи ссудных касс прибегли на 922 млн. мар., т. е. на 20% суммы займа, а при подписке на второй заем (срок первого взноса по нему 14 апреля 1915 г.) — только на 502 млн. мар., т. е. всего на 5,5% суммы займа. Второй заем дал не только вдвое большую сумму (точно: 9 103 млн. мар.), но и потребовал вдвое меньшей помощи ссудных касс. Выходит как будто, что чем дальше продолжается война, тем легче делается заключать внутренние займы, — «война сама себя питает», как не преминули сделать вывод некоторые публицисты. Мы видели, что весь годичный прирост капитала в Германии был учтен уж октябрьским займом (4,5 млрд.), в крайнем случае вместе с прусским (1,5 млрд.), если считать, что до войны не успел еще быть размещен целиком прирост предшествовавшего экономического года. Откуда же взялся 9-миллиардный итог второго займа и откуда может брать Германия впрямь средства для ведения войны?

Раньше чем перейти к источникам удовлетворения этой потребности, посмотрим, кто же является кредитором казны, кто подписывается на военные займы в Германии. Доклад Дельбрюка, заместителя канцлера, рейхстагу от 14 мая 1915 г. за № 74 содержит такие данные. Всего приняло участие в подписке на второй заем 2 691 тыс. лиц и предприятий, т. е., принимая во внимание семьи, никак не больше 15% населения. Эти 15% и являются кредиторами по отношению к государству, т. е. ко всему населению страны. В подписке на первый заем приняло участие менее половины этого же числа — все те же лица, понятно. Суммируя подписавшихся по величине их подписки на оба займа вместе, получаем таблицу:

Величина подписной суммы	Число под-	Участие в сум-
	писавшихся	ме займов
	(в процентах)	
До 500 мар.	39	3,5
Свыше 500 до 2 тыс. мар.	40	14,4
» 2 тыс. мар.	21	82,4

Иначе сказать, более $\frac{4}{5}$ всех $13\frac{1}{2}$ млрд. мар. кредитовано государству всего лишь 3% населения. Мелкие сберегатели, откладывающие год за годом небольшие суммы из заработка, несмотря на свою многочисленность¹⁾, дали лишь весьма небольшую часть всей суммы подписки. Очевидно, суммы займов, превышающие нарастание нового капитала, взяты не из прямых сбережений всей массы населения на личном потреблении, а вынуты из крупно-капиталистических предприятий. Целых 40% всех $13\frac{1}{2}$ млрд. внесены всего 13 тысячами подписавших более 50 тыс. мар. каждый. За исчерпанием прироста капитала источников покрытия займов приходится искать в уменьшении капитала, уже участвовавшего в хозяйственной жизни Германии, в отвлечении части оборотных средств промышленности на военные цели²⁾.

На первом месте здесь стоит капитал, бывший связанным той долей производительной деятельности, которая теперь не существует вследствие сокращения последней приблизительно на четверть. Большая часть капитала, обслуживавшего эту четверть, существует в форме изделий, машин и т. д. Но часть его всегда находилась в форме текучей, необходимой для производительной деятельности, но связанной лишь фактом участия в ней, а не самим матери-

¹⁾ На 1 января 1912 г. во всех сберегательных кассах Германии числилось около 23 млн. вкладчиков с почти 18 700 млн. мар. вкладов (в том числе 92,5% в публичных кассах). Средний размер сбережения — 813 мар.

²⁾ Отсюда кризис оборотных средств в германской индустрии после войны, вначале маскировавшийся инфляцией 1920—1923 гг., со всей силой обозначившийся после ее окончания (1924—1926 гг.) и послуживший одним из отправных моментов для сокращения числа работающих предприятий и т. п., так называемой «рационализации», проводимой ныне. Примечание 1926 г.

альным превращением в здания или в машины. Весь ссудный капитал Германии, обслуживающий систематически краткосрочным кредитом ее производительную деятельность, по оценке довольно авторитетного в этих вопросах журнала «Ди Банк», определялся перед войной в 40 млрд. мар. Сокращение производительной деятельности должно было освободить здесь целый ряд миллиардов. Чтобы капитал не оставался бездоходным, владельцам этих миллиардов оставалось только поместить его в государственный заем. Освободившиеся из промышленной жизни за ее сокращением громадные средства скопились праздно в банках. Как показывают отчеты за первое полугодие войны, 8 главнейших банков Берлина (которым принадлежит почти 45 % всего акционерного банковского капитала Германии) могли найти этим средствам только одно применение: вносить в имперский банк (для той же цели). Этим в значительной мере объясняется и та быстрота, с какой производится в Германии взнос в имперский банк подписанных на заем сумм. Например, ко дню срока первого взноса в счет второго займа — вместо назначенных 37 % оказалось внесено уже 67 %, ибо большая часть уже и раньше помещена была в векселя государственного казначейства, и произошел только обмен этих последних на билеты государственного займа.

Помещение в военные займы той доли оборотного капитала, которая обслуживала раньше сократившуюся теперь часть производительной деятельности, не ощущается болезненно, пока хозяйство страны не предъявляет на них спроса. Но когда восстановятся нормальные условия, тогда окажется, что значительная часть оборотных средств ушла, не оставив после себя никаких следов.

Этим дело не ограничивается ни в смысле потребности в займах, ни в смысле источников для них, ни в смысле неблагоприятных последствий для будущего. В производственной деятельности германского населения вообще произошла перемена. Обычно часть производительной деятельности направлена на удовлетворение народного и государственного потребления, а часть занята была восстановлением изнашивающихся частей средств производства и их умножением, чтобы возможна была производительная деятельность и на будущее время в неуменьшем и увеличивающемся размере. «Средства производства» надо понимать здесь, конечно, в широком смысле всей материальной обстановки, в какой нуждается человеческое общество для своего существования и труда — дома, железные дороги, машины и пр. Что об умножении всего этого в сумме теперь в Германии нет и речи при данной наличности рабочих сил, понятно само собой. Но не многим лучше обстоит дело и с восстановлением изнашивающихся частей уже существующего материального аппарата общества.

Экономист Варга удачно заметил один раз, что в экономическом отношении слово «война» означает «усиленное производство быстро исчезающих предметов потребления» — само собой, за счет ослабления восстановления изнашивающихся тем временем частей

материального организма общества. Общая сумма заказов, сделанных для первого года войны германским правительством, оценивалась в мартовской 1915 г. сессии рейхстага в 10 млрд. мар. — величина всего мирного годового экспорта Германии за границу (теперь уже распределены заказы и на второй год). Но обычно, отдавая на 10 млрд. мар. товаров за границу, Германия получала оттуда на такую же сумму нужных ей предметов, в том числе на 4 млрд. мар. сырых материалов, нужных отчасти для восстановления материального аппарата ее хозяйства. Теперь, отдавая товаров на 10 млрд. мар. правительству на войну, Германия получает взамен бумажные ценности — билеты военного займа. Уменьшение действительно существующих в стране благ затемняется этим ростом бумажных ценностей — вместо предметных благ выдаются свидетельства на право получения дохода в будущем (что и представляет собою по существу билет всякого займа).

Важно отметить еще одну черту нынешней немецкой хозяйственной жизни. Уже по одному тому, что созидательная деятельность сосредоточена главным образом на производстве предметов потребления, лично и военного, — те 3% населения, что подписали империи 82% из 13,5 млрд. мар. обоих займов, должны рекрутироваться главным образом из двух категорий: военных поставщиков и крупных землевладельцев, а также прочих торговцев жизненными средствами.

Прибыль от военных поставок столь значительна, что в Германии образовался уже особый термин «Кригсгевинн», и рейхстаг принял в майской 1915 г. сессии значительным большинством пожелания об обложении после войны «военной прибыли» особо усиленным сбором на оплату вызванных войной издержек. Завод взрывчатых веществ «Глюкауф» в Гамбурге выдал в этом отчетном году 40% дивиденда вместо полного отсутствия его в предыдущем году. «Северо-германская шерсточесальня и прядильня» в Бремене получила чистой прибыли 4 500 тыс. мар. вместо 2 800 тыс. мар. прошлого года. «Общество кожаных изделий и военных принадлежностей» в Дрездене (Тиле) выдало 18% дивиденда вместо 8% прошлогодних. И т. д., и т. д. — поробными выписками из газет можно было бы заполнить страницы. При этом щедрой рукой делались, разумеется, всякие «списывания». Так, Соединенные кельбско-роттвейлеровские пороховые заводы» все свои машины, оцененные по балансу конца 1913 г. в 1 207 131 мар., оценили теперь только в восемнадцать марок (около 9 руб.), всю свою движимость — только в 24 мар., списали с прочей недвижимости еще 778 тыс. мар. и в итоге выдали все же дивиденда 25%. Еще решительнее поступило в своем балансе «Общество германских фабрик оружия и аммуниции», получившее 8 180 тыс. мар. чистой прибыли после того, как списало всю стоимость всех своих машин, кроме одной марки. Грандиозные доходы военных поставщиков, черпаемые из заказов казны и в свою очередь питающие затем военные займы, значительно повышают для государства стоимость войны и побуждают его отвлекать ради этого

путем займов громадные суммы от обращения на восстановление износившейся части всего реального национального производительного капитала.

Не худшие дела делают и владельцы сельскохозяйственных продуктов. В Германии публикуется ежемесячно имперский индекс, устанавливающий стоимость пищи в течение недели для семьи из четырех душ, причем в основе расчетов кладется дневной рацион немецкого морского солдата. В последнем мирном месяце, июле 1914 г., стоимость недельной пищи семье в среднем для всей Германии согласно этому индексу составляла 25 мар. 12 пфен. (а в Берлине — 24 мар. 75 пфен.).

Постепенно повышаясь, в среднем на человека, согласно индексу, все питание обходилось в январе — марте 1915 г. на полторы марки дороже в неделю (т. е. на 25 %), чем в последнем мирном месяце — июле 1914 г. За год на 70 млн. жителей это дало бы приличную сумму в 5½ млрд. марок лишних, какие положили себе в карман землевладельцы и продавцы продовольственных продуктов сверх своего обычного дохода. Но единственное доходное помещение, какое они могут найти своей выручке теперь в Германии, как мы знаем, — государственные займы. Этот источник покрытия военных займов рождается, следовательно, прямо из сокращения народного потребления. Ибо раз пищу приходится оплачивать на четверть дороже, то широкие массы населения принуждены сократить на четверть свое питание. Повышение заработка занятых в военной индустрии более чем компенсируется понижением бюджета семейств мобилизованных. В Берлине, например (без пригородов, т. е. на 2 млн. населения), по отчету городской думы в мае 1915 г. получали пособие уже 131 тыс. семей мобилизованных, причем средний размер месячного пособия равнялся 50 мар., а средний их годовой доход до войны составлял 1 200 мар. Правда, убавилось содержание одного мужчины, убавлена немного квартирная плата (в среднем для семей солдат на 15—20 %) и часть ее вносит город (столько же), — в общем экономия на квартире марок 12 в месяц. Но и за всем тем на имеющуюся сумму можно купить только три четверти припасов, приобретающихся на нее в мирное время. В случае с хлебом сокращение народного потребления на четверть удостоверено даже официальным регулированием, установившим дневную норму на жителя в среднем в 200 г муки вместо 267 г, приходившихся на жителя в среднем в мирное время. Тем не менее владельцы зерна и муки взыскали с населения за эти три четверти порций в общем итоге столько же, сколько в мирное время за полную порцию, и избыток поместили в военные займы (г значит один грамм).

Таким образом война в Германии если, как говорят, «сама себя питает» в смысле финансирования, то только суживая все более производство реального общественного капитала и ограничивая потребление масс.

II

«Мы стоим перед эпохой монополий, — сказал 11 мая 1915 г. в речи в Магдебурге депутат рейхстага Пашнике, обычно отстаивавший свободную игру экономических сил, — и мы принуждены освоиться с отказом от известных сомнений, какие питали раньше. Здесь говорит необходимость свое железное: Это должно быть и это будет! О форме же монополий легко будет достичь соглашения в парламенте» («Берлинер Тагеблат», 12 мая 1915 г.). Так же пишет известный журнал «Ди Банк» (в апрельской книжке 1915 г.): «Острые принципиальные противоречия, которые относительно монополий разделяли мнения до войны — исчезли через ночь». Число таких отзывов, свидетельствующих об определенном сдвиге в соответственной идеологии, можно было бы значительно увеличить. Без монополий, в частности, не мыслят оплаты после войны процентов по займам¹⁾.

Монополии по характеру своему бывают различны, и состоявшиеся теперь призывание в министры финансов Германской империи директора «Дейтше Банк» Гельфериха — целая программа. Бывший приват-доцент, д-р Гельферих не только довольно плодовитый и осведомленный писатель, но один из тех «капитанов финансового капитала», как выражаются немцы, кто имел возможность ознакомиться с внутренними нитями, отношениями и взаимозависимостью разных отраслей индустрии и разных форм капитала. В свое время он стоял во главе предприятия Багдадской железной дороги, и позже, будучи уже директором «Дейтше Банк», ведал всегда теми отраслями его деятельности, где шла речь о предприятиях большого масштаба. Неутомимый, быстро выдвинувшийся работник — ему нет еще 50 лет, — он имел возможность, — по отзыву журнала «Ди Нейе Цайт» от 12 февраля 1915 г., — «приобрести глубочайшее представление о структуре, жизненных условиях и возможностях развития германской крупной индустрии». Если стать на дорогу монополий, то д-р Гельферих наиболее подходящий чело-

1) Вопрос с оплатой военных займов процентами решился в Германии после войны другим путем — равносильным банкротству. Именно, в эпоху инфляции (1919—1923 гг.) постепенное фактическое обесценение валюты аннулировало их. Правда, послевоенной Германии пришлось платить репарацию (контрибуцию в пользу Антанты) и пенсии. Это вызвало увеличение бюджета и борьбу между разными классами за распределение бремени уплаты. Однако сумма ежегодных репарационных взносов гораздо меньше суммы, какую составляли бы проценты и погашение по внутренним военным займам, если бы их пришлось платить на деле, т. е. если бы они не были фактически аннулированы инфляционным обесценением. Поэтому господствующим классам Германии удалось обойтись без промышленно-торговых монополий, одним повышением косвенных налогов и т. п. Существовавшие во время войны монополии были отменены после нее — и германский капитализм идет к ним теперь более медленным путем постепенной «рационализации», картелирования под руководством банков и т. д. Но поскольку он все же идет, изложенное в тексте сохраняет интерес, особенно как изображение тенденций «государственного капитализма». Примечание 1926 г.

век, — засвидетельствовали его противники и слева и справа (по прежним своим публичным выступлениям он принадлежит к разряду «либерал-империалистов»). Назначение его мотивировалось правительством необходимостью «заблаговременно подготовить перестройку имперских финансов после войны и переход к условиям мирного времени».

Однако новый министр не только талантливый знаток капиталистического хозяйства, но еще и постоянный член разных центральных учреждений германской индустрии, торговли, банкового дела — один из главных руководителей влиятельнейшего акционерного финансового института Германии (упомянутый «Дейтше Банк»). И основная мысль, какую он кладет в основу организации грядущих монополий, сразу об этом свидетельствует: предполагается не устранение государством соответственных кругов предпринимателей и банков, а кооперация с ними, своего рода симбиоз — сожительство, от которого вряд ли особенно поздоровится потребителю. Для системы «государственного капитализма», о которой я недавно писал, это в высшей степени характерно.

Государство, соответственный банковский консорциум и руководители картеля монополизированной отрасли индустрии образуют совместно правление новой монополии, получающей затем государственные полномочия. Такой тип монополии осуществлен был раньше германским правительством в некоторых отраслях организации народного продовольствия. Так, например, монополия производства картофельной муки и крахмала и торговли ими во всей Германии отдана обществу, составленному из крупнейших деятелей этой отрасли. В распоряжение этого общества правительство отдало несколько десятков оборудованных им уже во время войны на казенный счет картофельных заводов (потребность в картофельной муке крайне повысилась вследствие обязательной примеси ее к хлебу, отсюда — новые заводы). Монополия торговли кормовыми средствами для скота отдана «Союзу германских сельских хозяев», объединяющему большинство крупных помещиков страны. По этому же типу домогаются теперь аграрии (пока безуспешно) переустройства «Военно-зернового общества», которому предоставлена хлебная монополия. Сейчас из 13 членов правления 5 представителей больших городов, 3 представителя крупнейших индустриальных предприятий (в том числе Крушпа) и 5 представителей прусского правительства — фактически почти сплошь ставленники юнкеров. Но последние недовольны «засильем потребителей» и требуют, чтобы председатель был лицом с видным сельскохозяйственным положением по назначению правительства, чтобы шесть членов избирались прямо «Германским сельскохозяйственным советом» (центральное представительство аграриев во главе с председателем прусской палаты депутатов графом Шверином) и чтобы остальные шесть избирались лишь отчасти городскими думами как представителями потребителей. Подобным

же образом организована между прочим азотная монополия (удобрения и пороха). Часть денег внесли крупнейшие химические и электрические предприятия, 40 млн. мар. внесло государство, затем организовано общее управление, которому и дается исключительная привилегия на производство азота внутри Германии, на ввоз азотистых соединений извне (например чилийской селитры) и на торговлю ими вообще.

История знает на заре капитализма привилегированные частнохозяйственные компании, получавшие монополию на торговлю с Индией или иную, с участием государства в доходах. Тогда государство не вносило обычно своего пая. Теперь германская казна является представителем и управителем громадных капиталов, помещенных в имперский банк. Черпая оттуда и обладая «полнотой государственной власти», она соединяется с той частью работающего в данной отрасли индустрии промышленного и банковского капитала, которая еще не предоставлена была непосредственному управлению имперского банка (который и сам организован так, что в правлении его рядом с представителями государства заседают с решающим голосом также представители «Дейтше Банк», «Дисконто-Гезельшафт, Дрезднер Банк» и других важнейших акционерных учреждений этого рода). А бюджетным оправданием подобного рода организаций государственных монополий является соображение, что при данном типе не приходится затрачивать специальных средств на выкуп всех предприятий, выпускать для этого государственные займы и т. п. Достаточно приобрести влияние на часть производства, непосредственно или через группу зависимых банков, и затем, опираясь на экономическую мощь имперского банка и политическую силу — провести добровольное объединение всей отрасли индустрии и снабдить созданный центр привилегией государственной монополии, с высшим контролем над ней имперского банка, соуправляемого, в свою очередь, важнейшими центрами накопления частного, еще не доверенного прямо государству для управления капитала.

Согласно этим принципам начинает теперь Гельферих организовывать папиросную монополию, готовится монополию страхования жизни и ведет переговоры об одной из важнейших — о монополии производства электрического тока. По инициативе имперского правительства в апреле 1915 г. образовался консорциум из 8 банков: «Дейтше банк», «Дрезднер банк», банк Блейхредера и т. д. Этот консорциум «по приглашению имперского министра финансов» («Ди Банк», хроника майского номера) купил самое большое в Германии табачное общество («Иасматци-концерн»), которое распоряжается целым рядом «дочерних обществ». Поскольку оно не имело большинства акций некоторых «дочерних», т. е. руководимых им обществ, было докуплено соответственное количество их акций. «Иасматци-концерн» производил 23 % всей немецкой фабрикации папирос. Он был попыткой американского треста обосноваться на германской почве — теперь она уступит место но-

вой монополии. Банковский консорциум обязался через полгода по заключении мира заплатить американскому тресту 20 млн. мар., а правительство оставило за собой право перенять у банков купленные фабрики, когда найдет своевременным. Фабрики, производящие остальные три четверти производства, еще ранее выразили готовность примкнуть к монополии.

Табачная промышленность принадлежит к числу наиболее организованных, что составляет, понятно, весьма важное условие для легкости введения государственной монополии. В табачной индустрии Германии в целом занято около 170 тыс. рабочих. Гораздо более важна и мощна другая отрасль — электрическая. Здесь есть два «концерна», причем под каждым подразумевается руководящее им общество и все контролируемые им предприятия: один — «Сименс-Шуккерт» и другой — «Всеобщая компания электричества» (А.Э.Г.). Весь акционерный капитал первого (сименсовского) концерна доходил в 1913 г. до 1 300 млн. мар., причем у двух только из входящих в него фирм («Сименс и Гальске» и «Заводы Сименс-Шуккерт») в ноябре 1913 г. было 83 тыс. рабочих и служащих. Весь акционерный капитал второго концерна (А.Э.Г.) доходил в это время до двух миллиардов марок, причем число рабочих и служащих одного только основного общества «Всеобщая компания электричества» составляло 70 тыс. Вне этих двух центров стояли только около 400 специальных электротехнических предприятий с общим числом рабочих в 85 тыс. (эти предприятия объединены в союз). Но самое замечательное — это то, что в «наблюдательных советах» обоих концернов сидят представители одних и тех же семи банков: «Дейтше Банк», «Берлинер Гандельсгезельшафт», «Дисконто-Гезельшафт», «Дрезднер Банк», «Дармштадтер Банк», «Дельбрюк», «Блейхредер». Кроме этих, у А.Э.Г. имеются представители еще 6 мелких, а у «Сименс-Шуккерт» — еще 4 мелких. Совпадение группы банков, руководящих наблюдательными советами обоих концернов, показывает, что они уже действуют вместе. Поэтому электрическая промышленность и намечается Гельферихом одной из первых для монополии. Однако сначала предполагается монополизировать лишь производство тока и доставку государством электрической силы и света потребителям. Вся Бавария будет обслуживаться между прочим всего двумя центральными станциями, — вообще предвидится большой технической выигрыш и экономия от монопольной централизации дела.

Оба электрические концерна могли бы похвалиться, что это именно они популяризовали в Германии «смешанно-монопольную» систему, хотя не на государственной, а на коммунальной почве. Я имею в виду систему, придуманную ими в ответ на начавшееся распространяться в Германии движение в пользу муниципализации электрических заводов, обслуживающих нужды города. Концерны предложили городам основывать такие заводы, половину акций которых даром получали бы города, половина оставалась бы у концернов, причем город не затрачивал бы средств на выкуп или постройку

завода, но снабжал бы его монополией в данном городе. И началось и продолжалось все последние годы победное шествие по германским городам этой системы, оставляющей на деле руководящую роль за концернами, а не за городской половиной членов наблюдательного совета. Теперь, как раз в тот момент, как город Берлин наносит удар успеху этой системы муниципализацией обслуживающих его электрических заводов, Гельферих собирается нечто подобное распространить в грандиозных размерах на всю империю. «Монополия без выкупа», государственная монополия с сохранением прав собственности владельцев на их акционерный капитал и заводы — вот форма, резко отличающая монополию «государственного капитализма» от традиционных фискальных монополий, когда правительство осуществляло ее без «частных соучастников» (например монополия торговли табаком в некоторых европейских государствах, монополия винной торговли или производства играль-ных карт в России и т. д.).

Выступление имперского правительства в роли монополизатора разных отраслей индустрии при прямом лишь частичном участии в каждой из них и при опоре на экономическую силу имперского банка весьма облегчается теми отношениями в банковом деле, какие с особой наглядностью выяснились во время войны. Это один из важнейших пунктов во всем вопросе о грядущей организации германского хозяйства.

Сила акционерных банков заключается, как известно, в сосредоточении в них почти всех свободных капиталов страны, которым они дают затем применение по своему усмотрению. Это ставит от них в зависимость как все уже существующие промышленные предприятия, так и учреждение новых. Их могущество простирается далеко за пределы того капитала, который действительно им принадлежит. Все германские банки (не считая ипотечных) владели в 1914 г. всего 3 900 млн. мар. собственного капитала, считая оплаченный акционерный капитал и все действительные собственные резервы. Из этой суммы около 44% приходится на долю только 3 крупнейших берлинских банков («Дейтше банк», «Дисконто-Гезельшафт», «Дрезднер Банк», «Дармштадтер Банк», «Берлинер Гандельсгезельшафт», «Коммерциелле Дисконто Банк», «Национале Банк», «Миттельдейтше Кредитбанк»). Имея к 30 июня 1914 г. в общем 1 721 млн. мар. своих средств, эти восемь банков распоряжались в то же время еще 6 186 млн. мар. чужих денег, вложенных в них со стороны. Итого они сосредоточивали почти 8 млрд. Для сравнения можно упомянуть, что сумма всего капитала, каким располагают все акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью Германии (считая опять и акционерный капитал и действительные собственные резервы), кроме только банков (и ипотечных, на которых приходится 1,2 млрд. собственных средств), составляла к 1914 г. всего 19 млрд. мар. Долги их составляли около 5 млрд. (в том числе ипотечные 1,2 млрд.). Банки доставляли им не только оборот-

ный и долгосрочный кредит, но и владели частью их акционерного капитала.

Любопытную справку о роли банков в германской индустрии представляет собою недавно опубликованный список адресов тех «военных центров» разных отраслей промышленности, о которых я уже писал. Оказывается, адрес каучукового центра находится в конторе «Дейтше Банк»; кожевенного — в конторе «Коммерциелле Дисконто-Банк»; металлического — в банке «Дельбрюк»; химического — там же; джутового — в банке «Дисконто-Гезельшафт»; льняного — в «Дармстадтер Банк» и т. д. При этом надо иметь в виду, что война чрезвычайно усилила и еще усилит процессы как концентрации в самой промышленности, так и в подчинении ее банкам. Вот, например, 2 июня 1915 г. 10 берлинских банков опубликовали, что по взаимному соглашению отныне они будут «участвовать в свободной торговле ценными бумагами и совершать покупки и продажи их». Продажа и покупка за наличный расчет, и всякая бумага должна быть доставлена не позже 48 часов после сделки — никаких сделок на срок, никаких комиссионных поручений банки не принимают, покупают и продают исключительно за свой счет, словом, полностью соблюдать все постановления Союзного Совета, ограничившего на время войны фондовую биржевую торговлю, воспретившего сделки на срок, составление и публикацию курсовых таблиц и т. д. Казалось бы, ничего особенного нет в затее десяти банков, — а посмотрите, какой эффект вызвала она в деловом мире!

Десять банков, выступивших коллективно с этим циркуляром, все наши знакомцы: «Дейтше Банк», «Дрезднер Банк», «Банк фюр Гандель унд Индустри», «Национале Банк», «Коммерциелле Дисконто Банк», «Миттельдейтше Кредит Банк», «Блейхредер», «Мендельсон», «Дельбрюк». Это та же группа, которая правит главным «военным центром германской индустрии». Хочет теперь она малого — планомерно распределить между банками владение акциями тех предприятий, которые интересны тому или иному из них. Допустим, какое-либо предприятие не хочет подпасть под власть того или иного банка — тогда оно стремится удержать в своих руках половину своих акций или хотя бы не дать банку скупить на бирже крупную их часть. Биржа в мирное время функционирует нормально, каждое предприятие может следить, не предлагаются ли его акции к продаже в большом количестве, не скупает ли кто-либо их систематически и т. п. Теперь же банки получают возможность беспрепятственно скупить нужную им долю тех акций, в которых они заинтересованы. Один банк сообщает остальным девяти: я покупаю такие-то акции. Все девять запрашивают своих клиентов, имеющих эти акции, не желают ли они продать (причем действительный покупатель остается клиенту неизвестным, он имеет дело только со своим банком). При нынешних обстоятельствах многие владельцы акций предпочтут обменять их на наличные, — и дело сделано. Банку же ничего не стоит по-

местить купленные им бумаги в имперском банке и обеспечить себя таким путем (под залог их) платежными средствами, — если бы оказалось мало прилива вкладываемых в него и поручаемых его управлению средств со стороны.

Последнее пятнадцатилетие пред войной было в Германии периодом стихийного нарастания власти банков над промышленностью. Теперь достигнуто между главнейшими банками, повидимому, полюбовное соглашение о планомерном движении в этом направлении соединенными силами, а окончательного завершения дела и, может быть, формального или закулисного объединения всех крупнейших банков Германии в единый центр финансового капитала надо ждать уже впоследствии. Конец войны, каков бы он ни был, должен создать в Германии хозяйственную конъюнктуру, благоприятную завершению подчинения промышленности банкам. Сначала, конечно, будет некоторое оживление промышленной деятельности вследствие необходимости восстановить производственный аппарат, износившийся во время войны, и всякие растроченные запасы (рельсы, вагоны, дома, пушки, пароходы и т. д.). Но потом неизбежно должно сказаться сужение того базиса, на который, в конце концов, опирается вся индустрия, — непосредственного народного потребления. С одной стороны, из народного потребления будет взята значительная часть на рост бюджета государства, каким придется оплачивать итоги войны. С другой стороны, в страхе окажется не только меньше рабочих сил (количество взрослых здоровых мужчин после войны уменьшится) и оставшиеся должны будут поэтому большую прежнего часть итогов своих усилий обращать на оплату владельцам «должным доходом» прилагаемого в стране капитала, но они должны будут часть своих усилий посвятить оплате еще того капитала, который обычно экспортировался из Германии за границу и оплачивался доходом силами иностранного населения, теперь же остался в стране и был расстрелян ее правительством на воздух, ничего не дав для увеличения ее производительных возможностей. В итоге могущая быть потребленной доля результатов всего народного труда должна таять с двух концов: и от меньших против прежнего размеров рабочей силы страны, и от большего против прежнего процента обращения результата труда германского народа на оплату всего капитала, который он принужден оплачивать. Пусть у владельцев прав на доход нации, т. е. у тех 3% ее населения, которые дали империи военные займы, и у всех тех, кому действительно принадлежит производительный капитал нации (как показывают списки главнейших подписчиков на заем, публиковавшиеся в газетах, эти две категории совпадают), — пусть у них пока накопляются зато не меньшие прежнего свободные суммы, те же 6 млрд. мар. в конце каждого года или даже больше, — это само по себе не может дать все же расширения индустрии. Ибо раз вся масса нации стала потреблять меньше платяев, сахару, стала жить в меньших квартирах, экономить на отоплении, освещении, на по-

ездках, меньше покупать готовых металлических, стеклянных и т. п. изделий, то нет смысла вкладывать новые средства для создания добавочных средств производства для поставки населению всяких предметов, когда оно не в состоянии будет использовать вполне и возможного производства уже имеющихся фабрик и заводов¹⁾. Меньше покупает народ платьев, посуды и т. п. — и неизбежно должны начать, в конце концов, меньше бегать по рельсам вагоны, меньше расти угольные копи и т. д. В обычное время в Германии в организацию созидания средств производства вкладывалось приблизительно в три раза больше капитала, чем в средства производства, предназначенные непосредственно для изготовления предметов потребления. Но первые три четверти базируются, в конце концов, на последней, и ее сокращение в Германии должно обречь на бездействие, как бывает в годы застоя после кризисов, всю продолжающую ежегодно накапливаться прибыль. Даже удачная для Германии война 1870—71 гг. вызвала то же явление: сначала оживление для восстановления разрушенного и т. п., потом застой вследствие сужения и без того узкого базиса индустрии — народного потребления. То же имело место тогда и во Франции — победа и поражение оказались в данном отношении равнозначными. Капитал вновь основываемых за год акционерных обществ составлял в Германии по имперской статистике в 70-х годах:

Годы	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880
Млн. мар.	1478	544	106	46	18	43	13	57	92

Но застойное состояние промышленности, которое должно наступить, повидимому, через пару лет после нынешней войны на время, пока страна залечит свои раны (прирост рабочих сил; постепенное снижение нормы прибыли, в частности конверсии займов и т. д.), — это застойное состояние должно вызвать в Германии два выгодных для усиления роли банков последствия. По невозможности обращать накапливающиеся свободные средства в непосредственное учредительство новых предприятий эти средства будут полнее прежнего стекаться в кассы банков, поступать в виде вкла-

¹⁾ Все эти предвидения 1915 г. оправдались после войны (1919—1926 гг.) в той же последовательности, как мной намечались: сначала сравнительное оживление, потом его остановка и «реорганизация» промышленности сократительного свойства (1926 г.). Можно думать, что, когда непосредственные следствия войны более сгладятся, опять темп хозяйственной жизни Германии усилится, но уже на более высокой технической и организационной базе («о реорганизации» подробнее см. в брошюре моей «Пути развития капитализма»). В период инфляции роль германских банков, конечно, пошатнулась — заводы из камня и железа стали приобретать приоритет над «фиктивным капиталом» банковских бумаг, — но после стабилизации валюты в период протекающей теперь реорганизации германской промышленности банки вернули себе свои позиции (жонец Стиннеса и пр.) с избытком. Примечание 1926 г.

дов в их полное распоряжение и управление¹⁾. А неуверенно чувствующая себя промышленность попадет в еще большую прежнего зависимость от банков, многие мелкие и средние предприятия закроются, банкам легче будет проводить в жизнь свой надзор и столь выгодное для них объединение разных отраслей индустрии в картели и тресты.

До сих пор, как известно, непропорциональность производства и связанные с нею периодические торгово-промышленные кризисы обязательной своей предпосылкой имели непропорциональное общественным потребностям направление свободного капитала к помещению в разные отрасли индустрии. Как остроумно показал в 1910 г. Гильфердинг, тресты и синдикаты не могут устранить кризисов, ибо каждый из них регулирует лишь одну отрасль индустрии, лишь в ней устраняет стихийный ход вещей, основанный на беспорядочной частной конкуренции и т. д. Но вся масса свободного капитала в обществе, еще никуда не приложенного и лишь ищущего себе применения, — не подвластна ни одному тресту. И ее непропорциональное направление к помещению в разные отрасли индустрии неизбежно вызывает кризис: все стремится в более выгодную отрасль, она переполняется и т. д. Ослабить же это может только создание единого финансового центра для всего свободного капитала в стране, который планомерно размещал бы этот капитал и равномерно оплачивал, что подразумевает, понятно, полное подчинение ему индустрии. Если все главные банки составят единый банковый синдикат, явный или тайный, к чему, повидимому, идет дело в Германии, если главную часть оборотного и основного капитала крупноиндустриальных предприятий будут получать от этого синдиката, через посредство этого синдиката, в распоряжении которого будет сосредоточена подавляющая часть всего свободного, ищущего доходного помещения капитала страны, — то доходы всех промышленных предприятий будут сосредотачиваться в распоряжении банков, которые и будут затем выдавать всем вкладчикам-капиталовладельцам одинаковый процент на все их вклады, безотносительно к индивидуальной доходности многообразных предприятий, прибыль от которых банковский синдикат слил в одну подлежащую распределению массу. К такому порядку, еще незадолго до войны предсказанному г. Ратенау, одним из крупнейших финансовых магнатов Германии (руководитель электрического концерна А.Э.Г.), несомненно, приближают германскую хозяйственную жизнь как война с ее грандиозным содействием концентрации состояний и власти банков, так и перспективы послевоенного времени (когда пройдет мимолетное оживление). Громадные прибыли военных поставщиков и крупных землевладельцев обозначают, конечно, кстати сказать,

¹⁾ После стабилизации валюты в Германии (1923 г.) это там и наступило. *Примечание* 1926 г.

не что иное, как передвижение к ним части состояния среднего и малоимущего слоев населения.

Но в этом движении к «единому банку» магнаты капитала встречают теперь в Германии по пути интересное явление: само государство превращается в банк, само государство делается центром, непосредственно открывающим в широчайших размерах прием для доходного помещения свободного капитала страны (внутренние займы военного времени). Само государство делается обязанным оплачивать доверенные ему громадные суммы, как банк обязан это делать по отношению к своим вкладчикам. И само государство, не желая разрешить задачи налоговым путем, подобно банку, помещающему доверенные ему средства в индустрию, собирается вызвать к жизни громадные индустриальные монополии, чтобы извлечь оттуда доход, нужный для оплаты предоставленного ему капитала. Германское государство хочет выступать само промышленным предпринимателем на место тех германских капиталистов, которые доверили ему несколько десятков миллиардов марок, но выступает, предварительно растратив их непроизводительно на войну, и в этом крупное отличие от индустриального грондерства банков. Мы знаем уже, как германское правительство думает помочь этому делу: оно организует не отстранение банков и предпринимателей от монополизированной индустрии, а кооперацию с ними, в которой одна сторона дает свой производительный капитал, а другая — политическую власть, наделяющую предприятие привилегиями монополии со всеми сопряженными с этим выгодами, вроде возможности не передавать потребителю сбережений от централизации дела. В сущности, и в конечном счете тут имеются вовсе не две стороны, а одна сторона — класс капиталистов в двух проявлениях: один раз в своем «натуральном» виде массы обособленных индивидов, а другой — организовавшийся в государство и договаривающийся от лица своей совокупности с каждым из входящих в его состав индивидов в отдельности. Это обстоятельство сказывается и на характере монополий д-ра Гельфериха. Ведь такая монополия имеет в виду, разумеется, не интересы потребителя, а интересы кредиторов государства, и для удовлетворения обязательств им и устраивается. Но ведь другая часть их капитала вложена как раз в предприятия, подлежащие монополизации, — нельзя же, ради меня, меня же отстранять от моего дела, — говорит капиталист. — Я дал государству деньги, и д-р Гельферих, управлявший ими раньше в «Дейтше Банк», теперь пусть управляет ими в качестве министра финансов. А если у казны их больше не осталось — у нее осталась власть устранить конкурирующие предприятия (например, американский трест, захвативший четверть моего табачного производства), власть заставить их соединиться со мной в один трест, власть избавить нас от иностранной конкуренции без всяких таможенных пошлин, — и за применение этой власти пусть казна положит себе в карман весь тот добавочный доход, который получится вследствие технического

прогресса и сбережений от концентрации и централизации и который без этого путем понижения цен под влиянием конкуренции достался бы потребителю. И этот добавочный доход пусть казна затем выплатит мне же как проценты по предоставленной мною в виде военных займов в ее распоряжение части моих средств... Таковы соображения, побуждающие депутата Пашнике «оставить прежние сомнения» относительно монополий. Получается довольно гармоничное объединение верхов германского капитала и вершин государственной власти.

Исключительная роль имперского банка обнаружилась в первые же дни войны. Из некоторых банков в несколько дней было вынута 30 % доверенных им средств, в среднем же по расчету А. Лансбери, издателя «Ди Банк», около 20 %. Ни один банк не мог бы сам сразу выплатить такую долю — и все банки бросились перемещать свой портфель в имперский банк, получая оттуда взамен кредитки для расплаты. Сумма вкладов в имперский банк, составлявшая на 23 июля 1914 г. всего 1 131 млн. мар., к 23 августа 1914 г. достигла уже 5 млрд., почти ровно на 4 млрд. превысив сумму вкладов на то же число предыдущего года.

Если при начале войны имперский банк влиял главным образом через посредство частных акционерных банков, то в дальнейшем он выступил уже непосредственно как центр собирания свободного капитала страны. Именно, обычно государственные займы выпускаются через посредство какого-нибудь консорциума банков. При займах мирного времени так делалось и в Германии, но никогда в мирное время не шла речь о таких суммах, как теперь, и ни один консорциум банков не мог бы взять на себя обязательство предоставить правительству 5 или 10 млрд. мар. при неудаче подписки. И имперский банк оба германские военные займа на общую сумму 13,5 млрд. мар. выпустил от своего имени, без всякого консорциума и «комиссионных».

Став непосредственным центром собирания свободного капитала, имперский банк сделал затем и следующий шаг по пути превращения своего в финансовый, т. е. в предназначенный для помещения в промышленные предприятия: он стал вкладывать средства непосредственно в торговлю и индустрию, по мере все усиливавшегося участия государства в хозяйственной жизни. Он финансирует устройство нескольких десятков картофельных заводов, принимает участие в финансировании хлебной монополии, в учреждении заводов по извлечению азота из воздуха и т. д. Теперь ему предстоит еще играть крупную роль при финансировании грядущих монополий. Таким образом в результате усиления участия государства в хозяйственной жизни рядом с частными банками вырастет государственный с таким же характером деятельности, как у них, но еще в гораздо более грандиозном размере.

В имперском банке, превращающемся в огромный центр свободных капиталов, финансирующий индустрию, частные акционерные банки найдут именно тот мощный центр, который в силах

преодолеть частные расхождения интересов между ними и привести их к единому «банковскому синдикату», порою само тому как сами банки оказываются в силах преодолеть расхождение интересов между отдельными предприятиями какой-либо индустрии и привести их к картелю.

В громадной степени в нынешней Германии возрастает доля свободного капитала страны, предоставляемого его владельцами для доходного помещения непосредственно государству. Государство делается центром, управляющим этим капиталом в интересах доверителей. Государство делается не только крупнейшим центром финансового капитала, не только самым большим предпринимателем страны, — капиталистическое государство прямо включает в свое хозяйство все большую часть производительной деятельности нации. Если, с одной стороны, возрастает количество капиталистов, доверивших государству реализацию дохода с их капитала, то, с другой стороны, возрастает до чрезвычайности количество людей, делающихся непосредственно наемными рабочими и служащими государства. Уже и теперь Германия как государство (империя и составные государства) занимает непосредственно столько лиц, что с членами семейств число их приближается к десяти миллионам. С осуществлением планов о новых монополиях, — а ни одна партия не указала пока еще другого исхода, — количество лиц, живущих наемным трудом на государственную власть, достигло бы десятков миллионов. Охваченные хлебной и кормовой монополией, 5 миллионов крестьянских семейств тоже принуждены будут смотреть на власть снизу вверх: не с ними ведь, а с крупными землевладельцами будет «кооперировать» в данной области д-р Гельферих.

Понятно, к какому обострению борьбы за политическое влияние должна повести подобная ситуация в Германии. Раз от государства зависит и размер заработной платы и размер дохода на капитал, то обе стороны с особым упорством должны будут стремиться, одни — попрежнему удерживать руль государственного корабля, другие — захватить его в свои руки. Увеличение объема государственного хозяйства, которое делается одним из главных приложений их состояния, должно будет сделать господствующими классы Германии особенно неуступчивыми в политическом отношении. Так как это будет происходить в обстановке непрерывного роста рабочих организаций и, может быть, после некоторых уступок пролетариату в первое время после войны до окончательного установления нового положения¹⁾, то легко можно себе представить остроту внутренних столкновений в Германии грядущего. Характерен отзыв умереннейшего Легина, председателя центрального органа профессиональных рабочих союзов, с.-д. депутата рейхстага и истинного вождя той подавляющей части немецких рабо-

¹⁾ Первый период после войны действительно принес рабочим некоторые уступки (8-часовой день, расширение избирательных прав и т. д., вплоть до временного провозглашения «социалистической республики»), которые затем в значительной мере были взяты обратно. **П р и м е ч а н и е** 1926 г.

чих, которая «считает теперь своей обязанностью защищать Германию от разрушения». В недавно выпущенной брошюре («Почему деятели профессионального движения должны больше участвовать в жизни партии») он, этот глава «Бургфридена» (классового перемирия с буржуазией) в рабочей среде, заявляет: «Эпоха после заключения мира будет в Германии эпохой жесточайшей борьбы в никогда не виданных еще размерах между германскими рабочими и германским капиталом». Пример ли он сам в ней «жесточайшее» участие, посмотрим. Но предсказание его вполне соответствует объективным тенденциям экономического развития.

Германское хозяйство идет к планомерно-организованному господству крупного капитала, осуществляемому кооперацией государства с крупными банками. Для одних государство превращается в центрального доверенного управителя их капиталов; для других — оно делается нанимателем-хозяином многомиллионной массы. «Государственный капитализм» ведет к необычайному обострению и наглядному обнаружению противоречий между разными слоями общества. В сознании масс он выводит вместе с тем государственную власть Германии из того состояния нейтральности в между-классовой борьбе, в котором ее все еще полагает подавляющее большинство германских трудящихся (судя по их голосованию на выборах и прочему поведению).

Описанного типа общественное здание на основе современного развития трудового самосознания и производительных сил — подобное здание можно было бы воздвигнуть, но удержать его навсегда не будет возможности. Скорее всего движение рабочих масс исторически предупредит самую возможность законченного его построения. Современная Германия представит собой любопытнейшую социальную лабораторию человечества.

4. ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОГО ГОСКАПИТАЛИЗМА ¹⁾

I

Интересно, сознавали ли люди начавшееся обратное экономическое движение (регресс) при его возникновении в прошлые времена истории, или за массой событий, воспринимавшихся как временные потрясения и нарушения нормального порядка, не видели общего смысла эпохи. Например, в Великой римской империи были уже зачатки буржуазных отношений, вообще экономически она стояла выше, чем сменивший ее строй кучи варварских государств, образовавшихся вместо этого обширного интернационального целого. Человеку нашего времени кажется странным преувеличением, вероятно, если о высокоразвитой Германии говорить как о стране, начавшей идти в общественном отношении

¹⁾ Напечатано в «Вестнике Европы» за август 1916 г.

к своего рода средневековью. Должно быть, подобное же отношение к непривычному, как у нас сейчас, было и у римлянина в начальной стадии эпохи упадка — когда жаловались на кучу конкретных бед и недостатков, но не представляли себе еще всего их исторического смысла. Несомненно, сейчас имеется движение вперед в смысле роста экономической организованности, выражающееся в мерах широкого и решительного воздействия на хозяйственную жизнь со стороны германской государственной власти и столкнувавшихся ради этого с нею и между собой главных центров германского капитализма. Но в смысле материального содержания война подвинула хозяйство назад.

В сентябре 1914 г. я напечатал в «Русских ведомостях» корреспонденцию о «мобилизации германского хозяйства», где рассказал о начавшейся планомерной реорганизации немецкой хозяйственной жизни, об образовании центрального «военного комитета индустрии» и т. д. Следовательно, не отсутствием сведений об успехах Германии в области хозяйственной организации объясняются одновременно высказанные ожидания начала поворота к «экономическому варварству», если война не будет положен конец в ближайшие годы определенным путем. Наоборот, позволю напомнить, что уже тогда, два года назад, я показывал, что при помощи организации Германия сможет не умереть с голода в предстоявшие годы, — чему не хотели верить в то время столь многие, склонные, наоборот, видеть «движение к социализму» в тех мерах, совокупность которых я характеризовал дернизированной оболочке (крупное производство).

Государственный капитализм на основе падения производительных сил — это возврат к своему рода феодально-цеховому строю в дернизированной оболочке (крупное производство).

Если полтора года назад, говоря о «государственном капитализме», я указывал лишь на сходство некоторых моментов с установлениями цехового периода (сводя объяснение к возникшей в Германии ограниченности и известности рынка и т. п.) и рисовал древнее Перу как «идеал», к которому приближаются отношения — то теперь можно еще учесть достаточно уже обозначившийся факт падения производительных сил, как тот фон, на каком воздвигается в настоящее время здание государственного капитализма. Наличием этого фона объясняются некоторые особенности в установившейся ныне организации и тот характер, который приобрела вся организация: приспособление капиталистов на пути движения страны к уровню производительных сил докапиталистического периода.

Разумеется, это не значит, что Германия разбивается на ряд замкнутых местных рынков и т. п., как было в средние века.

Если почти исчезли велосипеды (запрещены) и почти исчезли автомобили (запрещены в большинстве случаев), то железные дороги еще действуют. Черты феодально-цехового строя возрождаются теперь в модернизированной форме и при иных масштабах в мире хозяйственных явлений, чем в средние века, т. е. в условиях крупного производства. Ниже дана сводка характерного в этом отношении в области экономической жизни.

Что за более совершенной организационной формой скрывается более бедное материальное содержание — на этот счет не делают себе иллюзий и сами немцы. Ярче всего это выражается в общераспространенном сознании неизбежности в послевоенном периоде более низкого уровня жизни в Германии, чем какой был до войны, и уменьшения производимой массы товаров вообще ¹⁾. Недавно в Берлине состоялась обширная конференция по вопросу о «массовом кормлении». Участвовало свыше ста представителей всех германских правительств, делегаты шестидесяти крупных общественных организаций, бургомистры, ученые и т. д. Председатель, министр фон-Меллер, закончил свою заключительную речь так: «Разные из вызванных войной к жизни установлений будут продолжать существование и после войны. Навязанная нам войной привычка к умеренности должна быть удержана и в мирное время. До войны потребление разных видов продовольствия, например, мяса, доходило до отвратительной расточительности» (цитирую по «Форвертс» от 5 июля 1916 г.). Между тем потребление мяса германскими рабочими перед войной составляло всего 75 г в день на душу, в среднем менее одной пятой русского фунта (по исследованию имперского статистического бюро). Даже такую скромную среднюю величину министр фон-Меллер находит недостижимой для будущего. Если уж таковы перспективы относительно продовольствия, то легко составить представление, насколько хозяйственные итоги войны умалят, откинут назад удовлетворение других, менее настоятельных потребностей — в платье, в помещении и т. д. Чтобы избавиться от таких следствий, германскому народу надо уничтожить все проценты по займам и вообще всю капиталистическую эксплуатацию, дабы иметь возможность все силы общества сосредоточить на поднятии уровня народного быта и культуры. Тогда и уменьшенных сравнительно с состоянием перед войной производительных сил хватило бы, чтобы жить в общем не хуже, вероятно, даже лучше, чем до войны, и во всяком случае — быстро улучшать это состояние.

Но в настоящий момент нельзя учесть, наступит ли достаточно скоро после войны в Германии подобная перемена, мыслимая

¹⁾ Как известно, еще и в настоящее время, через 8 лет после войны, Германия еще не во всех отношениях дошла до довоенного уровня. Примечание 1926 г.

вообще лишь в определенной международной обстановке, а понижение уровня быта пока уже существующий факт.

II

По постановлению Союзного Совета от 10 июня 1916 г. с 1 августа одежду и белье можно покупать в Германии в каждом случае лишь при получении особого разрешительного свидетельства. Одежно-бельевые карточки отличаются от продовольственных тем, что последние (хлебную, масляную, мясную и т. д.) каждый человек имеет право получить и получает без всяких разговоров. А одежно-бельевая карточка будет выдаваться лишь тому, кто докажет агентам, утверждаемым центральным «имперским платьевым ведомством», что ему нужна новая такая-то вещь. По полученной карточке человек может затем купить желательную ему вещь в любом магазине Германии, либо купить для нее материю и заказать любому портному. Таким путем рассчитывают заставить донашивать все вещи до конца и износить также все немодные вещи, имеющиеся в частных хозяйствах и магазинах. В свою очередь фабрики и оптовые торговцы имеют право продавать товары только тем магазинам и портным, с которыми они состояли в постоянных деловых отношениях еще до 1 мая 1916 г. Следовательно, новые посредники исключаются, каждому производителю и оптовику указывается точно круг его покупателей, и обратно. Магазины и портные теряют право изготовлять платье и белье «на склад» (т. е. для продажи впоследствии в готовом виде пока неизвестным покупателям), а могут изготовлять их в каждом случае только на основании письменного заказа покупателя. Материи, платье и белье всякого рода должны продаваться в оптовой и в розничной продаже не выше, чем по ценам, существовавшим на эти материи, платье и белье в каждом предприятии 31 января 1916 г. В сомнительных случаях решают особые, повсеместно действующие третейские суды. За время с 10 июня до 1 августа разрешается всем магазинам продать лишь пятую часть имеющихся в них товаров (предварительно должен быть составлен полный и подробный список всего имеющегося в каждом магазине с указанием цен, как они были для каждой вещи 31 января 1916 г.).

От продажи с 1 августа лишь по разрешительным карточкам освобождены только три рода товаров. Во-первых, небольшая группа, сокращение потребления которой признано нежелательным по гигиеническим соображениям: детские пеленки, перевязочный материал, бинты и т. п. Во-вторых, те товары, беречь которые нет нужды, так как исчезновение их с рынка не нанесет, по мнению правительства, особого ущерба населению. Сюда Союзный Совет отнес: ленты, шнурки, подтяжки и подвязки, кружева, шапочки и шляпы, вуаль, зонтики, ковры, дорожки, цветные скатерти, корсеты, подбитую и покрытую мехом одежду, воротнички, манжеты, галстуки, ночные колоты, шелковые ботинки и носовые платки.

Иначе сказать, почти все это, особенно средние и дешевые сорта, будет немедленно раскуплено и затем исчезнет из продажи. Новых подтяжек, носовых платков и т. п. широкая масса германского населения уже долго не увидит. И даже после войны не увидит в прежнем количестве.

В-третьих, исключены предметы роскоши. К ним отнесены шелк и изделия из шелка, а равно все предметы одеяния дороже определенной цены. При этом все время имеются в виду цены, как они были 31 января 1916 г. «Роскошными» вещами отныне считаются в Германии женские рубашки от 6 мар. 50 пфенн. за штуку (3 руб.), мужские рубашки от 7 мар., женские шерстяные блузы от 15 мар., мужская жилетка от 10 мар., мужское летнее пальто от 65 мар. (30 руб.), мужское зимнее пальто от 80 мар., женский костюм от 80 мар., юбка от 25 мар. и т. д. Как видно, граница определена таким образом, что средне-зажиточные слои смогут покупать обычные для них по цене предметы одеяния без всяких разрешительных свидетельств. Ограничению, регламентации и контролю подвергнуты покупки только широких масс населения (в Германии 88% населения входит в семьи тех, чей месячный доход не достигает 101 руб. по довоенному курсу — по данным подоходного налога за 1914 год).

В первом заседании Совета имперского одежного ведомства 23 июля 1916 г. был рассмотрен вопрос о моде и предписано обязательное количество материй, больше которого нельзя употреблять для шитья каждой вещи. Например, для кофточки при ширине материи в 110 см можно израсходовать не свыше 1 м 80 см; для юбки к костюму при ширине материи в 130 см — не свыше 2 м 75 см; для платья девочки шести лет величиной № 65 при ширине материи в 110 см — не выше 2 м 20 см; для платья девочки восьми лет величиной № 75 при ширине материи в 110 см — не свыше 2 м 50 см и т. д., и т. п. На каждые 10 см, на которые материя уже приведенной ширины, накидывается 10% на длину. За каждый случай нарушения предписанных размеров — штраф не ниже 300 мар. и до тысячи.

Наконец 6 июля опубликованы имперским одежным ведомством руководящие начала относительно различения случаев, когда надо и когда не надо выдавать карточку на покупку предметов одежды. Правила разработаны довольно подробно в применении к разным частям населения и разным случаям жизни. Например, при вступлении в брак и основании собственного домашнего очага разрешается покупать и шить «не свыше пятой части обычно принятого количества», при вступлении девочки в пансион разрешается «без особых доказательств потребности» получить карточку для шитья платья и белья «в умеренных границах». Зато солдатам и унтер-офицерам воспрещается вовсе покупать себе белье (ибо получают от казны), не могут также покупать для них и родственники (специально оговорено). Агентами по выдаче разрешитель-

ных карточек на покупку платья назначены частью местные самоуправления (например берлинский магистрат).

Само собой, все эти ограничения не распространяются на вещи из шелка, шелкового бархата, меха, кисеи и кружев («роскошь»). Ширина юбок из таких материй не регламентируется, и покупать шелковые рубашки можно в любом количестве в меру кармана (запасы шелка в Германии велики и по «Рейхсарбайтсблатту» шелковые, бархатные и кружевные фабрики работают теперь довольно оживленно — единственные из всей текстильной индустрии). Пункт 4 постановления от 6 июля предписывает, буде поступят соответственные просьбы об одежно-бельевых карточках, — указывать за ж и т о ч н ы м кругам населения на подлежащие регулированию предметы).

В средние века в эпоху господства феодально-цеховых отношений каждому сословию тоже было точно указано, кому в чем ходить. Дворянство носило шелк и бархат, а «просторожденным» предоставлены были скромные материи с определением их ширины, цены и т. д. Промыслом, т. е. изготовлением и продажей материй и предметов одежды никто не мог заниматься, кроме признанных входящими в цех (сравните с постановлением 10 июня о круге лиц, кому фабриканты могут продавать свои изделия, о круге допускаемых к торговле и т. д.). Производство на открытый рынок, на неопределенного потребителя, которого надо еще искать, не признавалось; допускалась лишь работа на заказ.

Вся эта практика цехового строя воскрешается в Германии с постановкой во главе дела «последнего слова капитализма»: особого центра, представляющего собой комбинацию и «гармоническое сочетание» государственной власти и главных капиталистических организаций данной отрасли промышленности. Имперское одежное ведомство состоит из двух частей. Устройство его типично для всех нынешних подобных «имперских центров» в Германии, почему остановимся на нем подробнее. «Административный отдел» состоит из назначенных канцлером лиц с советом при них из представителей разных частей населения. Этот отдел осуществляет контроль над вторым отделом (деловым, коммерческим) и решает основные принципиальные вопросы: о размерах производства и нормах распределения, равно об уровне цен — в данном случае уровень цен уже предопределен состоянием их на 31 января 1916 г.

Вторым отделом является деловой, коммерческий. Им является «акционерное общество военного хозяйства» с основным капиталом в 16 млн. мар. Пайщиками состоят наиболее видные фирмы и капиталисты из области производства и продажи материй и предметов одежды, а также империя, некоторые составные государственного Совета «делового отдела» всегда является, впрочем, президент «административного отдела»). Деловому, коммерческо-

му отделу предоставляется фактическое проведение в жизнь нынешней «капиталистически-цеховой» системы. Во-первых, он руководит обменом между «отдельными городами и частями страны» (в средние века местные цехи дополнялись иногда гильдиями оптовиков, исполнявшими сходные функции). Это означает, прежде всего, контроль над сырыми материалами и распределение их между отдельными предприятиями по определенному плану. Так как заправилами «делового отдела» являются всегда крупнейшие фирмы данной отрасли промышленности и их союзы, то подобный порядок весьма усиливает позиции крупных капиталистических элементов. Во-вторых, «деловому отделу» принадлежит надзор и контроль над всеми предприятиями страны, право осмотра торговых книг, счетов с клиентами и т. д. Это открывает крупным предприятиям и их союзам, входящим в правление и наблюдательный Совет делового отделения, все торговые секреты их менее счастливых конкурентов и позволяет успешно отвивать клиентуру и подчинять себе средние предприятия. Мелкие, ввиду их технического несовершенства, «недопустимого при необходимости экономить рабочие силы и средства в военное время», чаще просто обходятся при распределении или удовлетворяются худшим товаром на невыгодных условиях, чем обрекаются на крушение. Безуспешные жалобы на такую практику периодически слышны в рейхстаге и в специальной печати.

Таким образом, происходит вообще движение назад, к цеховым порядкам, и в то же время оно сопровождается небывалым развитием и организованным закреплением господства капиталистической олигархии в каждой отрасли хозяйства, подвергнутой подобному регламентированию. В организации одежно-бельевого дела, — впрочем, как и во многих других отраслях, — очень отчетливо выражены четыре основных принципа, распространяемые теперь все ускоряющимся темпом с одной отрасли германского хозяйства на другую.

1. Законодательное закрепление неравенства качества потребления разными слоями населения (ср. ниже о «массовом кормлении» и т. п.).

2. Прикрепление к промыслу и ограничение его кругом допущенных лиц, «искони» к нему принадлежащих (отмена свободы промышленности).

3. Создание определенного рынка: точная связь между данным потребителем и данным торговцем и производителем (ср. ниже о «прииске клиентуры» и т. п.), т. е. отмена производства на открытый рынок и точная регламентация цен.

4. Проведение всего этого путем сочетания в центральной руководящей организации государственной власти и капиталистических синдикатов.

Государство подчиняет монопольному руководству соответственного капиталистического синдиката все предприятия данной отрасли хозяйства, доселе стоявшие вне синдиката и не подчинявшиеся ему; иногда закон принудительно заставляет их вступить в него (ср. ниже недавно изданные законы о водочной монополии, о цементе, о торговле скотом, о банках и т. д.). Взамен этого усиления власти (и доходности) монопольного капиталистического центра государство обеспечивает себе контроль над ним («административный отдел»), дабы одна группа капиталистов не использовала своего монопольного положения в данной отрасли слишком в ущерб остальным предпринимателям, коммерсантам и финансистам страны. Так как контроль осуществляется правительством капиталистического строя, то он, естественно, преследует цели тех кругов, интересы которых этот режим вообще представляет.

Теперь уже для многих отраслей хозяйства созданы в Германии монопольные имперские центры указанного типа (в смысле разделения на административный и деловой отделы и строения, состава и полномочий этих отделов). Функции «деловых отделов» подобных центров иногда смешивают с обычным синдикатским объединением предпринимателей и хотят видеть в нем простое повторение практики капиталистических объединений, очень заметно проявляющейся повсюду уже до войны. Сходство заключается в том, что и «деловой отдел» какого-либо центра подчиняет себе всю соответственную отрасль промышленности и регулирует в ней все отношения, как какой-либо синдикат, и даже еще в большей мере; в большей, ибо за «деловым отделом» стоит вся сила государственной власти («административный отдел»), и веле-нием закона он достигает столь полного подчинения себе всех предприятий данной отрасли, какого обычные довоенные синдикаты не достигали. Но этим внешним формально-организационным сходством дело не ограничивается, — разница в содержании. Особенность нового типа сразу обнаруживается, если обратить внимание на существо дела: какими изменениям в производстве соответствуют, какими изменениями в производстве обслуживаются оба типа централизованно-монопольного регулирования — довоенного синдикатского и нынешнего «государственно-капиталистически-цехового». Синдикатские объединения прежнего времени жили в обстановке расширения сбыта и постепенного поднятия уровня жизни населения. Они не имели нужды поэтому прибегать к регламентации средневекового типа. Нынешние «центры» с

их «деловыми отделами» создаются в обстановке прочного понижения прежнего уровня жизни населения, сокращения спроса и сокращения производства.

Средневековые черты всей этой регламентации возникли на почве движения уровня жизни и уровня производства назад. Приближение быта к прежним временам сопровождается и реставрацией разных характерных черт экономической организации прежних классов, но под руководством (и с соблюдением интересов) класса капиталистов. Зачем было бы пять лет назад предписывать, кто должен довольствоваться «массовым кормлением», выдаваемым из центральных кухонь, а кто может готовить дома, — когда производство шло все вверх, когда для руководящих слоев германского населения не было опасности остаться с недостаточным количеством шелка или еды лучшего качества (например, мяса высшего сорта). Теперь народный труд, взятый в целом, не в силах обеспечивать стране столько шелка и иных продуктов высшего качества, как до войны, если не понизить еще более удовлетворение потребностей низших классов, и не сможет без этого, как единодушно утверждают немецкие экономисты и деятели правящих классов, обеспечить их в прежнем количестве и после войны. Ныне все это, конечно, еще усиливается сравнительной отрезанностью страны от большей половины ее внешнего рынка. Но, как увидим, немцы отлично понимают, что дело не только в отрезанности от заграницы, а в понижении производительной способности самой страны. Отрезанность со временем прекратится, но понижение останется тем в большей степени, чем более длительно будет подвергаться разрушительному влиянию участия Германии в войне ее материальные и личные силы. Вещи, дома и машины изнашиваются без надлежащего восстановления и теряют часть своих технических достоинств. Люди слабеют от перенапряженной работы, а некоторые сверх того от переваливающего уже на третий год пребывания в окопах, то на западном, то на южном, то на восточном фронтах. К тому же людей делается меньше, как от большого числа погибающих, так и от крупного числа нерождающихся; работоспособность населения Германии оказывается надолго уменьшенной. В итоге велосипед заменяется пешим хождением, кожаные ботинки на ногах заменяются картонными (см. ниже постановление по этому поводу Союзного Совета), и самый картон делается уже не из бумаги, а из «искусственного» ее суррогата. Хотя и не в такой мере, но известное понижение качества и количества потребления после войны уже обеспечено, и, пока не видно предела войне, будет продолжаться и усиление этого понижения и нарастание в соответствии с ним средневековых черт в общественном содержании экономической организации общества.

III

Раньше, чем идти дальше, надо привести несколько иллюстраций разносторонности понижения быта в Германии под влиянием войны.

Немецкие хозяйки издавна славятся любовью к чистоте и аккуратности. Если не ошибаюсь, именно в Германии родилось ходкое изречение об измерении культурности народа величиною потребления мыла. Мыло действительно один из продуктов культуры нового времени: средневековье не знало его как предмета массового народного потребления. Наше мыло, как мы его знаем, вообще родилось только с первой французской революции. То, что называлось до тех пор мылом, приготавливалось из цветов некоторых растений островов Средиземного моря. Революционные войны отрезали Францию от островов, и правительство ее издало особое «воззвание к изобретателям» с приглашением создать что-либо заменяющее. В результате было изобретено нынешнее мыло, изготовляемое из жирых веществ (сала павших животных и т. п.). Первые полтора года войны немцы могли расходовать мыло, как в мирное время. Первое ограничение утверждено Союзным Советом 6 января 1916 г. Размеры индивидуального потребления не были еще ограничены, но были запрещены некоторые сорта и некоторые способы производства. Побудительным мотивом было, главным образом, стремление сохранить побольше жиров для употребления (с тою же целью в Германии было сначала ограничено, а затем особым законом вообще запрещено производство масляных красок).

Ограничение производства повело к неравномерности сокращения потребления мыла разными слоями населения. 19 апреля 1916 г. Союзный Совет ввел обязательный рацион, одинаковый для всех: каждому жителю разрешалось покупать в месяц 100 г ($\frac{1}{4}$ русск. фунта) мыла для мытья лица, рук, тела и для бритья, и 500 г ($1\frac{1}{4}$ фунта) простого мыла или мыльного порошка для стирки. Это было уже заметно меньше, чем мирное потребление, но все же еще не трагично. Однако уже через четверть года оказалось невозможным поддерживать производство и на этом уровне, и с 1 августа вступает в силу новый закон. Каждый житель без различия получает «имперскую мыльную карту». По этой карте можно покупать мыло в любом месте империи, но только в четвертую неделю каждого месяца; в первые три недели продажа воспрещена. Но самое главное — уменьшение вдвое месячного рациона: с 1 августа разрешается покупать на душу только 50 г (восьмая русск. фунта) мыла для умыванья и бритья и 250 г для стирки. Максимальная цена за 50 г мыла для умыванья установлена в 20 пфен. (около 75 коп. русский фунт), а за 250 г мыльного порошка и проч. для стирки — 30 пфен. По особым прошениям разрешается повышать мыльный рацион для детей до полутора лет вдвое, для трубочистов, горнорабочих и рабочих, постоянно занятых у огня.

или угля, — втрое, для врачей и для находящихся в больницах — впятеро.

Для сравнения можно привести, что в России, где потребление мыла не достигло особого развития, рабочие нефтяной промышленности в Баку получали в 1910 г. по тысяче граммов мыла в месяц (А. Стопани, Нефтепромышленный рабочий, Баку, 1916), т. е. больше, чем в 1916 г. получают в Германии даже трубочисты, не говоря уж об обычных жителях. Если до января второго года войны немец получал по три восьмых русского фунта мыла в месяц для умывания, с конца апреля по две восьмых и с августа по одной восьмой, то легко представить себе, что третий или четвертый год войны мог бы повести в Германии почти к полному упразднению мыла, к полному восстановлению традиции средневекового варварства.

«Затруднения, какие вызваны во многих областях отвлечением рабочих сил для военных нужд, распространились и на индустрию по производству бумаги», — так начинается официальное сообщение, опубликованное в немецкой печати 20 апреля 1916 г. и сообщающее об учреждении Союзным Советом «военнохозяйственного центра немецкого газетного дела». Газеты — такое же порождение современной культуры, как мыло, потому их должна была естественно постигнуть подобная же участь. Сжатие «потребления печати населением» сказалось в том, что уже за первые $1\frac{3}{4}$ года войны число органов периодической печати уменьшилось в Германии на три тысячи (официальные данные). Однако это не спасло от дальнейшего ограничения, для равномерного проведения которого и создан специально упомянутый «военнохозяйственный центр газетного дела». Сначала его компетенция распространилась только на гладкомашинную, содержащую дерево бумагу; но 16 июля 1916 г. канцлер подчинил ему бумагу всякого рода, какая только употребляется для печатных произведений всякого рода. Никто не имеет отныне права покупать бумагу для газет или журналов иначе, как через посредство казенного газетного центра. Закон оговаривает, что если какое-либо издательство имеет собственную бумажную фабрику, оно все же не имеет права получать от нее бумаги. Вся бумага и с таких фабрик должна поступать в распоряжение «центра», который распределяет ее между всеми изданиями «страны согласно особому «ключу распределения». Исходным моментом для него является размер газеты и журнала в 1915 г. (площадь страницы, помноженная на число страниц). С 1 июля все оставшиеся органы печати должны были сократить свои размеры от 5 до 10%, смотря по величине. Сверх того с того же дня воспрещена раздача и рассылка агитационных и иных бесплатных экземпляров (разрешена бесплатная выдача по экземпляру на лазарет и казарму, равно каждому сотруднику и обывателю). Постановление это наносит, кстати сказать, заметный удар агитационной роли рабочей печати, сплошь и рядом раздававшейся

бесплатно. Казенный центр газетного дела (согласно описанному образцу «в Совете» при нем представлены главные издатели) имеет право и должен проверять по книгам, сколько экземпляров осталось непроданными и т. д. Непроданные устаревшие экземпляры с успехом могут пойти на переработку в бумажные каналы и т. п. изделия, признаваемые более необходимыми, чем газеты. Начало планомерного сбора старой бумаги для переработки относится к 1 мая 1916 г. В одном Берлине, где учреждено было 450 сборных пунктов, за первые полмесяца собрано почти 50 тыс. пудов. В объявлении о сборе указано, что до переработки гарантируется приведение в неудобочитаемый вид жертвуемых «любовных писем и деловых бумаг» и что каждый, доставивший полтора пуда, получит «железное кольцо на память о железном времени», а доставивший три пуда — большой, хорошо исполненный портрет Гинденбурга или Макензена.

Как и в случае с мылом, конкурентом культурной потребности, созданной ростом цивилизации (мыло, газета), являются более элементарные потребности, предварительное удовлетворение которых необходимо как предварительное условие для создания почвы, на которой затем расцветают цветы цивилизации. Когда у общества нехватает рабочих сил обеспечить себе и почву и цветы на ней, то вопрос решается в пользу «почвы»: мыло уступает место заботам о поддержании жирового питания людей, а газетная бумага отступает на задний план перед обращением бумаги на изготовление веревок. Берлинские газеты от 27 мая 1916 г. рассказали о «выставке бумажных каналов». Здесь находим все их виды от шпалата для покупок и веревки для привязки телят до якорного каната морских пароходов и фабричных машинных ремней. С другой стороны, если принять во внимание исчезновение трех тысяч газет и журналов, предписанное с 1 июля ограничение размеров оставшихся и воспреещение бесплатных экземпляров, то немецкий народ получает уже лишь несколько более половины (60% по об'ему) той газетно-журнальной литературы, какую привык получать в мирное время. Шаг к средневековью, уже довольно заметный, особенно если подумать о многозначительном обещании Союзного Совета к 1 сентября 1916 г. рассмотреть, насколько и какие понадобятся еще ограничения в расходе бумаги периодической печатию.

Впрочем, судя по проценту незанятых учительских мест, среди подрастающего в эти годы поколения даже в Германии окажется немало таких, каким газеты вовсе не понадобятся — по неграмотности или по малограмотности. Когда на одну учительницу и учителя приходится 100 детей вместо 50, тогда успех обучения не могут быть велики. Особенно, если на несколько (обычно учебных в Германии) месяцев в году школьники и школьницы освобождаются от посещения занятий ради надежд на помощь их в

сельском хозяйстве. На почве недостатка учителей прусское министерство народного просвещения решилось на такую смелую для него меру, как на разрешение замещать христиан-учителями еврейками-учительницами, что вызвало в части печати целую полемику. Раньше Германия была страной абсолютной грамотности. Значит и в этом отношении она становится на путь сдвига к средневековью, — хотя еще не столь значительно, как в других областях жизни ¹⁾).

Спички тоже продукт цивилизации, — наши предки довольствовались кремнем и т. п. Излишне излагать здесь историю «спичечных мероприятий военного времени». Достаточно сказать, что к июню 1916 г. контингент производства ограничен был Союзным Советом уже всего половиною мирной нормы. Но в июне оказалось (сообщение Союза немецких спичечных фабрикантов, 29 июня), что «мелкие фабрики не могут поддерживать производство в полном объеме даже нынешнего контингента». Отчасти, конечно, можно при желании утешаться тем соображением, что меньше требуется спичек вследствие уменьшения возможности зажечь источники света. Уже последней зимой по официальным данным Германия имела только 20% нормального количества керосина. Сначала заметны были успехи электрического освещения, ввиду недостатка керосинового, но не удалось поднять производство угля для гражданских целей до уровня мирного времени, и это остановило возможность расширения применения электричества. Так как значительная часть даже городского населения должна была проводить вечера в темноте, то правительство распорядилось разделить известную часть запасов керосина и электрического тока для освещения по вечерам школ и некоторых других публичных зданий. В эти помещения должны были собираться мужчины и женщины, имеющие платную работу на дому (швей и др.), дабы не останавливать производительной деятельности. Создалось положение: для богатых электричество (ибо зажиточные классы в Германии провели в свои квартиры электричество еще до войны), а для малоимущих — темнота или вечера вне дома в импровизированных мастерских-школах. Подобное организованно-плановое разделение потребления по качеству (ср. приведенное выше об одежде) можно отметить также для организации приготовления пищи. Сравнительно зажиточным слоям населения предоставлено попрежнему готовить обед дома, готовить каждый день блюда по своему выбору. Отправить их в центральные столовые означало бы «разрушать семейный очаг» и т. п. Но в применении к малоимущим подобное «разрушение» вводится теперь в Германии в порядок дня. К началу августа 1916 г. в Берлине открыты уже городские «цен-

¹⁾ Можно отметить падение культурной работы и среди юношества. Например, журнал «Арбейтер Югэнд» имел перед войной 180 тысяч подписчиков, а к 1 октября 1915 г. уже только 63 тыс.

тральные кухни» свыше чем на двести тысяч человек, а зимою городская дума обещает наладить кухни в общем на полмиллиона человек (из 1 800 тыс. нынешнего населения Берлина без предместий). За 40 пфен. (около 20 коп.) здесь выдается горячий обед (литр), причем малоразнообразное меню устанавливается городской думой. К подобной же организации массового кормления малоимущих приступлено и в других городах. Идея выдвинута была в рейхстаге социал-демократами (Эбертом, а предварительно в печати д-ром Зюдекумом), но с тем, чтобы всем воспретить дома готовить обед и этим достичь полного контроля над питанием всех классов, устранить более обильный стол более зажиточных и тем самым поднять питание народных масс. Однако власть приняла эту мысль с оговоркой о ненужности принуждения и о предоставлении, желающим приписываться к «центральной кухне» по доброй воле. В этом смысле осуществляют теперь городские самоуправления новую организацию. Предполагается, что зимою треть городского населения будет получать обеды из центральных городских кухонь. По мере того как для все большего числа родов пищи вводятся обязательные рационы, неравенство между столом зажиточных и малоимущих падает, но остается все же тот факт, что одни «добровольно» приписаны к центральным кухням, а другим предоставлено распоряжаться дома по собственному усмотрению.

Самые дома, вернее, квартиры, тоже подпали влиянию общей тенденции к понижению быта. Недавно Имперское статистическое бюро опубликовало отчет о «строительной деятельности и квартирном рынке в немецких городах в 1915 г.» Оказывается, в 47 крупнейших городах Германии в мирном 1912 г. было вновь отстроено 68 022 квартиры, затем в 1914 г. только 36 308 и, наконец, в 1915 г. всего 14 334 квартиры, или почти впятеро меньше мирной нормы. Прибавлю, что по данным за первые месяцы 1916 г. строительная деятельность сократилась еще больше. 29 июня 1916 г. Союзный Совет признал себя даже вынужденным ввиду этого издать закон о равномерном сокращении цементного производства. Учреждение новых цементных заводов, расширение старых и заключение новых контрактов на поставку цемента на срок после 31 декабря временно вовсе воспрещается (устройство новых цементных заводов вообще воспрещается). Учреждается казенный «имперский центр по цементу», имперский центр обычного типа для руководства в дальнейшем всю отрасль производства, для устранения в ней конкуренции («в интересах национального хозяйства», как гласит официальный комментарий), для проведения равномерного сокращения и т. д. «Достойно сожаления, — заметил недовольный ростом государственного вмешательства «Берлинер Тателлат», — что опять приходится привилегировать существующее на счет возможного в будущем развития».

Остановка строительства наблюдалась во всей стране и может быть иллюстрирована движением суммы ипотек и закладных 37

главных немецких ипотечных банков. Залог участка и дома в банке при возведении постройки является в Германии общим правилом, почему ежегодно сумма ипотек возрастает на несколько сот миллионов марок в соответствии со средним темпом строительства. Еще в 1914 г. сумма всех ипотек и залговых в этих банках возросла в общем на 300,5 млн. мар. В следующем 1915 г. она, наоборот, уменьшилась на 47,7 млн. мар. Иначе сказать, помещение капитала в новые постройки оказалось меньше, чем уменьшение суммы ипотек вследствие перехода старых домов во владение банков и ежегодного погашения. Имперское статистическое ведомство считает, что за первые два года войны недостроено в Германии против обычной нормы около четверти миллиона квартир. В третьем же году не воздвигнутся, очевидно, почти все 200 тыс. квартир, которые ежегодно отстраивались здесь вновь. Надо заметить, впрочем, что и сооружаемые вновь дома обставляются не так, как прежде. Еще в январе 1916 г. попало сообщение «о реформе громозвонков», основанной на изысканиях проф. Рупшеля (без меди, без позолоченного или платинированного конца, без саженного или полусаженного металлического стержня, без изолятора, — просто легкая жестяная обивка по краям трубы и крышки с небольшими наконечниками и металлическим проводом по стене дома до земли). Подвергается военному уничтожению в громадном масштабе и квартирная обстановка, например, медные предметы, равно из мессингового сплава и никеля. Г. Давид, художественно-исторический эксперт при «военном центре по металлу»¹⁾, описал 16 июня 1916 г. два громадных склада секвестрованных принадлежностей квартирной обстановки в восточной гавани Берлина и в Лихтенберге под Берлином. Он описывает «бесконечную, отливающую золотом высокую стену, толщиной в полторы-две сажени, сплошь отстроенную из сотен тысяч небольших сверкающих предметов — в мирное время это были мессинговые печные дверцы». Трамвайные ручки и ручки комнатных дверей, всякие лампы из указанных металлов, ванны, трубы и всякая медная и т. п. посуда — все это изъято во всей Германии из народного потребления и подвергнуто быстрому уничтожению (в измененном виде) на полях сражений. При той обстановке, какая ожидается после войны, совершенно невероятно, чтобы в ближайшие послевоенные годы население, Германии могло восстановить всю отчужденную у него теперь и уничтоженную квартирную обстановку (равно как истраченные довольно обильные запасы

¹⁾ При самом начале войны 15 августа 1914 г. учреждено «Отделение сырых материалов при военном министерстве». При нем из крупнейших фирм каждой индустрии (и в связи с соответственными банками) организовано для каждой такой индустрии «военное общество». Этому обществу передается управление всеми сырыми материалами для данной отрасли производства, не только казенными и секвестрованными, но и частными и завоеванными. Потому все изделия из никеля, мессинга и т. п. попадали в «военный центр по металлу».

платья, имевшиеся до войны даже у рабочего населения Германии).

Уменьшение домостроительства ведет к увеличению скученности населения в имеющихся квартирах и к соответственному ухудшению жизни. Это неизбежное при таких обстоятельствах сгущение плотности «комнатного» населения увеличивается еще «сильным переселением из средних квартир в мелкие» (тот же отчет). Обеднение широких слоев «маленьких людей» во время войны, смерть мужа или отца, стремление сэкономить на квартирной плате ввиду дороговизны — все это побуждает еще более скучиваться в однокомнатных квартирах, чем это вызывалось бы одним застоем в домостроительстве. Культурное развитие последних десятилетий, уменьшение смертности, заболеваемости и т. д. — все это было связано с постепенным увеличением количества света и воздуха в квартире на одного обитателя. Теперь в этом отношении делается шаг назад, который по самому существу не может быть быстро парализован.

Приводить дальнейшие иллюстрации значило бы только затруднять изложение. Ограничусь велосипедами и ботинками. После секвестра всевозможной старой резины и ее производных (закон 1 апреля 1916 г.) и запрещения автомобилей, кроме особо оговоренных случаев, Союзный Совет законом 12 июля почти воспретил гражданскому населению употребление велосипедов. Количество изъятий столь незначительно, что, например, в Берлине, с его сотней тысяч велосипедистов, получили разрешение продолжать пользоваться своими велосипедами только значительно менее тысячи человек (по данным полиции на 24 июля 1916 г.). Владельцы всех прочих велосипедов обязаны сдать шины и некоторые другие части своих аппаратов казенному «каучуковому центру» до 16 сентября (за вознаграждение по таксе). Германию можно было назвать «страшней велосипедов». В один спортивный «союз рабочих-велосипедистов», примыкающий к с.-д. партии, входило перед войной свыше трехсот тысяч членов. Впредь они будут ходить на работу пешком — «стальной конь» двадцатого столетия уступил место первобытным способам передвижения.

Вся имеющаяся в Германии кожа поступает в военный «кожевенный центр» (того же типа, что и другие), который распределяет ее между дубильнями. Последние сдают в особый орган при отделе сырых материалов военного министерства все, что он находит нужным для обслуживания потребностей армии; остальное продается торговцам, обувным фабрикантам, саложникам и т. д. на основании разрешительных карт, выдаваемых состоящим при министерстве внутренних дел «контрольным учреждением». Что касается материала для обуви, то половину «контрольное учреждение» выдает фабрикантам, имеющих не менее 20 рабочих, и половину — остальным (с распределением в каждой половине пропорционально числу занятых рабочих). Надо заметить, что наряду с небольшим числом

крупных фабрик обуви в Германии имеется около 200 тыс. мелких сапожных мастерских (из них 180 тыс. — сапожники без подмастерьев). Такая система раздела не особенно благоприятствует мелкому производству, — рядом с чиновниками в «контрольном учреждении» сидят представители только крупных фирм. В первой половине мая 1916 года «контрольное учреждение» ограничило производство обуви для гражданского населения четвертью того количества, какое производилось каждой фабрикой или мастерской в мирном 1913 г. Затем 14 июня Союзный Совет ограничил соответственно число недельных рабочих часов в сапожном деле и определил правила возмещения рабочим потери заработка (половину принимает на себя государство, другую половину обязан платить хозяин; фабриканту при неисполнении предписанного не выдается кожа; понижение расценок воспрещено и т. д.). Союз сапожных фабрикантов (куда входят главные фирмы) постановил применять картон для известных сортов ботинок. Через некоторое время Союзный Совет предписал с 7 июля применять картон только к внутренней части каблуков, к союзкам и другим менее снашивающимся частям ботинок. А городские самоуправления открыли тем временем ряд «успешно» работающих мастерских деревянной обуви для малоимущих. И прусский министр народного просвещения особым циркуляром разрешил детям посещать школы босиком. Четвертью нормального количества обуви страна не может обойтись — понятно, ей приходится постепенно возвращаться к уровню, описанному когда-то Эркманом-Шатрианом для Эльзаса: деревянные сабо у взрослых и босые ноги у детей. Конечно, можно жить и в деревянных ботинках — жили так западно-европейские крестьяне целые столетия. Можно жить и босиком — живут так и сейчас нередко часть года многие люди в некоторых странах. Словом, от падения культуры вообще и отсутствия достаточного количества обуви в частности немцы не сдадутся на волю противников. Но само движение к материальной обстановке жизни «доброе старое время» несомненно. При сокращении в Европе скотоводства¹⁾ недостаток и дороговизна кожи обеспечены и на время после войны, потому босоножки в Германии вряд ли исчезнут столь быстро, как появились. Из воспоминаний о пребывании в Германии приходит в голову, как много детей в некоторых местах ездили там в школу на велосипедах или на роликах — теперь они бегают пешком, иные, вероятно, без ботинок. И старшие из них рассказывают сестренкам о тех мифических временах, когда в кухне привинчена была к стене металлическая ванна, как это принято

¹⁾ Чтобы поднять его в Германии после войны, как сообщает датская печать, немцы закупили в Дании громадные количества скота за наличный расчет с тем, что в продолжение войны скот остается в бесплатном пользовании у прежних датских владельцев, которые получают еще с Германии плату за прокорм скота. Скот должен быть поставлен в Германию сейчас же по заключении мира (теперь вывоз скота из Дании воспрещен). Как сообщают, подобные же массовые договоры заключены в Голландии и Швейцарии.

у лучше поставленных берлинских рабочих, когда у всех было сверх обычного воскресное платье, на ногах ботинки и на плечах настоящие резиновые подтяжки, а на хлеб можно было мазать каждый день маргарин в сравнительном изобилии.

IV

Отдельную главу в истории понижения уровня быта составляет, как известно, возникновение «царства суррогатов». Если в одних отношениях потребление просто сокращается, то в других потребляемые предметы заменяются иными, внешне более или менее совершенными. И здесь можно во многих случаях подметить некоторую общую черту: замена приводит к возрождению продуктов, употреблявшихся в прежние века, но забытых «под влиянием цивилизации».

Кто не помнит сказку Андерсена о крестьянке-королевне, из собранной на кладбище крапивы приготовившей рубашки единнадцати братьям-лебедям? Теперь, в середине июля 1916 г. военное министерство основало в Берлине «Общество использования крапивных волокон». Через посредство прусского министерства сельского хозяйства и соответственных министров остальных составных государств Германии с 22 июля во всей стране организован сбор крапивы. Продажа ее торговцам и иным частным лицам воспрещается. За каждые шесть пудов высушенной, очищенной от листьев крапивы собранному выдается 14 мар. Сдавать надо местной администрации, которая доставляет в упомянутое общество, оно перерабатывает в пряжу и распределяет по предприятиям. Материя из крапивы особенно пригодна для изготовления белья: она хорошо пропускает воздух и хорошо моется. Правительство («отделение сырых материалов при военном министерстве») предназначает крапиву для замены хлопка. По оценкам экспертов в Германии свободно можно собирать ежегодно до 10 млн. кг высушенной крапивы без листьев, что соответствует добыче 2 млн. кг волокна для изготовления пряжи (для сравнения можно прибавить, что годовое потребление хлопка достигало в Германии перед войной до 500 млн. кг, т. е. 30 млн. пуд.). Для увеличения сбора крапивы предполагается сеять ее на пустырях.

В старых романах можно прочесть про «липовый» чай и т. п. «чай». Современная Германия не знала перед войной таких напитков: здесь употреблялись кофе, какао и чай «настоящий». Теперь все эти продукты частью истощились, частью стали недосытаемо дороги. Дольше всего держался кофе, без которого обычно не мыслят немецкую хозяйку. Годовое потребление кофе составляло в Германии перед войной 165 тыс. т (почти 10 млн. пуд.). При начале войны на складах в Бремене и Гамбурге находилось 123 тыс. т, внутри страны до 80 тыс. т, затем в Гамбурге 60 тыс. т, принадлежавших бразильскому штату Сан-Паоло, и в Антверпене взято было около

63 тыс. т. Германское правительство секвестровало бразильское и антверпенское кофе и передало его образованному позже «имперскому центру по кофе». Через два года, как и следовало при приведенных цифрах, запасы истощились, и в конце июня 1916 г. вышел закон, допускающий отныне выдачу кофе только по рецептам врача в минимальном количестве; для всего же населения правительство рекомендовало замену кофе сначала цикорием, «как во времена наших бабушек» («Берлинер Тагесблат», 26 июня), а потом в официальных «Продовольственных известиях» появилась рекомендация пить вместо кофе отвар жженных зерен ржи, ячменя и т. п.

Производство шоколада и всяких прочих «сладостей» уже с начала 1916 г. сокращено Союзным Советом на половину, а с июля—на три четверти ¹⁾. С 13 июля Союзный Совет секвестровал все оставшиеся какао и шоколад (всякого рода и во всех видах) в пользу учрежденного им для этого «военного центра по какао» при военном министерстве, а населению в официальных «Продовольственных известиях» (выходят ежедневно) рекомендовано еще раньше готовить напиток, поразительно похожий на какао вкусом и цветом. Стоит взять только 15 обыкновенных орехов, устранить ядра, раздробить мелко в ступке скорлупу, бросить ее в плотно закрытый сосуд с тремя четвертями литра воды и медленно варить в течение часа, все время подливая горячую воду вместо испаряющейся, чтобы соотношение между количеством воды и скорлупы оставалось постоянным. Потом надо снять горшок с огня, поставить его на полчаса на горячую плиту, процедить затем сквозь тонкий платок, опять разогреть и прибавить молока с сахаром, что создает «ванильный привкус». Германское правительство гарантирует результат: «опыт изумит» (оттуда же).

Относительно чая еще 18 апреля 1916 г. правительство рекомендовало вернуться к «туземным чаям, правда, не содержащим алкалоида теина, но дающим безупречный в отношении здоровья напиток». Таким «чаем» оказывается напиток, сваренный из высушенных и размельченных молодых листьев ежевики, земляники, березы и некоторых других растений. Рекомендуются также (опять-таки официально) вместо кофе и чая «вспомнить о добром старом утреннем супе из ржаной или пшеничной муки, который никогда не отсутствовал в утренной закуске наших предков, и вернуть ему прежнее почетное место в немецком доме».

Иногда аналогично вновь вводимым суррогатам приходится искать еще далее в плуби веков. Некоторые примитивные народы пьют кровь свежеебитых животных. Развитие продовольственных ресурсов с течением времени устранило это блюдо из обеденного

¹⁾ Сверх того 17 июля вовсе воспрещено отныне изготовлять ряд сладостей, в том числе все пасхальные и рождественские, фруктовую паству, засахаренный миндаль и орехи, «гурецкий мед», фруктовое желе, конфекты-празлине и т. д.

что для удержания сельских рабочих в деревне следует предоставить им там все приятности и улучшения, какие имеются в городах, — свободу коалиций, повышенную заработную плату, обязательную помощь при безработице и т. д. Но вместо этого аграрии предпочитают, как сказано, идти иным путем: не поднять нынешний состав сельских рабочих до уровня городских, а создать новый состав, по зависимости, дешевизне и прикрепленности напоминающий нынешних пленных. Личным материалом для этого являются семьи погибших и изувеченных на войне и сами увечные, а средством — утвержденный в июне 1916 г. закон «о наделении капиталом» (касается увечных и вдов погибших). В такой постановке дело это приобретает особую патриотическую значимость.

Упомянутый закон сверх небольшой пенсии предоставляет еще каждому увечному рядовому одновременно из средств государственного казначейства сумму, смотря по тяжести увечья и возрасту (вдова получает вдвое меньше). Капитал выдается исключительно для устройства собственного «домашнего очага» путем покупки небольшого участка земли (огород, сад) и постройки дома, главным образом в сельских местностях. Объяснительная записка правительства рейхстагу говорит: «если таким образом будет проведено в широких размерах сельское мелкое расселение, то оно послужит серьезную службу обеспечению Германии продовольствием, народному здравью, умножению населения и военнеспособности его, а также, до некоторой степени, возместит сельскому хозяйству имеющий наступить после войны очень чувствительный недостаток в рабочих силах».

Механизм «возмещения» ясен. По большей части вдова получит на устройство «очага» менее 2 тыс. руб., а сам увечный — от 4 до 5 тыс. руб. На такие деньги можно в Германии приобрести небольшой дом с очень маленьким огородом или садом, можно обеспечить содержание свиньи, птицы и т. п., но не более. Размеры полагающейся сверх этого пенсии тоже недостаточны для жизни, особенно, если принять во внимание, что полная потеря работоспособности наблюдается редко и что из пенсии вдвое будет вычтено до 200 мар. в год, если она пожелает получить капитал для устройства своего «очага». Придется прирабатывать у соседнего помещика или крупного крестьянина. Других работодателей в деревне почти нет. А эти смогут платить женам и детям увечных (и самим увечным, сохранившим известную долю работоспособности) пониженную заработную плату. Ибо квартира обеспечена и даже часть еды (свинья, яйца, огород). Отказаться от работы из-за недостаточной оплаты нельзя, ибо другой работы здесь не достанешь, а бросить и уйти — жалко терять дом (продать нельзя), вложенный в участок труд и, может быть, довоенные сбережения. В итоге семьи увечных и погибших окажутся в плену у аграриев, т. е. в такой же или подобной зависимости, как нынешние пленные. Государство затратит миллионы и миллионы марок, для того чтобы обеспечить не столько пострадавших от войны, сколько сельским хозяевам дешевую рабо-

чую силу. Таков объективный смысл проводимого ныне в Германии наделения пострадавших солдат и их семей собственными жилищами.

Число увечных и погибших составляет в Германии уже около полутора миллионов; две трети из них женаты и имеют в среднем по двое детей. Если бы всех их расселить по деревням в собственных квартирах, то это означало бы предоставление сельскому хозяйству свыше миллиона взрослых рабочих (часть увечных тоже работоспособна, особенно в сельском хозяйстве); причём дети впоследствии заменили бы родителей. Этому плану нельзя отказать в широте размаха, если вспомнить, что в сельском хозяйстве в Германии перед войной было занято только 3 200 тыс. наемных рабочих всякого возраста и пола.

Возврату к старинным отношениям в области рабочей силы соответствует в германском сельском хозяйстве понижение материального его оборудования и успешности. Красноречивы относящиеся сюда данные последнего годового отчета центрального союза сельскохозяйственных кооперативов. В сберегательных кассах у иных крестьян накапливаются бумажные деньги, постепенно понижающиеся в реальной своей, покупательной способности. А инвентарь не возобновляется, скот сокращается, наиболее мелкие крестьянские хозяйства вообще забрасываются, как подтвердил и Союзный Совет недавним постановлением о продлении до декабря 1917 г. закона о переходе в общественное управление забрасываемых сельских хозяйств и отдельных полей. После войны европейское земледелие окажется на более низком уровне, чем было до нее.

V.

В довоенный период хозяйственная жизнь Германии билась полным пульсом, производство всяких продуктов все росло, и каждый предприниматель мог рассчитывать получить свою долю. Масса общественного труда была столь велика, что товаров, покупателей и прибыли хватало для всех предпринимателей без всякого государственного регулирования величины, входящейся на долю каждого. Теперь каждый предприниматель желает обеспечить себе свою долю при уменьшающемся общем количестве производимых продуктов. Отсюда при данных условиях склонность к такому подробному государственному регламентированию всех сторон хозяйственной деятельности, которое гарантировало бы «приобретенные права», т. е. наличность доходности по возможности всякого вложенного уже в какое-либо дело капитала. И вот в Германии принимается ряд мер, заимствованных из старогрехового арсенала. Прежде всего запрещается занятие известной отраслью предприятий лицам, не владеющим такими предприятиями до войны, причём занятие данным производством или торговлей вообще ставится в зависимость от специального разрешения, о кото-

ром должен просить каждый предприниматель, новый или старый безразлично. Сначала Союзный Совет предпочитал достигать этой цели принудительным синдицированием данной отрасли, причем на создавшийся принудительно центр возлагалось определение, кто может быть допущен в члены синдиката. Упомянутые выше принудительные синдикаты — угольный, цементный и др. — не содержат еще такого ограничения: в них просто обязуются вступить все наличные предприятия данной отрасли, а основание новых предприятий просто прекращается или даже формально запрещается законом. Весной 1916 г. появляются первые принудительные синдикаты, при образовании которых государство не разрешает уже вступить в них членами всем наличным предпринимателям данной отрасли, а ставит занятие данной профессии в зависимость от специального разрешения центра вновь создаваемого синдиката (обычно заранее исключая некоторые группы, например, не бывших предпринимателями в данной области уже до войны). Наиболее крупной из первых мер такого рода было принудительное синдицирование всей торговли живым скотом (рогатым, овцами и свиньями), для чего Германия весной 1916 г. разбита на ряд крупных районов, в каждом из которых образовано по такому синдикату (и центральный синдикат в Берлине, уравнивающий спрос и предложение между районными синдикатами). Мера эта, на проведение которой в жизнь ушло несколько месяцев, служит между прочим одной из организационных предпосылок для предпринятого уже в Германии к введению (с октября 1916 г.) сравнительно равномерного обязательного мясного рациона для всех жителей, городских и сельских.

Подобные полномочия получили многочисленные «военные общества», организованные по предписанию правительства во многих отраслях производства и торговли и предназначенные быть руководящими центрами этих отраслей. Но через некоторое время Союзный Совет решил еще более усилить контроль над «принадлежностью к цеху» и соблюдением предписанной регламентации. В итоге летом 1916 г. началось сплошное огосударствление упомянутых «военных обществ» и частных синдикатов, которые, объединяя всю данную индустрию, фактически играли роль для нее подобного «военного общества» (в таких индустриях специальные «военные общества» не образовывались, например, в производстве спирта и водки). Огосударствление центральных «военных обществ» и частных синдикатов производится по описанному в главе о платве типу, т. е. государство никому ничего не платит за «приобретенные права», но и не отчуждает формально у владельцев их предприятий, будь то торговые или промышленные.

Оно только присваивает вновь учреждаемому «имперскому центру» право управления данной отраслью, право полного распоряжения всеми продуктами и материалами производства, его размерами и ценами товаров. При этом владельцы продолжают нести свои обычные функции, но повинуюсь распоряжениям вновь созданного государственного установления, и получают прибыль, но размеры ее predeterminedены политической упомянутого установления. Само оно, как указано, состоит из двух отделов: принципиально-руководящий («административный» с советом при нем из потребителей и других заинтересованных групп) остается всецело в руках государства, а роль «делового» играет прежнее «военное общество» или соответственный частный синдикат (но с представителем «административного» отдела в качестве председателя). При этом главные составные государства Германии входят обычно пайщиками в «военное общество», для чего повышается его акционерный капитал. Самой собой, размеры этого капитала не стоят в соответствии с крупными оборотами «делового отдела», ибо сама система организации его как акционерного предприятия избрана лишь для легкости распределения голосов между представителями государства, представителями владельцев предприятий соответственной отрасли хозяйства и представителями крупных городов (городские думы которых обычно приглашаются к вступлению в число акционеров «делового отдела» в качестве представителей интересов потребителей).

Сверх упомянувшихся выше за последнее время еще государственными таким образом спиртово-водочная индустрия (причем роль «делового отдела» поручена давно уже существующему синдикату спиртозаводчиков, в который принудительно включены все не входившие доселе в него заводы), продажа и покупка мешков как из материй, так и из бумаги, новых и старых (закон 27 июля), продажа и покупка всех маслянистых растений, как рапс, льняное семя и т. д., и всех продуктов из них (закон 30 июля), продажа и покупка всех стручковых растений проса и гречихи (закон 25 июля), всего ячменя, идущего для пивоваренной, мукомольной и пр. индустрий (закон 3 августа), главных пресноводных рыб (закон 3 августа), свекловицы для сахарного производства (с 20 июля принудительный синдикат под руководством «имперского комиссара»; для самого сахара и сахарина еще ранее учрежден «имперский центр по сахару») и т. д. В общем можно отметить что в обрабатывающей индустрии пока еще господствуют «военные общества» или принудительные синдикаты, лишь закрепившие круг наличных предпринимателей в данной отрасли, а в области продовольственных продуктов перевес уже переходит на сторону формально государственных монопольных «центров», секвеструю-

щих весь данный продукт и не только закрепляющих круг наличных предпринимателей, но и подвергающих его чистке с точки зрения коммерческой и прочей пригодности для данного цеха. Для облегчения этой задачи Союзный Совет создал в июле 1916 г. особое «ведомство военного ростовщичества» с отделами по всей стране — на предмет уловления и исключения из числа допущенных к профессии всех предпринимателей и торговцев, которые стали бы нарушать регламентацию.

С 1 сентября 1916 г. вступил в силу закон, устанавливающий разрешительный порядок занятия покупкой у производителей, оптовой торговлей, всякого рода посредничеством и комиссионерством и продажей мелочным торговцам. Этот закон охватывает все без исключения продукты, идущие на продовольствие людям или на корм скоту, равно все изделия из них и все материалы, идущие на их приготовление. Он утвержден Союзным Советом еще 24 июня, и два месяца дано администрации на исследование, кому из ныне занимающихся подобными делами лиц выдать разрешение на продолжение занятия (разрешение может быть всегда взято обратно). Для рассмотрения всех сотен тысяч заявлений учреждены повсеместно административные присутствия с участием представителей торговли.

Обратную сторону точного определения, кто и какую может заниматься торгово-предпринимательской деятельностью, составляет раздел клиентур, обязательная и точная приписка потребителей к определенным производителям или торговцам. Сначала это было осуществлено в разных индустриях относительно снабжения сырыми материалами и пр. по планам «центров» и «военных обществ». Затем организована была подобная взаимная приписка между несколькими сотнями «избыточных» и «дефицитных» районов Германии (по округам местных самоуправлений), сначала для зерна и муки, затем для удобрения («Союз снабжения немецких сельских хозяйств»), для всякого корма для скота (он же под руководством позже учрежденного «имперского центра по корму»), с 1 августа 1916 г. для картофеля и т. д. Постепенно дело дошло и до индивидуальных непосредственных потребителей. Начало положил Берлин, где с 5 июня 1916 г. вошли в силу обязательные «списки клиентов», первоначально для закуски мяса. Каждый житель обязан был к этому дню приписаться к какой-либо мясной лавке, и каждый мясник имеет право отпускать мясо только приписанным к нему клиентам. Одновременно введена была городская мясная карточка (сначала на 330 г мяса в неделю, а в августе только на 250 г, т. е. по одной восьмой русского фунта в день, принимая во внимание, что два дня в неделю «безмясные»). Но предъявления карточки мало — надо предъявить ее еще в той именно лавке, куда человек приписан. Берлинский образец стал быстро перениматься другими городами и распространяться с мяса на иные продукты.

Общее уменьшение количества производимых продуктов создало у предпринимателей склонность к ограничению круга лиц, допускаемых к устройству предприятий в данной отрасли и к закреплению ее за данным кругом лиц с очищением его по возможности от недостаточно «коренных» представителей соответственного «цеха» и с закреплением за каждым владельцем причитающегося ему количества материалов и покупателей. Осуществление этой организации облегчалось тем, что она шла навстречу военно-административным потребностям государственной власти. Где власть медлила с такими мерами, там владельцы пытались подобным же образом приспособиться к сжатию объема хозяйственной жизни и всех оборотов. Так возник летом 1916 г. ряд синдикатов оптовых торговцев и др.

Вся эта регламентация дополняется, как известно, подробными таксами на всевозможные предметы в разных стадиях обмена и производства, а довольно часто — обязательными предписаниями, что и как производить (например, определено законом, сколько пудов овса разрешается засеивать на гектар, какие должно производить на фабриках материи и т. д.). А в последнее время все более частыми делаются требования о введении всесторонней регламентации, что кто обязан производить. Отчасти, впрочем, «принуждение производить» уже осуществляется: например, если кто забрасывает свои поля, то они у него отбираются и обрабатываются местным самоуправлением.

Стремление к наибольшей доходности предприятия признавалось до войны официально самым естественным и само собой разумеющимся делом. Давно прошли времена средневековья, когда официальные учреждения, наоборот, считали чем-то противонатуральным стремление к возможно большей прибыли, переходящей за границы «справедливости», т. е. за границы обеспечения члена цеха доходом, соответствующим «приличному его сословию» уровню жизни. Нарождение капиталистических отношений убило понятия о прибыли, соответствовавшие цеховому периоду. Теперь они празднуют в Германии свое возрождение, по крайней мере принципиальное: движение назад, к материальной обстановке и отношениям прежнего времени повело к официальному извлечению из архивов и торжественному провозглашению давно забытых принципов. Саксонское министерство заявляет в циркуляре от 5 августа 1915 г.: «Настоятельно необходимо основательно потрясти у многих еще видимо сохранившееся представление, что каждый вправе извлекать из своего предприятия ту выгоду, которая допускается рыночным положением». Саксонское правительство заявляет о намерении выбить из головы такое представление — совершенно естественное и нормальное для частно-капиталистического строя, — «рядом карательных постановлений». В свою очередь прусский министр торговли пишет в циркуляре от 3 августа 1916 г.: «Патриотическая обязанность, особенно в отношении предметов ежеднев-

ного потребления, довольствоваться прибылью, которая на-ряду с соответственным образом жизни предпринимателя и его семьи обеспечивала бы также продолжение существования предприятия», — и только. За разговорами последовали мероприятия. Сначала Союзный Совет издал общее постановление против «чрезмерного повышения цен» (23 июля 1915 г.), предоставив канцлеру установить принципы определения «соразмерной прибыли». Канцлер не очень торопился с этим и лишь 13 апреля 1916 г. по случаю учреждения третейских судов для решения споров о ценах на одежду и материи систематизировал и сделал обязательными определенные руководящие указания в соответствии с отчасти уже раньше имевшей место практикой «ведомств цен». Отныне «соразмерной прибылью» считается абсолютная величина прибыли, получавшаяся в мирное время на каждом товаре. Во избежание недоразумений в Берлине опубликовано 16 июля 1916 г. официальное сообщение, подробно разъясняющее приведенное постановление (и грозящее уголовными карами за нарушения). Точно указано, что, если, например, производитель-предприниматель в мирное время прибавлял 25% к стоимости ему товара, то теперь запрещается прибавлять такой же процент (не говоря уж о большем). К теперешней себестоимости товара предпринимателю он может прибавить только столько марок и пфеннигов, сколько прибавлял до войны, что составит теперь, конечно, меньший процент (благодаря повысившейся вследствие вздорожания материалов себестоимости товара). То же относится и к торговцам. Официальное сообщение приводит пример товара, себестоимость которого для хозяина составляла в мирное время 4 мар. и который хозяин продавал тогда за 5 мар. Если теперь себестоимость поднялась до 8 мар., то владелец не имеет права продавать товар дороже 9 мар. Проверка данных о себестоимости предоставляется особым «ведомствам цен», учрежденным по закону 25 сентября 1915 г. Эти ведомства устраиваются местными самоуправлениями с участием экспертов, представителей кооперативов, рабочих профессиональных союзов, женских организаций и заинтересованных кругов и объединяются центральным ведомством цен в Берлине (на эти учреждения и опирается главным образом учрежденный «орган по борьбе с ростовщичеством»). К началу февраля было открыто уже около восьмисот местных ведомств цен (во всех крупных и средних и многих мелких городах) и ряд объединяющих их районных (по одному для Саксонии, Баварии, Вюртемберга, Бадена и т. д.). Все эти учреждения имеют право осматривать деловые книги и все торговые документы, допрашивать свидетелей и т. д. Полномочия их простираются не только на все роды продовольствия, но и на все предметы, «необходимые для жизни». За нарушение правил о «соразмерной» прибыли полагается тюрьма до года и штраф до 10 тысяч марок за каждый случай, или одно из этих

наказаний, сверх того секвестр товаров и запрещение впредь заниматься данным делом.

Таким образом не только закрепление промысла за определенным кругом владельцев проведено уже в применении почти ко всей хозяйственной жизни, но и точное принудительное определение «соразмерной» прибыли имеет место относительно длинного и все увеличивающегося списка товаров.

Ограничусь еще лишь простым упоминанием о двух струях в немецкой хозяйственной жизни, которыми легко отыскать прообраз в экономической практике прежних веков. До войны союзы рабочих и союзы хозяев были направлены друг против друга как организации взаимной классовой борьбы. Война, не уничтожив этих функций, создала новые: в Германии образовался и поныне существует ряд «деловых объединений» между союзами рабочих и союзами хозяев «для совместной поддержки промысла». Вторая иллюстрация, заслуживающая упоминания, заключается в тех тенденциях относительно внешней торговли и связи с мировым хозяйством, которым проф. Л. Брентано посвятил только что вышедшую брошюру свою о «Современном меркантилизме». В Германии во многих крутах столь популярна теперь мысль о желательности ослабления связи с мировым рынком не потому, что немцы путем отвлеченных соображений дошли до этой идеи, но наоборот: неизбежность умаления торговых оборотов с внешним миром вследствие понижения производительных сил страны порождает отзывчивость к реставрации отживших идей прошлых веков¹⁾.

Здесь перед нами типичный случай, как движение назад в области экономической действительности сопровождается движением назад в области экономических идей (подобное же отношение можно установить между нынешним фактическим царством бумажных денег и попытками иных германских экономистов воскресить теорию о довлении их самим себе и т. п.).

VI

Если общим экономическим фоном военного времени является движение назад, то это не исключает одновременного технического прогресса в некоторых специальных областях германского производства. Фирма Берты Крупп (именем владелицы которой народная

¹⁾ В конце июля 1916 г. Союзный Совет учредил должность имперского комиссара по подготовке перевода хозяйства из военного в мирное состояние. Речь идет главным образом о планомерном обеспечении индустрии после войны сырыми материалами из-за океана и о морском транспорте. По опубликованным в Берлине данным, в 1916 г. на немецких верфях ожидалось окончание постройки 61 большого торгового парохода с общим водоизмещением почти в миллион тонн и много мелких (что более чем покрывает потери), причем после войны предположительно сократить рейсы в Китай, Австралию, Индию, Японию и Англию и, напротив, усилить в Америку, Россию, Скандинавию и Средиземное море.

молва назвала знаменитую пушку) построила на своей кильской верфи невиданный прежде «подводный торговый пароход»; известная «Всеобщая компания электричества» открыла в Биттерфельде грандиозную электрическую станцию, обслуживающую уловление азота из воздуха и превращение его в порох и т. д. Но усиление хозяйственной напряженности в подобных специальных областях покупается ценой еще большего понижения производительных сил и итогов производства во всех остальных областях хозяйства, чем это имело бы место без подобного чрезвычайного сосредоточения сил в нескольких индустриях, непосредственно обслуживающих войну. В этих индустриях, — для Германии речь идет главным образом о металлургии и углепромышленности («война на рельсах»), — постепенно удалось поднять производство до трех четвертей мирного уровня (отчет за июнь 1916 г.), а затем и до 90%. Но если отбросить те металлические изделия, какие поглощаются войной, то от металлов, например, всему нормальному народному хозяйству остается едва ли четверть обычного для него количества. Уж от одного этого материальный остов современного хозяйства, не возобновляемый надлежаще два-три года, должен был значительно износиться и потерять в своем совершенстве, сделать будущий послевоенный труд менее успешным. Притом и сам труд населения Германии будет более низким по качеству и меньшим по объему, чем он мог быть до войны. Судя по официальным данным (публикуемым германским правительством для членов рейхстага каждые две недели у фирмы Ад. Теле в Галле), потери немецких войск мертвыми и тяжело ранеными (инвалидами) составили за первые два года войны 1 400 тыс. человек. За три года это дало бы как раз восьмую часть всего мужского населения в возрасте от 17 до 60 лет. Но и работоспособность остальных семи восьмых значительно должна быть понижена трехлетним пребыванием в окопах или недоеданием и перенапряженной работой дома. К тому же вследствие усиленного отвлечения оставшихся пока немобилизованными рабочих сил (в том числе женщин) к наиболее необходимым сейчас родам работ (сельскохозяйственные и снаряды) обширные слои рабочих и работниц основательно ослабляют свои ценные специальные профессиональные навыки, что обещает после войны сделать труд в соответственных индустриях еще менее производительным. Например, 4 июня 1916 г. в Дрездене состоялась конференция профессиональных союзов рабочих текстильной промышленности всей страны и всех направлений и рабочих по изготовлению одежды и белья. Конференция единогласно выразила «сожаление по поводу перевода во многих округах Германии в сельское хозяйство, под угрозой лишения пособий, текстильных рабочих, особенно молодых, и рабочих индустрии по изготовлению платья и белья» (что местные чины производят «по внушению Союзного Совета»). Конференция заявляет «возражение» против такого перевода между прочим по следующим причинам: «1. Сельскохозяйственные работы, особенно при уборке урожая;

слишком тяжелы для рабочих и работниц этих индустрий. 2. Для лиц ряда профессий нынешнее участие в с.-х. работах очень затруднит возможность нового применения к прежним занятиям», ибо тонкие пальцы иной текстильщицы огрубеют и т. п. Но заявления конференции остались без последствий: когда по недостатку рабочих рук приходится выбирать между получением пицци сейчас и подрывом производительных способностей для будущего, — вопрос решается в пользу пицци и вместе с тем и тем самым в пользу грядущего «упрощения жизни».

По всем этим причинам производительный труд в Германии после войны будет совершаться немало времени в значительной мере при ухудшенном материальном его оборудовании и ухудшившимися и умаленными рабочими силами. В этой перспективе — залог того, что обозначившаяся к концу второго года войны тенденция к движению в сторону возвращения к модернизированным порядкам феодально-цехового строя не исчезнет, можно думать, мгновенно. Больше того: если война протянется еще несколько лет, то вряд ли возможно будет вообще достаточно скоро оправиться от экономического регресса, который достиг бы, конечно, еще большей величины. Уже и теперь присяжные патриоты и оптимисты, совершая выступления со специальной целью ободрить население, стремятся утешить его тем, что через несколько десятилетий страна может доработаться до прежнего уровня благосостояния. Немецкое население в среднем слишком интеллигентно для того, чтобы можно было просто заявлять ему, что война не имеет и не будет иметь никакого вредного влияния на хозяйственное положение страны. Недавно прогрессивный депутат рейхстага Георг Готгейн выпустил патриотически-оптимистическую брошюру («Военное бремя и его покрытие», 1916), и вот как утешает он и ободряет своих соотечественников: «Будет трудно выдержать оставшееся после войны бремя и постепенно разделаться с ним, но Германия может это сделать и сделает... Правда, мы надолго должны будем сильно ограничить потребление заграничных предметов роскоши, мы должны будем оставить поездки за границу для развлечения... Существующих учреждений для производительного труда в общем хватит на много лет благодаря, к сожалению, сильно сокращенному войной числу мужских рабочих рук. Вкладывать капитал в новые предприятия понадобится в совсем небольшой степени... Правда, это будет тяжелое время сильных ограничений и напряженнейшей работы, пока мы до некоторой степени подыдемся опять до прежнего благосостояния. Но бремя с течением времени будет становиться меньше. Хотя наша жизнь будет отличаться много более умеренным тоном, хотя и с лишениями, — но при серьезной, неустанной работе немецкий народ с честью выдержит и тяжелые десятилетия после войны» (стр. 22, 23 и 24).

Легко понять, что если таким языком говорит патриот и оптимист, оптимист по совести и по обязательному положению, притом заранее считающий за данное благоприятное для Германии

окончание войны, — то немудрено, если последнее время даже среди промышленной буржуазии (кроме «тяжелой индустрии») сказывается серьезная тяга к миру на каких-либо приемлемых основаниях. Ибо каждое полугодие все глубже подрывает почву под будущим, все более твердой рукой стремится вернуть Европу к похороненному, как казалось уже, экономическому прошлому (можно добавить и к культурному, если судить по содержанию тех вопросов, какими занимается теперь часто европейская общественная мысль, например, имеют ли облагораживающее влияние на народный характер периодически повторяемые взаимные выступления друг против друга с оружием в руках, является ли высшим критерием для различения между людьми расовая принадлежность, должно ли руководство началами права, справедливости и честности ограничивать только личной жизнью человека, но не общественно-государственной и т. д. и т. д.).

Внешним выражением падения производства в стране, уменьшения количества создаваемых продуктов служит их дороговизна (осложняемая и поддерживаемая, конечно, и другими обстоятельствами). В этом отношении интересно отметить, что при деловых расчетах промышленные предприятия и учреждения местного самоуправления считаются с наличностью в период после войны весьма высоких цен. Вот, например, выдержки из опубликованного в «Берлинер Татеблат» 25 июля 1916 г. доклада дирекции берлинского трамвая о необходимости повышения после войны проездной платы: «После возвращения с войны мобилизованных рабочих придется повысить им жалованье. Немобилизованные получают сейчас на 35% больше, чем в мирное время, благодаря прибавке по случаю дороговизны. Так как на долгое время после войны не приходится ожидать достойного упоминания понижения цен на жизненные припасы, то само собой разумеется, что для всех служащих потребуется повышение заработной платы, которые до некоторой степени соответствовало бы нынешнему их добавочному доходу в 35%... Цены на материалы, которые сейчас возросли в среднем почти на сто процентов, еще в течение ряда лет будут стоять приблизительно на такой же высоте и, насколько доступно человеческому предвидению, никогда уже не вернуться к прежнему уровню» (№ 376).

К этому можно было бы прибавить еще соображения о грядущих больших налогах. Но налоги в сравнении с общим обеднением страны, с общим понижением ее производительных сил и способностей — явление второстепенного и подчиненного порядка. Кто ни платил бы потом проценты по займам, рабочие или хозяева, как это ни важно само по себе, или даже если бы никто не платил (государственное банкротство, оставление семей погибших без пенсий и т. д.), — это не меняет того факта, что в стране станет меньше полезных и ненужных для жизни вещей, меньше возможности производить их в достаточном количестве и меньше рабочих сил по количеству и по качеству их для работы.

Разумеется, на фоне общего экономического регресса Германии отдельные группы лиц могли обогатиться и обогатились, но это не меняет значения общей картины. Металлургия и горноделание в Германии принадлежат к наиболее воспользовавшимся военной конъюнктурой. Обе эти отрасли доминируют в союзе «тяжелой индустрии». Редактором органа этого союза состоит известный и в России экономист Штейнман-Бухер. В конце июля 1916 г. все газеты обогатла выдержка из нового издания его книги о национальном богатстве Германии. Штейнман-Бухер, — надо полагать, соответственно росту наживы в обслуживаемой им индустрии, — пишет о войне как о «мощном созидателе хозяйственных ценностей» и склоняется рассматривать «военное ремесло как особенно выгодный промысел». Без всяких оснований распространяя самочувствие магнатов тяжелой индустрии на все население, он пишет: «Мирный немецкий народ, так сказать, попохал жареное мясо и напшел вкус в войне, и легко может статься, что он вперед склонен будет чаще прежнего упражняться в военном ремесле против той или иной страны, например, против властительницы морей вести длительно длящуюся войну».

Редко представляется случай резче иллюстрировать противоречие между интересами всего общества, нуждающегося в скорейшем прекращении подрывания его экономического благополучия, и интересами руководителей мощной группы предприятий, по существу долженствующих служить всему народу (уголь, железо), но ради своекорыстных выгод их капиталистических заправил стремящихся к «длительно длящемуся» истощению национальных сил.

Вопрос, насколько и как быстро удастся восстановить после войны пошатнувшийся под ее влиянием организм германского народного хозяйства, является решающим для определения, насколько прочными окажутся плоды «организованного понижения культуры» и движения к модернизированному быту феодально-цехового периода. Капитализм показал себя в нынешнем испытании, правда, довольно эластичным, — но не безгранично. Если в первый год войны он умел в общем приспособляться к положению настолько, что ход хозяйственной жизни поддерживался в достаточных, хотя и суженных размерах, то второй год он стал уже ощущать в Германии какой-то предел своей эластичности. Предел этот обозначился, повидимому, в связи с понижением числа (и качества) рабочих рук ниже величины, требуемой для поддержания современного уровня культуры в стране с населением и протяжением Германии. Подобную же последовательность можно предвидеть и в отношении степени легкости восстановления после войны капиталистическим хозяйством Германии своего прежнего уровня. Если бы участие Германии в войне продолжалось всего год, — восстановление произошло бы, вероятно, без особо крупных затруднений: в первый год растрочены были в общем лишь «избытки»; материальный механизм хозяйства изнасился мало, население не было столь истощено и разрежено (между прочим смертность взрослого

гражданского населения Германии в первый год войны не отличается значительно от нормальной, а во второй превосходит ее на треть). Если бы Германия прекратила войну к концу ее второго года, восстановление прежнего уровня хозяйства и культуры было бы еще мыслимо, хотя и в качестве длительного процесса, по рецепту Готтейна, — считая, что основы хозяйственной жизни остались бы теми же, что и до войны, только при увеличенной роли государственной власти в организации хозяйства. Экономическая действительность второго года войны в Германии характеризуется сплетением движения к старому (которому посвящена отчасти эта глава) с достижением к новому. Как было указано выше (в предыдущих главах этой же части), «новое» заключалось в создании тесной и непосредственной организационной связи на экономической почве между государственной властью как представительницей общих интересов всего класса руководителей германского производства с отдельными, центральными для каждой области хозяйства объединениями промышленного и финансового капитала. Создававшаяся большая планомерность и организованность хозяйственной жизни обеспечивала сохранение доходности всем существенным частям германского капитала и сравнительную легкость организационного приспособления, как к восстановлению прежнего уровня хозяйства, так и к его дальнейшему упадку.

Организационная форма допускала движение и к высшей стадии капитализма (централизованный «государственный капитализм») и в сторону экономического регресса — к укладу, отношениям и порядкам, многим напоминающим о средневековьи. Второй год войны накренил чашу весов в сторону второй тенденции. Будет ли Германия в силах избавиться от полного подчинения ей в случае очень значительной продолжительности войны (как семилетняя война XVIII столетия или более чем десятилетние наполеоновские войны XIX века), в случае дальнейшего длительного пребывания большинства германского рабочего класса в состоянии патристической прострации, — более чем сомнительно. Ибо разрушительное экономическое влияние растет не в арифметической, а едва ли не в геометрической прогрессии. Принимая во внимание общее хозяйственное ослабление Европы, для европейских государств Германия остается, конечно, серьезным экономическим конкурентом, но не в силу собственного преуспеяния, а по причинам, коренящимся в их состоянии.

В немецкой литературе встречаются иногда указания на ту помощь, какую Соединенные штаты Северной Америки могут оказать хозяйственному возрождению Европы. Но дело в том, что действительного братства народов пока не существует. Соединенные штаты лишь в той мере пошлют свои материалы в Германию, в какой она сможет оплатить их какими-либо собственными продуктами или

трудом своих жителей. Но и в том и в другом отношении Германия после войны будет иметь менее запасов для отчуждения, чем до нее. Если бы после мессинского землетрясения город Мессина восстанавливался лишь в той мере, в какой его население могло бы своим трудом оплатить издержки восстановления, то это последнее шло бы довольно медленным темпом. Но вся Италия «слилась тогда в одну семью», как пишут восторженные фельетонисты, — Мессина была восстановлена. Если бы после войны вся Германия на деле слилась в одну семью, в единую коллективную сокровищницу снеся труд и достойные как ждого из своих детей, то она тоже, конечно, могла бы совершить удивительные вещи по части экономического возрождения¹⁾. Первым условием для быстрого оздоровления должно быть устранение непроизводительного потребления, общественного и личного. Оздоровление станет возможно лишь в той степени, в какой это устранение непроизводительного потребления будет проведено в жизнь и все силы народа будут планомерно организованы для полезной работы (полезной в смысле улучшения быта).

Военный бюджет Германской империи (в мирное время) с народнохозяйственной точки зрения представляется лишь очень небольшой частью всей этой доли народного труда, которая затрачивается не на улучшение быта всего населения, а на посторонние ему цели, например, на обеспечение сверхобильного потребления богатым людям, на прибыли аграриям и капиталистам. Пред войной среднее дневное потребление пищи 88 процентами немцев измерялось всего 3 000 калор., а остальными (более богатыми) 12 процентами населения — целыми 8 400 калор. на душу в день. Если бы приравнять питание 12% богатых питанию народных масс, то это одно уменьшило бы затрату народного труда на добывание пищи на 18% (до войны среднее дневное потребление для всей страны составляло 3 650 калор. на душу) и освободило бы почти пятую часть сил для других целей или дало бы возможность легче перенести умаление рабочих сил в стране в результате войны. То же относится и ко всем видам потребления. В Германии пользуется теперь литературным успехом обсуждение подобных проектов (например, специальная брошюра Поппер-Линкеуса «После войны» выходит уже третьим изданием). С другой стороны, как указывает хотя бы тот же Поппер-Линкеус, с точки зрения экономического возрождения непроизводительным будет весь труд, затрачиваемый на содержание всех членов общества, которые могли бы работать, но не работают, будучи зажиточными рантиерами (подобных лиц последняя перепись насчитала в Германии около трех миллионов). Чтобы затраченный на них общественный труд не пропал даром, надо ввести для них обязательную рабочую повинность (что и предлагает Поппер-Линкеус). Точно так же чистая

¹⁾ В цензурной форме здесь указывалось, что лишь социалистическая революция способна была бы быстро справиться с делом восстановления и дальнейшего развития хозяйства. — Примечание 1926 г.

потеря для населения Германии, если в одном городском участке три человека устраивают мелочные лавки, когда население с успехом могло бы быть обслужено одною. Проведение рациональной планомерности во всех отраслях хозяйства чрезвычайно сократило бы непроизводительную растрату труда и позволило бы с меньшими силами достигать больших результатов. И т. д. — число подобных примеров можно бы увеличить. Отсюда очевидно, стоит лишь развернуть формулу «устранение непроизводительной растраты сил» во всю ее ширь — чтобы сразу стало ясно, какое громадное сопротивление вызвали бы попытки ее осуществления со стороны некоторых слоев самого же германского населения. Ибо по существу она означает не что иное, как отстранение нынешних владельцев от права распоряжения своими предприятиями и передачу этих предприятий в планомерное управление такого центра, который руководился бы мыслью единственно о поднятии уровня быта всего населения, а не о личных доходах прежних владельцев. Представляется немислимым, чтобы нынешние руководители германской экономической жизни согласились добровольно на подобные практические выводы из столь ревностно теперь пропагандируемого в Германии лозунга: рационализировать хозяйство страны, устранить непроизводительное применение ее сил и спасти этим от экономического регресса.

Но точно так же представляется немислимым, чтобы при сокращении производительных сил страны Германия могла сохранить все виды «непроизводительного применения народных сил», не понижая одновременно значительно уровня быта подавляющей массы своего населения и не вызывая тем в этой массе соответственных откликов и (революционных) процессов.

17 августа 1916 г.

5. УТОПИСТЫ МИНИМАЛИЗМА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ¹⁾

Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами...
Добролюбов.

Художник-варвар кистью сошной
Картину гения чернит,
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Пушкин.

I

В первой книжке «Дела» ²⁾ я прочел «марксистские» поучения А. Н. Потресова: война ослабляет производительные силы, значит после нее мы не можем подойти ближе к постановке на практи-

¹⁾ Вышло в изд. Авербаха в Петербурге, помечено 8 ноября 1916 г.

²⁾ Журнал, издававшийся во время мировой войны в Петрограде социал-оборонцами меньшевистского толка. — **П р и м е ч а н и е** 1926 г.

ческую очередь вопроса об осуществлении «конечной цели». После войны мы можем остаться только у того же корыта, притом еще надбитого. И если о чем предстоит тогда заботиться, мечтать и молиться, то—надо думать—лишь о предметах скромного размера, как формулировал еще Пушкин:

Да не вредят полям опасный клад дождей
И ветра позднего осенние набеги,
Да и пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!

Бывают мечтатели особого рода — утописты малого, певцы привычного. Весь мир может сотрясаться до самых основ политического и социального бытия своего, суровая действительность тяжелой рукой может поставить массы перед выбором: идите вперед или возвращайтесь к едва прикрашенному средневековью человеческой истории, — и утописты привычного решают все проблемы простым закрываньем глаз на них. Ничего не случилось на «Шипке», на капиталистической «Шипке» все спокойно, говорят нам:

К чему нескромным сям убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалать,
К победе легкой вызывать?

Автор этих строк многими газетными и журнальными статьями усиленно способствует укреплению убеждения, что предстоящий период упирается как раз в «конечную цель»¹⁾, а отнюдь не во «влажный тук полей». Потому представляется уместным сопоставить мои «германские наблюдения» с «марксистскими сомнениями» А. Н. Потрсова.

По внешности последние звучат очень марксистски, выдвигается тяжелая артиллерия якобы экономического обоснования: раз трехлетний конфликт разрушил часть производительных сил, то можно было только дальше отойти от конечной цели, а не приблизиться к ней. И, однако, именно к этому «марксизму» относятся слова пушкинского эпиграфа о сонной кисти, незаконно чернящей подлинную картину Маркса. Ибо здесь соединились обе черты вульгаризаторства: упрощение подхода к явлениям жизни и перенесение рассмотрения их в область безвоздушной отвлеченности. Метод Маркса с его «практикой» в качестве верховного поверочного критерия выбрасывается за борт, замещается раз навсегда якобы данными (и потому безжизненными) схемами. Место изучения борьбы тенденций в общественно-экономическом развитии заменяется подведением под шаблон привычного опыта, без внимания к наличности или отсутствию тех условий, которые в других обстоятельствах этот шаблон оправдывали. Известно, как Маркс в свое время протестовал против такого упрощения и против придания «абсолютного» характера тем или иным умозаключениям путем отвлечения от учета тех условий, в обста-

¹⁾ Под «конечную целью» в подцензурной дореволюционной печати имелось в виду торжество социализма. — П р и м е ч а н и е 1926 г.

новке которых развивается данная тенденция. Известно, наконец, к каким забавным выводам приходили люди, подходившие к марксизму с упрощенной прямолинейностью: раз в основе жизненных отношений лежит развитие производительных сил, то нечего «заниматься политикой»! Раз марксизм признает объективную закономерность исторической жизни, то не имеет цены и значения «субъективный фактор», воля миллионов! Упрощенный «марксизм» готовительного класса» упорно закрывал глаза на то, что сам Маркс основывал политические организации и заявлял очень точно: «Сознание определяется бытием», и в то же время: «История делается людьми». Упрощенный марксизм брал только кусочек истины и возводил его в «перл создания», будь это упрощение синдикалистского «приверженца» или старонароднического «критика». Совершенно то же продельывает теперь А. Н. Потресов с развитием производительных сил.

— Как, вы посягаете на само священное развитие производительных сил! — слышу уже встревоженные голоса:

...ад и пламень... и т. д.

Нимало. Все дело в том, в каком состоянии находились производительные силы пред наступившим их понижением и в какой исторической обстановке все это происходит. «Абсолютных», независимых от наличного содержания жизни «законов» у Маркса не имеется, и насчет результатов понижения производительных сил — дело опять-таки в условиях времени и места. Чтобы быть конкретными, поступим по некрасовскому рецепту:

Переносится действие в Пизу,
И спасен многотомный роман.

Только Пизу заменим Германией. Правда, и германские мои «романы» не всегда прочтываются читателем. Но если, видимо, не стоит описывать «рост оппозиции» в этой стране, то делать насчет ее всякие ехидные и неприятные предположения, конечно, позволительно: ведь она воюет. Итак, предположим, что в Германии произошла социальная революция! Не сейчас, а вообще — когда капитализм достигнет там такой «зрелости», что и А. Н. Потресов не будет попрекать немцев в максимализме. Без сомнения, многие догадываются, что такая операция, — особенно, если мы не предположим Германию расположенной на изолированной планете, — не произойдет мгновенно. Когда в конце XVIII века произошла во Франции социальная революция буржуазии против феодализма, то борьба продолжалась несколько лет, были разрушены цветущие города и опустошены целые провинции, притом собственными же французскими руками. Люди разных партий рубили друг другу головы с завидной энергией. Если Либкнехт и Ледебур¹⁾ попробуют

¹⁾ Во время мировой войны старый социалист Ледебур принял участие в Циммервальдской противовойснной конференции некоторых рабочих

вырвать власть у Круппа и Вильгельма, то при нынешних средствах разрушения и при повышенной культурой способности каждой стороны к организации, социальная революция в Германии может оказаться не менее длительной и еще более опустошительной, чем, например, трехлетняя внешняя война, к тому же ведущаяся не на германской территории. Разрушение производительных сил будет налицо, и поэтому понижение производительных возможностей германского народа на следующий день после окончания победоносной социальной революции представляется неизбежным. А раз происходит столь серьезное разрушение производительных сил, то от Потресова мы уже знаем — с «конечной целью» надо распрощаться, ибо таковое разрушение обладает абсолютным свойством отдалять от нее! Из чего вытекает бессмысленность для немцев устраивать у себя когда бы то ни было социальную революцию. Стоит хлопотать, чтобы на следующий день после победы увидеть, что все равно приходится восстановить капитализм, ибо «созревшие» уже были производительные силы опять распатаны трехлетней отчаянной и беспощадной внутренней войной. Известно ведь, что внутренние социальные войны бывают еще свирепее, чем внешние государственные: вспомните походы в Вандею, Лион, Коммуну 1871 г., дублинские происшествия 1916 г. Остается удивляться, почему А. Н. Потресов до войны никого из немцев не надомнил о необходимости придумать способ добраться до конечной цели без предварительного солидного расшатывания данного состояния производительных сил.

Между прочим не следует упускать из вида благотворного влияния, какое произвела бы более целесообразная организация наличных сил даже при условии некоторого их уменьшения. Личных и материальных средств у народа в данный момент может оказаться меньше, чем было за три года перед тем. Но благодаря более умному использованию произведено всяких вещей может быть больше, чем производилось раньше, и быт населения может улучшиться. Как раз война показала, как не полно и нелепо использовались раньше в Германии производительные возможности, заложенные в ее населении. Опираясь на материалы, изученные и собранные по поводу октябрьской 1916 г. сессии рейхстага, можно сделать такие сопоставления. Пред войной в Германии было занято во всех отраслях труда, кроме высших служащих (840 тыс. человек с годовым жалованьем свыше 2½ тыс. мар.), всего 18 600 тыс. наемных рабочих и работниц и служащих всякого рода (включая горничных и т. д., словом, всех). Сверх того в сельском хозяйстве крестьян (не наемных, а хозяйствующих) — почти 6 400 тыс. человек, считая также всех помогающих в хозяйстве членов семейств от 14 лет. Итого 25 млн. трудившихся (16 млн. мужчин и почти 9 млн. женщин).

организаций. В настоящее время не входит ни в коммунистическую, ни в социал-демократическую партии; на последних выборах поддерживал коммунистов. — Примечание 1926 г.

Затем до 1 сентября н. ст. 1916 г. в дополнение к мирному составу армии и флота (вместе почти 900 тыс. человек) мобилизовано еще почти 9 300 тыс. мужчин. Казалось бы, к этому 1 сентября 1916 г. должно было остаться менее 16 млн. трудившихся, а если присчитать их естественный прирост за два года, то 17 млн. Между тем в действительности на 1 сентября сверх более чем миллиона работающих пленных оказывается еще 21 млн. трудящихся (свыше 10 300 тыс. мужчин и почти 10 700 тыс. женщин). Оказывается, к труду привлечено лишних 4 млн. человек (на две трети мужчины), которые без этого вовсе не трудились бы (не говоря уже о передвижении внутри трудящихся, например о поступлении многих горничных на фабрики и т. п.). И притом в Германии оказывается еще в наличности 11 млн. женщин в возрасте от 17 до 60 лет, пока непривлеченных еще к наемному труду, ни к труду в хозяйстве мужа или отца, а живущих праздну в семье, либо занимающихся «домашним хозяйством», т. е. детьми и кухней. Однако германское правительство рассчитывает и половину этого числа привлечь в 1917 году и в 1918 году (если обстоятельства не изменятся) постепенно к какому-либо труду. Для этого решено ввести систему приготовления обедов в громадных центральных кухнях (начало организации чего положено уже в крупных городах, в иных местах эти кухни действуют уже для сотен тысяч человек) и систему централизованного присмотра за детьми (вместе с полудневными рабочими сменами для части женщин). Из всего этого видно, во-первых, какая громадная масса возможных рабочих сил пропадала в Германии до войны без употребления. Во-вторых, видно, что не то что Ледебур и Либкнехт после своего успеха, а даже Крупп и Вильгельм не подражают Потресову в «абсолютном» преклонении пред наличностью умаления производительных сил страны, — в данном случае рабочих сил, — но находят пути пополнить пробелы переорганизацией и имеющегося, но бывшего недостаточно и нецелесообразно использованным. В-третьих, наконец, если бы Либкнехт и Ледебур осуществили свою «конечную цель», то, несмотря на крупное разрушение личных и материальных производительных сил в процессе такого осуществления, — ожидаемое Потресовым падение производства и невозможность организовать новое общество вовсе не наступили бы. Подобно тому как плохо использован был в Германии труд людей, — столько же плохо использованы были в ней и материальные ресурсы. Ее мельницы могут перемолоть в несколько раз больше хлеба, чем это им когда-либо приходится делать в мирное время; ее обширная военная индустрия представляет собой просто массу бесполезно растрачиваемых машин и зданий и т. д. и т. п. Разрушение и потеря даже значительной части машин, домов и т. л. вовсе не означало бы поэтому невозможности немедленно же организовать новое общество. Тем более, что личных людских сил для полезной работы оказалось бы даже больше, чем было до конфликта.

Приведенный пример наглядно показывает всю несообразность нового якобы марксистского открытия Потресова, что раз произошло понижение производительных сил, то мы обязательно оказываемся еще дальше от конечной цели, чем были. Вместо подобного упрощения, раз навсегда носящего ответ в кармане, надо в каждом отдельном случае спрашивать: 1) каково было состояние производительных сил до их частичного разрушения, 2) каковы размеры этого разрушения, 3) какова историческая обстановка.

История знает примеры, когда падение производительных сил в конечном итоге имело результатом не социальную реакцию, а социальный прогресс. Например, «черная смерть» в Англии 1348 г., унесшая не менее четверти ее населения, была чрезвычайным ударом производительным ресурсам страны. Но самый уровень хозяйства Англии был таков, что попытки вернуться в связи с этим к крепостному праву не могли уже иметь прочного успеха. Они вызвали восстание трудящихся, известные из английской истории, и результатом было не движение назад, а вперед. Конечно, если бы разрушения были больше, если бы исчезли орудия труда, скот, дома, то Англия вернулась бы не то что к крепостному праву, а прямо к временам пещерных обитателей и первобытных охотников и собирателей плодов.

Но когда мы говорим о влиянии на состояние германских производительных сил трехлетней войны или трехлетней внутренней борьбы, то считается несомненным, что за три года не успеют исчезнуть с лица земли железные дороги, главные машины, здания и искусство организовывать производство всего этого. Человечество накопило такие громадные технические и культурные ценности, что даже при наличном уровне старания нельзя уничтожить все это без остатка за каких-нибудь три или четыре года. Можно только потрясти, разрушить часть — и влияние последствий такого разрушения зависит от того, какая общественно-хозяйственная организация придана будет затем оставшимся личным и техническим силам и возможностям.

Если Германия останется при той же нелепой с общественной точки зрения организации своего хозяйства, как до войны, т. е. при частно-хозяйственном распоряжении им своеобразной кликой германских капиталистов — последствия будут для ее населения весьма плохи. Останется праздность одних и растрата сил других на совершенно ненужные вещи. При таком порядке с уменьшенными рабочими силами можно будет справиться (т. е. обеспечивать германским капиталистам их уровень прибыли и т. д.), только если заставить каждого немецкого рабочего работать больше, а жить хуже прежнего, соответственно закрепостив его по мере надобности и возможности и формально. Либо же Германия перейдет к новой системе управления всеми личными и материальными ресурсами страны — тогда, как упоминалось, Либкнехт и Ледебур будут иметь объективную возможность наладить, в конце концов, жизнь даже лучше прежнего,

несмотря на временное разрушение части производительных сил.

Конечно, если конфликт будет продолжаться не три или четыре года, а три раза четыре, то в Германии, вероятно, не останется технической возможности вести какое-либо другое хозяйство, кроме более или менее близкого к натуральному. Так далеко Потресов, однако, не заглядывает, он поучает нас относительно значения «понижения производительных сил» при сравнительно краткой продолжительности конфликта.

Но такую перспективу или тенденцию, разумеется, необходимо иметь в виду и необходимо указывать на ее неизбежность, — это, кстати, один из сильнейших доводов против всей позиции Потресова в ее целом, не только в данном пункте.

Вот от осуществления такой тенденции — к натуральному хозяйству — действительно необходима «самозащита» и, следовательно, «оборона» против влияния потресовского круга идей. Знающие люди рассказывают, что в пустыне Сахаре имеется много развалин очень крупных городов, полузасыпанных песком. Остатки свидетельствуют о наличии когда-то цветущей цивилизации и больших рек там, где теперь бродят лишь кочевники и сохранились пересохшие русла (как русло Аму-Дарьи до впадения в Каспийское море — русло, опустившее после войн Тамерлана).

Но если предположить темп разрушения германского хозяйства равным пока наблюдавшемуся, а продолжительность ограниченной тремя-четырьмя годами¹⁾, то степень разрушения сама по себе не может еще сделать невозможным введение там нового общественного строя, если только уже до войны германский капитализм был достаточно зрел для этого и если новая историческая обстановка потребует такого введения от германского населения более настоятельно, чем раньше.

На этот счет германская действительность говорит языком, не подающимся перетолкованию.

II

«Зрелость» германского капитализма для перехода к новому обществу состоит из двух моментов: материального и идейного.

Надобна техническая возможность планомерно, централизованно управлять всем производством и распределением. И надобно желание населения воспользоваться этой возможностью для управления в духе интересов всего народа, а не одного только какого-нибудь привилегированного круга жителей Германии. В материальной «зрелости» германского капитализма уже до войны

¹⁾ Автор этих строк уже в 1915 г. в печати определил вероятную продолжительность мировой войны в четыре года, исходя из оценки хозяйственных сил Германии. Отсюда упоминание о «трех-четырёх годах». Война действительно продолжалась 4 года с небольшим, от 1 августа 1914 г. до 9 ноября 1918 г. — Примечание 1926 г.

еще никто не сомневался — нехватало только идейной зрелости народа. Да и трудно было бы сомневаться в материальной зрелости.

Во-первых, еще перед войной из всех 17 миллионов мужчин в возрасте от 17 до 60 лет (кроме солдат, арестантов, полных калек, иностранцев) приходилось 11,3 млн. на наемных рабочих (кроме высших служащих) и лишь 5,7 млн. — на всех остальных (включая 0,7 млн. высших служащих). Отношение равнялось уже тогда отношению двух к одному (а в Соединенных штатах Северной Америки — трех к одному, в Англии — около четырех к одному). Годы войны пролетаризировали в Германии к тому же около 40 % немобилизованного мужского мелкобуржуазного населения. На 1 сентября 1916 г. в Германии оказалось в возрасте от 17 до 60 лет только 8,6 млн. немобилизованных мужчин (кроме арестантов, иностранцев и т. д.), из них 6,8 млн. наемных рабочих и только 1,7 млн. прочих¹⁾, — отношение стало равным отношению четырех к одному. Нет никакого основания думать, что мобилизованным германским мужчинам из мелкой буржуазии удалось или удастся в большей мере сохранить свое «самостоятельное хозяйство», чем это удалось их оставшимся дома братьям.

Во-вторых, техническая зрелость германского хозяйства для централизованного планомерного управления доказана высшим (по Марксу!) судьей: жизнью, опытом. В Германии в общих чертах уже осуществлено централизованное управление и производством, и обменом, и потреблением. Все сельское хозяйство охвачено тридцатью четырьмя имперскими «ведомствами», «учреждениями», «центрами» и «обществами» с монопольными и административными функциями. А во главе всех их стоит тридцать пятое — имперское продовольственное ведомство, которому все они подчинены. Кормовые средства для скота, продовольственные для людей, доставляемые сельским хозяйством материалы для промышленности, — все подчинено централизованному принудительному руководству общеимперских центров. Притом не только распоряжение уже произведенными продуктами (секвестр) и их потребление (по карточкам выдается еда не только людям, но и в крупной мере скоту, равно минеральное удобрение и т. д.), но и во все усиливающейся степени самое производство. Теперь, впрочем, не удовлетворяются уже тем, что закон предписывает, сколько килограммов овса разрешается употреблять на засеив одного гектара и т. п., не удовлетворяются тем, что центральные органы определяют, кто сколько может держать скота, кто сколько должен получить людских рабочих сил, не удовлетворяются «настоятельными указаниями» центров, надо сеять больше или меньше свекловицы (первый год по их указаниям засеяли на 32 % меньше, второй год — на 11 % больше), — теперь «демократия» все настойчивее требует полного устранения воли владельца от управления его частным сельским хозяйством («на время войны»). Лозунг «принудительное производство» приобретает теперь

¹⁾ Подробности — во второй части этой книги.

в Германии такую популярность в применении к сельскому хозяйству, что еще летом «принципиально» высказывавшийся против него Батоцкий (президент имперского продовольственного ведомства) в конце октября 1916 г. заявляет уже в комиссии рейхстага, что правительство ведь идет, собственно, навстречу этому лозунгу. Многие владения подчинены уже непосредственному хозяйственному управлению местных самоуправлений с отобранием их от нерадивых или не могущих справиться с обработкой владельцев (на время войны и на период после нее, впрямь до отмены постановления Союзного Совета). Всем же другим владельцам дан ряд обязательных указаний, «в случае надобности» правительство пойдет и дальше, но не следует «перенапрягать» применения принципа принудительности. Это говорит Батоцкий. А в Австрии законом 22 августа 1916 г. уже введена всеобщая принудительность производства в сельском хозяйстве с уничтожением «свободы решений» частных владельцев: что сеять, где сеять, когда сеять и т. д. Окончательное решение всех этих вопросов принадлежит публично-правовым органам, в случае неподчинения владельца хозяйство его подлежит отчуждению в пользу разных органов управления. В Германии, хотя здание еще не увенчано таким окончательным «оформлением», но фактически и здесь все сельское хозяйство управляется уже централизованно и планомерно упомянутыми тридцатью пятью имперскими «центрами». Много ли остается для воли отдельного владельца, если в отношении скота, рабочих сил и удобрения, в отношении сбыта и цены продуктов и права приостанавливать или сокращать производство (в последнем случае владение подлежит в Германии немедленному переходу в руки местного самоуправления) он всецело подчинен велениям закона и усмотрению 35 имперских центров.

Нарочно остановился подробнее на факте подчинения централизованному планомерному управлению всего сельского хозяйства Германии, ибо нам всегда говорили, что в земледелии с его «миллионами мелких хозяйств» как раз и заключается неодолимое препятствие для технической возможности организации нового общества. А вот Германия осуществила такое централизованное управление и руководство сельским хозяйством уже сейчас — и тем наглядно показала «зрелость» в интересующем нас отношении. Правда, при этом пришлось многие мелкие владения свести в более крупные хозяйственные единицы в руках местных самоуправлений (о «муниципальном земледелии» стоило бы поговорить и отдельно). Правда, миллионы мельчайших хозяйств — поскольку они не оказались в числе заброшенных — можно было изъять от забот о централизованном управлении: они оказались способными доставить продовольствие только семье владельца, да и то часто не полностью. В отношении таких «хозяев» оказалось достаточным изъять их полностью или частью из числа получателей потребления от органов власти. Централизация управления сельским хозяйством было достигнута, однако, не сведением в одно самых слабых владений или предоставлением их самим себе, поскольку они держались и не имели зна-

чения для снабжения внутреннего рынка, — но главным образом благодаря наличности в стране железных дорог, телеграфа, местных самоуправлений. Словом, если само земледелие и з н у т р и недостаточно созрело в организационном отношении, — то у современного германского общества, у современного капитализма оказался достаточный общий запас материальных и общественных организационных сил, для того чтобы сверху и извне объединить и связать сельское хозяйство в единый, планомерно управляемый организм¹⁾. Иначе сказать, материальную «зрелость» страны надо рассматривать не с точки зрения необходимости довести предварительно до технической-организационной зрелости каждую отрасль хозяйства в ее изолированном виде, — а как производную общего состояния всех ее производительных сил в их среднем итоге. Недурную возможность ориентироваться на этот счет открывают между прочим данные о проценте пролетариата в составе населения страны.

Относительно индустрии можно не распространяться — отсылаю читателя к статье моей «Государственный капитализм в Германии» в «Современнике» за апрель 1915 г.²⁾. Централизованное управление индустрией осуществлено в Германии во время войны еще раньше, чем управление сельским хозяйством. В н у т р е н я я торговля была охвачена регулированием почти целиком в связи с регулированием индустрии и сельского хозяйства. Управление главными транспортными средствами находилось в Германии в руках государства и до войны. Наконец, что касается в н е ш н е й торговли, то — особенно с конца 1915 г. — одна ее отрасль за другой передается в монопольное обладание берлинского «Центрального закупочного общества» (находящееся под государственным контролем предприятия типичного для Германии «смешанного», т. е. государственно-капиталистического типа, впрочем, с участием в правлении также представителей германского союза городов). В итоге, как видим, в материальном отношении германское хозяйство настолько уже созрело, что оказалось возможным технически объединить его в одно планомерно управляемое целое уже сейчас, при труднейших условиях, при отсутствии миллионов работников. Насколько же легче было бы выполнить все это технически при использовании сил этих миллионов не на разрушение, а на созидание! А. Н. Потресов может, таким образом, не беспокоиться насчет материальной «зрелости» германского хозяйства для перехода к требуемой «новым обществом» планомерной централизованной организации: против фактов не спорят. А такая централизация в Германии в общем уже факт — разумеется, она осуществлена там самими капиталистами и их государством (лишь в деталях, осо-

¹⁾ Современный советский строй стремится типичное середняцкое-крестьянское хозяйство охватить кооперацией извне, со стороны быта, и таким образом включить его в общую систему советского хозяйства — наряду с менее пока развитыми мерами по укрупнению его развитием тракторных коллективов и т. п. — Примечание 1926 г.

²⁾ Перепечатана в настоящей книге. — Примечание 1926 г.

бенно в области распределения продовольственных сельскохозяйственных продуктов, сказывались иногда следы влияния рабочих масс). Разумеется, Крупны и Вильгельмы позаботились, чтобы это осуществление произошло с наибольшей возможной для них выгодой. Но это уже вопрос о втором моменте «зрелости», об «идейном» факторе, о том, кто стоит у руля созданного централизованного хозяйственного аппарата — германский рабочий класс или его домашние противники, и в чью из этих двух групп пользу этот аппарат работает. Но поскольку речь идет о материальной «зрелости» германского капитализма — она доказана и показана на опыте. Остановка не за нею, а за состоянием умов, за волею населения. Но если материально немецкое хозяйство было «зрелым» уже до войны и остается таким и сейчас; если трех-четырёхлетняя длительность конфликта не может уничтожить технической зрелости в этом отношении, то ясно: особо исключительную важность приобретает конкретная историческая обстановка. Смотря по тому, в какую сторону она изменяется, можно ждать или приведения, наконец, в соответствие идейного состояния с материальным, или сохранения прежней незрелости людей вопреки зрелости вещей. Итоги военного периода немецкой истории приносят в этом отношении Германии такую внутреннюю и международную обстановку, которая позволяет составить представление и на этот счет.

III

Последний раз перед войной за рабочую партию при выборах в рейхстаг (1912 г.) голосовало 4 250 тыс. мужчин не моложе 25 лет (более молодые не имеют права голоса, что отстраняет от участия в выборах треть всего мужского пролетариата). Не менее 10 % считается в Германии на «попутчиков» из других классов. Между тем всех мужчин-рабочих старше 25 лет считалось в Германии перед войной 8¼ млн., а всех вообще мужчин этого возраста около 15½ млн. человек. Значит, голосовавшие за рабочую партию пролетарии составляли менее половины всего пролетариата соответственного пола и возраста и около четверти всего мужского населения с 25 лет. С «волей», с идейным состоянием населения дело обстояло, таким образом, не особенно благополучно. В профессиональные союзы было организовано около 5 млн. рабочих и служащих, но из них лишь около половины, 2½ млн. человек, входило в примыкавшие к рабочей партии «свободные» профессиональные союзы «генеральной комиссии». И политически и профессионально мужской пролетариат группировался однородно, и что любопытно, в той же почти пропорции распределялся его состав по степени прочности принадлежности к рабочему классу. Из доклада вице-канцлера рейхстагу от 10 ноября 1915 г. за № 144 (по поводу реформы страхования старости) видно, что сверх выбывающих из-за смерти и инвалидности (около 200 тысяч человек в год) из всего мужского пролетариата Германии отливало ежегодно в мелкую буржуазию около полумиллиона чело-

век, не пробыв в рабочем состоянии в среднем и десяти лет (а весь ежегодный прилив в мужской пролетариат, и из рабочих семейств и из мелкой буржуазии, превышает 920 тыс. человек в год). Если бы численность мужского пролетариата не росла, то весь его состав обновлялся бы по данным «доклада» приблизительно в 18 лет. Из этого нетрудно видеть, что каждый рабочий из той половины, которая никогда не отликает в мелкую буржуазию, остается в рабочем состоянии в среднем приблизительно по 30 лет. Стало быть, мужской пролетариат Германии распадался перед войной на две половины: одна прочно осела уже в рабочем состоянии, стала «вечными рабочими», другая половина находилась еще на грани между мелкой буржуазией и пролетариатом, колебалась то туда, то сюда, проводя из своей жизни в состоянии наемного рабочего всего лишь менее десяти лет (надо помнить, что речь идет о всем мужском пролетариате страны в его совокупности, включая дворников, строительных рабочих и т. д.). Понятно, эта половина не могла еще выработать в себе прочного сознания принципиального отличия рабочих интересов. В соответствии с такой «социальной физиологией» движения личного состава пролетариата находилась и приведенная выше политическая и профессиональная его группировка. Для женского пролетариата эта «социальная физиология» свидетельствует о еще гораздо большей доле непрочной и ненадолго связанных с рабочим состоянием — и успехи партии и союзов среди работниц были еще меньше. Вообще можно привести в связь постепенное усиление рабочей партии в Германии с постепенным увеличением в мужском пролетариате той его доли, которая прочно, навсегда связана с рабочим состоянием, для которой рабочее состояние не является лишь сравнительно кратковременным эпизодом в вообще мелкобуржуазной жизни. За последние 50 лет развивались в Германии параллельно оба процесса: создавался «коренной», «наследственный» пролетариат — скопище рабочих превращалось в определенный слой населения (класс), — и одновременно с возникновением и утверждением социального бытия рабочего класса создавались также и росли его классовые организации, организации, стоящие на принципиальной почве классовой борьбы.

Рабочий класс мог создаться и затем дополнительно рекрутироваться естественно лишь из мелкобуржуазной среды. Наличие в стране обширной мелкобуржуазной среды, широкая возможность вести также мелкобуржуазное существование — это позволяло быть очень медленным процессу оседания в рабочем состоянии раз попавших туда элементов. Они то делались рабочими, то возвращались в мелкобуржуазное состояние (не только в крестьянское), они могли не чувствовать себя навсегда связанными с рабочим классом. В своем лице и в лице детей своих они могли легко оставаться духовно чуждыми «идеи четвертого сословия». Из десятилетия в десятилетие мелкобуржуазная среда в Германии суживалась, круг смыкался невозможностью выбраться из него, «рабочие» превращались в «пролетариев». Теперь война дала сильнейший

толчок в пользу прочности оседания в рабочем состоянии. Война с поразительной быстротой размывает мелкобуржуазную среду, сносит ее в пролетариат. Выше упомянуто на основе официальных данных, что за первые 25 месяцев войны превратилось в работающих по найму целых 40% немобилизованного мужского, прежде нерабочего населения Германии в возрасте от 17 до 60 лет. Оно и неудивительно, так как многие мелкобуржуазные слои еле-еле держались за свою «самостоятельность» и в мирное время. Потому обеднение всего германского населения (поскольку оно не принадлежит к наживающейся части аграриев и капиталистов) выбило из седла прежде всего эти малоустойчивые элементы. За время войны пролетаризация мелкобуржуазных слоев Германии непрерывно продолжается. Уже сильно поредели ряды мелких лавочников, самостоятельных мелких ремесленников и тех крестьян, которые не продают продовольствия по малой величине производства. В дальнейшем их станет еще меньше. Безвозвратнее окажутся в пролетариате те, кто раз попал туда. Уменьшатся личные передвижения из пролетариата в мелкую буржуазию и обратно. Недоступнее станет мысль о собственном предприятии, ибо вследствие исчезновения самых слабых предприятий за период войны больше станет сумма стоимости того, что будет признаваться «мелким предприятием» после войны. Тоньше станет промежуточный слой, отделяющий германских рабочих от германских капиталистов. Больше уже теперь стало имущественное расстояние между средним рабочим и средним капиталистом, чем было оно в Германии до войны. В самом характере состава наличной совокупности рабочих, в прочности их рабочего звания, в более резкой отграниченности от других классов Германии создается, таким образом, материальная основа для движения вперед, для гораздо более быстрого проникновения наличных рабочих классовым сознанием пролетариата, для гораздо более значительного роста классовых организаций, чем мы видели это в Германии до войны. Таково первое существенное изменение исторической обстановки одного из тех условий, от которых в первую голову зависит более или менее быстрое развитие сознания в определенную сторону. Поле для возделывания промадно — хватило бы сеятелей.

Не менее важна и вторая перемена в германской жизни. Ставшие более прежнего коренными пролетариями рабочие увидят перед собой капиталистическую организацию, развернувшуюся и сложившуюся совсем не на той основе, на какой она развертывалась и складывалась до войны. До войны в Германии всякие комбинации, синдикаты и тресты, все централизионные процессы происходили на основе роста производительных сил. Теперь все эти централизионные процессы произошли, определились и оформились на основе падения производительных сил. Разрушение этих производительных сил не так

велико, чтобы сделать технически невозможным переход к «новому обществу». Но оно достаточно велико, чтобы при сохранении частнохозяйственного уклада сделать неизбежным движение назад, к отношениям, понятиям и быту докапиталистической эпохи, только в модернизированной оболочке. В главе «Особенности военного государственного капитализма» (см. выше, стр. 54—91) приведено достаточно иллюстраций этому из немецкой жизни. Система государственного капитализма в нынешней ее издании¹⁾ оказывается лишь системой капиталистического приспособления к падению производительных сил. Германские капиталисты приспосабливаются таким образом, чтобы пострадать от этого падения возможно меньше, чтобы не увеличить беды безоглядной борьбой между собой и чтобы возложить возможно большую часть неприятностей от падения производительных сил на немецких рабочих, сохранив, наоборот, для себя все полагающиеся капиталу по штату приятности, особенно приличную реальную прибыль. Свобода промысла уничтожена. Зависимый, даже юридически прикрепленный труд занимает место «вольного» как в индустрии, так и в сельском хозяйстве. Закон ограничивает качество потребления трудящихся масс, оставляя им, например, поношенное платье и простые материи и резервируя хорошие для имущих (закон 1 ноября 1916 г.). В национальной экономической жизни возрастает относительная доля сельского хозяйства на счет индустрии. Трудящиеся массы Германии привыкают к липовым листьям вместо чая, к всестороннему понижению быта, которое закрепляется на время после войны «необходимостью сохранить приобретенную привычку к умеренности» (выражение министра фон-Миллера). Эта якобы необходимость мотивируется невозможностью выплачивать иначе ежегодно дополнительные налоги на девять миллиардов марок для оплаты процентов по военным займам, пенсий и т. п. (подсчет буржуазных немецких экономистов при условии трехлетней длительности войны). Как будто не гораздо удобнее для немецкого рабочего вовсе аннулировать уплату немецким капиталистам по выданным им Вильгельмом II обязательствам — обязательствам отбирать от населения крупную часть его труда для раздачи небольшой кучке «финансировавших» войну немецких капиталистов (главная масса займов подписана всего тремя процентами населения, считая уже членов семейств подписавших). Аннулировать и вместо того употреблять свой труд на улучшение быта, на предоставление всем настоящего чая вместо липового, хороших квартир вместо углов, высшего образования вместо грамотности, упраздненных теперь велосипедов вместо начинающих входить в употребление деревянных ботинок и т. д. Но такое аннулирование невозможно без устранения от руководства аппаратом германского хозяйства тех, в руках кого аппарат именно тому и служит, чтобы обеспечивать правильность

1) Мыслимы и другие ее издания».

перекачивания плодов всенародного труда в распоряжение немногих заправил нынешней Германии. А такое обеспечение немислимо без удержания в известных пределах созданной во время войны и обрившей выше вкратце организации. Не потому, что налоги удваиваются. Налоги удвоились в Германии также за последние 20 лет, а движения к феодальным и цеховым порядкам от этого не замечалось. Но раньше они удваивались при росте производительных сил. Из войны же Германия выходит с пониженным их состоянием — исчезает десятая часть работников-мужчин, подорвано здоровье всех остальных, ухудшилось состояние всех машин и приспособлений (со второго года войны сталь, например, идет уже почти всецело на войну — явление Гельфериха). Рабочие могут производить меньше (если не изменить самую систему неиспользования многих людских сил и растраты на бесполезные вещи сил других людей). А капиталисты Германии, заправляющие ее хозяйством, желают получить не меньше прежнего, билетами военных займов они приобрели себе «свидетельство на труд нации» даже в избыточном против прежнего количестве (ибо в раздутой цене заказов получали не только реализацию сегодняшней прибавочной стоимости, но и часть только имеющей еще быть созданной в будущем). При таких условиях необходимо более энергичное использование труда немецких рабочих, необходимо понижение их быта, необходим суровый контроль над работой и «правом не работать» (превращение труда в зависимый) и потреблением (принудительное ограничение качества; на этот счет в Германии проектируются — и в самой «просвещенно-гуманной» оболочке — самые поучительные меры, вплоть до распространения на весь летарият «принудительности сбережений», установленной пока лишь для молодых рабочих; «сберегаемая» принудительно часть заработной платы должна быть помещаема в банки для «производительного применения», — только всего; проект этот пользуется крупным успехом в капиталистических органах).

Возрождению черт из периода цехового и феодального уклада экономической жизни соответствует такого же направления движение в области культурной и политической. «Просвещенный абсолютизм» празднует в Германии свое возрождение (ср. подробнее мою корреспонденцию в «Русских Ведомостях» от 7 октября 1916 г.). Идеология национализма, веры в сверхчувственные силы, всевозможной элементарности — дополняет в культурном отношении экономическое и политическое движение назад. Хотя в «народе» возросло влияние «демократии», — «даже бывшие правые собираются голосовать за красных», плакалась на-днях крупная консервативная газета, обвиняя Бетман-Гольвега в неумелости, — хотя даются и обещаются разные политические уступки, но наступившее более определенное «содержание» государственной власти делает ее в Германии и после войны верным оплотом и проводником реакционных черт экономического уклада. Все эти многочисленные «имперские

центры» по заведыванию разными областями хозяйства с принудительно-синдикатскими функциями и в смешном, одновременно частью государственном, частью непосредственно капиталистическом управлении,—все они в своей совокупности означают возведение, в конце концов, государства в сан и обязанности главного директора большого акционерного общества, составленного из всех крупных владельцев страны. В германском средневековьи государственная власть совпадала с совокупностью крупных феодалов даже формально. К подобному политическому состоянию приходит Германия и сейчас. Внешние политические уступки (вроде обещания реформы прусского ландтага и т. п.) служат в таких условиях лишь усилению конфликта трудящегося населения Германии с приготовленной ему, собственно, даже уже гаснувшей участью. Ни правительство, ни большинство рейхстага, ни руководители крупных владельческих организаций не считают возможным, чтобы после войны вернулся попросту и сразу прежний «неурегулированный частно-хозяйственный строй». Место его должно занять организованное на капиталистический лад крепостничество — разумеется, со всеми модернизирующими поправками («паритетные посреднические учреждения по указанию труда» вместо крепостного старосты; «гарантия нормального продовольствия» вместо полагавшихся дворовым от барина «месячных» и т. д.) и со всеми словесными украшениями («сохранение организационных завоеваний военного времени», «научная организация германского хозяйства» и т. д. и т. д.). Такова сейчас идеология верхов германского капитала, поскольку он рассчитывает на полную мощь в устроении своей страны, т. е. на победу в мировой войне ¹⁾.

Таково в Германии положение. Возврата к прежнему соотношению в распределении продукта между рабочими и хозяевами быть не может. Это «равновесие» (с позволения сказать) сделалось невозможным благодаря крупному понижению производительных сил, непоправимому сколько-нибудь быстро при сохранении частно-хозяйственной их организации. Рабочим Германии — при отношении четырех к одному и прочности пребывания в рабочем состоянии — предстоит выбор. Либо согласиться на весьма крупное ухудшение быта (вместо долгих мечтаний об улучшении!) и на восстановление модернизованного феодализма, — все из «лояльности» по отношению к Круппу и Вильгельму. Они будут вести жалкую жизнь приниженных рабов в деревянных башмаках, или, научившись «русскому

¹⁾ Как поражение в русско-японской войне 1904—1905 гг. пошатнуло положение царского правительства, так и разгром Германии в 1918 г. затруднил германскому капиталу полное осуществление его планов. Ухудшение условий труда и понижение реального уровня жизни рабочих во всяком случае было достигнуто. — Примечание 1926 г.

языку», прочтут послевоенному хозяйственному строю пушкинские стихи со стр. 515 венгероветского издания:

Читают на твоём челе
Печать проклятия народы.
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Разумеется, не в первый же день по возвращении с войны немецкий рабочий процитирует тоже пушкинское: «А если нет — кинжал». Во-первых, после окопов и деревянные башмаки покажутся сначала приятными. Во-вторых, некоторое время будет продолжаться «промышленное оживление» по случаю поправок и восстановления многого устаревшего или разрушенного, пока технически репарированные производительные силы не наткнутся на границу в виде созданного войной реального обеднения массы населения. В-третьих, потребуются целые десятилетия, пока освоится скольконибудь сознательно с окончательностью своего рабочего состояния, во-первых, та громадная масса немецких рабочих, которая находилась до сих пор в непрерывном передвижении в обе стороны между пролетариатом и мелкой буржуазией, и во-вторых, вся та масса, которая «попала в рабочие» впервые во время войны и в связи с войной¹⁾. В-четвертых, что всего важнее, есть еще международная обстановка, о чем ниже. Но во всяком случае, если материальная зрелость капитализма имела в Германии налицо и до войны, — как доказано, кроме всего прочего, опытом, — то ближайшие же десятилетия при описанной внутренней экономической обстановке Германии не могут не создать, неизбежно создадут и недостававшую до сих пор идейную зрелость пролетариата. И обратно: только наступление такой идейной готовности воспользоваться данным уже жизнью материалом для построения нового общества, только оно может предохранить немецкий пролетариат от обнищания и вырождения, от опускания в жалкий уровень феодально-цехового крепостничества, централизованного и возглавляемого «государственным капитализмом».

В начале войны, 12 сентября 1914 г., явившись в Швецию из немецкого «плена», я поместил в стокгольмском шведском органе статью на тему, что начавшиеся события более чреваты последствиями, чем в то время часто предполагалось: дело кончится вторым «падением Великой римской империи», возвратом к экономическому варварству, если только солидарность пролетариата не повернет курса в противоположную сторону до столь полного истощения. Последняя мысль была мною затем выражена в приветствии ноябрьскому 1914 г. шведскому съезду следующим образом: «Как

¹⁾ Одно десятилетие уже прошло со времени написания этих строк, и я и теперь считаю возможным, что пройдет еще одно десятилетие до полного торжества коммунистической революции в Западной Европе. Будем надеяться и стараться, чтобы поскорее. — Примечание 1926 г.

ни велики материальные и моральные потери, которые разразившаяся в Европе война может принести с собой, мы смотрим в будущее с надеждой. Жизнь не кончается ни этим днем, ни этим годом, и великое дело рабочего класса, несомненно, в конце концов, преодолеет все внутренние и внешние препятствия на своем пути. И очень может быть, что и во время настоящей войны и ее дальнейшего развития явятся исходные пункты для сильного подъема энергии и солидарности в рядах международного рабочего класса» (цитирую по № 36 журнала Ленина¹). Наблюдая теперь, через два года, темп постепенного нарастания упомянутой солидарности, можно установить, что жизнь действительно не кончилась «тем годом и часом» — часом первых падений Плехановых, Шейдеманов, Потресовых и Гедов. Темп нарастания солидарности оказался таким, — а это очень трудное, можно сказать, небывалое еще в истории, дело: нарастание такой солидарности в таких условиях, — оказался таким, что можно, повидимому, с уверенностью сказать: до второго падения Великой римской империи, до полного возврата Европы к экономическому варварству (близкому к натуральному хозяйству) во всяком случае истощение не успеет дойти, конец его увеличению так или иначе наступит раньше. Но экономический уклад Германии, с перерывом после войны или без него, развивая так ярко проявившиеся во время войны тенденции, будет идти все же, чем далее, тем более явственно, к описанному уже нами выше состоянию «государственного капитализма», особенно нестерпимому для развитого и развивающегося политического сознания трудящихся масс. Это наиболее неустойчивый хозяйственный уклад, какой вообще можно придумать, как бы специально на заказ сработанный к заключительному конфликтному периоду истории буржуазного хозяйства. Остается возможность перехода к лучшему, к новому обществу, — и имеется налицо крупное ухудшение быта даже в сравнении с уже ранее достигнутым. Крепостничество в оболочке формальной демократии — трудно придумать большее внутреннее противоречие. И противоречие это будет кричать из всех пор германской жизни — освещаемое выпукло обнаружившимся характером государственной власти как исполнительного (и экономического!) комитета немецких владеющих классов, и обнажаемое исчезновением промежуточных мелкобуржуазных слоев. При такой обстановке внутренней жизни страны сознание немецкого рабочего не сможет не наталкиваться на «конечную цель», — и в этом его спасение. Потому особенно вредна проповедь Потресова, старающегося вытравить веру в постановку наступающим историческим периодом именно этой цели, отвергаемой им как неосновательный и недопустимый «максимализм».

¹ Названный «для цензуры» скромно «журналом Ленина» был «Социал-демократ», тогдашний заграничный центральный орган партии, выходивший под редакцией Владимира Ильича в Швейцарии. — Примечание 1926 г.

Произошли громадные события, пали миллионы, разрушены плоды труда сотен миллионов. Изменился хозяйственный уклад, сдвинулся мировой экономический центр тяжести, стало иным соотношение классов и степень устойчивости их внутреннего состава, изменилось, словом, то «бытие», которое «определяет сознание» (на основе чего, по Марксу, затем «люди делают историю») — и в это время появляется Потресов и заявляет: ничего не случилось, все останется по-старому. Никаких разговоров о «конечной цели» как непосредственной задаче борьбы немецких рабочих в наступающий исторический период. Да не поднимаются их дерзания дальше сохранения от безработицы и реформы прусского избирательного права. Ну, разве это не мечтатель, не типичный мечтатель, совершенно отрешившийся от мира фактической действительности, не пробужденный даже громом мировой войны и «сонной кистью» ставящий жизни препоны: досюда, и ни шагу — вернись в прежние берега! Утопия минимализма! Не заметить пустяка — мировой войны и ее следствий! Мечтать не предосудительно — и Оуэн был утопистом и С. Симон. Но их утопии смотрели, вели и звали вперед, а утопия Потресова — реакционна, она противодействует (это у любителя «непротиводействия»!) приведению идейной зрелости пролетариата в равновесие с материальной зрелостью капитализма. Оуэн тоже не считался, не умел считаться с наличной исторической обстановкой. Но он жил еще до Маркса, и мечта его была великая, и миллионы сердец не раз бились живее и теплее при мысли о нем. Живущие после Маркса Потресовы тоже не считаются с исторической действительностью, тоже мечтают, но мечта их, как говорится, «в виде малая и собою не бессмертная».

И сказок о вас не расскажут,
И песен о вас не споют...

IV

Историческая обстановка не исчерпывается изменением внутренних отношений Германии. Было бы чудом, если бы война не создала замедляющих моментов на пути к «конечному успеху» классовой борьбы германского пролетариата. Если бы война только способствовала конечному успеху — Либкнехт и Ледебур не имели бы оснований оценивать ее столь безоговорочно отрицательно. Не тяжесть жертв издавна страшит людей, а их бессмысленность. Если бы, взвесив все за и против, Либкнехт и Ледебур пришли к заключению, что в итоге итогов война приблизила германский пролетариат к достижению конечной цели, — им оставалось бы лишь перефразировать Скалозуба: «Пожар способствовал ей много к украшению». Однако такой поверхностный оптимизм не может иметь места. Главнейшей причиной служит изменение международной обстановки, в

какой германскому пролетариату приходится отныне двигаться к своей конечной цели.

Прежде считались только с Западной Европой. Достижения конечной цели изолированным порядком, только в одной Германии, считалось, правда, практически маловероятным. Исторический опыт учит, что при переходе от одного строя общества к другому соседи всегда обращаются против страны-зачинщика. Когда французы уничтожили у себя феодализм — феодалы всех европейских государств пошли на них войной. К тому же в предприятия германских капиталистов вложен отчасти и английский и французский капитал, в порядках на немецком рынке непосредственно заинтересованы австрийские банки и венгерские помещики. Если германские капиталисты принуждены будут подчиниться, то австрийские и иные найдут нужным заступиться «за свои интересы» и сделают это тем легче, чем меньше будут мешать им в этом рабочие их собственных стран. Окончательный, бесповоротный успех мыслится поэтому в международном масштабе. Но в Англии, Франции и Германии культурно-политическое развитие отстояло друг от друга не очень далеко, материально совокупность этих стран была уже «зрелой», и при соединении усилий они могут не бояться никаких отсталых европейских стран (Испания и т. д.), где пролетариат составляет все еще лишь какую-нибудь пятую часть населения и где могла бы родиться охота устранить соблазн у соседей. Что же до внеевропейских стран, то и Соединенные штаты и Япония совершенно не вкладывали тогда еще своего капитала в Европу. Наоборот, аннулирование власти германских и т. п. капиталистов означало бы для внеевропейских стран освобождение от громадной дани в их пользу. Одни Соединенные штаты выплачивали до войны ежегодно европейским капиталистам свыше миллиарда рублей в виде дивидендов и процентов на помещенный там европейский капитал. С коренным изменением строя в Западной Европе все такие суммы остались бы чистым выигрышем, подарком истории в карманах американских и японских капиталистов. Такие же государства, как Индия и Китай, стояли до войны в общем еще за порогом активного участия в текущей истории западно-европейского мира. Пролетариату Германии и до войны приходилось ставить проблему конечной цели в международном масштабе, но международности эта имела возможность фактически ограничиваться узким базисом Западной Европы с ее тремястами миллионами жителей. Это наглядно выражалось между прочим в составе конгрессов Рабочего Интернационала. Представители внеевропейских государств почти отсутствовали. Соединенные штаты вообще вступили в Профессиональный Интернационал уже почти лишь перед самой войной. Благодаря сравнительной близости уровня рабочего движения главных стран Западной Европы решение проблемы представлялось здесь легким и в международных рамках, тогда еще столь ограниченных территориально-географически.

Война сдвинула мировой экономический центр тяжести в пользу внеевропейских стран. В статье «Страна-победительница» («Северные записки», сентябрь-октябрь 1916 г. ¹⁾), я показал, как Соединенные штаты успели уже совершенно погасить свой двенадцатимиллиардный долг Европе благодаря громадным заказам военного времени по чудовищно вздутым ценам. Опубликованные с тех пор отчеты за последующее полугодие показывают, что в дальнейшем процесс этот продолжался еще значительно более ускоренным темпом. Теперь уже не только американцы не должны ничего Европе, но, наоборот, капиталисты Соединенных штатов поместили уже сотни миллионов своих «сбережений» в западно-европейских странах. С каждым месяцем войны этот перевес в пользу американских капиталистов возрастает теперь приблизительно на четверть миллиарда рублей, притом все ускоряясь. Северо-американские капиталисты начинают подчинять себе центральную и южную Америку, вытесняя господствовавших там прежде европейцев. И что для нас еще важнее, северо-американские капиталисты вкладывают теперь в Западную Европу такие огромные капиталы, что им уже не безразлично, какие порядки в Европе и признается ли там право капиталистического присвоения или нет. Притом же американские капиталисты не строят сейчас в Западной Европе фабрик или железных дорог, они просто приобретают капиталистическое «право» на часть будущего труда западно-европейского населения путем подписки на военные займы и поставки по вздутым ценам предметов непродовольственного потребления. Всякие попытки коренных изменений в Европе наткнутся отныне на такое же активное противодействие американских капиталистов, какое раньше, например, немцы должны были учитывать только со стороны каких-нибудь испанцев или болгар и т. п. отсталых, едва на одну пятую пролетарских европейских наций. Изменившееся положение отлично сознают в Америке обе стороны, и представители правящих классов и представители организованного пролетариата. Так, «пацифист» президент Соединенных штатов Вильсон в произнесенной в Цинциннати 27 октября 1916 г. избирательной речи заявил с похвальной откровенностью:

«Подумайте, что после этой войны раньше или позже может быть опять такая война. Подумайте, что нынешняя война — последняя, обнимающая мир война, в которой Соединенные штаты могут оставаться нейтральными. Я говорю это не из соответственного желания, но из убеждения, что эпоха бытия нейтральными проходит... Америка как член семьи народов должна быть поэтому впредь готова бросать на чашу весов всю свою духовную и физическую силу для обеспечения прав человечества на всем земном шаре».

¹⁾ Перепечатана ниже в настоящей книжке. — Примечание 1926 г.

Времена доктрины Монро объявлены прошедшими безвозвратно. Америка для американцев — конечно. Но и «весь земной шар» — тоже для американцев, готовых «физической силой охранять права человечества», как их понимают руководители американской политики. Об этом понимании многое могли бы рассказать мексиканцы, кубанцы, филиппинцы, никарагуанцы, гаитяне, колумбийцы и т. д., и это были бы рассказы не из самых скучных.

Юз, конкурирующий кандидат в президенты, и помогающий Юзу Рузвельт говорят языком еще более вразумительным. У Америки, мол, теперь столько интересов в Европе, что она не может оставить ее без вмешательства и содействия устройению в Европе таких итогов войны, какие для Америки наиболее выгодны; капиталы же американские помещены главным образом в противогерманской коалиции — и Юз обещает в случае своего избрания не вести по отношению к Германии такой «слабой», якобы уступчивой политики, в какой он обвиняет Вильсона. Если так дело обстоит уже по отношению к капиталистической Западной Европе, легко понять, к каким аргументам прибегли бы «потомки Линкольна» в случае нарушения западно-европейским пролетариатом какого-либо из «прав человечества» (например, особо подчеркиваемого американской конституцией — в качестве священного — права частной собственности, например собственности американских капиталистов на часть труда европейского населения; кстати, родной сын Линкольна в качестве главы общества спальных вагонов является одним из самых циничных хищников).

Деятели американского рабочего движения, которых до войны почти не удавалось затаскать на европейские конгрессы, которые уклонялись от участия даже в Профессиональном Интернационале, — для чего достаточно было бы сравнительно примитивной солидарности, — которые в начале войны относились к ней, хотя как к печальному, но как к чужому делу, — эти деятели пришли теперь в движение. Они снарядили экспедицию в Европу мирить европейские рабочие партии. Одновременно примкнув к Циммервальду и одоблив в Гааге Гюисманса¹⁾, они агитируют теперь за организацию особого всемирного конгресса профессиональных союзов хотя бы к моменту начала переговоров о мире (в месте, какое будет назначено для конгресса дипломатов — как для общего давления, так и для включения в условия мира особых международных обязательств улучшить разные стороны рабочего законодательства). И Американская рабочая партия (секретарем ее состоит теперь рижско-еврейский выходец Моррис Хилквит) и Союз профессиональных союзов (секретарем его состоит англо-еврейский выходец Самуэль Гомперс) ревностно стали заниматься европейскими делами, после того как перемена соотношения между американским и европейским капиталом создала перспективы активного вмешательства американских

¹⁾ Гюисманс был в то время секретарем II Интернационала, стоявшего на приемлющей войну «оборонческой» точки зрения. — П р и м е ч а н и е 1926 г.

капиталистов в европейские дела теперь или позже. Перспективы эти тем реальнее, чем дальше пойдет истощение и ослабление Европы. Но чем меньше будет истощение европейского пролетариата, тем больше сохранит он свой прежний уровень быта и прежние условия труда. А низшая граница американских условий труда — это то, что переселенец из Европы мог бы получить у себя дома. В силе европейского пролетариата передовые американские рабочие ищут залога, что их не слишком притиснут в Америке. Ибо собственные силы американского пролетариата парализованы несознательностью подавляющего большинства его, отсюда ничтожностью его политического веса и жалким состоянием американской демократии вообще (смешно сказать, но при всеобщем избирательном праве в Соединенных штатах со стомиллионным населением — в парламенте теперь всего один депутат рабочей партии, да и тот бундовец из Полтавы Мейер Лондон, выбранный нью-йоркскими бундовцами; а из парламентов отдельных штатов американская рабочая партия имеет представительство только в одном, нью-йоркском, и как на заказ — тоже только одного депутата, тоже бундовца, тоже из Полтавы, по фамилии Шиплаков).

Подобное же передвижение экономического центра тяжести произошло в сторону Японии несколько в более скромных, но все же в весьма значительных размерах. Япония усердно погашает досрочно свои внешние государственные займы. Семидесятимиллионная Япония все более налагает руку на Китай, связывая его ресурсы со своими, заинтересовывая уже заметно развившуюся китайскую буржуазию в своих предприятиях (в пароходстве по Тихому океану, в банковских и торговых предприятиях, в густонаселенном Зондском архипелаге и на Филиппинах и т. д.), не только стремясь монополизировать торговлю и пароходство на всем пространстве Тихого океана, но и помещая немалые средства в Европе. Японские пароходы стали частыми гостями в Средиземном море, и прямые сношения с Европой, преимущественно односторонне увеличивающие японский перевес, все растут (можно упомянуть также выгодную торговлю через Владивосток).

Одна американская пароходная компания за другой прекращает плавание по Тихому океану и уступает место японскому флагу. Американцы слишком сосредоточили свои силы на Европе (и отчасти на Южной Америке), для того чтобы быть в состоянии конкурировать еще с японцами в другом полушарии. Все пароходные сношения даже между Австралией и Соединенными штатами (Сан-Франциско) обслуживаются теперь исключительно японцами. Движение между Канадой и Россией, между Японией и Соединенными штатами, между Китаем и Южной Америкой тоже монополизировано уже японцами. Японские пароходы через Панамский канал идут из Китая в Нью-Йорк. Больше того, чтобы уничтожить «Пацифик мэл» — американское пароходство, поддерживающее сношения между Соединенными штатами и Центральной Америкой, — конкурирующая

японская линия назначила на октябрь и ноябрь 1916 г. тарифы ниже мирного уровня (тем же методом японцы вышибли за последний год американцев и с других тихоокеанских линий). Японский ввоз в Индию, Австралию и т. д. возрастает в гораздо более быстрой прогрессии, чем американский, а европейский прямо уменьшается. Если уж таковы успехи японцев против американцев, то легко представить, что совсем отступают на задний план европейцы, сначала занятые войной, а потом имеющие залечивать раны. Тем временем Китай и Тихий океан делаются доменом, добычей японского империализма. Рядом с двумя громадными блоками, английским и германским, создаются еще две «империи», японская и северо-американская, притом заинтересованные в поддержании капиталистического порядка в Европе, куда они поместили часть своего «национального капитала» — подаренную им войной часть.

Между тем, если в Америке, — стране «капиталистического рая», где Рокфеллер сжигает запертых в церкви жен и детей стачечников вместе с церковью и остается безнаказанным, — если в Америке демократия находится в жалком состоянии, то в Японии ее пока еще вовсе нет как сколько-нибудь сознательного рабочего движения. Классовых организаций вовсе нет, иногда бывают лишь преходящие стихийные вспышки, хозяева свободно секут рабочих розгами. Есть рабочие в Японии, но нет еще японского пролетариата, как следует из горьких рассказов Катайямы в его сан-францисском журнале (того Катайямы, который 12 лет назад обменялся рукопожатием с Плехановым — в 1916 г. они в разных лагерях по настроению, хотя их государства, наоборот, вместе ¹⁾).

Европейский империализм сдерживался несколько мыслями о рабочей оппозиции на собственной родине, иначе не были бы протрушены как повод к войне такие случаи, как оккупация французами Марокко, аннексия австрийцами Боснии за несколько лет пред началом мировой войны и т. п. Теперь выступают на передние подмостки мировой сцены империализмы северо-американский и японский, которые не знают этой домашней демократической сдержки и оказывают влияние притом на соотношение социальных сил в Европе, хотя оказывают и должны оказывать для охраны своих капиталистических интересов. А европейская рабочая демократия не только почти не получает помощи от американской и вовсе не получает от японской, — но еще и сама ослабела. Война довольно широко посеяла в английских и французских рядовых рабочих массах ненависть по отношению к немцам. Война и в самой Германии (и Австрии) ставит рабочему движению требующие времени для разрешения новые психологические задачи: привыкшую к отсутствию критики, подчинению и довольству малым психику война вернуть к состоянию мозга, скажем, передового члена профессионального союза (см. в «Киевской

¹⁾ Речь идет о рукопожатии на международном рабочем конгрессе во время русско-японской войны 1904 г. в знак протеста против нее. Теперь тов. Катайяма — член Коминтерна. — П р и м е ч а н и е 1926 г.

мысли» корреспонденцию мою «Новые проблемы»). Организации германских капиталистов, наоборот, выиграли в смысле стройности, охвата и сознательности (ср. выше о «просвещенном абсолютизме»). В общем, следовательно, и в мировом и специально в европейском масштабе империализм усилился, а организованная рабочая демократия ослабела. Между тем, мало этого: при учете международной обстановки, в какой оказывается после войны германский пролетариат, приходится считать еще с двумя государствами, прежде всего не принимавшимися в расчет. Правда, и сейчас им рано еще вести самостоятельную капиталистическую империалистскую политику, они находятся еще в стадии лишь быстро овладеваемого буржуазными отношениями преимущественно аграрного государства (как Россия лет двадцать назад). Но опыт показывает, что такие аграрно-буржуазные страны, незрелые еще для самостоятельной капиталистической империалистской политики, уже достаточно зрелы для того, чтобы быть использованными в борьбе одного империалистского государства против другого (например, Германия пользуется в этом смысле Венгрией и Болгарией). Тем более будет пытаться империализм вовлечь их в сопротивление каким-либо принципиально-новым образованиям. И еще раз тем более, ибо как нынешняя война впервые привела к умножению непосредственных связей их с Европой, впервые создала не только наличность небольшого числа европейцев в этих странах, но и наличность большого числа их сынов в Европе: читатель понимает, что речь идет об индусах и китайцах.

Сотни тысяч индусских солдат дерутся во Франции и на Балканах. Сотни тысяч китайских рабочих привезены во Францию и другие страны Европы. Чем больше будет нарастать недостаток рабочих рук, тем быстрее предстоит увеличиваться число китайских и индусских рабочих в Европе. Многие предпочтут остаться здесь и после войны и потянут за собой сюда «на заработки» и других индусских и китайских выходцев (как литовцы ездят в отхожие промыслы в Америку). Ко многим национальным вопросам в Европе присоединятся еще два, ко многим средствам отвлекать недовольство германских рабочих к посторонним предметам — еще одно. Уж по одному этому, и особенно по меньшей требовательности и культурности, милы в этом смысле индусы, китайцы (и негры) европейским предпринимателям, радующимся, что война открыла этим париям труда двери в Европу и научила туда ездить. А кто из них вернется потом в Индию и Китай — привезет с собой не особенно веселые воспоминания об обращении, которому подвергался, и о справедливости, какую видел. В союзе с японским или американским империализмом буржуазно-аграрная Индия может оказывать при случае когда-нибудь полезную против западно-европейских новаторов. Успехи Китая на буржуазном поприще известны. В Индии количество фабрично-заводских рабочих достигло уже уровня численности их в России 20 лет назад, война создает там

новые производства, обороты коопераций достигают невиданных там раньше и вообще крупных размеров, уступки конституционным желаниям, ввиду роли индусских войск в войне (Месопотамия, Египет), считаются в Англии неизбежными и т. д., и т. п. Конечно, на пути превращения в государства современного буржуазного типа и Индии и Китаю (как в свое время другим, преимущественно аграрным, странам, переживающим оформление в буржуазные) предстоит еще пережить свой революционный период (в Китае он, собственно, начался уже революцией Сун-Ят-Сена 1911 г.). В этот период «иностранным чертам», т. е. их капиталистам, не очень-то можно будет рассчитывать на поддержку Китая и Индии против движений европейского пролетариата, у которого, наоборот, как показывает опыт Турции (1909 г.), Персии (1910 г.) и того же Китая (1911 г.), сами восточные страны ищут в таких случаях сочувствия и поддержки. Но если заглянуть дальше, то не исключена будет возможность присоединения к Америке и Японии еще будущих Китая и Индии¹⁾ как дальнейших «задерживающих моментов».

Первый задерживающий итог войны заключается, таким образом, в том, что организацию нового общества из вопроса западно-европейского она превратила в вопрос, обнимающий гораздо более широкие международные рамки. Из этого не следует, конечно, что придется ждать «созревания» для «конечной цели» последнего индуса и китайца. Но все дело должно стать более трудным и более чреватым мировой борьбой, чем пока бесповоротное решение его мыслилось и фактически было возможно в рамках Западной Европы. Так в свое время буржуазной строй народился и победил в рамках Западной Европы, а потом уж распространился по всему миру.

Эта возможность окончательной успешности и прочности изолированного переустройства общества в Западной Европе утеряна благодаря экономическим итогам войны, и потеря эта все более закрепляется с каждым месяцем. Европейским рабочим придется привыкнуть мыслить мир шире и жить жизнью не только Западной Европы.

V

Первые два итога изменения международной обстановки мы видели. При постановке проблемы о новом обществе германским рабочим придется привыкнуть мыслить мир как великое единство, жить жизнью шире западно-европейской. Но как раз этому стремится помешать указанная уже тенденция к разделению мира на четыре экономических круга: английский, германский, японский и северо-американский²⁾. Внутри каждого из них, правда, интер-

¹⁾ Успех социалистической революции в Европе поставит вопрос о некапиталистической эволюции Индии и Китая. — Примечание 1926 г.

²⁾ В итоге мировой войны место германского круга занял пока французский, только значительно менее мощный, чем был в свое время германский, и являющийся скорее лишь добавлением к «английскому». Зато образовался новый самостоятельный «круг» — советский, кото-

национализуется, но им же до известной степени и замыкается пролетарская практика. Имеется перспектива при известных условиях получить целых четыре «Интернационала».

В этой войне, формально начавшейся под лозунгом защиты отдельных отечеств и наций, фактически мы имеем между прочим дело с попыткой национальных империализмов свойственными им методами преодолевать государственную ограбиченность, начавшую стеснять капиталистов. Это находит себе подтверждение в истории военной экономической действительности и в хозяйственных планах воюющих и нейтральных стран.

Действительность, во-первых, теснее связала между собой экономически в каждом из четырех блоков входящие в него страны, во-вторых, больше обособила эти блоки в целом друг от друга, чем то имело место раньше. А планы стремятся закрепить создавшееся положение и на будущее.

За последние шесть лет перед войной Англия поместила во все страны германской коалиции (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция вместе) только один единственный процент всего помещенного ею вне Англии капитала (а английские капиталисты помещают за пределами своего острова половину всей капитализируемой ими прибавочной стоимости, производимой рабочими Великобританией). Понятно отсюда, насколько и до войны теснее была ее «капитальная» связь со странами нынешней противогерманской коалиции (Франция, Россия, Италия, Португалия, Бельгия, Канада, Австралия, Индия, Египет, Южная Африка, Румыния, Греция). За время войны задолженность всех этих стран Англии возросла на громадные суммы. Одни заимообразные субсидии английского казначейства союзникам, как известно всякому читателю газет, превысили уже десять миллиардов рублей. Сверх того Англия снабжает ряд своих союзников углем (Францию и Италию по ценам, вчетверо высшим мирных), а равно сукном (одевает французскую армию) и многими другими предметами. Положение Англии, правда, ослабело вне круга стран, принадлежащих к английской коалиции: можно констатировать не только уменьшение торговли, но и отлив уже прочно было помещенного английского капитала из Японии, Китая, Соединенных штатов и Южной Америки (это выражается в продаже билетов государственных займов, акций, облигаций). Но зато тем более укрепилась руководящая экономическая роль Англии внутри круга стран, участвующих в противогерманской коалиции. Известные парижские конференции положили начало оформлению этого положения и для времени после войны. Предполагается объединить все союзные страны более или менее общим таможенным законодательством и сблизить экономическое законодательство этих стран вообще. Создается положение, когда вопрос,

рый и является сейчас одной из основных мировых величин. — Примечание 1926 г.

например, о дороговизне, в части его, имеющей отношение к таможенным пошлинам, не сможет уже решаться обособленно итальянскими или английскими рабочими, но только сразу вместе английскими и французскими, и итальянскими, и румынскими, и канадскими. Ибо изменить уровень пошлин будет зависеть уже не от воли отдельного государства, а от соглашения всей коалиции. То же относится к ряду других, выдвинутых парижской конференцией важных вопросов экономического законодательства, а в известных пределах, может быть, и ко всему рабочему законодательству (насколько осуществится данное Асквитом английским профессиональным союзам обещание включить, по крайней мере, хотя бы в договор между странами коалиции ряд постановлений относительно рабочего законодательства: английскому капиталу было бы довольно удобно некоторое сближение рабочего законодательства других стран с английским).

Подобное экономическое сближение между странами английской коалиции создает материальную основу для «интернационализации практики» рабочих партий в пределах круга этих стран, но зато еще больше отрывает от прочих. Отсутствие «интернационализации практики» (термин П. Б. Аксельрода) явилось одной из существенных причин крушения солидарности рабочих разных стран при первом же серьезном испытании: интернационализация духа не могла достаточно укрепиться в сознании масс, раз она не имела материально-общественной основы в интернационализации повседневной деятельности. Возьмите Болгарию; рабочий Руцук привик на практике во всем, что его касается, действовать вместе с рабочим Софии: налоги, избирательное право, рабочее законодательство — во всем они живут общей жизнью, во всем их солидарность осуществляется ими самими непосредственно и постоянно, а не только десятю их делегатами раз в четыре года на международных конгрессах, которые давали, правда, пищу душе читателей газет, но не связаны были ни с какой повседневной массовой деятельностью. Наоборот, по отношению к сербскому рабочему болгарский пролетарий фактически оставался обычно человеком посторонним, практические кампании в обеих странах проводились независимо одна от другой и по разным поводам. Ибо законодательство и вся экономическая жизнь обеих стран вовсе не были так тесно связаны, как предполагает, например, парижская конференция сблизить Англию с ее союзниками. Никакой Фердинанд не мог поэтому повелеть Руцукской губернии начать войну против Софийской губернии — солидарность населения обоих этих районов покоилась на слишком прочных материально-общественных основаниях. Но когда Фердинанд повелел — болгарское войско двинулось внезапно в Сербию, хотя у софийского рабочего не больше разницы в интересах с белградским, чем с руцукским. Но от белградского его отделяло отсутствие предварительной общей повседневной практики, отсутствие материальной базы совместной борьбы, наличность солидарности только в

отвлеченных лозунгах, а не в практике жизни — и этим воспользовался Фердинанд. Без этого болгары, чем воевать — скорее прогнали бы Фердинанда, как желали все патриотические русские газеты.

Опираясь на те явления, какие дают возможность проведения повсеместно однородных и одновременных кампаний, следует интернационализацией практики обеспечить такую интернационализацию духа, чтобы разрывы солидарности стали еще невозможны, чем война между двумя соседними губерниями одной и той же Болгарии (заметим тут же: потому сугубо вредна вся потресовская проповедь, сводящаяся к фактическому обособлению практики вместо содействия ее интернационализации, без какой нельзя добраться до нового общества, проживая в существующих условиях мировой жизни, а не на необитаемом острове).

До войны интернационализация хозяйственной жизни развивалась более или менее свободно между всеми странами. Постепенно создавалось таким образом поприще для интернационализации практики во всевропейском и даже мировом масштабе, а с тем вместе — материальная основа для действительной интернационализации духа. Зачатки этого процесса можно было уже наблюдать в таких явлениях, как междугосударственные соглашения по некоторым вопросам рабочего законодательства (женский, детский, ночной труд), как взаимная помощь и международные профессиональные союзы рабочих отдельных отраслей труда, как движение углекопов, охватившее незадолго перед войной одновременно горную промышленность ряда западно-европейских стран (или подготовлявшееся подобное же движение моряков торговых пароходов) и т. п. Война не только временно прервала этот процесс постепенной и все нараставшей интернационализации капиталистического хозяйства всех стран, — но некоторыми своими тенденциями грозит закрепит этот разрыв в известных пределах и на время после войны путем раздела земного шара на четыре более или менее оформленные экономические «империи», или политические «коалиции» (на четыре указанные нами «круга»). Это затруднило бы интернационализацию практики всего мирового пролетариата в его целом и, следовательно, интернационализацию духа. Вот почему передовые германские рабочие и их органы высказываются против осуществления желаемой германской буржуазией «Средней Европы».

Границы Германии, по мнению германского капитала, стали для него слишком тесны. Но захватить весь мир нет сил. Тогда он решает организовать для себя собственный мир «Средней Европы» с Германией, Австро-Венгрией, Польшей, Балканскими государствами, Турцией и крупной частью Африки (Египет, Юнго). Снаружи этот мир должен быть обнесен густым таможенным и иным застолком, внутри — заявляют представители германской буржуазии — должно быть постепенно осуществлено возможно большее сближение и объединение всего экономического законодательства, включая рабочее.

В случае успеха всех этих стремлений создавалась бы почва для объединения повседневной общественной деятельности рабочих партий всех стран, входящих в «Среднюю Европу» (оканчивающуюся у устьев Кюнга, Тигра и Евфрата). Но с пролетариатом стран, стоящих вне «Средней Европы», общность повседневной практики была бы еще меньше, чем до войны, — ведь каждый из остальных трех блоков тоже предполагает оградиться, в свою очередь, частоколом, а «капитальная» связь их между собой уменьшилась. Европа извлекает свои капиталы из стран Дальнего Востока, а Япония планомерно «посвящает свои силы» Китаю и Тихому океану. Европа извлекает свои капиталы из Америки, а Соединенные штаты, с одной стороны, созывают финансовые «панамериканские» конференции для экономического закрепления за собой Средней и Южной Америки, а с другой, хотя и делаютя кредитором Европы, но все же пока на гораздо меньшую сумму, чем раньше были ее должником. В итоге создаваемая экспортом капитала связь стала и здесь меньше.

Разумеется, еще неизвестно, в какой мере будут осуществлены «Средняя Европа» и проекты парижской конференции¹⁾. Затем не следует упускать из виду, что известный, притом нарастающий стимул к интернационализации практики пролетариата война создает просто уже самым фактом своего существования. Война воспринимается германскими рабочими все более опутительно, физически и духовно. Депутат Вурм («новой» фракции) рассказал в рейхстаге, что 2 ноября 1916 г. восемьдесят тысяч человек прошли в Дрездене процессией перед зданием министерства (20 тыс. рядов по 4 человека), после чего «конталец» Флейсман во главе депутатов рабочих был тут же принят саксонскими министрами, обещавшими сообщить в Берлин, что «саксонский народ хочет мира и хлеба»²⁾.

Трудность и противоречивость создаваемой экономическими итогами войны международной обстановки для германского пролетариата заключается, следовательно, в следующем. Для прочности достижения германским пролетариатом его конечной цели необходимо обеспечить ее в гораздо большем географическом масштабе, чем достаточно было раньше (это одно уж замедляет — вспомним жалкое состояние американской рабочей демократии). Для удержания достигнутого успеха центральной задачей герман-

¹⁾ Победившая Антанта разрушила мысль о «Средней Европе», да и сама не пошла пока в экономических соглашениях так далеко, как намечала во время войны. кое-что было сделано (некоторое сближение рабочего законодательства, урегулирование взаимных военных расчетов и пр.), но в общей форме вопрос начал опять ставиться лишь теперь, в связи с заканчивающимся процессом стабилизации валют европейских государств. А Соед. штаты значительно усилили кредит Европе. — Примечание 1926 г.

²⁾ «Новой» фракцией называлась в то время часть с.-д. германского рейхстага, голосовавшая в 1916 г. против кредитов на продолжение войны, но этим и ограничивавшая свою оппозицию («центристы»). «Конталец» называли сторонников упомянутой выше Циммервальдской конференции. — Примечание 1926 г.

ских пролетариев должна быть интернационализация духа (в чуть ли не мировом масштабе), которая может успешно и быстро развиваться в массах только на основе соответственной интернационализации практики. А мощные империалистские центры капитала стремятся разделить мир на четыре обособленных экономических района, на «четыре маленьких мира», и этим подорвать почву под быстрым развитием интернационализации практики ¹⁾.

Можно утверждать, что и без войны дело дошло бы в Германии в ближайшие же десятилетия до шриведения в соответствие идейной зрелости пролетариата с материальной зрелостью производства. Может быть, отчасти поэтому и решились так легко на войну руководители германского капитализма (известный империалист-экономист Дикс рассказал в выпедшей в Берлине год назад брошюре своей, что уже в начале мая 1914 г., т. е. еще до убийства австрийского престолонаследника, состоялось совещание представителей канцлера и военного министра с большим числом представителей крупных банков, центральных аграрных и индустриальных организаций по вопросу о заготовках материалов и хозяйственных мерах на случай могущей произойти летом войны). Пред самой войной отношения между германским пролетариатом и германским капиталом и правительством обострились уже настолько, что единственным исходом оставалось или сделать рабочим крупные уступки, или пойти на очень серьезную внутреннюю борьбу с массовыми политическими стачками и т. д. Ближайшие десятилетия и без войны должны были уже, наверно, подвести Германию к практической постановке вопроса о конечной цели, только при гораздо более высоком уровне благосостояния народа и состояния производительных сил, чем при каком тот же вопрос встанет перед Германией в ближайшие десятилетия после войны. Иначе сказать, без войны новое общество было бы организовано в Германии не позже, чем и после войны, но только на основе большей полноты сил. Поэтому без войны немедленные благотворные результаты организации нового общества оказались бы более крупными, чем после войны.

Война повлияла двояко на виды на будущее германского пролетариата. Следствия ее увеличивают процент и прочность состава рабочего класса и ведут к крайнему обострению внутренних отношений в стране (потому, кстати, вряд ли могут рассчитывать на успех и прочность тенденции к созданию «национального трудо-

¹⁾ С некоторыми оговорками грубо схематически можно сказать, что фактически сейчас действительно осуществлялись четыре района преобладания разных Интернационалов. В англо-французском «круге» еще главенствует II Интернационал, в советском — III Интернационал (к нему все более шпримыкают рабочие стран, не входивших в Антанту, как Германия, Чехия, Турция, Болгария). Особую группу составляют Соед. штаты, где основная федерация рабочих союзов не входит даже во II Интернационал, считая его слишком революционным. Наконец, четвертый мировой «круг» — Япония — радуется пока капитал почти полным отсутствием всякой организации рабочих масс, но симпатии китайских рабочих уже отвоены советским «кругом». — П р и м е ч а н и е 1926 г.

визма», — к чему сводится в итоге проповедь Потресова и др.). С другой стороны, экономические следствия войны ведут к ухудшению внешней (международной) обстановки для прочности осуществления конечной цели немецких рабочих, для безапелляционности этого осуществления. Что итоги войны дают одной рукой, то они отнимают другую, и при этом еще серьезно понижают уровень быта рабочего класса, тем самым сильно затрудняя его культурное, политическое и классовое развитие. Но и при таком понижении уровня быта и при такой внешней обстановке¹⁾ логика положения все же неминуемо должна гнать германских рабочих к организации нового общества, благо остается еще материальная возможность его организации. Задача делается труднее — тяжелее будет отстаивать новое общество от попыток его аннулирования извне. (В этой связи понятно, почему на имперской конференции германской рабочей партии 23 сентября 1916 г. Кэтэ Дункер от имени Р. Люксембург, Ф. Меринга, К. Либкнехта, К. Цеткин и их друзей, заявила, что они против принципиального, т. е. во всех случаях²⁾, отрицания военной обороны; понятно, почему эти решительные марксисты против вычеркивания из своей программы-минимум требования «народной милиции», каковое вычеркивание требуется кое-где за пределами Германии, например, в Норвегии, так называемыми «социалистами чувства».)

Задача германских рабочих станет труднее, — недаром они говорят о войне, — но от этого она не делается менее неизбежной или менее неотложной. Наоборот. Ибо без ее осуществления, при сохранении капиталистического распорядка умахившимися производительными силами Германии — неизбежен возврат к быту и отношениям прежних веков, к модернизованному феодальному рабству современного пролетариата, к «государственному капитализму» — этой последней мыслимой форме существования капитализма. В этом и заключается главный экономический итог войны для немецких рабочих, основная ее тенденция. В начале войны масса немецких рабочих не представляла себе ничего хуже потери куска немецкой территории (тогда Потресов не одобрял таких чувствований — впрочем, повидимому, только для немцев). С тех пор немецкие рабочие успели увидеть грозящее наступление еще большей беды, имя которой — организованное понижение культуры (ибо в Германии оно производится организованно, а не стихийно — эта организованность возможна благо-

1) Важно подчеркнуть, что эта обстановка будет оказывать зато некоторое положительное влияние на американский пролетариат, побуждая его в собственных интересах более интересоваться общей мировой жизнью, чем он до сих пор это делал.

2) Они имели в виду, что в государстве, где власть принадлежит рабочему классу, организация военной обороны против ее врагов обязательна и необходима. — Примечание 1926 г.

даря политическому господству там капитализма и облегчает ему приспособление к создающемуся положению). Разумеется, немецкие Потресовы закрывают на это обстоятельство глаза. Зюдекуму ¹⁾ сто верст германской территории кажутся все еще наибольшим ущербом, какой может быть причинен германскому пролетариату. Из-за деревьев эти деятели не видят леса, хотя претендуют быть особенно трезвыми, близкими к земле, «реальными» политиками. Какое там «понижение культуры» и пр., когда на карте стоит сто верст германской территории, — вот к чему сводится весь их «реализм», впадающий, таким образом, в утопизм чистейшей воды. Ибо собираться спасать немецкий пролетариат от грозящих ему опасностей и не видеть главной из них — внутренней и проистекающей от самых выбранных и средств спасения, — это означает уподобляться медведю в басне Крылова «Пустынник и медведь». Ибо крыловский медведь был несомненным утопистом, — мух не стогоняют камнями со лба, — и вредным утопистом — обороняя от мухи, разбил пустынноку лоб. К счастью, не всякий спит наподобие пустытника и не всякий выбирает себе Потресова в охраняющие медведи.

Ближайшие десятилетия будут проникнуты в Германии духом стремления к «конечной цели». Это не значит, конечно, что больше не будет выставляться частных требований, что упразднена будет «программа-минимум», что не будут иметь место кампании в пользу отдельных реформ. Наоборот, принципиальные элементы немецкого пролетариата уже теперь обещают, что кампании эти развернутся с такою страстью и энергией, каких Германия еще не видывала.

Но все такие кампании немецких рабочих, политические и экономические, будут развиваться теперь не как нечто независимое от конечной цели и не имеющее к ней прямого отношения, но, наоборот, как средства проникновения ее духом, как этапы в собирании все больших отрядов под ее ясно вывешенным щитом. При очерченной выше обстановке немецкой жизни при каждом вопросе совершенно неизбежно мысль будет упираться в основные проблемы в гораздо большей степени, чем это имело место до войны. Уже и до войны, чем более становилась ясной материальная зрелость капитализма и чем более накоплялось идейно зрелых элементов в пролетариате, — уже до войны начинало чувствоваться в Германии у части деятелей постепенное пропитывание выступлений по очередным частным вопросам духом настроения, связанного с мыслями об основных проблемах. Отсюда возникновение в довоенной Германии разговоров о массовых стачках и т. д. В грядущем пропитывании программы-минимум очередных кампаний стремлениями к живому связыванию частных задач с общими, нет, следовательно, внезапного скачка вперед, а есть лишь продолжение намечавшегося уже

¹⁾ Видный германский социал-оборонец эпохи войны, отличавшийся особо откровенным услуживанием господствующим классам. — Примечание 1923 г.

до войны развития. И этого углубления классового смысла и содержания немецкого движения нельзя, следовательно, записать в какой-либо особый положительный актив войны, оно наступило бы и без нее: оно уже переступало через порог.

Итог войны никоим образом не может быть признан для германских рабочих положительным, облегчающим движение вперед к конечной цели. Победа нового общества назревает не благодаря войне, а несмотря на ее итоги. Если достижение «конечной цели» облегчено обострением внутренних противоречий в стране, то удержании имеющего быть достигнутым успеха и бесповоротность его достижения смогут быть обеспечены лишь более трудно и длительно благодаря расширению международной арены возможных влиятельных противников. В ближайшие десятилетия мы, современники всего этого процесса, будем иметь случай на практике увидеть, действительно ли буржуазное пробуждение Китая, Индии, Японии и американский и т. п. империализм в крупной мере затруднит германским¹⁾ рабочим удержании имеющего быть ими достигнутыми успеха. Но выбора у них нет. Надо или идти вперед, или пасть до жалкого и тощего феодального рабства. Наше время — время великих задач. И время великих достижений родит людей большого дела. Из обусловленного войной и ее следствиями для немецких рабочих тяжелого положения Потресов предлагает фактически в качестве выхода превратиться в партию с особенно подчеркнутым национальным характером, т. е. подрезать дорогу к идейному созреванию пролетариата для конечной цели, немислимому без интернационализации практики и духа. Верная своим конечным целям, но «национальная» партия немецких рабочих — это существо, умершее до рождения. В конкретных исторических условиях — это лишь одна из воспетых Добролюбовым «всероссийских иллюзий, разрушаемых розгою» — розгою суровой действительности. Путь германских рабочих ведет не по розам. Но другого пути у них нет. Здесь Родос — здесь прыгай:

.тяжкий млат,
дробя стекло, кует булат.

Стокгольм, 8 ноября 1916 г.

¹⁾ О Германии военная цензура старой России позволяла порою писать что угодно: и что там Вильгельма свергнут, и что там социальная революция будет, и т. д. Поэтому в тексте берется специально пример Германии и германских рабочих. Но это относилось ко всякой стране, которая первая совершила бы социалистическую революцию. — П р и м е ч а н и е 1926 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОЛЕТАРИАТ ПРИ ГОСКАПИТАЛИЗМЕ

1. СОСТАВ ПРОЛЕТАРИАТА ¹⁾

(Из области социальной физиологии)

I

Когда идет речь о пролетариате какой-либо страны и о его поведении, перед нашими глазами естественно рисуется образ «наследственного рабочего», до некоторой степени уже сознательного в классовом отношении, как того элемента, который дает тон, который определяет политическую линию пролетариата в целом. Понятно, что психология человека, сегодня только из мелкобуржуазной среды попавшего в положение наемника, притом в возрасте тридцати или свыше лет, должна быть иная, чем психология рабочего, родившегося в рабочей среде, с детства рассчитывавшего только на фабричную «карьеру», воспитавшегося в атмосфере рабочей среды и десятками переживаний соприкасавшегося уже с духом рабочего движения. Особенно должно это отражаться на отношении к ряду традиционных обывательских представлений, например, к личному культу монарха, скажем, Вильгельма II, и к общему культу отечества в его националистической окраске и т. д. и т. п. Поэтому при рассмотрении «военного» кризиса пролетариата не должен быть упущен вопрос о его наличном составе, об источниках его рекрутирования и об изменениях, внесенных войной в «генеалогическое», а следовательно, и социально-психологическое собирательное лицо этой миллионной массы.

Единственная страна с массовыми и свежими данными по этому вопросу — Германия. Хотя и в меньшей степени, чем русский, но германский пролетариат все же и в мирное время в значительной мере пополнялся не естественным приростом, не детьми рабочих семейств, а притоком превращавшихся в наемных рабочих выходцев из буржуазной среды. Не только сыновья крестьян шли на за-

¹⁾ Конец марта 1916 г. Перепечатывается с издания (февраля) 1918 г., когда эта статья была переиздана отдельной брошюрой Петроградским советом рабочих депутатов. Поэтому кое-где добавлены упоминания о событиях, имевших место после марта 1916 г. — **П р и м е ч а н и е** 1926 г.

вод, а дочери чиновников — в приказчицы, но и выпешные уже из юношеского возраста буржуазные элементы (мелкие лавочники, владельцы мелких мастерских, мелкие крестьяне и т. п.) ежегодно в большом количестве превращались в Германии в наемников, уже и формально теряя часто и без того лишь кажущуюся хозяйственную самостоятельность.

Изданная германским правительством в ноябре 1915 г. «Записка о страховании инвалидности» (по состоянию на 1 января 1914 г.) впервые дает возможность точно учесть некоторые стороны вопроса об источниках ежегодного пополнения всего состава германского пролетариата. Так как данные «Записки» охватывают только 88 % всего пролетариата, то, увеличивая их на восьмую часть, получаем такую таблицу, учитывающую весь пролетариат Германии и определяющую отдельно для каждой возрастной группы, какую долю всего населения составляют наемные рабочие и служащие как среди женщин, так и среди мужчин:

Возраст населения	Процент работающих по найму	
	Среди мужчин	Среди женщин
От 16 до 18 лет	76,0	64,8
» 18 » 20 »	83,5	63,2
» 20 » 25 »	83,5	49,4
» 25 » 30 »	76,3	26,5
» 30 » 40 »	64,9	17,8
» 40 » 50 »	55,2	16,7
» 50 » 60 »	45,9	14,5
» 60 » 70 »	29,6	9,4
Свыше 70 »	7,0	2,1

Сведения эти указывают между прочим на наличность в Германии большого количества женщин, которые побывали в молодости работницами, а потом оставили это занятие и теперь, по случаю войны, могли вступить вновь на работу, используя свои навыки. В общем к 1 января 1914 г. из всего населения каждого возраста (начиная от 16 лет) состояло рабочими и служащими не менее 40 % — у мужчин включительно по 60 лет, а женщин включительно только по 23 года. Из каждых трех 16-летних женщин — две работницы; но через десять лет уже только одна, даже меньше.

Эта кратковременность пребывания большинства женщин наемными работницами заметно отражается на всем их психологическом укладе и представляет собой в Германии явление постоянное.

У мужчин можно заметить еще постепенное, медленное падение среди всего застрахованного пролетариата процента малых и старых и скромное приближение к нормальному порядку — чтобы рабочими люди были в расцвете сил, в возрасте 20—50 лет, а не в годы, которые следует посвящать учению и формированию организма, и не в годы старости. У женщин же уменьшается среди трудящихся только роль старух, но не подростков. Общие скромные

результаты прогресса за последнее двадцатилетие представляются по «Записке» в таком виде. Из всех рабочих каждого пола было в процентах:

В возрасте	Среди мужчин		Среди женщин	
	в 1895 г.	в 1914 г.	в 1895 г.	в 1914 г.
От 16 до 20 лет	19,5	16,1	26,9	29,0
Старше 50 »	14,7	12,3	13,7	10,1

После 20 лет «прогресса» из женщин и теперь работает в ненормальном возрасте около 40%, как тогда, а из мужчин несколько меньше — свыше четверти вместо прежней трети. Судя по всем этим данным, особо крупных неиспользованных резервов труда молодежи не было в Германии и в мирное время ни среди женщин, ни среди мужчин. Неудивительно, что их не оказалось и при наступлении войны, и обнаружившаяся убыль в рабочих силах была пополнена притоком из буржуазной среды еще в большей мере, чем происходило обычно рекрутирование из нее пролетариата до войны; тем более, что война особенно сильно потрясла именно мелкие «самостоятельные» существования и дала этим ускоренный импульс к переливу в пролетарские ряды особенно из городской мелкобуржуазной среды.

Данные «Записки», как упомянуто, охватывают только 88% всего пролетариата (без высших служащих). Соответственно повышая их, получаем для всего германского пролетариата весь годовой прилив лиц, впервые делающихся рабочими: для 1911 г. — 1 638 тыс. человек, для 1912 г. — 1 711 тыс. человек и для 1913 г. — 1 707 тыс. человек (в том числе 926 тыс. мужчин и 781 тыс. женщин). Иначе сказать, ежегодно вливается в пролетариат заново около одиннадцатой части всего его состава (9,26%), причем 1 281 тыс. человек идет на пополнение годовой убыли, а 426 тыс. — на рост. Сама же убыль только на четверть причиняется смертностью и инвалидностью (200 тыс. мужчин и 96 тыс. женщин), а на три четверти (505 тыс. мужчин и 480 тыс. женщин) вызывается другими причинами: для женщин главным образом замужеством, а для мужчин — продвижением на «высшие» социальные ступени (например, обособлением в самостоятельном крестьянском хозяйстве после временной службы на стороне — по мере ослабления сил родителей и т. п.) и солдатчиной. Если бы пролетариат не рос, а только поддерживался все время на прежнем количественном уровне, и то весь состав его обновлялся бы заново каждые 15 лет. При этом состав мужчин (12 672 тыс.) обновлялся бы в 18 лет, а состав женщин (5 741 тыс.) даже только в десять лет. Так коротка средняя фактическая продолжительность пребывания занятыми в наемной работе пролетариями всех мужчин и женщин, кто постоянно или временно входит в состав рабочего класса. Так не велик этот срок даже в Германии — в стране со столь широко захватившим разные области хозяйственной жизни капитализмом. Эта краткость пребывания активным пролетарием чрезвычайно затрудняет для значи-

тельной части наличного состава рабочего класса возможность достаточно глубокого проникновения классовой психологией, особенно в ее осознанном социально-политическом выражении.

В самом деле, средняя продолжительность пребывания наемным рабочим в 15 лет означает, как увидим из дальнейших данных, что половина работает по 30 лет, а другая — по 7½. Для мужчин последняя величина составляет 8 лет, для женщин — даже менее 5. Понятно, что за пять лет при малом досуге и обилии забот из человека не может выйти сознательной социалистки¹⁾, кроме случаев рождения или постоянного пребывания в специально озабоченной соответственным воспитанием социалистической среде. Особенно если этот человек, как показано выше для женщин, является большей частью девушкой в возрасте до 23 лет, ожидающей замужества, испытывающей естественную потребность в затрате свободного времени на танцы и т. п. Слабость и отсталость женского рабочего движения, вопреки громадной цифре женщин-работниц, достаточно объясняются указанными чертами характера возобновления всего женского пролетарского состава. Перед войной в Германии было профессионально организовано около 5 млн. мужчин, считая профессиональные союзы всех направлений во всех отраслях наемного труда и службы, — иначе сказать: уже свыше трети всего мужского пролетариата страны. При такой же пропорции среди женщин должно было бы быть два миллиона профессионально организованных женщин, — а было лишь около полумиллиона.

На общий уровень сознательности германского пролетариата принесенное войной изменение в соотношении между женщинами и мужчинами в оставшейся в стране части пролетариата действует ввиду всего этого отрицательно. Уже в силу одного этого понижаются шансы выдержанного в классовом отношении активного вмешательства в жизнь. Если взять весь пролетариат в целом, то на каждую тысячу человек приходилось:

1 января 1914 г. 1 января 1916 г.

Мужчин	689	540
Женщин	311	460

При этом, впрочем, уменьшилась и общая численность всех занятых в данный момент наемной работой или службой лиц (кроме в ы с ш и х служащих) с 18½ до 14⅔ млн. В марте 1917 г. количество женщин обогнало уже число мужчин.

Малая сравнительно продолжительность пребывания рабочим должна оказывать влияние на духовный склад и той значительной части мужского пролетариата, которая не остается в рядах рабочих всю жизнь. Выше указано, что если половина мужчин, став рабочими, остается ими навсегда (это дало бы 30 лет работы

¹⁾ «Сознательная социалистка» теперь называется коммунисткой. Это написано еще до того, как революционные социалистические рабочие организации приняли название коммунистических. — П р и м е ч а н и е 1926 г.

в возрасте свыше 16 лет для каждого из этой половины), — что, вкстати, почти точно соответствует истине, судя по данным «Записки», — то на долю каждого мужчины из остальной половины придется всего по 8 лет пребывания рабочим или служащим за всю его жизнь. С этим поучительно сопоставить, какую долю германских рабочих охватили пока политическое влияние социал-демократии и профессиональные организации принципиально-классового в идейном отношении характера¹⁾. Отбрасывая мальчиков 15 лет и моложе, получаем для 1 января 1914 г. такую сравнительную таблицу всего мужского населения и всего мужского пролетариата Германии по трем возрастным группам:

Возраст	Мужское население Мужской пролетариат	
	(тысяч человек)	
От 16 до 24 лет	5 510	3 870
» 25 » 49 »	10 851	6 603
» 50 лет и старше	4 705	1 521

Женщин не приходится учитывать, ибо они не имеют избирательного права в рейхстаг (по голосованиям при выборах которого есть возможность учесть постепенное нарастание политического влияния социализма). Мужчины получают его в Германии с 25 лет — таблица наглядно показывает, что это возрастное ограничение, по внешности одинаковое для всех, фактически имеет определенно классовое содержание. Среди младшей возрастной группы пролетариат составляет свыше двух третей, среди старшей — менее трети, ибо из рабочих и служащих гораздо меньшая доля продолжает жить после 50 лет, чем из числа людей, не состоящих рабочими или служащими. В возрасте 16—24 лет смертность в обеих группах приблизительно одинаковая. Затем рабочие вымирают всегда быстрее хозяев. У меня нет сейчас под рукой данных о степени этого ускорения в Германии, но явление международно, и вот таблица о смертности мужчин во Франции.

В 1908 г. на каждую тысячу человек каждой возрастной группы каждого разряда умерло:

В возрасте	Среди хозяев	Среди рабочих
25—34 лет	6,4	8,2
35—44 »	8,2	13,6
45—54 »	12,7	23,2
55—64 »	24,4	42,3

В десятилетие с 25 лет рабочие вымирают на треть быстрее хозяев, потом на две трети и с 45 лет — уже вдвое быстрее. Поучительно. В Германии, если бы избирательное право имели все три

¹⁾ Под последними имеются в виду так называемые «свободные» профсоюзы (на деле руководившиеся социалистами, преимущественно реформистского толка) — в отличие от профсоюзов, примыкавших к различным партиям буржуазии («христианский центр», либералы и др.) и принципиально отрицавших классовую борьбу. — П р и м е ч а н и е 1926 г.

возрастные группы мужчин, то пролетариат составлял бы большинство всех избирателей: 12 млн. из 21, крупное большинство в 3 млн. голосов. Но лишение избирательного права всех, не достигших 25 лет, восстанавливает равновесие (в пользу буржуазии). В 18 лет можно работать на фабрике, умирать в окопах, быть народным учителем, но нельзя голосовать при выборах в рейхстаг.

В Германии, таким образом, насчитывается всего 8 129 тыс. рабочих и служащих мужчин в возрасте, дающем право быть избирателем. Около половины всего мужского пролетариата, как мы знаем, бывает в своей жизни рабочим сравнительно недолго, около восьми лет, потому не может быть особенно прочно и сознательно захваченным идеями и интересами своего класса. На недавних выборах в рейстаг, в январе 1912 г. германская социал-демократия собрала 4 250 тыс. голосов — приблизительно половину всей численности той части мужского пролетариата, которая достигла уже 25 лет. Другая половина голосовала за какие угодно партии или совсем пренебрегла голосованием, но только не подала свой голос за партию рабочего класса. Остается неизвестным, конечно, как голосовала бы та почти треть мужского пролетариата, которая нынешним законом лишена избирательного права, т. е. молодежь, — все, не достигшие еще 25 лет. Но, судя по численности юношеских организаций, примыкающих к с.д. и к другим партиям, распространение права голоса на них не изменило бы соотношения в пользу рабочей партии. Дело оказывается связанным не с возрастом рабочего, а скорее с прочностью и длительностью принадлежности его к рабочей среде и с его происхождением. Кстати, приведенные цифры показывают, какое важное значение следует придавать так называемым «юношеским организациям», объединяющим рабочих и работниц моложе 25 лет. Если даже в Германии на эту «молодежь» приходится треть всего мужского и более половины всего женского (54%) пролетариата, то в странах с более короткой средней продолжительностью жизни молодежь играет еще более крупную роль (в России, например, на не достигших 25 лет должно приходиться около половины всех рабочих). Под этим углом надо оценивать и присоединение к Циммервальду Международного союза юношеских рабочих организаций, подтвержденное затем почти всеми местными организациями его во всех странах, в том числе и в Германии. Как известно, на февральском 1916 г. совещании Бернской комиссии представитель Международного союза юношеских организаций Мюнцбергер включен даже в качестве пятого члена в состав этой комиссии, избранной первоначально в Циммервальде в сентябре 1915 г. в количестве 4 человек ¹⁾.

Соотношение, подобное соотношению в политической области, находим и в профессиональных организациях.

¹⁾ Тов. Мюнцбергер является ныне членом коммунистической партии. — Примечание 1926 г.

Полную картину состояния профессионального движения пред войной в Германии дает выпущенное летом 1915 г. издание имперского статистического бюро «Союзы хозяев, служащих и рабочих в 1913 г.». Оставляя союзы хозяев в стороне и отбрасывая из «хозяйственно-мирных» союзов и из союзов служащих лиц, не состоящих наемными рабочими или служащими (так называемых «членов-соревнователей» и т. п.), находим, что к концу 1913 г. в профессиональных союзах всякого рода было организовано в Германии 27,4% всего пролетариата (без высших служащих). В абсолютных числах — 5 391 тыс. человек, из них 4 941 тыс. мужчин и 450 тыс. женщин (при этом из конфессиональных, т. е. евангелических и католических союзов засчитаны только те участники и участницы, которые не входят одновременно в другие профессиональные организации). Все профессиональные организации распадаются на 11 групп:

	Число членов
«Свободные профессиональные союзы» (с.-д.)	2 573 тыс. чел.
Независимые союзы служащих	830 » »
» » железнодорожных и почтово-телеграфных служащих	738 » »
«Христианские союзы» (партии центра)	343 » »
Конфессиональные католические союзы (партии центра)	293 » »
«Хозяйственно-мирные» (консервативные и «желтые»)	274 » »
«Гирш-дункеровские» (партии прогрессистов)	107 » »
Конфессиональные евангелические (консерваторы и национал-либералы)	81 » »
Национально-польские	77 » »
Независимые союзы рабочих	70 » »
Анархо-синдикалистские	7 » »

5 391 тыс. чел.

Сознательно стоящие на классовой почве союзы («свободные», объединенные «генеральной комиссией профессиональных союзов», сплошь состоящей из с.-д. во главе с депутатом Легином) собрали только несколько менее половины всех профессионально организованных рабочих и служащих. Соотношение как раз такое, какое выше указано для политической области. Если брать каждый пол в отдельности, получается то же самое. Так, из всех 450 тыс. профессионально организованных женщин входило в 1913 г. в «свободные» союзы 230 тыс. Словом, распадение пролетариата по его умонастроению на две приблизительно равные части, наблюдавшееся в Германии перед войной, видимо, неслучайно. Оно стоит, очевидно, в связи с распадением его на две части: пожизненных, «всегдашних» пролетариев и людей, лишь несколько времени из всей своей жизни бывающих в положении рабочего или служащего. Постепенно, по мере развития в стране капитализма, по мере захвата им все большей доли всего производства страны, меняется и это соотношение. Несколько десятков лет назад «вечных», «наследственных» наемных рабочих и работниц,

как известно, вообще было очень мало. Когда развивающийся германский капитализм почувствовал нужду в людях для превращения их в наемников, ему пришлось привлекать их из мелкобуржуазной среды. Привлекаемые элементы, загоняемые нуждой на работу по найму, стремились при первой возможности опять покинуть ее, выйти из непривычных условий. Постепенно, однако, капиталистические отношения захватывали одну отрасль приложения труда за другой, податься стало некуда, вернее — все меньше оставалось для этого возможности. Вовлеченные в сферу наемного труда все в большей доле оседали в ней окончательно, с потомством, и обращались в «вечных» рабочих. По мере того как в общем наличном составе мужского пролетариата росла доля тех, кто остается пролетарием по 30 лет, а не по 8 лет, — по мере этого росло в германском пролетариате и влияние классовой рабочей партии. К времени войны уже половина наличного германского пролетариата прочно осела в сфере наемного труда, превратилась в постоянных, пожизненных наемных рабочих, — и партия распространила свое влияние уже как раз на половину политически голосующих и профессионально организованных пролетариев всякого рода. Но и до сих пор, как показывают данные «Записки», целая половина гораздо большую часть своей жизни находится вовсе не под влиянием непрерывного пребывания в условиях, создаваемых фактом продажи своей рабочей силы. Наоборот, большую часть своей жизни эта половина находится в условиях, которые вовсе не ведут обязательно к замене мелкобуржуазной психологии пролетарскою. Для суждения о степени зрелости современного рабочего движения вообще и о нынешнем кризисе германского пролетариата в частности важно отметить, что уже и в мирное время сколько-нибудь серьезная психологическая почва противодействия буржуазным влияниям могла иметься только у половины германского пролетариата. А влияния эти все подновлялись непрерывным переливанием в пролетариат терявших «самостоятельность» буржуазных элементов (в каких ежегодных размерах это выражалось, сейчас увидим).

Конечно, постепенно все более крупной доля пролетариата рекрутировалась из самой же рабочей среды, из потомства рабочих семей. Но и до самого последнего времени прямой приток из буржуазной среды играл, оказывается, гораздо более заметную роль, чем можно было бы подумать, судя по тому малому влиянию, которое обычно уделялось этому вопросу. Социально-психологическое противодействие влиянию этого притока могло оказывать только то «коренное ядро» наличного состава рабочего класса, только та его половина, которая состояла из пролетариев наследственно-пожизненных, а не «краткосрочных». С последних нечего, собственно, и спрашивать. «Познать самого себя», познать себя как часть определенного общественного класса, с особой исторической миссией, да притти к этому познанию притом главным образом под влиянием стихийных уроков жизни, а не малодоступного, по обстоятельствам, специаль-

кого теоретического изучения, — решить подобную задачу может затрудниться и человек более зрелый, чем, например, семнадцатилетняя девица, проводящая пять лет до замужества на наемной работе. Еще целая половина пролетариата оставалась в Германии к эпохе войны буржуазной по своей психологии, не могла не оставаться, и коренному пролетарскому ядру ежегодно приходилось иметь дело еще с добавочным притоком из буржуазной среды.

Война внесла две перемены в дело: она чрезвычайно сократила коренное пролетарское ядро в наличном составе всего пролетариата и чрезвычайно увеличила переливание в него, приток мелкобуржуазных элементов.

II

Нормальный ежегодный прилив новых сил в германский пролетариат составляет около 1700 тыс. человек. Крупное большинство делается рабочими или работающими уже в возрасте 16, отчасти 17 лет. Это, очевидно, дети рабочих, принимающиеся за профессиональную работу или за какую-либо иную отрасль наемного труда немедленно по окончании обязательной в Германии начальной народной школы, курс которой продолжается, смотря по местности, от семи до восьми лет. Надо заметить, что, по свойствам статистических данных «Записки», всех, кто приступил к работе по найму фактически раньше 16 лет, «Записка» принуждена относить к шестнадцатилетним (более младшие возрасты не подлежат страхованию от инвалидности). Вряд ли дети пролетариев позже приступают к работе по найму, чем в 17 лет. Рабочая семья обычно не имеет ни средств, ни желаний празднично держать здоровых сыновей в возрасте 18 или 19 лет. По крайней мере, вступающих на работу впервые 18 и 19 лет вместе оказывается приблизительно в десять раз меньше, чем делающих это более молодыми — как среди мужчин, так и среди женщин. Правильнее было бы, вероятно, отнести к выходцам из мелкобуржуазных слоев всякого человека, который впервые начинает продавать свою рабочую силу, только уже приближаясь к 20 годам. Здесь речь идет, вероятно, о юношах и девицах, родители которых мечтали обеспечить своим детям «более высокое» общественное положение, но оказались не в состоянии и, в конце концов, должны были отпустить свое потомство «в чужие люди». Из осторожности, однако, и этот разряд не будем считать рекрутирующимся из мелкобуржуазной среды. На эту последнюю придутся тогда только лица, делающиеся впервые рабочими в возрасте свыше 20 лет — тут уже сомнений не может быть. Тем более, что три четверти из них относятся к лицам старше 25 лет (и среди мужчин и среди женщин). Ясно, как день, что здоровые и работоспособные дети наемных рабочих не сидят на шее у своих родителей без дела до 25 лет или даже до 21 года. Эту часть безусловно и безошибочно можно отнести на счет буржуазных элементов, которых ход хозяйственной жизни вышибает из рядов буржуазии и превращает в

наемных рабочих и служащих (самостоятельное крестьянство, самостоятельное ремесло, мелкая торговля и т. д.). Это та часть рабочих, которая ежегодно приходит в пролетарскую среду извне и приносит с собой свои буржуазные вкусы, представления, традиции, наклонности, общественные взгляды. И лишь постепенно, с течением времени общей жизнью с коренной рабочей массой, упрочением связей своих с нею и с ее интересами перерабатывается она (иногда лишь во втором поколении) в членов рабочего класса по психике, по содержанию духовной и умственной жизни, а не только по факту занятия своего наемной работой. Для торжества социализма — конечной цели рабочего движения — требуется не только, чтобы в стране было много рабочих, но еще чтобы это большинство населения сознавало себя рабочими в смысле стремления к осуществлению основной исторической миссии рабочего класса. В этой нехитрой истине заключается единственно правильный ответ научного социализма на вопрос об условиях зрелости современной Германии для перехода ее к новой организации хозяйства, управляемой всем народом на пользу всему народу. В материальном отношении Германия уже готова для объединенного планомерного общественного хозяйства. Экономически и технически возможность эта существует уже до такой степени, что за отсутствием претедента на роль управителя в лице всего народа хозяйственная жизнь Германии легко может быть централизована и управляема в личных, своекорыстных интересах просто кучкой крупнейших банкиров и предпринимателей (см. статьи мои о «Государственном капитализме»). Но кроме материальной готовности отношений необходима еще идейная готовность большинства населения. Вещи готовы, а люди не готовы. Отсюда понятна исключительная усиливающаяся важность ясности и выдержанности той принципиальной позиции, которая призвана историей способствовать поднятию готовности людей до имеющейся уже в наличности готовности вещей. В частности марксизм в научном его изложении никогда не был похож на то карикатурно опрощенное его толкование, по которому все делается само, «все — экономика», а люди только между прочим. По Марксу и Энгельсу «история делается людьми», — так у них и написано. Но делается не в безвоздушном пространстве, а на основе существования, «бытия людей» в определенной обстановке жизни, хозяйственной и общественной. Потому не достаточно пассивно наблюдать экономическое развитие, испытывая внутреннее удовлетворение от простого увеличения числа и размеров фабрик. Надо идейно преодолевать соответственную ступень хозяйственного развития, хотя бы германским фабрикантам не нравилось это идейное преодоление со стороны германских рабочих. Необходимо с настойчивостью указывать на всю эту сторону дела, на соотношение между вещами и людьми, между материально-экономическими и общественно-классовыми предпосылками для торжества конечной цели — социализма. Ибо без удержания этого все время в голове совершенно непонятен будет нынешний

кризис пролетариата и малоинтересным покажется описание, из составных частей такого общественного происхождения складывается его состав и т. п. Особенно необходимо подчеркивание идейного социально-психологического двигателя истории для русских наблюдателей Германии. Известная отсталость русских общественных отношений, привычная пассивность (которую пробовали сводить и к «широкой равнине» и к «душе славявина»), эта пассивность собственных отношений порождает у иных наблюдателей склонность воспринимать как нечто пассивно-фаталистическое и такой действительно боевой круг идей, каким является по принципиальной сущности своей марксизм. Русские наблюдатели, как П. Струве или А. Потресов, вынимают поэтому из данного круга идей его душу без особых церемоний, самым простым способом: из двух условий исторического прогресса — созревание обстановки и идейно-общественного ее преодоления — они обращают внимание только на первое. Служи ему, наблюдай его развитие, радуйся этому развитию, — а остальное все само приложится. Так родился в свое время карикатурный (ибо принимавшийся за выражение принципов марксизма) призыв П. Струве: «Пойдем на выучку к капитализму». Так родился совершенно такого же качества призыв А. Потресова идти через патриотизм к интернационализму, совершенно упускающий из вида, что историческое движение «через» капитализм или патриотизм для принципов марксизма состоит в идейно-общественном преодолении и этих явлений и понятий, а не в их принципиальном признании. После этих необходимых для дальнейшего замечаний можно перейти к таблице, показывающей отдельно для мужчин и отдельно для женщин, сколько процентов составляет каждая возрастная группа из всех, впервые сделавшихся за год рабочими или служащими, по отношению к общему числу этих новичков каждого пола в последнем отчетном году.

Возраст	Мужчины	Женщины
	(в процентах)	
16—17 лет	70,3	69,0
18—19 »	8,7	7,8
20—29 »	11,2	11,8
30 и больше лет	9,8	11,4
	100	100

Как видно, более пятой части всего ежегодного обновления рабочего класса притекает все еще прямо из буржуазии — даже в Германии. Эта пропорция оказывается почти одинаковой для обоих полов (21% мужчин, 23,2% женщин). В том числе около половины приходится на людей старше 30 лет, проживших уже больше половины жизни, раньше чем впервые стать наемными рабочими или служащими. Из всего ежегодного притока в 1700 тыс. человек на несомненных выходцев из буржуазии приходится, таким образом,

не менее 350 тыс. человек. Раньше доля их была естественно еще выше. Спокойно можно предположить, что не менее чем первые десять лет пребывания этих людей служащими по найму в голове их господствуют воззрения и традиции буржуазные, а не пролетарские, — вероятно, даже дольше, судя по наблюдению жизни и приведенным данным относительно голосования и союзов. Тогда весь состав германского пролетариата (без вь сл их служащих) раснадался бы перед войной на три разряда:

Во-первых, 5 740 тыс. женщин, из которых лишь очень мало можно было бы отнести к коренному ядру рабочего класса, способному воспринять жизнь под пролетарским углом зрения, ибо весь женский состав пролетариата обновляется, как показывает «Записка», всего в 10 лет (см. стр. 127).

Во-вторых, та часть мужчин-рабочих, которая влилась из рядов буржуазии за последние 10 лет, должна составить до 2 млн. человек.

В-третьих, остальные 10 672 тыс. юношей и мужчин, которые или вышли из рабочей среды, или состоят рабочими и служащими уже более 10 лет. Здесь позвоночный хребет и голова пролетариата, здесь та среда, которая должна преодолеть буржуазные тенденции психики других составных частей пролетариата, постепенно переварить, ассимилировать эти части. Но и из миллионов выходцев из рабочей среды, в 16—17 лет приступающих к работе, как мы видели, целый ряд остается на положении рабочего или служащего лишь около 8 лет из всей своей жизни, и потому тоже не может быть причислен к коренному пролетарскому ядру. По данным «Записки», отлив из пролетариата (помимо естественной убыли вследствие смертности и инвалидности) составляет ежегодно 505 мужчин на каждые 926 приливающих (причем 200 выбывают еще вследствие смерти и инвалидности). Половина с лишним мужского состава — «краткосрочные». На действительное ядро пролетариата, на выбывающих из его рядов лишь вследствие потери работоспособности или смерти, на «потомственных почетных пролетариев» приходится, в конце концов, лишь около 5 млн. мужчин, треть из которых, как мы знаем, — в возрасте до 25 лет. А всех мужчин в Германии старше 25 лет свыше 15½ млн. Действительному ядру пролетариата, не считая кратковременных или недавних частей в его рядах, надо увеличиться еще свыше чем вдвое, чтобы составить абсолютное большинство среди всех взрослых мужчин Германии. Процесс этого увеличения, как увидим, чрезвычайно ускорен войной. Но то, что несет в себе залог повышения пролетарского характера населения Германии в будущем, вначале проявляется как его умаление. Усиленный перелив мелкобуржуазных элементов в пролетариат и ряд явлений, обещающих более прочно закрепить в рабочих рядах пришельцев из буржуазной среды, пока, для данного момента, увеличивают возможность влияния буржуазной («национальной») психологии на большинство наличного пролетариата.

III

Перед войной в Германии считалось около 12 800 тыс. мужчин и около 5 800 тыс. женщин, занимающихся каким бы то ни было наемным трудом, от горничных до рудокопов. В это число не включены только высшие торгово-промышленные, конторские, технические и иные служащие, получавшие свыше 2½ тыс. мар. жалованья в год (таких считалось 840 тыс. человек). Из 18 600 тыс. человек, составляющих в своей совокупности то, что обычно именуется германским пролетариатом, были застрахованы в больничных кассах все лица с 16 лет (с 1 января 1914 г. обязательное страхование от болезней распространено в Германии и на сельскохозяйственных рабочих и на домашнюю прислугу, словом, на всех, кто еще не подлежал ему, а годом раньше обязательное страхование стало функционировать и для торгово-промышленных, конторских и т. п. служащих). Статистика больничных касс, ежемесячно публикуемая в официальном «Имперском вестнике труда», позволяет судить о колебаниях в числе занятых в Германии наемным трудом лиц как за последнее полугодие перед войной, так и во все время войны. К сожалению, не все кассы отчитываются аккуратно, а только обнимающие свыше двух третей пролетариата. Неаккуратность доставки отчетов распространяется на все отрасли хозяйства и труда, так что (последние имеющиеся) сведения от 6 742 касс, занимавших в мирное время почти 13 млн. рабочих обоого пола, должны быть достаточно показательны. Правильная статистика была восстановлена через пару месяцев после начала войны, и с тех пор сведения публикуются регулярно. Из членов упомянутых 6 742 касс перед войной мужчин было 8 431 тыс. и женщин 4 541 тыс. Принимая довоенные величины за сто, получаем такую таблицу:

	Мужчин	Женщин	Обоого пола
1 июля 1914 г.	100	100	100
1 ноября 1914 г.	72	85	76,6
1 января 1915 г.	73	90	78,96
1 декабря 1915 г.	64	103,5	77,9
1 сентября 1916 г.	63,5	110,5	79,8

Внутри всего пролетариата меняется соотношение между женщинами и мужчинами, но общая численность его, сжавшись сначала под влиянием войны, поддерживается затем все время на уровне приблизительно четырех пятых мирной численности (если не считать военнопленных, не подлежащих страхованию от болезней; о них ниже). Обращает на себя внимание малый сравнительно прирост женского труда, как бы противоречащий общепринятым представлениям на этот счет. В самом деле, если для всех женщин изменения таковы, как для четырех пятых их, охваченных упомянутыми 6 742 больничными кассами, — а нет оснований думать иначе, — то весь прирост их за первые 25 месяцев войны должен составлять всего 610 тыс. человек, а весь женский пролетариат на сентябрь 1916 г. должен исчисляться всего в 6 410 тыс. человек.

Но количество занимающихся наемной работой всякого рода женщин росло в Германии последние годы в такой прогрессии, что и без войны возросло бы за 25 месяцев на 400 тыс. Значит, дополнительный, так сказать, сверхсметный приток женских рабочих рук составляет всего 200 тыс. Имперское ведомство труда заинтересовалось вопросом, почему факты противоречат видимости. Оказывается, внутри самого женского труда произошло большое перераспределение, и это создает в обществе представление о крупном увеличении количества женского труда. Изменилось лишь его качество: женщины в большом числе бросили такие специфические «женские» занятия, как служба домашней прислугой, и разместились на лучше оплачиваемых «мужских» занятиях: на военных заводах, на железных дорогах и т. д.; сверх того, ткачихи и прядильщицы стали с.-х. работницами и ходят за скотом, модистки и белошвейки стали кондукторами трамваев и т. п.

Если в случае с женским трудом на первый взгляд слишком малым кажется рост, то мужской труд обращает внимание медленностью таяния и почти полным прекращением этого таяния в последние три четверти года. Между тем — после того как в первый же месяц войны в дополнение к армии мирного состава было мобилизовано еще свыше 4 млн. человек — дополнительные мобилизации идут все время, почти не ослабевая, и довольно равномерно, в среднем по 200 тыс. человек ежемесячно. В заседаниях бюджетной комиссии перед открытием рейхстага 28 сентября 1916 г. правительство заявило, что вместе с активной армией и флотом всего мобилизовано было до тех пор 15% населения мирного состава. Это дает 10 200 тыс. человек, а так как армия и флот мирного состава насчитывали 880 тыс. человек («Ежегодник Германской империи», 1915), то, собственно, мобилизовано из гражданского населения 9 300 тыс. человек (из них около 4 800 тыс. в августе 1914 г. и затем постепенно еще 5 млн. в дальнейшие два года). Разумеется, далеко не все они взяты из наемных рабочих¹⁾. Если не считать ино-

¹⁾ Конечно, не все 10,2 млн. стояли все время под ружьем. Немецкое правительство публикует каждые две недели у А. Тиле в Лейпциге сводку всех потерь убитыми, пленными, умершими от болезней, тяжело и легко ранеными (издается для членов рейхстага). Если по этим сводкам отбросить попавших в плен, убитых и умерших от ран и отсчитать тех, кто должен был умереть естественным путем согласно проценту нормальной смертности мужчин данного возраста, то останется около 8 400 тыс.; из которых надо отбросить еще до 1 400 тыс. оставшихся в живых тяжело раненых, отпускаемых обычно домой или совсем, или на бессрочную поправку. Следовательно, фактически остаются мобилизованными около 7 млн. человек. Из них надо отбросить флот, затем несколько сот тысяч на постоянно меняющееся население лазаретов и несколько сот тысяч постоянно подготовляемых к вступлению в настоящую армию и пока обучаемых внутри страны резерву. Остается около 6 млн., из них четверть приходится на очень развитые в немецкой армии обслуживающие фронт и близкий тыл (рытье окопов и т. д.) военно-рабочие команды. На действующую армию на всех фронтах приходится не более 4½ млн. человек — иначе сказать, Германия только поддерживает свою армию на том уровне, какого достигла уже летом 1915 г., вовсе ее затем не увеличивая.

странных подданных, арестантов, идиотов, умалишенных, полных калек, то к моменту объявления войны (1 августа 1914 г.) в Германии имелось как раз 17 млн. мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. Так как рабочих из них 11,3 млн., то на прочих («буржуазия», включая высших служащих) приходится 5 700 тыс. человек, и так как известно возрастное подразделение рабочих и всего мужского населения, то легко найти его для мужской «буржуазии» в возрасте от 17 до 60 лет. Среди нее оказывается пожилых людей относительно больше, потому мобилизация должна была затронуть рабочих и прочих мужчин не вполне пропорционально их численности. Именно: ба рабочих должно было прийти около 6,3 млн., а на прочих — 3 млн. человек. Остается еще присчитать юношей, достигших 17 лет за первые 25 месяцев войны, и вычесть пожилых людей, перешагнувших за это время 60 лет, а также тех, кто должен был умереть из немобилизованных естественным путем (сколько из всех подрастающих юношей делается рабочими, известно из отчетов по страхованию рабочих; остальные пополняют состав вчерашнего мужского населения). Производя эти нехитрые арифметические подсчеты, для которых имеются все данные, и вычтя из каждой группы ее мобилизованных, получаем, что к 1 сентября 1916 г. в возрасте от 17 до 60 лет должно было бы иметься налицо немобилизованных мужчин:

рабочих	5 750 тыс. человек
прочих	2 850 » »

А между тем, судя по отчетам больничных касс, обнимающих две трети всего мужского пролетариата страны, и при распространении свидетельствуемых ими отношений и на остальную треть, — против чего, как упомянуто, нет никаких соображений, — в действительности на 1 сентября 1916 г. в Германии оказывается налицо 6 850 тыс. немобилизованных рабочих мужского пола в возрасте от 17 до 60 лет. Откуда взялись лишние 1 100 тыс. рабочих? Они перетекли за время войны в пролетариат — единодушно свидетельствует вся немецкая пресса — из обширного слоя разоряемых войной «маленьких людей», как их называют в Германии. Владельцы бесчисленных мелких предприятий и лавочек принуждены были проститься со своей самостоятельностью — часто очень невеселой и лишь иллюзорной — и заняться наемным трудом. Одних толкнула на это недостаток материалов для производства; других вытолкнула в ряды рабочих политика разных монопольных центров, часто неизбежная по техническим и общественным соображениям, иногда же руководимая еще своекорыстными соображениями крупных фирм, получивших преобладание в разных «военных центрах»¹⁾; третьи, наконец, лишены возможности продолжать их маленькое самостоятельное дело в связи с сокращением покупательной способности обслуживавшихся ими широких кругов малоимущего населения

¹⁾ См. статью «Военный центр германской индустрии».

(сюда относятся, например, многочисленные кафе, — которые стали зваться во время войны в Германии «цикорнями», ибо настоящего кофе давно нет), или вследствие перехода некоторых отраслей торговли в муниципальное ведение и т. д.

Газеты пестрят мартирологом «маленьких людей», сообщениями о массовом их разорении. Каждая новая государственная монополия, — а количество их все растет, — проходит по трупам многих тысяч мелких предприятий, навсегда и бесповоротно исчезающих с поверхности хозяйственной жизни. Чрезвычайному усилению власти банков, головокружительным прибылям крупной промышленности и сельского хозяйства соответствует быстрое таяние мелкой буржуазии, выветривание этого промежуточного класса, этой прослойки между капиталистами и рабочими.

Капиталисты и рабочие Германии в гораздо большей мере, чем прежде, делаются предоставленными только самим себе и друг другу. Если бы сегодня кончилась война, то в Германии противостояли бы друг другу гораздо более, чем раньше, мощный и организованный капитализм и гораздо более, чем раньше, многочисленный и составляющий большую прежнего долю населения пролетариат. Отношения обнажаются и упрощаются, делаются доступнее пониманию и внушительнее по впечатлению. Недаром даже такие известные своей умеренностью и преданностью защите отечества люди, как депутаты Легин и Давид, публично и повторно предрекали Германии после конца войны столкновения между германскими рабочими и германскими капиталистами «неслыханной остроты, неслыханного объема и неслыханной важности». О других, более радикальных критиках и их оценках нечего уж и говорить.

В рейхстаге 17 января 1916 г. лево-либеральный депутат Вендорф сообщил, что в одном Лейпциге за 1915 г. совершенно закрылось 760 самостоятельных ремесленных предприятий. В Берлине (без предместий) введение хлебной монополии имело следствием закрытие 300 булочных, а по всей Германии закрыто до семи тысяч булочных, владельцы которых улетучились из рядов «самостоятельных хозяев».

Здесь мы имеем дело с естественным последствием введения системы и планомерности в организацию распределения. Обществу в целом вовсе не нужны две конкурирующие булочные в двух соседних участках, — ради уменьшения накладных расходов и технического облегчения работы всего монопольного аппарата оно склонно свести число булочных к количеству, определяемому интересами потребителей, а не стремлениями мелкобуржуазных элементов удержать свое по видимости самостоятельное положение. Равным образом созданное в 1915 г. сосредоточение перемалывания громадных масс зерна в управлении «военно-зернового центра» повело к тому, что свыше десяти тысяч мелких мельниц уже два года стоят без работы, многие из них проданы на слом, и владельцы их уже забыли, когда были самостоятельными хозяевами. До войны перерабатывающая способность крупных мельниц не использовалась

полностью — и потому находили себе занятия тысячи и тысячи мелких мельниц. Теперь их существованию нанесен был тяжелый удар, несмотря на все протесты в прусском ландтаге немногих верных их друзей.

Как известно, в германской индустрии во всех главных отраслях почти с самого начала войны устроено по «центру». Руководителями этих центров являются в каждой области представители крупнейших предприятий страны. Правительство наделило эти центры правом распределять секвестрованные сырые материалы между отдельными фирмами и т. п. Воротилы пренебрегают интересами мелкой промышленности; пользуясь правом ознакомления с документами, узнают все отношения мелких предприятий и перетягивают к себе их клиентуру и т. п. Жалобы в этом смысле на «кожевенный центр» и другие центры доходили уже до трибуны рейхстага, но, конечно, безрезультатно.

Закон 1 февраля 1916 г. секвестровал большую часть всяких материй, готовых платьев и материалов для них как на фабриках, так и в магазинах. Из будущей своей выработки фабрики могут продовать частным предприятиям лишь небольшую, предписанную законом часть (остальное идет правительству на армию). В конце марта 1916 г. новый закон учредил «Имперский центр белья и платья». Новому центру поручено из остающихся после удовлетворения запросов армии материалов снабжать по доступной цене одеждой малоимущие классы населения.

Все это приводит к тому, что мелкие портновские и швейные заведения должны закрыться. Ибо запасов хватает лишь для более крупных заведений, имеющих не менее 5 рабочих каждое. Имеющееся ограниченное количество материй сосредоточивается преимущественно в руках крупных конфекционных фирм. Мелкие предприятия работали обычно на индивидуального заказчика, — а «Имперский центр платья» нуждается в массовом однотипном и дешевом производстве на малоимущего потребителя, для чего специально приспособлены огромные конфекционные предприятия, «фабрики платья» (занимающие, впрочем, и домашних рабочих).

Между тем мелких портновских и швейных предприятий, в каждом из которых занято менее пяти лиц, в Германии числилось перед войной до полумиллиона, а тканей хватает, чтобы дать занятие лишь около одной пятой их части.

Забрасывание наиболее мелких предприятий наблюдается и в сельском хозяйстве, притом в таком количестве, что Союзный Совет (законом 31 марта 1915 г.) обязал местные самоуправления обрабатывать за свой счет все земли, забрасываемые их владельцами. И «уклоняющиеся от собственного хозяйства» владельцы сплошь и рядом поступают рабочими к местным самоуправлениям, чтобы обрабатывать свои собственные заброшенные участки. Владельцу невыгодно вести самостоятельное хозяйство на 4 гектарах, но местному самоуправлению выгодно нанять рабочего для обра-

ботки 20 гект., составленных из пяти таких хозяйств. Число этих примеров можно значительно увеличить.

В итоге, за 25 месяцев из немобилизованного нерабочего мужского населения в возрасте от 17 до 60 лет превратилось в рабочих почти 40% (1,1 млн. из 2,8 млн.), благодаря чему радикально изменилось соотношение между рабочим и нерабочим мужским населением этого возраста. До войны первое относилось ко второму, как два к единице (11,3 млн. рабочих и 5, 7 млн. прочих). А на 1 сентября 1916 г. — как четыре к единице (6,8 млн. рабочих и 1,7 млн. прочих). Когда вернутся домой уцелевшие мобилизованные, то надолго полагают, что значительная часть их тоже не сможет возобновить самостоятельных очень маленьких ремесленных или торговых предприятий, порой также крестьянских. Ведь если принуждены были обратиться в агентов чужой воли¹⁾ даже немобилизованные, то насколько труднее было продержаться собственному предприятию мобилизованных «маленьких людей», всецело оставленному на попечение неопытной в руководстве делом жены или родственницы, живущей преимущественно на казенное и городское «солдаткино» пособие. Последствия этой перемены в изменении соотношения частей среди взрослого мужского населения скажутся в Германии через некоторое время после войны и в политической области. Ведь, в конце концов, из всего народа, поскольку он вообще имеет влияние на направление политики, наибольшее значение имеет пока взрослое мужское население, и в Германии имеется к тому же налицо воспитательное воздействие всеобщего избирательного права в рейхстаг. Правда, есть еще мужчины старше 60 лет, и из них в Германии приходится на занятых наемным трудом 460 тыс. человек и на прочих — 1760 тыс. Так что во всем мужском населении от 17 лет и выше вместе пролетариат относится в 1916 г. к буржуазии только, как два к одному, в то время как до войны относился, как один и три пятых к одному. Сдвиг за такой короткий промежуток времени весьма заметный (перешло за 2 года войны в пролетариат 24% всего немобилизованного мужского буржуазного населения в возрасте от 17 лет и выше).

Каково бы, однако, ни было значение этой перемены для будущего — пока именно она сделала возможным сначала замедление, а потом почти полную приостановку таяния численности мужского пролетариата, несмотря на продолжающиеся мобилизации. В 1915 г. война не дала еще так тяжело о себе знать немецкому «маленькому человеку», как в 1916 г. Массовое переливание в пролетариат из «прочих» наступает только в последнем году, и только в нем же почти перестает падать в больничных кассах численность мужчин. Отчеты касс о возрастном составе рабочих свидетельствуют, что

¹⁾ Иногда в самом помещении прежнего самостоятельного предприятия, например при открытии городом собственных мясных, овощных и иных лавок и при найме в приказчики прежних владельцев самостоятельных овощных и пр. лавочек.

сравнительно с довоенным временем почти не изменилось число занятых наемным трудом стариков (выше 60 лет) и детей 16 лет. Если подобно этому не изменилось и число детей 14 и 15 лет, то наемным трудом в 1916 г. занято около полутора миллионов стариков и детей моложе 17 лет. Для полного учета мужского труда остаются еще военнопленные. Из доклада заместителя канцлера рейхс-саяху № 10 за 1916 г. видно, что весной 1916 г. в сельском хозяйстве, горном деле и прочих отраслях труда занято было в Германии лишь менее двух третей пленных, приблизительно около 1 070 тыс. Труд пленных является, правда, по существу не пролетарским, а крепостным трудом. В этой форме возродилось теперь крепостное право в ряде своих отличительных признаков. Человек, во-первых, прикреплён к данному поместью или крупно-крестьянскому хозяйству, не имеет права их покинуть, отлучка без разрешения карается. Во-вторых, он обязан работать, притом, как в старину у помещиков, т. е. на условиях, односторонне определяемых одной стороной (правительством, помещиками) — не существует обычного для буржуазных отношений «свободного договора». В некоторых районах вводятся ограничения даже в смысле недопущения завязывания семейных отношений без разрешения администрации и хозяина и т. д.¹⁾

Такие крепостные рабочие составляют в 1916 г. уже в Германии свыше 10 % по отношению ко всем свободным рабочим — мужчинам всякого возраста. В дальнейшем соотношение может изменяться только к невыгоде свободных рабочих, которых постепенно мобилизуют, тогда как «крепостные рабочие» останутся при плуге, лопате или кирке. В русском бассейне, главном каменноугольном районе Германии, в мирное время было 390 тыс. углепромышленных рабочих; в ноябре 1915 г. их осталось только 293 тыс. — на четверть меньше; из этой четверти было свободных 255 тыс., пленных, т. е. крепостных, 28 тыс., и вывезенных во время войны из русской Польшы, т. е. полукрепостных, — 10 тыс. Но так как пленные замещают именно мобилизованных наемных рабочих, то присчитаем для полноты учета наличных мужских рабочих сил, наличного пролетариата и этот суррогат его. Имеем тогда такую таблицу о составе мужского пролетариата в Германии на 1 сентября 1916 г.:

детей и стариков	1 500 тыс. человек	
рабочих от 17 до 60 лет	6 850 >	>
военнопленных	1 070 >	>

¹⁾ Националистские элементы вообще проявили острую чувствительность к «военному смещению рас». После русской оккупации части Восточной Пруссии (имевшей место в начале войны) был издан специальный закон, дававший право на аборт (вообще запрещенный в Германии) всем женщинам, которые заявят, что подверглись насилью. Почти всю немецкую печать обошло сообщение об одном городке, где после освобождения группа граждан специально обошла квартиры и наказала розгами всех девиц и молодых дам, которые повинны были или в добровольных связях, или просто в любезном обращении с врагами, причем, как сказано в газетах, «не было сделано исключений и для лучших фамилий».

А всего 9 429 тыс. человек, или на 26,3% меньше численности мужского пролетариата перед войной. Так как женщин-работниц стало больше на 10,5% и число их во всех отраслях труда составляет уже 6 410 тыс. человек, то вся совокупность рабочих сил по численности лишь на 15% ниже мирного уровня (15,8 млн. человек против 18,6 млн.). В будущем, продолжая обычные дополнительные мобилизации, придется замечать не только мобилизуемых наемных рабочих, но и крестьян¹). До 1917 г. последнее могло совершаться силами женской половины деревни, но эти ресурсы начали приходить к концу — почему и начинают то там, то здесь, пока еще, правда, в исключительно редких случаях, проявляться попытки привлечь к обязательному сельскохозяйственному труду и горожанок, жен мобилизованных горожан (хотя бы на короткий срок — копать картофель).

Численность аграрного населения не растет в Германии в последние десятилетия, даже медленно понижается (с 1895 по 1907 г. — на 4,4%). Потому для примерной иллюстрации можно воспользоваться подробными данными переписи 1907 г. — преуменьшения не будет. Тогда в сельском хозяйстве (включая скотоводство, садоводство, огородничество, рыбную ловлю, лесное хозяйство) было занято 2 172 тыс. мужчин в качестве хозяев и при них — 1 052 тыс. мужчин в качестве помогающих родителям членов семейств от 14 лет и выше (сверх того, почти 2 млн. наемных рабочих-мужчин, но они учтены уже выше в составе пролетариата). На лиц в возрасте 17—60 лет приходилось в общем 2 680 тыс. мужчин, из них до 1 сентября 1916 г. мобилизовано около 1 300 тыс. человек. Заместить их можно было прежде всего теми женскими членами их семейств в возрасте 17—60 лет, которые до того не принимали участия в хозяйстве. Во главе сельскохозяйственных предприятий в 1907 г. стояло 328 тыс. женщин, да из женских членов семейств старше 14 лет помогали родителям и мужьям 2 841 тыс. человек; сверх того было 1 796 тыс. женских членов семейств старше 14 лет, не помогавших в хозяйстве (и 136 тыс. мужских старше 14 лет), из них около 1 070 тыс. в возрасте от 17 до 60 лет. Последние заменили четыре пятых мобилизованных сельскохозяйственных производителей, а остальная пятая могла быть заменена трудом вчетверо большего по количеству числа «четверть-работников» (мальчиков и девочек 14—16 лет и пр.; сверх того, имелось 5 701 тыс. детей обоего пола младше 14 лет). Таким образом, два года войны должны были совершенно исчерпать «внутренние женские резервы» самого немецкого крестьянства²). Дальнейшее таяние состава мужского крестьянского насе-

¹) Весной 1917 г., по официальным данным, труд менее чем восьми миллионов занятых по найму свободных мужчин всякого возраста дополнялся принудительной работой свыше чем полутора миллионов пленных (занятых преимущественно в сельском хозяйстве). Пленные по отношению к свободным рабочим мужского пола составляли уже до 20%.

²) Крайне широко практиковалась система отпусков на полевые работы солдат — не только из резерва, но и из действующей армии. В каждой

ления вследствие дополнительных мобилизаций должно возмещаться в Германии притоком женщин уже из города (или пленных и городских мужчин, которые замещались бы в городе женщинами). Если среди трудившихся в германском сельском хозяйстве (кроме почти 2 млн. наемных мужчин и 1½ млн. наемных женщин) до войны на одного мужчину приходилась приблизительно одна женщина, то в 1916 г. на каждых двух мужчин приходится уже почти до пяти женщин. В крестьянском хозяйстве Германии женщина играет в 1916 г. роль гораздо более крупную (составляя около 79% всех рабочих сил), чем в наемном пролетариате в его совокупности, включая пленных (40,4% женщин на 1 сентября 1916 г.). Для дальнейшего поддержания земледелия необходима передвижка в деревню части городских женщин и рабочих. Это дает дальнейший сильный толчок крушению мелких предприятий в городе и разложению мелкой буржуазии¹⁾.

деревне должны были быть составлены списки, сколько нехватает рабочих после командировки туда всех безработных из города и пленных. Ландрат должен был телеграфировать эти сведения (и такие же сведения от помещиков) начальнику военного округа, который высылал резервистов, а при недостатке выписывал по телефону же из армии солдат (летняя пассивность Гинденбурга на восточном фронте, быть может, стоит в связи с этими массовыми отпусками). Но массовые отпуска солдат могут применяться лишь в краткие промежутки особой настоятельности в добавочных силах — время сева, особенно время уборки хлебов. Да и вообще сверх добавочных сезонных рабочих германскому сельскому хозяйству необходим некоторый постоянный контингент, без наличия которого оно не может существовать. Сверх временно отпускаемых с фронта и из резервов солдат в нем должен действовать при данном уровне техники известный минимум рабочих сил. Как показывает необычайная устойчивость суммы числа занятых лиц за последний период, такой «минимум хозяйственного сжатия» для Германии уже приблизительно определен. Вопрос идет, следовательно, о возможности поддерживать численный состав работающих и впрямь на том же уровне и одновременно пополнять непрерывную убыль людей в армии.

1) Кое-где жен городских мобилизованных заставляли уже копать картошку и свеклу под угрозой лишить пособия при несогласии. Пока такие принудительные работы женщин имели место лишь в немногих округах, но печать уже обещала мысль о «всеобщей женской трудовой повинности» — в параллель ко всеобщей воинской — мужчин. В связи с этим стоят два намечаемых мероприятия. Одно — центральные кухни, заменяющие изготовление пищи на дому получением ее в готовом виде в столовых городских самоуправлений. В широком стиле организация таких кухонь начата только теперь. Пока правительство еще не сделало ее обязательной, но лишь рекомендовало городам приняться за дело энергичнее. Магистрат Берлина (без предместий) рассчитывал уже зимой 1916/17 г. довести количество ежедневно выдаваемых порций до шестисот тысяч (т. е. для трети населения). Некоторые городские самоуправления (Бремен и др.) уже успели довести организацию центральных кухонь почти до такого объема. Вообще же и председатель «имперского продовольственного ведомства» Батоцкий и печать высказываются в том смысле, что в случае «достаточной» продолжительности войны придется перейти к системе обязательных центральных кухонь. Тем самым женщина освобождается от этой части домашней работы (с. д. ставит условием обязательность получения пищи из центральных кухонь и для зажиточных классов,

На первый взгляд может показаться, что сельское хозяйство должно усиленно обогащаться вследствие господствующей дороговизны продовольствия. Средняя цена нормального продовольствия средней семьи была в городах Германии в январе 1916 г. на 60% больше, чем в последний мирный месяц¹⁾, а весной 1917 г. — уже на 110%. Германские сельские хозяева действительно наживаются, но только те из них, кто продают больше, чем покупают. Между тем уже до войны было много крестьянских хозяйств, настолько мелких, что они почти ничего не продавали или продавали так мало, что выручки едва хватало на удовлетворение личных и хозяйственных потребностей (сверх удовлетворявшихся натурой из собственного хозяйства). Важно отметить, что подобные крестьяне корм для своего скота почти всегда покупали на стороне. Теперь дороговизна корма значительно больше дороговизны продовольствия: кукуруза в четыре раза дороже ржи и т. п. Вместе с тем часто и продавать-то стало нечего.

Урожай оказываются ниже среднего — в значительной мере благодаря недостаточной обработке полей (отвлечение лошадей на войну, сокращение минерального удобрения). Но хуже всего на обеспечение рабочей силой подействовали повторные мобилизации в среде мелкого крестьянства, где после ухода

иначе не соглашались на запрещение домашнего приготовления пищи и малоимущим; из-за этого условия, подразумевающего полное устранение продовольственных побижков зажиточным, не состоялось предполагавшееся уже осенью 1916 г. объявление центральных кухонь обязательными для всех, получающих казенное пособие по случаю мобилизации мужа или отца).

Для привлечения миллионов женщин к производительному труду сверх разрешения вопроса о кухне требуется еще решение второго вопроса — о присмотре за маленькими детьми. Правительство взялось за совещания по этому пункту уже с весны 1916 г., подготавливая и здесь централизованно-планомерный подход к делу, чтобы в надлежащий момент нужная организация могла возникать гладко и по мере надобности. Программа решения вопроса опубликована в докладе заместителя канцлера рейхстага от 12 марта 1916 г. за № 225 на стр. 69: «Для перевода этих рабочих сил требуется:

а) своевременно и основательно подучить их;

б) облегчить временное оставление квартир: 1) путем увеличения возможности помещения детей (ясли, пункты призревания и пр.); 2) путем введения на фабриках смен продолжительностью в половину рабочего дня, чтобы сделать возможным оставление детей хоть на несколько часов; 3) путем устройства безупречных помещений для припыхлых работниц».

Доклад указывает, что на эту тему происходят совещания представителей военного ведомства, гражданской администрации и рабочих организаций (в первую очередь дело шло о работницах домашней промышленности, где освободилось много рабочих сил в связи с недостатком сырых материалов).

¹⁾ По расчетам С. П. Тюрина в Москве дороговизна достигла 60% на четверть года раньше, в октябре 1915 г. И раньше в этом отношении Москва обгоняла Германию. Так, в марте 1915 г. средняя дороговизна в Германии — 25%, а в Москве — 36%. А весной 1917 г. дороговизна в России достигла таких размеров, что германский предел («только вдвое») казался каким-то раем.

мобилизованного владельца часто не оставалось вовсе взрослого мужчины. Уже и до войны в Германии прочно держалось только среднее крестьянство, начиная приблизительно с владения в 5 гект. (4½ десят.). Владеющие от 2 до 5 гект. уже и до войны медленно сползали вниз. Владеющих менее чем двумя гектарами вообще не приходится причислять к крестьянству, ибо по переписи 1907 г. из них занималась сельским хозяйством лишь восьмая часть, имевшая менее сороковой части всей сельскохозяйственной площади; да и это были в значительной части наемные рабочие, для нужд своего домоводства обрабатывавшие немного земли. Среднее крестьянство в общем и теперь сводит еще концы с концами, а более крупное (свыше 10 гект. на владение) даже наживается, равно как и помещики. Зато мелкое крестьянство массами ликвидирует свое хозяйство, и чем дальше, тем больше.

Медленная пролетаризация этой группы, имевшая место и до войны, приняла теперь почти катастрофический характер. О численности владельцев всех этих групп перед войной могут дать представление цифры переписи 1907 г., ибо перемены в этой области происходили в Германии весьма медленно, как показали три повторные переписи, и не были значительны.

Размеры владений		Число владельцев
от 2 до	5 гект.	1 000 000
» 5 до	10 »	670 000
» 10 »	100 »	675 000
свыше	100 »	23 500

Правда, из владельцев от 2 до 5 гект. четверть уже и тогда не занималась самостоятельным сельским хозяйством (более крупные занимались почти все поголовно). Теперь же консервативно-аграрные газеты буквально полны жалобами на усилившееся бегство из деревни. Сельскохозяйственных наемных рабочих в ряде районов теперь просто-напросто прикрепляли к их хозяевам на все время войны распоряжениями военного начальства. Но зато «самостоятельные владельцы» от 2 до 5 гект., которые не состоят ни при каком хозяине, которых не к кому прикрепить, «свободно» бросают свое бедное хозяйство, не будучи в силах его более поддерживать, и рассеиваются в поисках более благодарного наемного труда.

Современная война, как и всякий кризис, но в исключительно крупном масштабе, оказывает на «население» двойственное влияние: богатые обогащаются еще больше, бедные становятся еще бедней. В то время как миллионеры получают сказочную «военную прибыль», в то время как зажиточные люди увеличивают свое благосостояние, рабочие, мелкие служащие, низшие чиновники вынуждены чрезвычайно сжать свой бюджет. Но особенно разрушительно действует война на промежуточный слой так называемой «мелкой буржуазии», которой приходится ликвидировать свои предприятия и массами переходить в ряды пролетариата. Процесс этот протекает с большой интенсивностью во всех воюющих странах.

В Германии он только легче, чем где-нибудь, может быть подвергнут количественному учету.

До войны абсолютная численность буржуазных элементов в стране поддерживалась приблизительно на одном уровне: сколько уходило в пролетариат, столько приблизительно нарастало естественным путем. Так как при этой неподвижности буржуазии пролетариат постепенно рос, то из года в год все же происходило некоторое передвижение в распределении по классам всего населения в пользу пролетариата. Но война одним ударом чрезвычайно ускорила этот процесс. Если верхи буржуазии крайне наживаются, то низы ее целыми массами двинулись в пролетариат, а не только отдают в него избыток своего прироста, как раньше.

Если же оставшиеся немобилизованными мелкие буржуа за два года на двадцать четыре процента не могли сохранить своего самостоятельного хозяйства и превратились в пролетариев, то легко понять, что эти свежеспеченные пролетарии далеки еще от классовой психологии рабочего. Они порой питают надежды на восстановление прежнего положения после войны — и лишь после войны опыт жизни переработает их головы.

IV

До войны приходилось, как показано выше, на «коренное ядро» пролетариата около 6½ млн. мужчин и женщин, на определенно буржуазные по психологии элементы, вступившие в состав рабочих за последние 10 лет, — около 3½ млн. (в том числе до 1½ млн. женщин) и на прочие, промежуточные по социально-психологической физиономии элементы — около 8½ млн. человек (из них около 4 млн. женщин). Все «коренное ядро» составляло около 35% всего пролетариата. Определенно буржуазные элементы составляли едва 19%.

За вычетом мобилизованных (с пропорциональным распределением их по разным разрядам мужчин), с учетом всего прилива из буржуазии до 1 сентября 1916 г. (сверх естественного прилива из рабочего потомства, пополняющего нормальную убыль), и принимая во внимание произошедшее увеличение числа занятых по найму женщин, приходим к таким результатам¹⁾. Общий состав пролетариата всякого рода (кроме вышедших из служащих) сократился в Германии за два с лишним года войны до 14¾ млн. человек, т. е. на 21%. Но если по количеству занятых работой по найму рук судить о хозяйственной жизни страны вообще, то хозяйство Германии сжалось пока меньше, чем на одну пятую часть, ибо, кроме учтенных свободных рабочих, есть еще неучтенные военнопленные (работает свыше миллиона). На жизни народа это сжатие отразилось более, ибо большая прежней доля всего труда затрачивается

¹⁾ Все на основании официальных статистических источников; подробные расчеты см. «Летопись», май 1916 г. и «Вестник Европы», ноябрь 1916 г.

теперь на непроизводительные цели (на обслуживание войны). К тому же среди работающих большая прежней доля приходится на женщин и пожилых людей и на людей, менее опытных в своей работе, чем занимавшиеся ею раньше. Но крупные перемены произошли не только в общей численности пролетариата, а и в соотношении между разными его частями. Соотношение определенно буржуазных (т. е. вышедших из буржуазии за последние 10 лет) элементов пролетариата ко всем прочим составным его частям составляло в процентах к общей численности всего наличного пролетариата Германии:

	До войны на 1 января 1914 г.	Через два года войны на 1 сентября 1916 г.
«определенно буржуазных»	19%	24%
«промежуточных»	46%	50%
«коренное ядро»	35%	26%

Иначе сказать — раньше на каждого «определенно буржуазного» пролетария приходилось четыре всех прочих, а теперь приходится только три. «Буржуазный» характер наличного состава рабочего класса увеличился еще больше, чем произошло вообще разложение хозяйства. Всех рабочих стало меньше на 21 %, а доля «определенно буржуазных» среди оставшихся увеличилась на 26 %. На другом конце этому соответствовало таяние «коренного ядра». А окончательный коэффициент способности всего рабочего класса противодействовать оппортунистической буржуазной идеологии «серо-полевого» цвета (цвет походной формы немецкого солдата) определяется в грубом приближении скорее всего именно отношением между этим действительно прочно пролетарским «коренным ядром» рабочего класса и всеми прочими его элементами.

Общее число «коренных» определилось к 1 сентября 1916 г. (через 25 месяцев войны) в 3 800 тыс. человек (около 2 700 тыс. мужчин и около 1 100 тыс. женщин). До войны численность «коренного ядра» (5 400 тыс. мужчин и 1 100 тыс. женщин) почти вдвое превышала «определенно буржуазные» элементы в пролетариате. Теперь же обе величины оказываются уже почти равными. Состав «коренного ядра» сократился почти на 42 % сравнительно с численностью его в мирное время.

Можно установить такой ряд. Разложение капиталистического хозяйства, общее уменьшение количества рабочих и служащих составляет пока менее пятой (15 %, если засчитать работающих военнопленных). Разложение коренного пролетарского ядра рабочего класса уже вдвое тяжелее — две пятых (42 %). И, наконец, разложение рабочих организаций в Германии превышает три пятых, — в сентябре 1916 г. и для профессиональных союзов и для партии потеря членов превышала 60 %. Само собой, все это в данный момент крайне уменьшает наличную боеспособность германского рабочего класса как относительно общего направления германской политики, так и относительно защиты своих очередных внутренних

интересов. Как видно из сравнения «лестницы разложения», произведенное войной разложение боеспособности пролетариата гораздо значительнее разложения капитализма.

Если бы все так и оставалось дальше, то поведение Либкнехта ¹⁾ имело бы значение лишь спасения души германского пролетариата (за Либкнехтом — группы именно крупно-городского «коренного ядра» пролетариата). Конечно, уже и это имело бы весьма большое значение для будущего. Как указано выше, после войны Германия будет гораздо более пролетарской страной по составу своего населения, чем была до нее. Наличие при таких условиях «коренного ядра» с душой, свободной от опустошения, с живым и ясным сознанием своего пути, должна оказаться тогда исключительно важной для степени быстроты движения к торжеству социализма. Все, что потеряно будет в лице тех, кого уведут за собой Зюдекум, Ленч, Шейдеман и прочие, будет тогда возвращено сравнительно быстро. По мере того как созревают исторические условия для постановки основного вопроса о социализме, все приближается момент разрыва в рабочем движении между действительно осознающими конечные цели участниками его и между элементами, втянутыми в движение только заботой о частных очередных вопросах дня. Приведенные данные о составе германского пролетариата и источниках его пополнения показывают, как велик еще в Германии слой рабочих, не могущий считаться достаточно подготовленным своим общественным бытием к одушевлению исторической миссией рабочего класса. Он остается фактически еще на почве существующего буржуазного общественнохозяйственного строя, и потому расхождение его с более принципиальными элементами германского пролетариата стало неизбежным, когда вопрос об этом принципиальном отношении превратился для немецких рабочих — в виде вопроса об отношении к буржуазному патриотизму и отечеству — из проблемы отвлеченной теории в практическую злобу дня.

Хотя практическая острота того или иного принципиального отношения после войны может ослабеть, однако вся деятельность неизбежно должна будет и тогда окрашиваться в цвет какого-либо принципиального отношения гораздо более определенно, чем это было до войны. Ибо Германия, как мы видели, выйдет из войны гораздо более пролетарской по составу населения и гораздо более организованной капиталистически, чем вошла в нее (если вообще война не затянется до полного разложения современного хозяйства). Противоположность между готовностью (для социализма) вещей и неготовностью умов станет ярче, чем когда бы то ни было, и «коренное ядро» естественно вы-

¹⁾ Имя К. Либкнехта в перепечатываемых в настоящей книге статьях неоднократно, по цензурным соображениям, употреблялось, как и в данном случае, просто как символ революционного крыла германского рабочего социализма того времени — предтечи нынешней германской компартии. —
Примечание 1926 г.

двинет заполнение пробела в умах на первый план. Основные принципиальные вопросы будут играть поэтому гораздо большую роль, чем раньше. Потому раскол и расхождение с недостаточно подготовленной частью пролетариата окажется гораздо длительнее и не ограничится одним только данным моментом. Конечно, по самому существу вещей в историческом смысле это расхождение будет только временным. Ибо, раз все население Германии явится после войны значительно более пролетарским по составу, то чрезвычайно уменьшится возможность пребывать «краткосрочным пролетарием», только 5 или 10 лет остающимся в коже рабочего, и самая возможность уходить из рабочего состояния будет предоставляться реже, раз буржуазия растаяла на 24%. Наличный состав рабочего класса быстрее и прочнее осядет в пролетариате, «коренное ядро» его будет расти и приближаться к абсолютному большинству во взрослом населении быстрее, чем раньше. При таких условиях я не нахожу преувеличением считать, что на наших глазах Германия через соответственный период после войны (достаточный для общественного созревания передвинутых в пролетариат масс) явит миру интересный образец перестройки на новых началах социализма всей жизни. Но это возможно лишь, если готовность людей будет соответствовать готовности вещей. Понятно отсюда значение «спасающего душу» поведения Либкнехта, даже если оно не будет иметь того непосредственного практического результата, который служит ему сейчас лозунгом (прекращение войны).

2. ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ ¹⁾

А. Стачки и заработки

Статистика экономических стачек в Германии за время войны проливает некоторый свет на обстоятельства, при которых введена «рабочая повинность» (принудительный труд для всех мужчин-рабочих от 17 до 60 лет), а равно на истинную судьбу «Бургфридена» (провозглашенного императором при начале войны «междуклассового перемирия»). Германское правительство не публикует данных о политических забастовках (например по поводу суда над Либкнехтом). Но и статистика экономических движений указывает на глубокий поворот в настроении и поведении немецких рабочих сравнительно с первыми периодами войны. Официальная статистика экономических стачек опубликована уже за весь период до 1 октября 1916 г.

За последние 10 мирных лет (1904—1913 гг.) в Германии бастовало ежегодно в среднем 218 тыс. рабочих да подвергалось локауту в среднем 85 тыс. человек в год. Но это количество нельзя без оговорок сравнивать с военным, ибо теперь гораздо менее рабочих.

¹⁾ Январь 1917 г. Напечатано в «Вестнике Европы» и издано в 1917 г. издательствами «Социалист» и «Книга». — Примечание 1926 г.

Уже к концу 1915 г. количество наличных наемных рабочих (обоюпола вместе) уменьшилось в Германии на пятую часть против мирного уровня. С тех пор в течение всего 1916 г. число их поддерживается с небольшими колебаниями все на том же уровне. Вместо уходящих в армию вступают на работу новые: многочисленные выходцы из мелкой буржуазии, подрастающие дети самих рабочих, пожилые люди, отчасти женщины. Следовательно, если бы не было никакого «бургфридена» и экономические стачки и локауты устраивались бы с тем же усердием, что в мирное время, то из оставшихся четырех пятых рабочих должны были бы ежегодно участвовать в стачках около 175 тыс. и в локаутах — около 68 тыс. человек обоюпола.

Между прочим—благодаря, вероятно, этой устойчивости общего количества пролетариата за последний год — почти прекратилось нараставшее раньше столь стремительно таяние профессиональных союзов. Личный состав их членов менялся, места ушедших в армию занимали вновь завербованные. По отчетам отдельных союзов видно, что в 1916 г. в них вступило больше новых членов, чем обычно вступало за такое же время до войны, только потому удалось парализовать рост дефицита от непрерывного дополнительного отлива старых членов в армию. Во всех 48 примыкающих к с.-д. партии профессиональных союзах накануне войны, 31 июля 1914 г., было 2 510 тыс. членов. Ровно через год, 31 июля 1915 г. их было уже только 1 180 тыс., за первый год войны потеряно больше половины (многие, конечно, вернутся из армии после войны). Еще через пять месяцев, на 31 декабря 1915 г., во всех 48 союзах оказывается 994 тыс. членов — потеря достигает почти 40 тыс. в месяц в среднем. Далее опубликованы пока данные только о 28 союзах, обнимающих 31 декабря 1915 г. целых 837 тыс. человек, более пяти шестых всех членов всех союзов. В этих 28 союзах на 31 октября 1916 г. оказывается все еще 804 тыс. человек — ежемесячная потеря сократилась в среднем до 3,3 тыс. человек, наступила почти полная устойчивость объема союзов. Даже если предположить, что остальные 20 союзов (маленькие—в них было 31 декабря 1915 г. только 157 тыс. членов) пострадали несколько больше, то все же на 31 октября 1916 г. во всех 48 союзах должно оставаться еще до 950 тыс. членов, — почти столько же, как за десять месяцев перед тем. Наступление такой устойчивости в свою очередь не осталось без влияния на степень решимости союзов в обращении к стачкам и к угрозам стачками. Тем более, что прекратились и опасения за финансовое крушение союзов. Первое полугодие войны принесло им, правда, потерю семи миллионов марок, главным образом вследствие большого расхода на безработных. Но введение государственно-коммунальных пособий при безработице (с декабря 1914 г.) и исчезновение ее к лету 1915 г. вместе с повышением членских взносов не только устранило дефицит в дальнейшем, но, как показывают отчеты союзов, обнимающих пять шестых всех членов, в течение второго года войны вернулись в кассы союзов те семь миллионов марок, какие потеряны

были вначале. Все это подымало самочувствие и уверенность союзов, в то время как раньше они находились под впечатлением стремительного таяния и членского состава и накопленных капцталов. В итоге начинает широко развиваться практика угроз стачками. Союзы еще не инсценируют стачек, они только грозят, но предприниматели уже должны считаться с возможностью остановки работ, военные власти в свою очередь требуют непрерывного исполнения заказов, и так как до декабря 1916 г. стачки не были воспрещены в Германии, то хозяевам приходится идти на уступки. Все повышения заработной платы, достигнутые в 1915 г., почти сплошь добыты этим путем. Пока казалось, что рабочие союзы быстро катятся к крушению и разложению, особенно первое полугодие войны, хозяева усердно пользовались упадком настроения среди организованных рабочих для ухудшения условий труда и уменьшения заработной платы. Самый патриотический период войны оказался для рабочих в Германии также периодом самого беззастенчивого урезывания их заработка. Хотя, как увидим, дороговизна уже начинала давать себя чувствовать, а от рабочих вследствие уменьшения их числа требовали (и добивались) более напряженной работы. Даже такая важная для войны индустрия, как каменноугольная промышленность (где поэтому рабочим легче заставить с собою считаться), даже она пережила это понижение заработной платы в первый период войны. В Рурском каменноугольном бассейне (Бохум) было занято перед войной 406 тыс. рабочих и даже через два года (на 1 июля 1916 г.) числилось еще около 300 тыс. (без военнопленных — 295 тыс.) — половина всех наличных горнорабочих Германии (кроме пленных). Официальные отчеты гласят, что для каждого из этих рабочих в среднем средняя заработная плата за одну рабочую смену (т. е. за один обычный рабочий день) составляла по четвертям года:

2-я четверть 1914 г.	5 мар.	22 пфен.
3-я » 1914 »	5 »	07 »
4-я » 1914 »	5 »	03 »
1-я » 1915 »	5 »	18 »
2-я » 1915 »	5 »	39 »

Прошел целый год войны, пока каменноугольные рабочие смогли вернуть себе хотя бы ту денежную плату, какую они имели уже до войны. Но за те же деньги теперь можно было купить уже гораздо меньше: в июне 1915 г. средняя дороговизна продовольствия достигла уже почти 50% прироста к его цене мирного времени.

Но в горной промышленности рабочие еще сравнительно «быстро» смогли затем подымать заработную плату. В упомянутом Рурском бассейне приведенная величина составила в 3-й четверти 1915 г. уже 5 мар. 62 пфен., в 4-й — 5 мар. 80 пфен., в 1-й четверти 1916 г. 6 мар. 02 пфен., во 2-й — 6 мар. 28 пфен., т. е. номинально на 20% выше уровня по последней мирной четверти года. Но были и такие отрасли производства, где заработная плата за весь 1915 г. в среднем оказывается меньше заработной платы последнего целиком мир-

ного 1913 г. даже номинально. Отчеты хозяйственных союзов по страхованию рабочих от несчастных случаев приводят, например, такие цифры. В производстве бумаги (96 тыс. рабочих перед войной) средняя годовая заработная плата в 1913 г. — 1 004 мар., а в 1915 г. — только 944 мар. В производстве одежды (359 тыс. рабочих перед войной) в 1913 г. — 922 мар., а в 1915 г. — лишь 879 мар. Где даже наступало увеличение, оно наступало главным образом не вследствие улучшения условий труда, а вследствие увеличения его количества. Например, в рейнско-вестфальской металлургической индустрии (213 тыс. рабочих перед войной) средняя годовая заработная плата составила в 1915 г. уже 1 977 мар., т. е. на 14% больше, чем в 1913 г. (вздорожание продовольствия для всего 1915 г. составляет в среднем около 40% над мирным уровнем). Но по сообщению в рейхстаге депутата Бауэра (члена генерального комитета профессиональных союзов) как раз здесь работали теперь сплошь по 72 часа в неделю и больше, вместо 60 часов в неделю мирного времени. Такая усиленная работа совершалась, несмотря на крайнюю неудовлетворительность продовольствия, вплоть до более решительной организации продовольственного дела во всем почти его объеме в третьем году войны (крупные изъятия, однако, остались еще, победа над аграриями неполная). Президент «имперского жирового ведомства» Гренивиц напечатал 14 декабря 1916 г. обзор жирового и мясного питания рабочих. Он рассказывает: весной 1916 г. Рейнско-вестфальском районе рабочие получали целыми неделями только от 40 до 50 граммов жира в неделю и благодаря этому «в многочисленных промышленных предприятиях доказано понижение трудоспособности рабочих на 30% вследствие недоедания из-за недостатка мяса и жиров». Перенапряженная работа приводила к росту увечий, а присоединившийся недостаток питания — к увеличению заболеваемости. По отчетам больничных касс со всех концов Германии, объединивших на 1 ноября 1916 г. свыше 9½ млн. членов обоего пола, состояло из всех наличных членов больными: перед войной, 1 июля 1914 г. — 8,5%, через два года, 1 июля 1916 г. — уже 11,4% и на 1 ноября 1916 г. — 11,8%. Заболеваемость возросла на 40% — а во время войны врачи касс дают разрешение не посещать работу по болезни не так легко, как до войны. Несчастных случаев в Рурском каменно-угольном бассейне на каждые 10 тыс. рабочих приходилось в 1913 г. 148, а в 1915 г. уже 162, на десятую часть больше. И за всю эту ухудшившуюся жизнь и увеличившийся труд рабочие получали часто меньше прежнего заработной платы даже номинально — таково было царство «бургфридена» в Германии в первый период войны. Чистый доход предпринимателей рос — и м «междуклассовое перемирие» пошло на пользу.

Надо, правда, заметить, что по исчезновении страха за участь профессиональных союзов и по «достаточном» нарастании продовольственной дороговизны (когда она не могла быть уже сглажена сокращением других потребностей), т. е. примерно с последних меся-

цев 1915 г., во всех отраслях начались со стороны рабочих союзов угрозы стачками. Одними угрозами они добились повышения заработной платы примерно на одну седьмую. Это было как бы переходным периодом от первой половины «бургфридной» эпохи (без стачек и без угроз) к наступившему с апреля 1916 г. в области стачечной борьбы периоду «послебургфридному». Правда, и в мирное время для четырех пятых рабочих столкновения с хозяевами протекали без остановки работ и для пяти шестых из получивших уступки они достигались одной готовностью к стачке и угрозами, без применения этого средства на практике. В атмосфере военного «бургфридена» союзам не так немислимым казалось поэтому не применять стачек и для той пятой части рабочих, для которой обычно приходилось это делать. Тем более, что если уж во время войны какой-либо союз чувствовал себя настолько оправившимся, что решался на угрозу стачкой, — то купающиеся в избытке доходов предприниматели оказывались нередко уступчивыми. Вот, например, одно из многих таких «тарифных соглашений» — коллективный договор для всей Германии, вступивший в силу с 15 декабря 1916 г. и заключенный между «свободным» (с.-д.) союзом рабочих по дереву и союзом хозяев. Союз рабочих по дереву насчитывал перед войной 192 тыс. членов, а на 1 ноября 1916 г. — только 68 тыс., но почти в той же пропорции сократилась и сама индустрия, так что значение союза в ней не уменьшилось, а число его членов весь последний год остается постоянным (в последней четверти 1915 г. в среднем 69 тыс. человек). Новый тариф заменяет предвоенный и заключен на срок до 15 февраля 1918 г. Вместо довоенного минимума почасовой заработной платы в 40 пфен. он вводит минимум в 65 пфен. в час в наихудше оплачиваемом районе Германии и минимум в 85 пфен. в час (вместо 70) в наилучше оплачиваемом районе (вся страна разделена на шесть районов). Повышение составляет 20% для наилучшего и свыше 50% для наихудшего района. В той же мере повышены аккордные и пр. расценки. При заключении этого договора (довольно типичного по содержанию для договоров последнего времени) разыгралась типичная для заключаемых в последние $\frac{3}{4}$ года договоров сцена. Сначала хозяева отказали рабочим в требованиях, и профессиональный союз решил с определенного им срока начать общегерманскую стачку. А незадолго до истечения срока имперское министерство внутренних дел предложило посредничество и побудило хозяйский союз согласиться на приведенные условия. Отсюда видно, что «значение права стачек далеко превышает случаи действительного их устройства» для немецких рабочих (из органа генеральной комиссии профессиональных союзов). Потому вошедший теперь в силу закон о принудительности труда («рабочая повинность») поражает не только ту пятую часть рабочих, которая добивалась успехов самими стачками, но и те четыре пятых, какие добивались улучшений одной готовностью к стачке и правом начать ее при отказе в уступках. Ибо этот закон есть закон о запрещении стачек.

Выше приведен объем стачек в Германии за последние предвоенные годы и количество рабочих, какое должно было бы бастовать при сократившемся до нынешнего уровня объеме пролетариата, если бы размах стачечного движения не уменьшился. Официальные отчеты за последние 3 года (1914—1916) ясно говорят о необходимости разделить данные на три периода: первые 7 довоенных месяцев 1914 г., эпоха господства военного «буртфридена» (20 месяцев от августа 1914 г. по март 1916 г.) и, наконец, «послебуртфридний» период, действительно заслуживающий по количеству участников в стачках название «послебуртфридного». Количество участвовавших в экономических стачках и подвергшихся локауту рабочих составляло (в тысячах человек):

	Стачеч- ники Тысячи	Локаутиро- ванные Тысячи
Январь — июль 1914 г.	56,6	36,5
Август — декабрь 1914 г.	2,1	—
Январь — июнь 1915 г.	6,4	1,2
Июль — декабрь 1915 г.	5,3	0,1
Январь — март 1916 г.	3,2	—
Апрель — сентябрь 1916 г.	87,0	?

Количество подвергнутых локауту за последнее полугодие пока не опубликовано. Стачечников вместе с локаутированными за первые 20 месяцев войны насчитывается всего 18,2 тыс. А за последнее полугодие одних стачечников — 87 тыс., больше, чем за первые 7 месяцев 1914 г. (последний мирный период), и как раз столько, сколько должно было бы бастовать за полугодие из наличного количества рабочих ($\frac{4}{5}$ мирного числа), если бы стачечная борьба в Германии шла с такою точно напряженностью, как в среднем за последнее десятилетие перед войной. За октябрь—декабрь 1916 г. данные еще не опубликованы, но по сообщениям берлинских газет о стачках у Крупна в Эссене и в других местах видно, что интенсивность стачечной борьбы не понизилась: в этом отношении в Германии совершенно восстановились «добртфридные» порядки мирного времени. Очевидно, с хозяйской точки зрения наступило самое время ввести запрещение стачек и принудительный труд. Потому утвержденный в декабре 1916 г. закон о «рабочей повинности» пришелся хозяевам как раз кстати и явился, как ниже мы еще на этом остановимся, вполне логическим завершением здания «государственного капитализма». Поскольку в последнем мы видим общую тенденцию буржуазного строя, постольку и закон о трудовой повинности приобретает интерес «зеркала будущего», того будущего, которое будут стремиться строить при соответствующих обстоятельствах руководители капитализма, поскольку это будет в их силах. Военная обстановка Германии вносит здесь изменения скорее в сторону смягчения нового уклона и маскировки его демократичностью форм, но не меняет социального смысла.

Обращает внимание резкое и внезапное повышение числа бастующих при переходе от первой ко второй четверти 1916 г. (в январе—марте 3,2 тыс., а в апреле—июне уже 53,6 тыс. участников экономических стачек). Эта грань точно совпадает с моментом официального разрыва «политического» «бургфридена». Как известно, именно 24 марта 1916 г. рейхстагское представительство противобоевой половины немецкой рабочей партии отказалось впредь по-виноваться «дисциплине» (по отношению к с.-д. рейхстагской фракции, в которой большинство принадлежит депутатам, разделяющим социал-патриотическую точку зрения). Отделившееся представительство с.-д. оппозиции провозгласило для себя «бургфриден» разорванным, и это послужило как бы сигналом для активного восстановления независимости рабочей политики от посторонних соображений и в области экономической. Но решающее влияние надо приписать быстрому и исключительно крупному подьему средней цены продовольствия как раз в этот момент. «Картофель — главный враг большинства с.-д. фракции», — заявил с шаржирующей горечью один из видных представителей последнего.

В росте цен на предметы продовольствия за описываемое время было в Германии 4 периода. Мерилом служит недельная стоимость продовольствия средней семьи в составе двух взрослых и двух детей (по одному каждого пола). При этом берется для взрослого то количество еды (и из тех же самых составных частей), какое полагалось в Германии в мирное время морскому солдату, так что учитываются все существенные роды пищи в той пропорции, в какой они потреблялись нормально до войны (нормальное питание четырехчленной семьи указанного состава принимается немецкой статистикой равным питанию трех морских солдат по рационам мирного времени). Стоимость такого недельного рациона определяется ежемесячно для каждого города страны отдельно по средним розничным ценам каждого продукта в этом городе за данный месяц. Потом выводится средняя для всей страны на основании данных свыше 200 городов (обнимающих почти две пятых населения Германии — все места более чем с 20 тыс. жителей каждое), причем принимается во внимание численность населения каждого города. Получаемая величина является, следовательно, весьма точным указанием на действительную среднюю стоимость продовольствия в Германии. В последний месяц перед войной (июль 1914 г.) она составляла 25 мар. 12 пфен. Затем она довольно равномерно поднималась 14 месяцев и в сентябре 1915 г. достигла 39 мар. 93 пфен., т. е. возрастание составляло в среднем 1 мар. 11 пфен. в месяц. Следующие зимние 4 месяца были временем сравнительной устойчивости цен (первое большое регулирование значительной части родов пищи осенью 1915 г.), и в январе 1916 г. общегерманская средняя достигла лишь 41 мар. 26 пфен., т. е. за эти 4 месяца подымалась в среднем всего на 33 пфен. в месяц. Но в ближайшие три месяца средняя взлетела сразу и достигла в апреле 1916 г. уже 51 мар. 95 пфен., т. е. за эти 3 месяца увеличивалась в среднем на 3 мар. 56 пфен. в месяц.

Быстрота роста дороговизны почти в одиннадцать раз превзошла быстроту его в предшествовавший период. Этот момент — начало апреля — совпадает с моментом разрыва половиной партии буржуазной дисциплины в политической области и с возобновлением профессиональными союзами стачечной борьбы в объеме мирного времени. В политической области играли крупную роль, конечно, еще другие мотивы и обстоятельства, а в экономической установление связи при таком параллелизме может считаться правдоподобным. Далее последовал опять период устойчивости цен, но уже на новом высоком уровне, и через 5 месяцев, в сентябре 1916 г., средняя стоимость указанного недельного продовольственного рациона составляла 53 мар. 54 пфен., т. е. подымалась за эти 5 месяцев в среднем всего на 32 пфен. в месяц, и до весны 1917 г. более не повышалась.

В сентябре 1916 г. продовольствие в городах Германии стоило в среднем на 113% дороже, чем в последний мирный месяц (июль 1914 г.). В каком же соответствии находятся с этим результаты стачек и угроз стачками, имевших место в Германии? Надо иметь в виду, что по бюджетным исследованиям мирного времени германские рабочие тратили на продовольствие около 60% при бюджете от 900 до 1 000 мар. в год и только 50% своего дохода при заработке около 1 200 мар. в год. Индустриальные рабочие относятся главным образом к последнему разряду, совпадающему для них с предвоенной средней годовой заработной платой. Увеличение цены пищи на 113% должно было бы заставить их тратить на продовольствие 106,5% их прежней заработной платы (т. е. всю ее с небольшой надбавкой), если бы они питались теперь попрямеему, как в мирное время. Но определенными для всей страны рационами установлено, что немецкие рабочие и их семьи получают в 1916 г. лишь две трети того количества пищи, какое они имели до войны. Потому расход на продовольствие должен составлять в 1916 г. не 106,5%, а только 71% прежнего (довоенного) заработка рабочею. А так как раньше на пищу расходовалось 50%, то немецкий рабочий должен получить к своему довоенному заработку прибавку в 21% только для того, чтобы быть в силах купить причитающееся ему и его семье количество пищи. Притом само это количество на треть меньше рациона мирного времени. С удовлетворением же прочих потребностей дело обстоит так: расход на квартиру за первые два года войны не увеличился, в Германии еще не начинался «квартирный кризис» (наоборот, много пустующих), — а на квартиру у немецкого рабочего уходило до войны обычно около 20% его бюджета. Все остальное (одежда, удовольствия, культурные потребности и т. д.) вздорожало в общем на половину, и дефицит сокращается отчасти прекращением обычных взносов в сберегательную кассу, отчасти сокращением удовлетворения потребностей в новой одежде, в удовольствиях, культурных запросов и т. д., — либо же дефицит пополняется из постепенно расходуемых довоенных сбережений (27% всего населения, считая грудных младенцев и старух в бога-

дельнях, имели при начале войны книжки в сберегательных кассах). Чтобы переложить на хозяев и непродовольственное вздорожание жизни, следовало бы заработную плату немецкого рабочего повысить еще на 15—20 % ее мирного уровня, а вместе с продовольственным вздорожанием, следовательно, на 40 % (и при этом нехватало бы еще трети пищи, которой частью сейчас в значительной мере нет в стране, частью же захватили себе лишнее аграрии и зажиточные горожане).

Есть, конечно, и такие слои рабочих, которым удалось достигнуть этого. По докладу Берлинской городской думы уже летом 1916 г. рабочие трамвая получали на 35 % больше мирной заработной платы. Для угольной промышленности Верхней Силезии имеем такие официальные данные:

	Число рабочих	Средняя плата за смену
2-я четверть 1914 г.	135 тыс.	3 мар. 65 пфен.
2-я » 1916 »	107 »	4 » 54 »

Прибавка составляла уже тогда 25 %, причем почти целиком достигнута за второй год войны. Лейпцигская больничная касса, если не считать детей до 16 лет, имела на 1 января 1914 г. около 114 тыс. мужчин, а на 1 октября 1916 г. около 51 тыс. Из них свыше 4½ мар. в день получали за полгода пред войной 57 %, а через 26 месяцев после ее начала уже 75 %. Если не загромождать изложения многочисленными иллюстрациями, то можно ограничиться установлением, что в общем к концу 1916 г. индустриальные рабочие Германии повысили свою заработную плату не менее, чем на 20 %, т. е. обеспечили себе возможность покупать предоставляемые им теперь две трети мирного количества пищи. Военные стачки были в общем успешнее мирных (по официальному отчету полная неудача в мирной части 1914 г. в 54 %, а с начала войны до 1916 г. только в 36 % всех случаев). Но для покрытия вздорожания прочих предметов потребления прибавки «сплошь и рядом не хватает. Начинают носить деревянные ботинки вместо кожаных, пить липовый чай вместо настоящего и т. д. Понятен все нарастающий рост недовольства войной даже в политически отсталых частях пролетариата.

Б. Государственная монополия труда

И вот при таких-то условиях здание немецкого хозяйства приходит к своему увенчанию. «До логического конца» проводятся тенденции, успевшие уже проявиться и раньше в длинном ряде постепенно накапливавшихся мероприятий. Капитализм как система хозяйства, основанная на вольнонаемном труде, перестает существовать. Он заменяется в Германии системой, основанной на зависимом, на крепостном труде. Это, конечно, не «пылеобразный» феодализм средневековья из кучи сравнительно слабо связанных одна с другой хозяйственных единиц. Наоборот, это строй орга-

низованный, планомерно связавший все части национального хозяйства и располагающий всеми средствами современной техники. Как в средневековье, — в низу, в основе, крепостной труд. А вверху — слияние в полное юридическое тождество органов и носителей государственной власти и хозяйственного руководства. Читатель понимает, дело идет о провозглашаемых в 1917 г. в Германии «всеобщей рабочей повинности» и «обязательной организации всего производства». Истинное значение этих столь демократических по названию мер раскрывается лишь по ознакомлению со всем их конкретным содержанием. Тогда оказывается, что редко более демократические слова прикрывали более реакционное содержание, сколько ни часто случаются повсеместно подобные подстановки. Немецкая и иностранная печать единодушно признают исключительную важность нового германского начинания как для дальнейших перспектив нынешнего исторического момента, так и в принципиальном отношении. По объему и стройности новый план организации превосходит все, сделанное Германией доселе в этом отношении, ибо «сразу организует все». Он вызывает уже требование подражания со стороны впечатлительных или заинтересованных наблюдателей других стран. Все эти обстоятельства побуждают к более подробному изложению его.

Прославленная в первый период войны «эластичность капитализма», особенно проявившаяся в Германии и т. д., оказалась не эластичностью устойчивости, а эластичностью в приспособлении к экономическому регрессу. Подобная перемена может не умалить дохода многих владельцев крупных хозяйств, — ведь и на основе крепостного труда процветали в свое время большие доходы и крупные хозяйства. Но уж во всяком случае она не свидетельствует о внутренней силе и прочности капитализма как системы, основанной на вольнонаемном труде и без вольнонаемного труда перестающей быть капитализмом и превращающейся в «капиталистическое крепостничество». В древние и средние века система хозяйства была устойчивее, она не уступала место своей предшественнице даже при серьезных испытаниях в столь изумительно короткий срок.

Эластичность капитализма наткнулась на абсолютный недостаток рабочих рук и в нем находит свое ограничение. Пока можно было пополнять убыль от мобилизаций привлечением неиспользованных раньше рабочих сил общества, германский капитализм чувствовал себя более или менее благополучно. В конце концов, превращение миллиона прежних мелких торговцев или избыточных мелких предпринимателей или членов буржуазных семейств в наемных рабочих и служащих означало превращение неработающих в производстве или работавших в отсталых условиях людей в работающих при более совершенном использовании их сил.

Эластичность германского капитализма сказалась и в том, что он сумел даже повысить кое-где качественный уровень и технику производства.

Но германский капитализм втянул уже в замещение убыли едва ли не большую половину тех сил, на какие вообще он мог рассчитывать при системе вольнонаемного труда. И теперь ему приходится отказываться от самой этой системы. Ниже будет показано, какие особенности новой меры предопределяют фактическое ограничение круга ее действия прежде всего и почти исключительно уже наличным пролетариатом.

Весь труд мужчин от юности до старости объявляется с 1917 г. подлежащим государственной рабочей повинности, дополняющей государственную воинскую повинность. Каждый обязан работать там, где ему будет указано органами государственной власти, государство только передает этот секвестрованный им труд в распоряжение владельцев отдельных определенных предприятий, за которыми и закрепляет на известных условиях отдельных определенных рабочих. Но при наличии такой «государственной монополии труда» отсутствует и не вводится государственная монополия средств производства. Новый порядок сохраняет за владельцами право собственности на средства производства и право извлечения в свою личную пользу доходов из их предприятий, обслуживаемых отныне огосударственным и обязательным трудом прежде свободных рабочих. Как напоминает, протестуя, социалистка Луиза Циц в противовоенной «Лейпцигской народной газете», немецкие социалисты требовали, наоборот, огосударствления средств производства и полной свободы труда: при недостатке работников в какой-либо профессии всегда можно привлечь новых улучшением условий труда и средствами культурно-морального воспитания и воздействия. И вдруг вместо этого, притом без огосударствления средств производства, получить всеобщую казарму или, как выражаются оппозиционные немецкие рабочие газеты, «всеобщую каторжную тюрьму». Можно полагать поэтому, что новая мера усилит не только производство снарядов в Германии, но усилит также давление со стороны народных масс на имперское правительство в сторону скорейшего заключения мира. Не случайно поэтому как раз в преддверии новой меры—подготовительное обсуждение ее с общественными организациями идет уже с начала октября 1916 г. — Бегман-Гольвег отрекся в рейхстаге публично от аннексии Бельгии, расточая рабочим заискивающие уверения: мы хотим только мира, мира и мира, но для этого нужны две договаривающиеся стороны, а не мы одни.

Вместо огосударствления средств производства новый порядок в Германии только завершает организацию государством всех частных предпринимателей в одно стройное целое, работающее под централизованным государственным руководством и управлением. В значительной мере все это осуществлено уже в первые два года войны, оно теперь приводится лишь в более стройную и выдержанную в подробностях систему (всеобщее ограничение нормы прибыли, формально для всех

одинаковое, но фактически благоприятствующее, как увидим, крупным предприятиям; принудительное закрытие многих мелких и средних предприятий ради сосредоточения рабочих сил в руках более крупных «феодалов новой формации», и т. д.). Суть нового мероприятия заключается, конечно, не в совершенствовании всех этих подробностей по использованию материальных ресурсов хозяйства, а в новом регулировании распоряжения рабочими силами людей. «Война все более делается войной рабочих сил», — заявил генерал Гренер, поставленный во главе всей новой организации (он зарекомендовал свои организационные способности управлением с самого начала войны железными дорогами Германии и оккупированных областей). Ученый вюртембергский генерал мог бы сослаться на Ллойд-Джорджа и Каутского. Первый сказал в речи на Бристольском конгрессе: «Профессиональные союзы принадлежат к могущественнейшим силам в жизни Англии. С ними победа обеспечена, без них наше дело пропало». А про Германию К. Маркионини пишет в журнале Каутского от 10 ноября 1916 г.: «Если капитализм «держался» во время войны, то лишь потому, что носитель производства, пролетариат, сам подпер собой капиталистическое здание». Генерал Гренер в последнем интервью с журналистами подтверждает это воззрение еще новым афоризмом: война превратилась в часть рабочего вопроса. Непосредственно военное значение новой меры не должно заслонять ее общепринципиального значения.

В. Перед введением рабочей повинности

Конечную целью нового хозяйственного строя официально объявлено в Германии обеспечение наибольшего количества сил для военной промышленности в узком и широком смысле этого слова (сельское хозяйство, например, включено в понятие «военной» промышленности). Средств для этого новый план применяет три. Во-первых, централизация в единой принудительной организации всех материальных ресурсов народного хозяйства и управление ими согласно поставленной цели. Тем самым, кстати, кладется начало полному проведению принципа «принудительного производства» в сельском хозяйстве, против чего еще несколько месяцев назад возражало правительство. Во-вторых, централизация неограниченного распоряжения всеми наличными и возможными рабочими силами. В-третьих, необходимые для этого изменения в быте населения (централизованное приготовление пищи вместо миллионов частных кухонь и организация присмотра за детьми). Новый закон организует лишь первые два средства, относительно третьего же ожидаются дополнительные распоряжения, имеющие развить в общеобязательную систему осуществленные уже в довольно большом масштабе начинания в этом направлении.

Легко видеть, что центром всей организационной работы является именно обязательная рабочая повинность. Первое средство — принудительная организация материальных ресурсов — является

необходимой предпосылкой возможности использовать в намеченных целях рабочую повинность. Если уже летом 1916 г. воспрещена была отчасти строительная деятельность ради увеличения числа рабочих в сельском хозяйстве (и переведено в земледелие много рабочих рук из текстильной, одежно-бельевой и обувной промышленности), то теперь государство рассчитывает еще в более широких размерах воспрепятствовать одних форм промышленности ради сосредоточения сил в других, признаваемых более важными в данный исторический момент. В свою очередь третье средство — принудительное изменение быта — является лишь неизбежным последствием полного проведения рабочей повинности и должно наступить по мере достижения на практике такой полноты. Сходное положение вызывает сходные последствия. Австрия несколько раньше перешла к системе «всеобщей принудительности производства» (закон 22 августа 1916 г.), к командировкам на работы (декрет Франца-Иосифа в мае 1915 г.) — хотя и не в столь всеобъемлющем виде, как с 1917 г. Германия. И вот даже такие приверженные к домашнему очагу партии венского рейхсрата, как «христианско-социальная» (клерикальная) и «блок немецких буржуазных партий рейхсрата», постановили на своих конференциях в конце октября ходатайствовать «о возможно быстрейшей обязательной социализации кухонного хозяйства».

Подобные постановления выносились уже и в Германии, — мысль о всеобщей рабочей повинности и обо всем, что из нее вытекает, никоим образом не является здесь неожиданной. Наоборот, последние два месяца пред опубликованием проекта принесли ряд мер, имеющих целью отчасти объективно подготовить, отчасти освоить общественное мнение и его руководителей с идеей широкого применения принудительных работ. Что пленные командируются на работы принудительно, к этому привыкли все, надо было приготовить то же самое для гражданского населения. К открывшейся в конце сентября 1916 г. сессии рейхстага были собраны уже материалы о состоянии рабочих сил в Германии, фактических и потенциальных. Начались переговоры с руководителями партий и профессиональных союзов, значительно задержавшие опубликование в печати предположений о новом мероприятии. Как известно, оно возведено было статьей директора берлинского областного центра по государственному страхованию рабочих Фрейнда 12 ноября 1916 г.; статья эта пролежала в портфеле «Берлинер Тагеблат» пять недель, пока получила возможность появиться. Между прочим при этих предварительных обсуждениях был потребован и дан ряд так называемых «гарантий» для рабочих, о которых и о реальном значении которых будет еще речь.

Дальнейшим шагом было учреждение «Военного ведомства («Критсамт»)), отделенного от военного министерства, включающего между прочим заведывание всеми хозяйственными мероприятиями, касающимися гражданского населения, в том числе новой «рабочей повинностью». Через пару дней, 8 ноября, назначен-

ный 3 ноября 1916 г. его главой популярный вюртембергский генерал Гренер сделал обширный доклад представителям печати об организации и способах осуществления рабочей повинности (доклад этот опубликован был неделей позже), а 12 ноября появился во всех газетах призыв правительства «к женщинам и девушкам Германии» вступать добровольно физическими работницами на заводы и т. д. в больших размерах, чем это до сих пор имело место. Ибо всеобщая рабочая повинность вводится пока лишь для мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. Для женщин она сможет быть введена лишь по мере завершения централизации кухонного дела («массовое кормление»), пока же правительство заявляет о намерении ограничиваться лишь «патриотическим давлением» на девушек и бездетных жен и вдов. Пора бросить «старый глупый кастовый дух», — так дословно именуется правительство Бетман-Гольвега в этом своем обращении распространенное в средних и высших слоях общества воззрение, будто быть наемным физическим рабочим менее почтенно, чем рантье́ром, домовладельцем или светской дамой. Бетман-Гольвег вообще оказался мастером по части чеканки ходких демагогических словечек, — невольная или «противовольная» дань влиянию демократических идей в населении.

Последней стадией дела было открытие с половины ноября газетной кампании в пользу «новой организации национального хозяйства». Против нее безусловно высказалась только противоядерная половина рабочей партии. Другая (Шейдеман) не сказала сразу последнего своего слова, настаивала вначале на изъятии из подчинения «принудительности» уже наличных рабочих (т. е. требовала принудительности только для зажиточных), но, судя по общему поведению органов профессиональной прессы, это производило впечатление лишь приема для усиления «гарантий» в пользу рабочих. Остальные крупные партии, кроме рабочей, — все за новый закон (да иначе не был бы и учрежден самый «Критсамт»). Организация дела спешно налаживалась: 16 ноября Союзный Совет утвердил закон об экстренной однодневной переписи всего населения 1 декабря, и с 1 января 1917 г. закон о всеобщей рабочей повинности вступил уже в силу.

Г. Военно-государственный «капиталистический феодализм»

Для руководства всей хозяйственной жизнью Германии и всеобщей рабочей повинностью создан «Критсамт», распадающийся на семь частей. Первая из них — военный штаб при «Критсамте» — несет на себе главным образом осведомительную службу как по отношению к печати, так и к персоналу служащих: принимает жалобы и т. п., является фактически контролирующей инстанцией, наблюдающей за надлежащим характером результатов деятельности вообще. Остальные шесть частей можно сгруппировать так: 1) производство, 2) заготовка и потребление гражданское и военное, 3) организация рабочей повинности.

Первой цели служит «ведомство производства». Во главе его с титулом «шефа технического штаба» поставлен популярный в промышленных кругах Зорге, директор крупшовского Грузонского завода в Магдебурге. Ему подчинены семь отделов: 1) сельское хозяйство, 2) горная промышленность, 3) металлургия, 4) производство железных и стальных изделий, 5) химическая промышленность, 6) взрывчатые вещества, 7) отдел условий труда. Все частные и казенные предприятия каждой отрасли хозяйства всецело подчиняются соответственному отделу (имеют быть образованы еще отделы для некоторых более мелких отраслей). Все предприятия, подчиненные какому-либо отделу, руководятся им как одно целое, как одно отделение «большой фирмы «Германия» (выражение Гренера, главы «Кригсамта»). Что особенно важно, отменяются все секреты производства, в том числе защищенные патентами. Профессора и доценты высших технических учебных заведений вместе со студентами старших курсов возвращаются с фронта и в качестве уполномоченных «Кригсамта» отправляются по стране «разъездными экспертами». Им поручается сравнить методы производства и все «фабричные секреты» отдельных предприятий, причем наилучшие методы и патенты должны затем быстрейшим образом вводиться повсеместно. Можно думать, последствия этого мероприятия будут велики и для мирного времени.

Второй задаче — заготовке и потреблению (отчасти, впрочем, и производству) — служат четыре учреждения «Кригсамта». Во-первых, «В у м б а», как непринужденно именует генерал Гренер «ведомство заготовки оружия и снаряжения» для армии. В нем растворяется прежнее фельдцейхмейстерство, и в него входит «отдел фабричных заготовок» (которому подчиняются также текстильная, одежно-бельевая и обувная промышленность). Второе учреждение — «отдел сырых материалов», руководимый формально майором Коэтом, а фактически созданный известным промышленным магнатом Ратенау (главой «Всеобщей компании электричества»), выпустившим недавно любопытную книжку о роли своей в создании этого учреждения и «мобилизации промышленности» вообще (он приписывает себе идею создания подчиненных «отделу сырых материалов» многочисленных «военных центров» с принудительно-синдикатскими функциями, по одному такому обществу в каждой отрасли промышленности). Далее, третье учреждение — «отдел народного хозяйства и вопросов продовольствия». Он должен между прочим руководить удовлетворением потребностей гражданского населения в пище и одежде путем определения, какая часть имеющихся запасов идет для армии, какая — населению. В соответствии с планами этого отдела предписано работать и «имперскому продовольственному ведомству». Наконец, четвертым учреждением этой группы является «отдел ввоза и вывоза за границу»: раз все почти производство сосредоточивается в государственном управлении, то неизбежна передача в руки государства также всего вывоза и ввоза (это постепенно подготавливалось уже ранее монополизацией все большего

числа отраслей внешней торговли в учрежденном ранее правительством «Центральном закупочном обществе»).

Соотношение между первой и второй группами хозяйственных департаментов «Кригсамта» понятно: «ведомство производства» руководит самым производственным процессом, а остальные частью доставляют ему сырые материалы, частью распределяют произведенное. Небольшая дисгармония, вносимая подчинением «Вумбы» текстильной промышленности, объясняется тем, что по недостатку материалов она работает почти исключительно на армию, т. е. на «Вумбу». Гражданское население должно довольствоваться уже имеющейся на складах и старой одеждой и бельем (с 1 ноября 1916 г. карточки введены и на поношенные вещи). Обращает на себя внимание отсутствие в круге деятельности «Кригсамта» как раз той отрасли, в какой Гренер имеет наиболее заслуг: железных дорог. Объясняется это тем, что железные дороги подчинены военному министерству (генерал Штейн), и так как они все время функционируют удовлетворительно и не расстраивают товарного транспорта, то их оставили в том же заведывании и впрямь (как и раньше, военное министерство будет руководить ими в согласии с руководителями производства, т. е. отныне — с «Кригсамтом»).

Удовлетворение потребностей армии и хозяйства в людях является задачей последнего учреждения «Кригсамта». Это седьмое учреждение распадается в свою очередь на две части. «Ведомство пополнения армии» отправляет мужчин в войска в качестве дополнительных рекрутов по мере нарастания надобности в последних. Число подлежащих призыву оно сообщает второму отделу, в руках которого находится вместе с тем самая организация всеобщей рабочей повинности. Это последнее «ведомство военного труда», по заявлению Гренера, является самым главным, сложным и обширным учреждением всей системы. В качестве делового бюро для него отведен самый большой отель Берлина. Во главе этого ведомства формально поставлен полковник Роди. Ведомство, имеющее задачей проведение рабочей повинности и распределение и перераспределение всех наличных сил (включая инвалидов и военнопленных) распадается на два отдела: 1) отдел общих организационных вопросов и принципиальных вопросов сношений с рабочими и их организациями и 2) отдел технических вопросов и распределения рабочих. Представителям рабочих профессиональных союзов гарантируется участие в управлении «ведомства военного труда» — впрочем, об этом придется говорить особо в связи с перечнем вообще предоставляемых рабочим «гарантий». При распределении рабочих рук по качеству и количеству необходимо считаться с техническими потребностями каждой отрасли производства. Потому для каждой отрасли назначается особый «технический докладчик» из числа наиболее известных предпринимателей и специалистов данного производства. Каждому мужчине от 17 до 60 лет, который не занят еще ни в одной из отраслей промышленности, признанных необходимыми (добыча угля, земледелие и т. д.), будет дан известный срок

на приискание себе подобного занятия. Кто окажется неработающим к окончанию срока — будет откомандирован в какое-либо предприятие принудительно. Равным образом принудительно распределен будет между другими отраслями избыток людей, если таковой окажется в какой-либо индустрии по сравнению с выработанным для нее планом. Наконец, допускается в случае технической необходимости принудительный перевод уже наличных рабочих из одного города в другой или в деревню, а равно принудительное перераспределение рабочих из признанных подлежащими приостановке отраслей промышленности и отдельных предприятий. Уже в 1916 г. постановлениями Союзного Совета сокращены на три четверти обувная, пивоваренная и текстильная промышленность, на половину производство спирта, вовсе запрещены некоторые виды домостроительства и т. п. С 1917 г. предстоит еще более усиленное привлечение в «военные индустрии» рабочих из других отраслей хозяйства. Отчасти эти последние отрасли вовсе прекратят свое существование, отчасти будут поддерживаться силами женщин, поскольку ведомство генерала Гренера будет пока еще предоставлять их для этого. Таким образом подавляющая часть германского хозяйства будет непосредственно управляться «Кригсамтом» (сельское хозяйство, крупная промышленность и пр.). Небольшое количество прочих предприятий (например типографии) останутся формально самостоятельными, но фактически и они должны и могут двигаться только в рамках уделенных им рабочих сил и сырых материалов и разрешенного им производства. Иначе сказать, через 2½ года войны Германия приходит к вполне централизованному управлению всем производством¹⁾. Реальный смысл этой централизации сил заключается в принудительном понижении уровня быта жителей в пользу и ради усиления средств разрушения. Ибо закрываются и воспрещаются как раз «гражданские» отрасли промышленности и предприятия (например постройка жилищ) — иначе и не может быть ввиду непосредственной практической цели всего предприятия.

Для руководства производством на местах «Кригсамт» будет иметь повсеместно своих уполномоченных из числа нынешних владельцев и директоров крупных предприятий и соответствующих специалистов. Областные агентства «Кригсамта» будут учреждены в 26 важнейших пунктах Германии (в 24 из которых находятся резиденции военных генерал-губернаторов, управляющих ныне Германией на местах и получающих указание всячески содействовать «Кригсамту»). Между прочим из всего изложенного видно, что было бы неправильно приравнивать новое немецкое ведомство только к «министерству снабжения» — роль и значение его больше и шире. Что касается владельцев подчиняемых «Кригсамту» предприятий,

¹⁾ Техническая возможность планомерно и организованно управлять всем народным хозяйством Германии, таким образом, доказана практикой. Технически и экономически хозяйство созрело уже для социализма. Остановка только за волей и готовностью пролетариата осуществить его.

то крупным предпринимателям особенно плакаться не на что. Как видно из изложенного, именно они фактически будут руководить всем ведомством. Из их среды взят «шеф технического штаба» Зорге, они имеют выставить из своей среды «технических докладчиков» по каждой отрасли хозяйства, которые будут руководить принудительным распределением и перераспределением рабочих. Они остаются руководителями своих предприятий и получают еще принудительно в свое распоряжение все рабочие силы нации, даже такие, каких иначе не заполучили бы. Закрыться придется только мелким и, пожалуй, части средних предприятий, не поддающимся быстрому усовершенствованию в техническом отношении. Раз решено затрачивать имеющиеся рабочие силы только при «наилучших методах работы», то это означает сосредоточение сил в крупных, технически хорошо поставленных предприятиях ценою остановки отсталых. Подобным образом «хлебная монополия» забросила в 1915 г. целые тысячи мелких и средних мельниц, сосредоточив все производство муки всего на нескольких сотнях крупных, а «коммунальное земледелие» свело в хозяйства, управляемые из одного центра, заброшенные было участки взятых на войну мелких крестьян. Наконец, нестрашно для крупных фирм и принудительное ограничение прибыли. Одновременно с введением «рабочей повинности» и в виде некоторой компенсации общественному мнению военное министерство вводит принудительное ограничение доходов частных фирм. Именно, к действительной себестоимости продукта будет разрешаться прибавлять в пользу предприятия «только десять процентов». Во-первых, это и сам по себе доход очень крупный. Ведь годовой оборот, сумма годового производства какого-либо предприятия часто бывает больше вложенного в него капитала. Потому 10% чистого дохода с оборота (со стоимости всех продуктов) обозначают значительно более высокую прибыль, — о таких барышах германской промышленности в общем в мирное время и не снилось. Иначе сказать, «компенсация общественному мнению» оказывается весьма скромной и заметной разве только в сравнении с чудовищной наживой в тех странах, где дело не дошло и до этого. Во-вторых, подобное однородное для всех предприятий ограничение дохода ставит крупные предприятия в особо благоприятные условия по сравнению с мелкими и средними. Ибо в крупных и технически совершенных предприятиях производство вообще идет быстрее и обороты относительно больше. Потому ограничение прибавки к себестоимости продукта десятью процентами для крупных фирм может означать порой даже увеличение дивиденда, в то время как для прочих оно равносильно некоторому понижению сказочных «военных» барышей. Так это и оценила берлинская биржа. Крупные фирмы еще в большей против прежнего мере будут сосредоточивать огненные у себя и производство, и рабочих, и доходы, последствия чего скажутся и в мирное время. Централизованные «Кригсамтом» предприниматели всей страны слились как бы в единое акционерное общество (фирма «Германия», по Гренеру), которому они передали

все свои сепаратные «секреты производства» и от которого получили гарантию высокого дивиденда, пропорционального обороту, поставив вместе с тем все рабочие силы нации в принудительную крепостную зависимость в отношении себя. Ниже мы увидим, каковы предоставляемые последним «гарантии» и перспективы.

Д. Немецкий пролетариат и рабочая повинность

Для придания популярности принудительной рабочей повинности ее старались выставить сначала как очень демократическую меру: до сих пор трудились почти одни лишь рабочие и крестьяне, а теперь привлекут к делу и «зажиточных бездельников». Подобными демагогическими пояснениями пестрели в течение первых двух недель немецкие газеты «партий порядка». Однако безжалостные цифры точно устанавливают совсем другое практическое значение и общественное содержание новой меры. На 1 сентября 1916 г. в Германии оставалось всего около девяти млн. подлежащих повинности мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. Из них, судя по отчетам больничных касс, состояло уже в это время наемными рабочими около 6 870 тыс. мужчин. Сверх того, немобилизованных крестьян и помещиков вместе с помогавшими в хозяйстве мужскими членами их семей в возрасте от 17 до 60 лет оставалось около 1 330 тыс. человек. В число наемных рабочих не включены те из торговых, конторских, банковских, технических и т. п. служащих, которые получали более 2½ тыс. мар. жалованья в год. Если число их сократилось вдвое сравнительно с мирным временем (как принимается в соответствии с процентом мобилизованных мужчин), то сейчас должно быть еще около 300 тыс. таких мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. Всего, значит, занято было к 1 сентября около 8½ млн. мужчин, подлежащих новой повинности (да еще около миллиона пленных). Из остающихся 500 тыс. надо отсчитать еще владельцев более крупных предприятий, получающих часто в Германии право оставаться дома для руководства делом, невзирая на приказ о мобилизации (этот порядок называется «рекламацией»; к началу войны, кроме сельскохозяйственных, в Германии было еще около 40 тыс. предприятий, каждое из которых занимало свыше 50 рабочих). Затем следует откинуть учителей, чиновников, арестантов — на «зажиточных бездельников» придется в итоге лишь менее трех процентов по отношению к массе уже занятых мужчин (считая пленных). Ясно, не ради такой незначительной прибавки предпринимается новое грандиозное дело. Смысл его заключается в введении принудительной зависимости по отношению к тем, кто уже теперь работает. Это признал открыто вице-канцлер Гельферих в заседании бюджетной комиссии рейхстага 23 ноября 1916 г. Тем самым положен был конец слащавым разговорам о «законе против бездельников», и новая мера официально разоблачилась как «закон против работающих», как лишение личной свободы именно их и прежде всего их. Что касается остающихся около двух-

сот тысяч «закиточных бездельников», то как раз они не особенно почувствуют тяжесть нового крепостного шрава. Закон обещает при назначении на работы «по возможности принимать во внимание прежнее занятие», а так как упомянутые «бездельники» никогда не имели нужды заниматься физическим трудом (кроме резанья купонов или получения платы от квартирантателей) и обладают обычно средним образованием, — то им обеспечены легкие места в конторах, бюро, в качестве надсмотрщиков и т. п.

Практическое значение рабочей повинности для мужчин исчерпывается, таким образом, созданием права принудительно направляться на различные мужским пролетариатом Германии и продолжением дороги к введению такой же принудительности по отношению к женщинам. Последнюю меру правительство предполагало отсрочить, пока для замены туземных мужчин, уходящих по дополнительным мобилизациям в армию, хватит прилива от принудительно переводимых в Германию польских и бельгийских безработных и немецких «бездельников». Консерваторы и национал-либералы предлагают и для женщин ввести рабочую повинность безотлагательно. Крупная промышленность, представляемая в Германии национал-либералами, и аграрии, именующиеся консерваторами, жалуются на своеволие и даже «нежелание работать» женщин, особенно солдатских жен, и хотели бы и для них не откладывать создание крепостной зависимости на завтра, если бы можно было провести ее уже сегодня.

Опубликование вести о грядущей рабочей повинности было встречено бурными приветствиями в многочисленных интервью разных крупных промышленников и видных помещиков. Помещики подчеркивают значение новой меры для перевода в сельское хозяйство тех рабочих сил, которые теперь избегают его. А предприниматели — коммерции советник Сак, председатель союза саксонских промышленников Леман, разные железозаводчики и горнопромышленники — в один голос твердят о создании «оседлости» рабочего в данном предприятии как о важнейшем положительном содержании новой меры. Под «оседлостью» имеется в виду возможно более прочное принудительное прикрепление рабочего к данному заводу. Если бы удалось лишить рабочего права оставлять место по собственному усмотрению (например, имея в виду лучшее), то немецкие рабочие оказались бы всецело в руках своих хозяев. Забастовки при «рабочей повинности» вообще не допускаются, все ставится на военную ногу, только оплата труда остается в области гражданских отношений. Но как раз здесь рабочий остается совершенно беспомощным, раз у него отнимается право не то что бастовать, а даже индивидуально рассчитаться, уйти с завода, предупредив за установленное число дней. Новая повинность вводит медицинский осмотр всех мужчин с тем, что освобождение от рабочей повинности возможно только по «рекламации», т. е. если «военное ведомство» генерала Гренера признает данное лицо незаменимым в его прежней профессии (чиновник,

учитель). Но у физического рабочего нет «прежней профессии» вне физического труда, — ни на какую «рекламацию» он не может надеяться.

Понятна, таким образом, двойная опасность, грозящая германскому пролетариату от новой повинности. Одним рабочим она грозит принудительным переводением в хуже оплачиваемые занятия и районы страны (особенно в сельское хозяйство, в деревню). Всем остальным рабочим она грозит беззащитностью на прежнем месте, следовательно, тоже ухудшением условий труда, понижением уровня быта, если не путем прямого понижения заработной платы, то путем отказа хозяев повышать ее далее в соответствии с ростом дороговизны. Если уж при безумной наживе первых 2½ лет войны предприниматели Германии норовили возможно меньшую долю «тратить» на заработную плату, то легко представить, что будет, если нажива окажется ограниченной десятью процентами оборота. Если сравнить отчеты горнопромышленных и металлургических фирм за 1915/16 г. с отчетами их за последний мирный 1913/14 г., то оказывается: количество добычи и производство уменьшились, валовая выручка за добытое и произведенное, однако, увеличилась, причем сумма выплаченной за год заработной платы уменьшилась, а полученная чистая прибыль возросла. Секретарь союза горнорабочих депутат Гуэ сделал на этот счет 21 ноября 1916 г. много поучительных сопоставлений. Например, горно-металлургическое общество «Доброй надежды» получило 23,4 млн. марок чистой прибыли вместо прежних 7 млн., т. е. свыше чем втрое, а выплатило заработной платы только 48,6 млн. вместо 51,3 млн.; горнозаводское общество «Бохумский союз» получило 23 млн. мар. чистой прибыли вместо 12 млн., а заработной платы выплатило только 26% вместо 39% по отношению к валовой выручке за всю добычу.

Пример горнорабочих показывает вместе с тем, что немецкие рабочие не могут положиться на защиту одного только «благожелательного усмотрения» правительственной администрации. Как раз горнорабочим оказывалось особое «покровительство», министр торговли неоднократно призывал горнохозяев к повышению заработной платы, и тем не менее за все время войны до третьей четверти 1916 т. она повысилась в среднем только на 20% (официальные данные). Между тем цены на продовольствие повысились к этому времени уже на 110%. Горнорабочие сводят концы с концами только потому, что немцы получают теперь лишь две трети обычного количества пищи. Можно с уверенностью сказать: если бы профессиональные союзы не оживляли время от времени в умах горнохозяев мысль о возможности общей забастовки углекопов, несмотря на «бургфриден», и если бы отдельные углекопы не начинали порой оставлять копи в поисках лучше оплачиваемой работы, — настоянием министра торговли не удалось бы добиться и таких скромных улучшений. Понятно поэтому, что вопрос о степени свободы перемены мест явился одним из основ-

ных пунктов во всем деле с «рабочей повинностью» и центральным пунктом общественной борьбы по поводу нового закона в рейхстаге и вне его. Как бы введением к ней послужили происшествия в Рурском округе (Бохум), главном каменноугольном бассейне Германии. Здесь 10 ноября 1916 г. во всех копиях вывешено было объявление окружного военного начальства, что на основании военного положения рабочим разрешается отныне брать расчет и менять службу только с письменного разрешения владельцев копи или горно-фабричной инспекции. «Возбуждение рабочих приняло такие размеры», — несколько туманно сообщает орган Шейдемана, — что по телеграфной жалобе правления союза горнорабочих военный генерал-губернатор Вестфалии и Рейнской провинции уже 15 ноября отменил это распоряжение и в полной мере восстановил право рабочих на личную свободу.

Имея в виду такую чувствительность занятых в крупной промышленности рабочих к свободе передвижения — правительство решилось закрепить рабочих безоговорочно и откровенно. Вместо этого оно выдвинуло устами генерала Гренера «систему гарантий», об объеме которых пошел сейчас же спор. Ведь дело, главным образом, в надлежащем использовании квалифицированных рабочих, труд которых не может быть заменен с равным успехом работой едва обученного чернорабочего. Но этого нельзя достигнуть принудительным путем, для этого необходимо участие воли и добровольное согласие самих рабочих. Профессиональные союзы трех направлений (с.-д., партии центра и лево-либеральные) сообщили правительству, что «непереносимые ограничения личной свободы наткнулись бы на самое решительное сопротивление профессиональных союзов». В этих союзах сейчас несколько более миллиона платящих мужчин (да два миллиона их членов в армии). С этим пришлось считаться; хуже, конечно, положение неквалифицированного труда, особенно сельских рабочих — здесь закрепощение должно носить более тяжелый характер даже при одинаковых бумажных постановлениях. Но профессиональные союзы потребовали «реальных гарантий» и здесь, ввиду возможности принудительного перевода промышленных рабочих в сельское хозяйство и ввиду неизбежности общего культурно-политического принижения пролетариата в результате установления крепостной зависимости хотя бы для одной его части. Требования эти не увенчались полным успехом, хотя кое-что было достигнуто. Противовоенная часть немецких рабочих решительно отвергла всю затею с введением «рабочей повинности». Патриотическая часть, представляемая группой Шейдемана, заявила, в конце концов, что хотя сама она против «повинности», но так как подавляющее большинство рейхстага и правительство все равно решили ее ввести и так как буржуазным партиям и правительству по политическим соображениям важно, чтобы «всеобщую рабочую повинность» не пришлось проводить против голосов в с е х рабочих депутатов, и потому правительство и рейхстаг склонны сделать некоторые уступки, — то можно голосовать за закон, если правитель-

ство и рейхстаг согласятся на условия и требования профессиональных союзов.

Сверх того, известный патриотический с.-д. депутат Зюдекум и текстильщик Кретциг предложили объединить в «принудительные производительные товарищества» (подобные трестам) все предприятия каждой отрасли промышленности с тем, чтобы прибыль всех предприятий такого «производительного товарищества» считалась одним целым и чтобы из нее не только выдавались дивиденды акционерам и владельцам действующих предприятий, но также пособие рабочим закрытых предприятий и некоторое вознаграждение владельцам принудительно закрытых предприятий. Несколько лет назад представителям буржуазных партий последняя мысль показалась бы неслыханной. Война приучила их рассматривать каждого хозяина лишь как один из элементов класса предпринимателей в его целом. Потому идеи Кретцига (секретарь союза текстильных рабочих) и Зюдекума не вызвали бури. Наоборот, прогрессист Готгейн согласился на основание принудительных синдикатов с разделом прибыли также между пострадавшими от мер «Кригсамта» рабочими и хозяевами, на то же согласился национал-либерал Штреземан (один из лидеров тяжелой индустрии и аннексионистов). А депутат Эрцбергер от партии центра ¹⁾ внес резолюцию: окончательное решение вопросов о закрытии, ограничении или об'единении, слиянии предприятий и о вознаграждении потерпевших передается соглашению канцлера с заинтересованными кругами, как хозяевами, так и рабочими. Если же канцлер не сможет прийти к такому добровольному соглашению, то вопрос передается на безапелляционное решение особого «пятичленного комитета» при «Кригсамте». Состав этого высшего учреждения, какое должно решать окончательно судьбы «предприятий всякого рода», сливать целые отрасли народного хозяйства в единый трест и т. п., по резолюции центра таков: 1 представитель канцлера, 1 представитель «Кригсамта», 1 представитель одного из союзных государств Германии, 1 представитель хозяев и 1 представитель рабочих. Легко видеть, что большинство голосов принадлежит администрации, и предприниматели могут не бояться враждебной им политики нового учреждения. Оно представляет лишь интересы класса предпринимателей в его целом по отношению к особо наживающимся его группам. Последние дни газеты полны были воплями ожидающих закрытия фирм. Владельцы частных «ненужных для войны» предприятий, как универсальные магазины, ювелирные мастерские, садоводства, кинематографы и т. д., забили набат, требуя не пропускать закона без выяснения их участи. Весь класс владельцев превращается в отстраняемых от самовольного распоряжения своими заведениями пайщиков единой «фирмы «Гер-

¹⁾ Готгейн, Штреземан и Эрцбергер были в то время руководителями соответственных партий. Впоследствии, при республике, Эрцбергер был одно время премьером, а Штреземан — министром иностранных дел — При м е ч а н и е 1926 г.

манья», получающих затем свою долю из всего произведенного в стране прибавочного продукта (в виде прибыли), хотя бы он был произведен вовсе не в их предприятии, хотя бы их личное предприятие стояло закрытым и заколоченным. Никогда еще в такой ярко-наглядной форме не обнажалась в Германии механика взаимоотношений между германским пролетариатом как целым и между классом германских предпринимателей, тоже как целым.

Депутат Диттман, говоривший от фракции Гаазе, выразил, без сомнения, мнение самых широких кругов пролетариата, когда сказал про правительственный проект: «Исключительный закон против рабочих, закон для запрета стачек под угрозой долгой тюрьмы, закон для недопущения повышения заработной платы». Появление закона Диттман¹⁾ объясняет между прочим и тем, что зимою можно ожидать дальнейшего ухудшения питания и быта рабочих: закон предложен правительством, чтобы «быть в силах одерживать недовольство».

Е. Принятый текст закона

Правительство боролось против всех главных поправок и, провалившись раз, возобновляло устами Гельфериха свои протесты при втором и третьем чтении (особенно по пункту о гарантии права союзов и собраний и о контроле рейхстага), консерваторы становились еще неуступчивей, национал-либералы и часть центра их часто поддерживали. Все время с рабочими голосовали только представители «инородческих» провинций (поляки, эльзасцы) и почти всегда прогрессисты и опирающаяся на рабочие округа часть партии центра и националистов. При таких условиях важнейшие решения принимались иногда большинством всего одного голоса, и в окончательном виде закон оказался несовпадающим с проектом правительства, ни с требованиями рабочих, ни с первоначальными обещаниями бюргерских партий. Вместо четырех кратких оказалось восемнадцать очень длинных параграфов следующего содержания.

Рабочей повинности в военной промышленности подлежат все мужчины от 17 до 60 лет. Военной промышленностью признается не только производство оружия, но также сельское хозяйство, горная промышленность и все отрасли производства, какие признаны будут необходимыми для обслуживания армии и населения, а также казенная, военно-хозяйственная и муниципальная администрация и врачебное дело. Сверх того, по соглашению рейхстага с правительством в понятие военной промышленности имеют быть включены предусмотренным порядком (см. ниже) вся периодическая печать (включая специальные органы), педагогический персонал школ, духовенство всех религий, должностные лица и руководители всех хозяйских и рабочих профессиональных союзов и боль-

¹⁾ Впоследствии Диттман одно время примыкал к Коминтерну, а затем опять вернулся в лено социал-демократии. — Примечание 1926 г.

ничных касс, адвокаты и иные лица, занятые в учреждениях по оказанию населению юридической помощи (в том числе «рабочие секретариаты»).

Из тех отраслей производства, какие будут признаны непринадлежащими к военной промышленности (приготовление предметов роскоши и т. п.), рабочие будут переводиться в ту отрасль военной промышленности (в широком смысле слова), куда понадобится и насколько понадобится. Равным образом, может быть сокращено или закрыто (т. е. лишено рабочих), либо присоединено к другому любое предприятие военной промышленности, если это признано будет полезным. Установлено лишь одно ограничение: из сельского хозяйства запрещается переводить в другие промышленные предприятия рабочих, которые заняты были в сельском хозяйстве до 1 августа 1916 г.

Интересно отметить, что при деловом обсуждении закона в рейхстаге во всех трех чтениях и речи не было о «зажиточных бездельниках», против которых, мол, направлен закон, как пыталась внушить при опубликовании проекта пылавшая патриотизмом часть печати. Наоборот, дело все время шло о порядке перевода уже наличных рабочих, об их правах и обязанностях.

Особым областным комитетам (обычно по одному на генерал-губернаторство) предоставлено решение вопросов, какие отрасли хозяйства относятся к военной промышленности (т. е. к обслуживаемым рабочей повинностью производствам), какие предприятия вообще подлежат закрытию, сокращению, расширению и т. д. и не является ли чрезмерным количество лиц, занятых в той или иной отрасли военной промышленности или в отдельном ее предприятии (например, численность персонала, обслуживающего газету или профессиональный союз). Областной комитет состоит из семи членов: офицер от «Критсамта», горный или фабричный инспектор, один из высших гражданских чиновников и по два рабочих и хозяев. На решения этих областных комитетов допускаются жалобы в общееимперский центр при ведомстве генерала Гренера. Он состоит тоже из семи членов, но другого состава: два офицера, два представителя канцлера, один чиновник от одного из союзных государств Германии и по одному рабочему и хозяину. Иначе сказать, в первой инстанции большинство может принадлежать соединенным рабочим и хозяевам. В технически-хозяйственных вопросах мыслимо такое объединение их против усмотрения администрации (например, и хозяин типографии и ее рабочие могут быть заинтересованы в несокращении ее состава, а чиновникам может казаться, что штат ее является чрезмерно многочисленным), но зато в высшей инстанции перевес всецело принадлежит администрации. При известных условиях закон о рабочей повинности уж благодаря одному этому может явиться источником и орудием политического давления и преследований. Само собой, что «центр» и подчиненные ему областные комитеты будут руководствоваться общим единым планом, намечаемым шефом технического штаба.

Второй ряд организаций создается законом для осуществления самой отдачи на работу. Сначала должны издаваться призывы к добровольному переходу желающих в какую-нибудь отрасль военной промышленности (через посредство учреждений по приисканию труда и т. д.). Если желающих окажется недостаточно, то за работу принимаются особые местные «окружные комиссии». Каждая такая комиссия состоит из шести человек: офицер, один из старших гражданских чиновников и по двое рабочих и хозяев. Председательствует офицер, при равенстве голосов считается принятым разделяемое им решение. Комиссия посылает письменное приглашение отдельно каждому мужчине от 17 до 60 лет, кому найдется нужным. Получивший приглашение обязан в течение двух недель самостоятельно приискать себе занятие в какой-либо отрасли военной промышленности (все время понимая ее в широком смысле слова, т. е. включая сельское хозяйство и т. д.). Не нашедший места в течение двух недель определяется комиссией на работу принудительно, по ее усмотрению. Однако § 8 закона обязывает комиссию при этом «взвешивать, обеспечивает ли имеемая в виду заработная плата достаточный жизненный уровень рабочего и живущих на его заработок лиц». Это постановление принято рейхстагом на основании мотивировки с.-д. депутата Йеккеля. Насколько это будет исполнено, покажет будущее.

Эти же «окружные комиссии» решают, как увидим, вопрос, куда определить рабочего, если он оставит прежнюю службу в одной из отраслей «военной промышленности» и не найдет себе нового места в течение двух недель.

На решения «окружных комиссий» можно жаловаться в упомянутые выше «областные комитеты».

Третий ряд организаций создан для регулирования центрального вопроса всего дела — права оставлять работу и переходить на другое место. По выражению национал-либерала Штреземана, «закон лишает рабочих двух главных их прав: права свободно переходить на другое место и права свободно прекращать работу». Этот пункт (§ 9) вызвал наибольшие накладки. Депутат Диттман (фракция Гаазе) говорил о «параграфе порабощения», об «установлении крепостной зависимости», депутат Эберт — о «неслыханных требованиях к рабочим», депутат Гох (фракция Шейдемана) — о «перепрузке корабля этого закона не в пользу рабочих» и т. д. Новая крепостная зависимость модернизирована следующим образом. Если кто-либо служит в предприятии, причисленном к обслуживаемым рабочей повинностью, то ему открываются три возможности оставить место. Во-первых, он может сделать это самовольно, против воли хозяина и никуда не апеллируя. За это не установлено никакой судебной или административной ответственности, но ни один хозяин не имеет права принимать к себе на работу такого рабочего в течение двух недель после самовольного оставления им прежнего места. Это означает, что по истечении двух недель рабочий будет командирован куда-либо на работу принудительно упомянутой выше

«окружной комиссией», ибо свыше двух недель быть без работы не разрешается, а самостоятельное приискание нового места в течение этих двух недель закон делает при самовольном оставлении невозможным. Следовательно, этот исход для рядовой массы рабочих вообще не имеет реального значения и является одним из невинных демократических украшений фасада крепостнического здания.

Второй исход — оставление прежнего места с письменного разрешения прежнего хозяина. В таком случае рабочий имеет две недели для приискания новой должности, но при общем недостатке рабочих рук нельзя ожидать от предпринимателей готовности отпустить рабочего по первому же его желанию, например, для перехода на предлагающую более высокую заработную плату конкурирующую фабрику. Потому главным и основным из допускаемых законом типов ухода является третий. Именно, в каждом округе образуется особый увольнительный комитет. Он состоит из трех представителей рабочих, трех хозяев и одного уполномоченного от «Критсамта» в качестве председателя. Председатель имеет право решающего голоса, так что при разногласии между представителями рабочих и хозяев все представительство окажется пустой декорацией, а решит дело по своему усмотрению — с одним указанным в законе изъятием — военный администратор. Именно, при несогласии хозяина отпустить рабочего, этот комитет может выдать рабочему увольнительное свидетельство собственной властью, если считает, что у рабочего есть «серьезное основание» для ухода. Упомянутое изъятие в пользу рабочих заключается в следующем точном постановлении закона: «Серьезным основанием для ухода с места считается соразмерное улучшение условий труда» в пределах совокупности предприятий, на которые распространяется закон о рабочей повинности. Это значит, что комитет не имеет права отказать рабочему в увольнительном свидетельстве в двух случаях: во-первых, когда хозяин несогласен улучшить условия труда (увеличить заработную плату и пр.) согласно требованиям рабочего, признаваемым комитетом «соразмерными»; во-вторых, когда рабочий может указать другого хозяина, согласного принять его на работу на лучших условиях прежнего места условия. Этот практически очень важный пункт прошел в рейхстаге после большой борьбы. Правительство, консерваторы и национал-либералы требовали, чтобы при подобной выдаче увольнительных свидетельств комитет имел бы право также «принимать во внимание потребности, коим служит рабочая повинность». Эта поправка пояснялась в речах так: если из-за лучшей платы рабочие начнут переходить из пушечных и снарядных заводов в производство кофейников, то комитет должен иметь право оставить их при производстве пушек. Сначала большинство рейхстага приняло в бюджетной комиссии эту поправку. Но в общем собрании рабочие депутаты разных фракций устроили такой «бунт», что прогрессисты и партия центра сняли свои подписи и вместе с с.-д. и «иногородцами» провалили «патриотическую поправку» (как ее иронически назы-

вали). Большинство рейхстага постановило, таким образом, что при коллизии между патриотизмом и заработной платой должно повышать плату, а не запрещать рабочим переходить на лучше оплачиваемые места. На первый взгляд это представляется крупной уступкой рабочим. Но если вспомнить, что предстоит приблизительное уравнение условий труда для всех рабочих каждой специальности, то реальное значение права искать лучше оплачиваемое место не так уже велико. А при оставлении прежнего места просто из желания «соразмерной» прибавки ведь от увольнительного комитета, т. е. в конечном счете от председателствующего в нем офицера, зависит признать или нет это желание «соразмерным». Значит, рабочие больше не являются ни равноправной стороной в договоре с хозяином, ни вообще стороной: они могут только жаловаться офицеру и должны исполнять то, что он решил. Во многих случаях таким офицером, председателем увольнительного комитета, окажется мобилизованный инженер, директор завода и т. п. Сверх того, что также было указано в рейхстаге, представитель военного ведомства прежде всего поглощен будет мыслью об увеличении количества снарядов и других нужных предметов, и это неизбежно будет накладывать отпечаток на представления его о «соразмерности» того или иного требования. До сих пор офицеры склонны были в Германии побуждать хозяев к уступкам рабочим, но ведь до сих пор рабочие имели право стачек, профессиональные союзы у т р о ж а л и ими, и ради избежания остановки производства военное министерство давило на хозяев (иногда под таким давлением бывали прибавки почасной платы до ста процентов). Но теперь после запрещения неразрешенных стачек можно не церемониться с рабочими, и самодержавие офицеров в увольнительных комитетах может повести к итогам, которые испортят в глазах немецких рабочих репутацию «социального смысла», установившуюся за военным ведомством в первые два года войны.

Выше упомянуто о неразрешенных стачках — ибо в Германии будут отныне также забастовки «административно одобренные». Такие стачки появляются в результате четвертого ряда организаций, созданных законом о рабочей повинности, именно, организаций для регулирования условий труда. Прежде всего в предприятиях, занимающих не менее пятидесяти рабочих или работниц, учреждаются «рабочие комитеты». Комитеты эти выбираются всеми совершеннолетними рабочими и работницами предприятия путем прямого, тайного и пропорционального голосования. Если в предприятии имеется не менее пятидесяти служащих (не рабочих), то служащие выбирают для себя такой же комитет отдельно от рабочих. Комитет имеет право предъявлять хозяину требования относительно повышения заработной платы и улучшения условий труда как от имени совокупности всех рабочих, так и от каждого в отдельности. Комитет имеет право делать хозяину всякие предложения и передавать жалобы и желания относительно всего, что относится к предприятию (не только об условиях труда) и к его учреждениям (лавки, квартиры

и т. д.), в том числе и о выдаче письменного разрешения на оставление места. Если какое-либо предложение, желание, жалоба или требование заявляется не менее, чем четвертью членов комитета, то хозяин обязан (§ 12) явиться на заседание рабочего комитета (лично или через представителей) и вести с комитетом переговоры по заявленному требованию, желанию, жалобе или предложению.

Легко видеть, что это постановление закона фактически ставит на место личного договора найма коллективный. Предприниматели, желавшие видеть доселе в рабочих только «людскую пыль», видевшие в каждом рабочем только «отдельного посетителя фабрики», — такие предприниматели все еще преобладают в немецкой тяжелой крупной промышленности и даже во время войны не хотели «признавать рабочие организации», т. е. воспрещали рабочим своего завода избирать объединяющий их заводской комитет, отказывались вступать в сношения и переговоры с профессиональными союзами и т. п. Теперь закон обязал их «признать» не только «рабочие комитеты» из рабочих своего предприятия, но во второй инстанции, как увидим, даже уполномоченных профессиональных союзов. В последнюю минуту хозяева старались еще спасти прежнюю практику «невмешательства рабочих в хозяйские распоряжения» и «невмешательства посторонних (т. е. профессиональных союзов) в дела предприятия». Именно в день начала обсуждения закона о рабочей повинности в рейхстаге в Берлине состоялся созванный по этому поводу «Центральным военным комитетом германской промышленности» съезд всевозможных крупнопромышленных организаций. Среди участников было свыше 600 главных промышленников Германии, в том числе весь «технический штаб» «Крисамта». Съезд выразил «сожаление» по поводу того, что патриотически необходимую меру «социал-демократия пытается использовать в интересах одностороннего решения вопросов политической власти» и послал 29 ноября 1916 г. по телеграмме императору и Гинденбургу, прося принять меры к «недопущению в закон таких постановлений» (особенно об учреждении рабочих комитетов и обязательных третейских судов с представительством профессиональных союзов), которые «серьезно угрожают жизнеспособности промышленных предприятий в будущем и приведут нас к такому состоянию» якобыдиктатуры рабочих организаций, «какое Англия должна была как раз устранить, чтобы создать работоспособную военную промышленность». Этот горячий призыв¹⁾ напел в рейхстаге достаточный отклик. Вице-канцлер Гельферих сказал 30 ноября: «Утверждение закона

1) Между прочим, столь противившийся даже минимальной охране интересов рабочих «Центральный комитет германской промышленности» не постеснялся в половине ноября опубликовать протест против намерения военного ведомства ограничить плату за заказы себестоимостью фабрикантам их производства с надбавкой десяти процентов барыша. А одна из главных организаций «Центрального комитета» (Союз железной и стальной промышленности) опубликовала 18 ноября, что «тем, кто при необычайных

не станет легким Союзному Совету, раз в нем репается вопрос, спорный в течение десятилетий». Консерваторы до конца голосовали против, прочие партии уступили ультиматуму группы Легина. От имени национал-либералов депутат Штреземан заявил: «Мы идем этой дорогой нелегко, но это неизбежно». От имени прогрессистов депутат Пайер сказал: «Мы питаем сомнения ввиду одностороннего решения спорных вопросов в пользу рабочих, но принуждены итти на то, дабы вообще сделать значительной части рейхстага возможным принятие этого закона».

В итоге приведенные постановления были приняты, положено начало всеобщей организованности рабочих, — но для чего?— Для того, чтобы возможно организованнее прошел процесс их «вживания» в условия нового крепостничества. В самом деле, рабочий комитет данного предприятия не является свободной стороной, которая при несогласии хозяина может ответить стачкой или полным расчетом. Юридическое полноправие отсутствует. Все, что может сделать рабочий комитет, — это пожаловаться в третейский суд. Третейским судом закон признает упомянутый выше семичленный «увольнительный комитет» (три представителя рабочих, три хозяина и председательствующий уполномоченный от военного ведомства). К этому же комитету должны обращаться за решением споров рабочие и хозяева мелких предприятий (где нет 50 рабочих) и сельскохозяйственных. Ибо в изъятие из общего правила в сельском хозяйстве «рабочие комитеты» в отдельных предприятиях не устраиваются. Но «увольнительные комитеты» в качестве третейских судов действуют и для сельского хозяйства и для всех вообще предприятий как частных, так и казенных, за исключением только железных дорог. Гельферих требовал последнего исключения, угрожая в противном случае отказом Союзного Совета утвердить закон. Это заявление его при третьем чтении произвело чрезвычайный эффект. «Отсюда видно, как мало необходим вообще весь закон», — сказал депутат Ледебур. И даже сам глава патриотических рабочих союзов Легин выразил сомнение: «Этого я не ожидал: если закон может потерпеть крушение в Союзном Совете из-за правовых гарантий рабочих, то, повидимому, в основе его лежат совсем другие намерения, чем те, о которых нам здесь всегда говорили». Иначе сказать: дело не в патриотическом умножении снарядов — этого можно было бы достичь другими средствами, — а в правовом «обуздании» рабочего класса. Однако Гельферих победил в данном случае большинством одного голоса.

условиях создает необычайные результаты (производство стали достигло в ноябре 90% мирного уровня), следует предоставить и необычайное вознаграждение» (из ответа на извещение военного ведомства). В то же время фирма Крупна, как было доказано в рейхстаге, старается понижать женщинам заработную плату. После всех налогов фирма Крупна дала чистого дохода: в мирном 1913/14 г. — 38 млн. мар., в первом военном году — 86 млн. мар., во втором военном году — 95 млн.

Третейский суд решает и в отсутствие хозяина. Но приговоры его необязательны ни для хозяина, ни для рабочих. Одно формальное юридическое равенство на деле оказывается мнимым. Именно, если приговору не подчиняется хозяин, то все ограничивается выдачей третейским судом увольнительных свидетельств всем рабочим, т. е. признанием за ними права на прекращение работ. Наступает состояние «концессионированной (разрешенной) стачки», как выразился патриот — с.-д. депутат Бауер. Но эта «административно одобренная» стачка отличается от обыкновенной в самом существенном пункте: до закона о рабочей повинности свободная стачка могла продолжаться сколько угодно времени, а теперь разрешенное прекращение работ не может продолжаться более двух недель. Фабриканту надо только потерпеть две недели, — и рабочие или принуждены будут принять его условия, или будут посланы куда-либо принудительно на работу, если только им не повезет найти себе за эти две недели другое место по собственному усмотрению. Но при солидарности германских предпринимателей относительно стачечников последнее представляется не особенно вероятным. Ограничение сроком вырывает у стачки ее жало даже в случае ее разрешения увольнительным комитетом (т. е. фактически председательствующим в нем офицером).

Если приговору третейского суда не подчиняются рабочие, то комитет (он же третейский суд) не имеет права выдавать им увольнительных свидетельств. Иначе сказать, они не могут получить другого места, и через две недели отправляются на работу принудительно. А «рекламированные» из них (т. е. мобилизованные для армии, но оставленные работать на заводах) сверх того будут отправлены в окопы за уклонение от работы «без серьезных оснований». Относительно рекламированных в порядке верховного управления рейхстагу, по его желанию, сделана правительством 2 декабря еще такая уступка. Оставленные на заводах мобилизованные не будут подлежать военной дисциплине. Им предоставляются все права, какими обладают прочие рабочие на основании закона о рабочей повинности, в том числе право выборов и участия в рабочих комитетах и третейских судах (увольнительных комитетах) и право оставления прежнего места для перехода на новое, если им предлагают более выгодные условия, — вообще право получения увольнительных свидетельств с двухнедельным сроком для самостоятельного поиска нового занятия.

Представительство рабочих в увольнительных комитетах (третейских судах), в «окружных комиссиях» (по определению на работу) и в областных комитетах и центральном учреждении по технически-хозяйственному руководству организуется таким образом. Профессиональные союзы представляют «Критсамту» своих кандидатов, и из их числа «военное ведомство» назначает представителей рабочих. Но за «Критсамтом» остается право, если он найдет нужным, делать отступления от такой практики и выбирать представителей рабочих по собственному усмотрению. «Нормально» в третей-

ских судах, например, должно сидеть три представителя профессиональных союзов. А в третейском суде (он же увольнительный комитет) сходятся нити рабочих комитетов всех отдельных предприятий, эти комитеты как бы венчаются и руководятся представительством профессиональных союзов. Но будет ли это фактически — зависит от усмотрения военной администрации: перестанет ей нравиться направление и характер деятельности профессиональных союзов, и она может прекратить назначение их кандидатов, — руки развязаны. А профессиональные союзы, наоборот, попадают в серьезную зависимость от благоволения или недоброжелательства администрации (и стоящих за нею сил) — по крайней мере, поскольку речь идет об использовании законных возможностей.

Само существование союзов ограждено специальным постановлением закона (§ 13а), что для лиц, занятых в предприятиях, обслуживаемых рабочей повинностью (в том числе согласно приведенному выше и для оставленных работать мобилизованных рекрутов), «не может быть ограничиваемо пользование правом союзов и собраний». Гельферих старался сорвать этот пункт и во втором и в третьем чтении. Консерваторы вошли о гибели сельского хозяйства, тем более, что другой параграф освобождает имеющих быть переведенными в сельское хозяйство промышленных и иных рабочих от подчинения действующему вообще для сельскохозяйственных рабочих крайне реакционному «уставу о челяди» (еще доконституционного происхождения). Аграрии рисовали такую картину: перешедшие в деревню промышленные рабочие, пользуясь провозглашенным неограниченным правом союзов и собраний, начнут «мутить и подстрекать» коренных сельских батраков. По каждому поводу они будут подбивать коренных батраков тащить помещика в третейский суд (увольнительный комитет), что навсегда совершенно уничтожит «отеческую патриархальность отношений» в немецкой деревне. Тем не менее победил ультиматум Легина: давшие было подпись под исключением этого параграфа прогрессисты и национал-либералы взяли ее в третьем чтении обратно, постановление принято, и сельское хозяйство, если верить аграриям, должно погибнуть.

Пунктам о порядке увольнения и приема на работу дано было генералом Гренером в рейхстаге такое толкование, что отныне хозяин не может уволить рабочего против воли последнего, если по жалобе рабочего «увольнительный комитет» признает причину увольнения неосновательной. С другой стороны, хозяин обязан допускать к работе всякого рабочего, какой будет ему указан «окружной комиссией» (прямо или через посредство публичных бюро по указанию труда). Этим, по заявлению правительства, парализуется зловерное влияние так называемых «черных списков» и соответствующей политики германских предпринимателей по отбору рабочих не на основании их технических качеств, а по социальным соображениям. Вернее, создается возможность парализовать ее, — все зависит от того, насколько «увольнительные комитеты» решатся пренебрегать волей хозяев в данном отношении (т. е. захочет ли

офицер присоединить свой голос к трем рабочим, или прижмет к трем хозяевам). Здесь, как и во всех пунктах закона, мы натываемся на основное его свойство. Он создал форму, которая может быть заполнена самым различным содержанием в зависимости от поведения администрации, усмотрению которой предоставлено дать перевес воле рабочих или воле хозяев (т. е. в зависимости от того, какому классу принадлежит власть в стране). В этом отношении удачную характеристику дал в рейхстаге сам генерал Гренер, сказавший по поводу настаивания на некоторых поправках: «При этом законе все зависит от исполнения. Этот закон лишь плац, содержание которого будет определено исполнением. Вы можете украшать плац всевозможными красивыми позументами и узорами, это вам ничуть не поможет, если мы будем неразумно осуществлять его. Хотя бы вы пытались предусмотреть как можно больше и создать всякие гарантии для рабочих, — материя (т. е. осуществление на практике) остается все же чрезвычайно сложной и без разумного проведения «Кригсамта» даже опасной» (заседание 29 ноября 1916 г.).

Практика будет зависеть, таким образом, от фактического соотношения сил: от силы и способности немецких рабочих побуждать администрацию прислушиваться к их голосу. Кое-чего рабочие промышленных предприятий специально для себя добились. Например, генерал Гренер обязался пред рейхстагом соблюдать все существующие между союзами рабочих и хозяевами «тарифные договоры» об условиях и оплате труда. Так как условия и оплата труда будут по возможности уравнины повсюду для рабочих той же профессии в той же отрасли производства, то это обязательство означает распространение содержания тарифных договоров также на те предприятия, хозяева которых до сих пор отказывались признавать их. Таких предприятий очень много, так как профессиональным союзам удалось доселе собственными силами принудить к признанию условий коллективных договоров лишь небольшое число хозяев, занимавших менее 20 % промышленных рабочих. Соображения об улучшении договора найма для остальных 80 % облегчили главарям патриотических профессиональных союзов (Легин, Бауер), по их заявлениям, голосование за весь закон, — ведь руководимые ими союзы являются почти сплошь организациями промышленных рабочих. У земледельческих рабочих нет коллективных договоров и почти нет профессиональных союзов, — им дано поэтому еще меньше «гарантий», чем рабочим промышленным (ср. выше о прикреплении их к сельскому хозяйству, тогда как прочим рабочим разрешено искать лучших мест во всех отраслях труда в пределах предприятий, обслуживаемых рабочей повинностью, — равно отсутствие в поместьях рабочих комитетов).

Пока с промышленными рабочими до некоторой степени изв-являют готовность считаться. Например, докладчиком по рабочим вопросам в центральном управлении «Кригсамта» назначен председатель общегерманского с.-д. союза металлистов А. Шликке. Но ду-

ха применения всего закона это отнюдь не предрешает, скорее может считаться показательной упорная борьба в рейхстаге против всякого улучшения со стороны высшего представителя власти, вице-канцлера Гельфериха, о котором даже Легин сказал при третьем чтении законопроекта: «Если этот дух будет решающим при осуществлении закона, то вместо активного содействия вы встретите пассивное сопротивление рабочих».

Для контроля над степенью лояльности проведения правительства закона, по ультимативному требованию группы Легина, учрежден упомянутый выше «15-членный» комитет рейхстага. Это было принято, несмотря на заявления Гельфериха о неконституционности подобного учреждения, означającego прямое подчинение рейхстагу также области «верховного управления» и более серьезных распоряжений исполнительного характера. Во-первых, все постановления Союзного Совета общего характера, поскольку они касаются осуществления рабочей повинности и всех мер на основании закона о ней, подлежат предварительному утверждению 15-членного рейхстагского комитета. Союзный Совет может передавать свои полномочия по изданию таких постановлений «Критсамту». В этом случае такие постановления «Критсамта» тоже должны быть каждый раз предварительно утверждены «комитетом 15». Во-первых, тому же комитету предоставлено право предварительного активного контроля над всей практической деятельностью «Критсамта». С этой целью закон обязывает «военное ведомство» держать комитет постоянно в курсе своей деятельности; сообщать комитету по его требованию всякие подробности; обсуждать с комитетом вместе все, что тот найдет нужным; перед изданием важных практических распоряжений общего характера запрашивать предварительно мнение о них комитета и т. д.

Ж. Немецкая оценка закона

Трезвая оценка генерала Гренера приведена выше, равно расчеты крупных капиталистов и ожидание аграриев относительно перелива сил в сельское хозяйство без того повышения требований сельскохозяйственных рабочих, какого нужно было бы ожидать при свободе рабочего рынка. Мнения мелких хозяев в промышленности и торговле приближаются к отрицательной оценке депутатами Гаазе, Диттманом, Ледебуром и другими. Мелкие предприниматели опасаются, что в рамках нового закона процесс их устранения в пользу крупных пойдет семимильными шагами. Сам Гельферих проронил в бюджетной комиссии словечко, что закон рассчитан главным образом на крупные предприятия. Во многих «письмах в редакции» влиятельных газет мелкие предприниматели доказывали, что никакой рабочей повинности для увеличения производства снарядов не надо, что лишним рабочих всегда можно привлечь туда повышением заработной платы (а не принудительным переводом из мелких или невоенных предприятий), наконец, что в

крайнем случае пусть введут повинность для тех, кто до сих пор не работал, но не для наличных рабочих. Все оказалось напрасным, но этим протестам следует приписать, что из всех депутатов всех бюргерских партий, от консерваторов до поляков включительно, только 178 депутатов голосовали за закон в окончательном его виде после третьего чтения, а целых 107 отсутствовали в заключительной части заседания, в том числе Карстен, — небывалое количество отсутствующих при именном репалочном голосовании по поводу столь исключительно важной меры. А так как даже 57 голосовавших за закон с.-д. во главе с Легином и Шейдеманом сделали это по их собственному заявлению «скрепя сердце», только из шпортунизма, стремясь купить себе этим право легального влияния на практическое проведение в жизнь рабочей повинности, — то можно, повидимому, утверждать, что новый закон навязан германскому народному представительству против желания его большинства. По основательному замечанию И. Н. Граната, «большую роль здесь играет преднамеренное стремление феодалов капитала и феодальных земельных собственников использовать момент, чтобы все подчинить регламенту и указке». Именно — их собственной указке и регламенту в их интересах. В этих видах они и солидарная с ними власть отчасти путем пренебрежения к протестам сознательной части, отчасти путем «патриотического давления» на неразобравшиеся еще в положении слои, продиктовали молчаливое подчинение им мелкой городской буржуазии и пролетариату, т. е. большинству населения Германии. Мера, проведенная с самого начала при открытом или молчаливом протесте одной части и при подчинении «скрепя сердце» другой части народных масс, притом несущая увеличение мощи и наживы и без того сильным и немногочисленным кругам, — такая мера не может стать источником нового возрождения «бургфридена». Наоборот, по мере проведения ее в жизнь и реализации практических ее последствий для «маленьких людей», с самого начала давших согласие скрепя сердце, либо вовсе его не давших, — новый закон должен стать элементом разложения «междуклассового перемирия».

Один мелкобуржуазный националист характеризовал в рейхстаге тенденции закона замечанием, что он руководствуется евангельским принципом: «Имеющему много будет дано больше, у имеющего мало будет отнято и это». Более резкий депутат Фогтгерр (из фракции Гаазе) заявил: «Если бы враги ворвались в страну и вздумали рекрутировать для работ население, они придумали бы такой же закон».

«Создаваемое законом для рабочих состояние всеобщего закрепощения, — сказал в рейхстаге депутат Гаазе, — обостряется еще сохранением системы наживы частных предпринимателей от заводов и поместий, обслуживаемых закрепощенными рабочими». Не меняют дела небольшие демократические надстройки, к тому же большею частью иллюзорные, над крепостнической сущностью нового закона: «Для раба плохое утешение, если в плети рабовла-

дельца сделаны приспособления, чтобы она рвала его тело не так жестоко. Сквозанный желает сбросить оковы, а не сделать их только более широкими». И как бы торопясь воспользоваться последними днями свободы, рабочие ответили заметным увеличением количества стачек за последнюю неделю (в немецких газетах отмечен целый ряд на заводах Крушпа, в горном районе, в приморских городах — все удачные для рабочих). Все успевшие состояться в Берлине до утверждения нового закона собрания профессиональных союзов высказались против него (металлисты, деревообделочники, рабочие по коже и др.).

Но зато несомненно другое психологическое действие реформы. Она ярко отметила пред германским рабочим классом решающее, исключительное значение его для жизни Германии (ведь генерал Гренер даже войну объявил «рабочим вопросом» и вопросом рабочих сил). Она показала осуществимость планомерной централизованной организации всего народного хозяйства и преимущества этой системы для увеличения результатов производства. Она освоила массы с мыслью о возможности провозгласить право на жизнь для всех членов общества только под условием согласия их работать на пользу и по указанию общественного целого согласно собственному пониманию этим целым своих интересов или тому пониманию, какое оно позволяет себе навязывать. Патриотический «Форвертс» решается даже утверждать, будто эта мера, по его словам, в действительном своем содержании шродиктованная и «изуродованная сочетанием капиталистических интересов с недемократическим характером государства», окажет своим примером впоследствии содействие агитации за осуществление конечной цели германской рабочей партии: «организовать труд не для великого избияния народов, но для свободной и лучшей их жизни» путем введения перешедшего в собственность всего общества хозяйства (14 ноября). Депутат Гаазе пришел в своей речи к тому же выводу другим путем. Он говорил о концентрации капитала, имеющей усиливаться под влиянием нового закона, — что признавали, впрочем, ораторы всех партий (Гельферих и Гренер обещали стараться «по возможности» шадить мелкие предприятия и во всяком случае «не ставить сразу всего вверх дном»). Гаазе говорил об отвращении ко всякому диктаторству человека над человеком, какое должно вырасти на основе воскрешения крепостнических отношений в Германии при современном уровне культуры. Он говорил о постановке законом пред всем населением без всякой маски вопроса о наличии каких-то основных противоречий и несоответствий в отношениях, при которых «государственный секвестр труда» может уживаться с обращением его в распоряжение наживающихся в свою пользу отдельных владельцев средств производства и т. д. Он кончил обращением к совокупности предпринимателей Германии: «Вы думаете укрепить этим законом господство капитала, но в действительности, в конце концов, и этот закон окажется лишь вехой на нашем пути».

Во всяком случае Германия явила только что миру любопытный пример, как все нарастающие изменения были сразу суммированы законодательным актом в изменение общественного строя: основанный на вольнонземном труде частнохозяйственный капитализм все более уступает место основанному на крепостной зависимости труда «государственному капитализму». Небольшие «демократические» уступки, имеющиеся в законе, имеют назначением лишь замаскировать его классовый противорабочий характер. В этой маскировке сказывается своего рода «внимание» к настроению рабочих. Как известно, лицемерие есть дань, какую порок платит добродетели.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСКАПИТАЛИЗМОМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1. НА ПУТИ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ¹⁾.

I

Регулирующее вмешательство государственной власти в области сельского хозяйства пошло в Германии много дальше сферы обмена, в самую область производства. Приводимое ниже сжатое изложение мер, принятых относительно удобрения, скота, рабочей силы, мертвого инвентаря, пропорции посевов, наконец, самой земельной площади и организации хозяйства на ней, — все это по приведению в связь сливается в общую картину довольно примечательного свойства.

Ближайшим поводом всех мероприятий служило стремление усилить продовольственную подготовку страны на случай, если война затянется и на второй год. Но многое, вероятно, останется и для мирного времени; останется постоянным и принципиальное значение совокупности принятых мер. Ниже мы увидим, как германская общественная мысль приводит все это в связь с потребностями страны в мирное время, насколько они могут быть предвидимы теперь. Здесь скрещиваются теоретический интерес с интересной практикой; и если во многих отношениях война, можно думать, даст толчок теоретической мысли и интересу к теории, то на одном из первых мест будет, конечно, сельское хозяйство — основное занятие рода человеческого.

Известно, что Германия не производит внутри страны всего нужного ей продовольствия ни для людей, ни для скота. Самым совершенным подсчетом средств продовольствия остается пока сделанный 16 специалистами и опубликованный в декабре 1914 г. подсчет ряда берлинских профессоров. Если перевести всю и всякую людскую пищу в калории производимого ею тепла, то согласно этому подсчету оказывается, что население Германии потребляет

¹⁾ Напечатано в «Вестнике Европы» за сентябрь 1915 г.

в год около 90 млрд. калор., а производится в ней лишь три четверти этого количества; остальное ввозится из-за границы.

Недостаточные для покрытия всего потребления размеры собственного производства объясняются естественно не абсолютной невозможностью произвести больше, а наличием различных технических и общественных несовершенств. Созидание пищи для всей нации не направляется ею сознательно, даже не контролируется ею, а всецело предоставлено индивидуальному усмотрению и силам сельских хозяев. Не каждый из них имеет средства для технической совершенной постановки дела, и уже во всяком случае каждый из них руководствуется соображениями о собственной выгоде, а не об удовлетворении продовольственных потребностей Германии. А эти два ряда соображений нередко вступают в конфликт, и так как решение принадлежит не нации в ее целом, а отдельному сельскому хозяину, то понятен приведенный результат.

Громадные пространства, равные в своей совокупности всему Шлезвиг-Гольштейну, оставляются лежать в виде пустырей и заброшенных мест их владельцами, ожидающими, пока поднятие цен на землю вообще даст им возможность выгодно сбыть с рук эти пространства, — либо владельцами, просто не имеющими средств для культивирования, хотя бы и обещающего окупиться. Еще большие пространства обрабатываются технически несовершенно, принося урожай гораздо меньший обычного в Германии, и т. п. В итоге уже и тех сравнительно недалеко идущих мер, какие указаны упомянутыми 16 специалистами и какие теперь осуществляются, достаточно, по подсчету этих специалистов, чтобы на второй год войны Германия располагала уже 81 млрд. калор. (для прокорма населения) из результатов собственного производства, т. е. девятью десятками нормального количества. А если не ограничиться поверхностными мероприятиями, но подчинить сельское хозяйство вполне целям и усмотрению общественного целого, то, по обоснованному мнению занимавшихся этим вопросом лиц, страна смогла бы прокормить собственными ресурсами население, даже значительно превышающее нынешние 70 млн.

Население Германии только немногим более чем на четверть заимается сельским хозяйством. Остальные три четверти нации прилагает свои силы не к земледелию. По самым осторожным и умеренным подсчетам специалистов земледельческая четверть населения доставляла бы всегда достаточно пропитания для всего народа, если бы земледелие стояло на возможной уже теперь степени технического развития. Но этого нет. Громадные пространства пригодной для обработки моторным плутом и другими усовершенствованными орудиями земли не пользуются, как указано, такю обработкой, ибо принадлежат мелким владельцам, не имеющим возможности купить эти орудия или в случае покупки вполне использовать. Обширные площади пустырей и болот, превышающие целую провинцию, сохраняются иногда помещиками просто для охоты и т. п. вместо культивирования ради целей обеспечения народного продовольствия.

И т. д. — число подобных примеров можно было бы значительно увеличить.

В обычное время на все это не обращалось особого внимания — всякий недостаток легко покрывался подвозом извне. Война сократила подвоз, предоставила Германию в отношении пищи почти всецело самой себе — и ненормальность положения вещей в области производства и распределения предметов питания внезапно стала легко осязаемой, наглядно очевидной, каждому ясной истиной. Разумеется, здесь налицо лишь частный случай общей ненормальности всего производства при капиталистическом строе: служалшее удовлетворению потребностей и поддержанию существования общества в целом, оно управляется, однако, частно-правовыми интересами. Но наличность общей, превратившейся в привычку, ставшей «естественной» ненормальности не мешает тому, что в одной какой-нибудь отрасли национального хозяйства она может оказаться особенно острой и нетерпимой даже для буржуазного режима с точки зрения удовлетворительного хода хозяйственной жизни в целом.

Так, германское правительство давно уже извлекло из области частно-правового усмотрения почтово-телеграфные сношения и железнодорожный транспорт. Общая ненормальность этим затронута не была, но в данных отраслях национального хозяйства возникло несогласование между общественным характером их назначения и работы, с одной стороны, и между планомерным централизованным управлением нынешнего центра германского общества — германского правительства, с другой. А раньше почта, например, находилась в Германии в полном распоряжении частных лиц, клавших во главу угла, конечно, не планомерное обслуживание соответственных интересов, а собственные выгоды.

Война вызвала к жизни, сделала очень популярной и поставила на очередь в Германии подобный же ход мыслей и относительно земледелия. Надо принять меры к тому, чтобы производство пищи руководствовалось прежде всего соображениями об удовлетворении потребностей общества, как руководствуется ими железнодорожное движение, и чтобы в распределение продовольственных средств были внесены такие же порядки, обеспеченность и планомерность, какие проявляются в железнодорожных расписаниях. «Хлеб насущный» — первейшая элементарная потребность, не менее важная, чем правильное функционирование почты. Как на частные железнодорожные общества налагаются государством известные обязательства — относительно тарифов, наличия определенного количества поездов и т. д., — так должны быть наложены известные обязательства и на всех лиц, имеющих дело с производством и распределением продовольственных вопросов.

Обстоятельства военного времени с необходимостью повели к *обслуживанию государственным* силами тех потребностей сельского хозяйства, с которыми предприниматели при данных условиях не могут справиться собственными средствами, и к *принудитель-*

ному приспособлению его к тем потребностям нации, каким сами сельские хозяева удовлетворять не желают или не имеют возможности.

II

Процесс земледельческого производства в некотором отношении начинается уже с удобрения почвы. Чем интенсивнее хозяйство, тем большее значение имеет наличность искусственного удобрения. Значение его для Германии легко оценить, сопоставив с соседними странами достигнутую ею урожайность. По «Ежегоднику Германской империи на 1914 г.» средний сбор с гектара (около $\frac{1}{10}$ десятины) составлял в 1913 г. в двойных центнерах (каждый двойной центнер — около шести пудов):

Германия. Франция. Италия. Австрия. Венгрия. Россия.

Пшеница	23,6	13,8	12,2	15,0	12,8	9,1
Рожь	19,1	10,3	11,4	14,6	11,9	8,5
Ячмень	22,2	14,5	9,4	16,0	14,4	9,9
Овес	21,9	12,9	12,5	13,0	11,7	9,4
Картофель	158,6	96,1	61,5	100,2	75,4	74,4

Отнимите у Германии удобрения, которых она ввозит ежегодно на сумму до четверти миллиарда марок, и успешность ее земледелия понизится до чрезвычайности. Если и без того отсутствует четверть обычного количества пищи, то с падением земледелия наступил бы форменный голод, когда успели бы вполне сказаться результаты прекращения насыщения земли потребными ей минеральными веществами.

По свойствам германской почвы речь идет здесь главным образом об азотистых удобрениях — их привозилось на сумму до 200 млн. мар. (в 1913 г. чилийской селитры на 172 млн. мар., калиевой селитры и калиевого азота на $9\frac{1}{2}$ млн. мар., чилийского гуано на 5,3 млн. и т. д.). Все это привозилось главным образом из Южной Америки, и потому война грозила в этом отношении германскому сельскому хозяйству и продовольственному обеспечению Германии в будущем очень чувствительными последствиями.

«Наши ученые из песков Бранденбурга налегут нам пирожки, если понадобится», — сказал генерал Фалькенгейм в газетном интервью по поводу английского плана «выморить» Германию голодом и тем заставить ее сдаться без условий, каково бы ни было положение на театре военных действий. Что касается искусственных азотистых удобрений, то прекращение их подвоза действительно могло бы сыграть крупную роль, если бы вера генерала Фалькенгейма не нашла себе подтверждения в практике: если не из песка, то из воздуха добыли немцам их ученые то удобрение, без которого трудно бы стало действительно «печь пирожки».

Уже и до войны химия нашла способ выделять атмосферный азот и предоставлять его в различных соединениях промышленному потреблению. Однако выделение азота из воздуха обходилось столь

дорого, что было возможно в фабричных размерах лишь при наличии очень дешевой электрической энергии. У норвежских водопадов обосновалось поэтому первоначально производство азота из воздуха в довольно скромных размерах.

Упорной работе германских ученых — сообщило германское правительство рейхстагу в конце февраля 1915 г. — удалось внести такие усовершенствования в процесс добывания азотистых соединений из воздуха, что стала возможной фабричная постановка дела в самой Германии и массовое производство удобрения из неисчерпаемых запасов воздуха с продажей по ценам, не превышающим цен его до войны. Осуществить это дело в нужных для земледелия размерах взяло на себя правительство.

Как было опубликовано официально в начале марта, ценой крупнейших затрат из имперской кассы, отчасти при финансовой поддержке Пруссии, правительство оборудовало уже обширные заводы для добычи азота из воздуха. Почти во всех своих монопольных предприятиях, созданных по случаю войны, германское правительство предоставляет известную роль торговопромышленным элементам, имеющим отношение к делу. Так, и в финансировании и оборудовании новых заводов принял участие «Союз берлинских электрических предприятий» (в технических процессах по выделению азота из воздуха большую роль играет электричество). Чтобы окунуть вполне сделанные казной капитальные затраты — на 7 лет, до 31 марта 1922 г. вводится казенная азотная монополия, распространяющаяся на производство и торговлю как азотистым удобрением, так и прочими азотистыми соединениями. Распределение удобрения между потребителями будет происходить обычным порядком.

Снабжение сельского хозяйства этим важным вспомогательным средством производства, этим «смазочным маслом земледелия», централизуется, таким образом, в руках государства. Государство гарантирует достаточное его количество. Одним из побочных результатов является устранение азотной зависимости Германии от заграницы и улучшение ее торгового баланса на те сотни миллионов марок, что уходило до сих пор ежегодно за азот за границу.

III

Следующим за удобрением элементом сельского хозяйства в нашем изложении является скот. Здесь правительству не приходилось создавать заново самого живого инвентаря, как это имело место с удобрением, и надо было только обеспечить его сохранение в размерах, позволяющих продолжать в неуменьшем объеме ведение хозяйства. Надо было определить, какой скот и в каком количестве подлежит сохранению, надо было правильно определить наличные запасы корма и создать замещение отсутствующих. Иначе сказать, приходилось самое скотоводство и прокорм скота подвергнуть такому государственному регламентированию, при котором совокупность сельских хозяев являлась бы фактически лишь агентом госу-

дарства, выполняющим функции, доверенные ему «национальным целым». Эта работа и выполнена в общем весной 1915 г. в Германии — причем, надо заметить, эти «агенты» (сельские хозяйства) силой своего социального влияния сумели обеспечить себе весьма высокое вознаграждение за выполнение предоставленных им функций. Но самый факт хозяйствования не по своему неограниченному усмотрению, а по планам государственного целого не теряет от этого значения.

Первые месяцы войны совершенно не отразились на германском скотоводстве. По произведенной 1 декабря 1914 г. переписи и сравнительно с переписью 1 декабря 1913 г. количество голов оказалось (в тысячах штук):

	Лоша- ди.	Рогатый скот.	Свинья.	Овцы.	Козы.
1913 г. . .	4 448	20 944	25 592	5 504	3 536
1914 » . .	3 423	21 818	25 340	5 448	3 534

Кажущееся уменьшение лошадей объясняется тем, что по сведениям немецкой печати как раз миллион их взят на войну, а все реквизируемые военным ведомством животные не включены в перепись. В дальнейшем правительству приходилось считаться с таким обстоятельством. Во-первых, надо было заместить недостаток упряжной силы, вытекавший из отвлечения 22% лошадей на военные надобности; во-вторых, надо было сохранить весь рогатый скот, ибо рост его в Германии совершается в общем параллельно росту населения (особенно если принять во внимание повышение веса и удойности) и не отличался в последние годы такой стремительностью, какая давала бы возможность предполагать наличие большого его избытка. К тому же часть этого скота должна была быть привлечена к упряжным работам, а в жировых питательных веществах Германия испытывает особенно большой относительный недостаток (жировых веществ ввозится в Германию ежегодно на несколько сот миллионов мар. — в 1913 г. одного масла на 119 млн. мар., сала разного рода на 147 млн. мар. и т. д.) — потому молочное хозяйство должно всячески поддерживаться¹⁾. К тому же, как свиньями покрывается потребность в мясе менее зажиточного населения, так рогатый скот служит удовлетворению спроса на мясо более достаточной половины жителей Германии. Правильное и

¹⁾ Одно время имперское правительство собиралось даже запретить приготовление излюбленной немецкими дамами и барышнями «Шлагзане» (сбитых сливок), чтобы воспрепятствовать расточению материалов, могущих идти на выделку масла. В декабре 1914 г. в имперском министерстве внутренних дел состоялись совещания об этом с участием представителей кондитерского цеха и прочих заинтересованных кругов. Было высчитано, что в одном лишь Гросс Берлине из «расточаемых барышнями и дамами состоятельной части общества сбитых сливок» могло бы быть изготовляемо 2 700 лишних пудов масла в месяц. Но барышням удалось все же в то время отстоять неприкосновенность своей «Шлагзане» — при деятельной поддержке владельцев кондитерских, ресторанов и т. п. учреждений.

равномерное удовлетворение этого спроса во времени подразумевает сохранение рогатого скота в полном объеме (считая телят и поросят, в Германии ежегодно закалывается $7\frac{3}{4}$ млн. голов рогатого скота и 24 млн. свиней).

Третьим моментом была несомненная наличность избыточного количества свиней. Еще по переписи 2 декабря 1912 г. их было всего 21 923 тыс., по переписи 2 июня 1913 г. — даже только 21 821 тыс. штук, а через полтора года оказывается уже почти на 4 млн. больше (под влиянием роста цен). Между тем потребление свиного мяса в «мнотосвинных» 1913 и 1914 гг. осталось на той же высоте, что и в «малосвинных» 1911 и 1912 гг. (около 24 млн. штук в год). К тому же свиньями питаются менее состоятельные круги, и в применении к ним правительство готово было меньше считаться с их вкусами — например заготовить сразу на большой срок вперед нужное им мясо и предоставить им потреблять его в консервированном виде вместо свежего. Наконец, именно свиньи являются главным конкурентом человека, поедающим при отсутствии других припасов картофель, снятое молоко и т. п., и с этой точки зрения тоже об уменьшении именно их числа должна была идти речь. Кормовые запасы должны были быть в первую голову обеспечены лошадям и рогатому скоту.

Наконец, четвертым обстоятельством являлось то, что в Германию ежегодно ввозилось в мирное время 7 млн. (свыше 400 млн. пуд.) всякого рода кормовых средств для скота. Даже при уменьшении количества свиней была нужда поэтому в увеличении производства кормовых средств в самой Германии. Чтобы не нанести непоправимо быстрого удара германскому свиноводству, чтобы сохранить возможность получения свиного мяса в нужном населению количестве и на второй год войны, надо было оставить теперь в живых и прокормить около трети наличного количества свиней. А при сохранении 8 млн. свиней (именно до этого количества обещал свети число свиней в Германии министр сельского хозяйства в заседании бюджетной комиссии рейхстага в середине марта 1915 г.) нехватка привоза иностранного корма не покрывалась одним сокращением туземного свиноводства. Отсюда лихорадочные поиски за суррогатами и за созданием новых кормовых средств.

IV

Задача замены рабочей силы взятых на войну лошадей была решена энергичными мерами правительства по распространению механических, действующих без лошадей орудий обработки почвы, сбора урожая и т. д. Задача преимущественного обеспечения кормовыми средствами прежде всего лошадей и рабочего скота решена была централизацией кормовых средств в распоряжении одного монопольного для всей империи учреждения. Задача увеличения количества кормовых средств решалась наиболее интересно, и именно здесь открылись самые широкие перспективы.

Для упорядочения снабжения земледелия необходимыми орудиями было заключено специальное соглашение между двумя центральными организациями: «Военным комитетом германской индустрии» (обнимающей и тяжелую и легкую индустрии) и «Германским сельскохозяйственным советом» (центральным представительным учреждением германских аграриев). Из опубликованного текста соглашения заимствую следующие пункты:

«1. Все сельские хозяева в продолжение военного времени должны... не только не быть сдержанными в снабжении себя сельскохозяйственными машинами и орудиями... но, наоборот, продолжать его еще в большей степени, чем в мирное время, например, при недостатке в упряжках снабжая себя моторными плугами и т. п.

«2 ... Заказы во время войны будут исполняться по пониженным ценам и при возможно благоприятных условиях расплаты, для чего имеется в виду далеко идущее предоставление кредита со стороны Прусской центральной кооперативной кассы и имперского банка.

3. При Германском сельскохозяйственном совете учреждается «сельскохозяйственное центральное бюро для индустриальных заказов во время войны» с задачей принять на себя посредничество между потребностями и спросом сельского хозяйства, центральным промышленным «Военным комитетом» и союзами отдельных отраслей индустрии».

Председателем прусского ландтага графом Швериным, являющимся одновременно и председателем Германского сельскохозяйственного совета, было выпущено воззвание с провозглашением «патриотическим долгом» следования этому начинанию. С своей стороны правительство, кроме льготного кредита, ассигновало отдельным провинциям значительные суммы на закупку сельскохозяйственных машин и орудий: на покупку одних только паровых плугов для одной лишь Восточной Пруссии к февралю 1915 г. правительством предоставлено было уже два миллиона марок. Как было констатировано на съезде германских союзов работодателей 20 марта 1915 г., крупные заказы сельскохозяйственных машин делало за свой счет и военное ведомство (отчасти для сбора урожая и т. п. на иностранной территории), на этом же съезде установлено было оживленное производство для внутреннего рынка также уборочных машин. Исключительно крупные доходы, притекающие теперь в земледелие вследствие чрезвычайного повышения цен на сельскохозяйственные продукты, весьма облегчили предпринимателям закупку паровых и т. п. машин. В итоге оказалось, что пока не происходит сокращения посевов, а состояние их почти совпадает с состоянием в 1914 г. в тот же период.

Для обеспечения прокорма лошадей и рогатого скота до осени, до нового сбора, было проведено пять государственных монополий: законом 11 февраля 1915 г. — на содержащий сахар корм, законом 13 февраля — на овес, законом 5 марта — на отруби, законом 12 марта — на ячмень и законом 31 марта — на целых 75 названий

корма разного рода, объединяемых обычно понятием «сильных кормов» (кукуруза, кормовые бобы, отбросы мельничного, сахарного, крахмального, бродильного и др. производств, так называемые «Олькюхен», рыба и кровяная мука и т. д.). После этого остались не реквизированными только трава и солома.

Овес и ячмень были переданы в распоряжение особого имперского центра; сахарный корм, отруби и «сильные корма» — получившему функции центрального монопольного учреждения «Союзу снабжения германских сельских хозяйств». Оба центра не имеют дела с отдельными владельцами скота, но распределяют кормовые запасы исключительно между учреждениями местного самоуправления (за отделением количества, нужного для надобностей военного ведомства), породскими и уездными. Дальнейшее распределение между отдельными владельцами скота находится уже в совершенном ведении местных самоуправлений. Местные самоуправления продают корм владельцам по себестоимости, а центральные общеимперские учреждения продают его местным самоуправлениям с надбавкой 0,2% над заготовительной стоимостью «за комиссию». Цена, по которой центральные учреждения секвестровали запасы у владельцев, определена законом (у каждого владельца, торговца и т. д. было секвестровано лишь то количество, которое превышает нужное для прокорма его собственного скота до осени, считая по установленным нормам).

Общей чертой всех пяти монополий является то, что все эти кормовые запасы они обеспечивают только для лошадей и рогатого скота. Лишь из отрубей местным самоуправлениям разрешено отделить 15% на свиней. Дело в том, что отсутствовало 6,4 млн. т иностранного корма в конечном итоге особенно ударило по лошадям и свиньям. Уступка свиньям части наличных запасов, послуживших объектом этих пяти монополий, обозначала бы совсем безвыходное положение для крупного скота. Потому свиней до конца марта поддерживали главным образом картофелем и снятым молоком. А во второй половине марта 1915 г. по настоянию рейхстага правительство вызвало с фронта большое количество призванных ранее на военную службу мясников и приступило к массовому убою свиней. Дело в том, что мясниками-бойцами служат обычно особенно крепкие молодые люди, и потому неудивительно, что, например, из членов германского профессионального союза рабочих-мясников было мобилизовано, по его счету, свыше 70%, в то время как процент мобилизованных среди членов других профессиональных союзов был еще в два с лишним раза ниже. Сначала предполагалось привлечь к массовому убою свиней русских военнопленных («среди которых, верно, много скотоводов», — писала одна крупная газета); но потом остановились на временном возвращении с фронта собственных мясников, как более привычных к этому делу. Для прокорма оставленной в живых трети свиней приняты тогда же особые меры, не затрагивающие обычных и наличных кормовых запасов:

При пожертвовании свиньями и при благополучном состоянии вопроса о прокорме рогатого скота дело свелось к пропитанию лошадей. После секвестра овса выяснилось, что для всех 3,4 млн. лошадей (кроме лошадей военного ведомства), на 200 дней, до возможности начать кормить сбором нового урожая оставалось тогда всего по 300 кг овса на лошадь. Потому правительство обязало местные самоуправления выдавать владельцам на каждую лошадь, начиная с 1 марта, ровно $1\frac{1}{2}$ кг в день (менее 4 русских фунтов). Между тем в мирное время на каждую лошадь приходилось ровно втрое более овса. Таким образом, общий недостаток овса определился в 2 млн. т, и его-то предстояло покрывать.

Первым источником послужили сахар и сахарная свекла. Ежегодно 50 % всего производимого в Германии сахара вывозится за границу. В 1915 году вывоз запрещен, и учрежден специальный «центр», который предписывает каждому сахарозаводчику употребление закупленной им свеклы и успевшего быть уже выделанным сырого сахара на переработку или в сахар для людей, или в сахарный корм для скота. Сахарный корм годится особенно для лошадей и свиней, ибо рогатый скот усваивает его на треть менее успешно, как сообщает в своем циркуляре прусский министр сельского хозяйства; готовится он сахарными заводами как непосредственно из свеклы, так и из сахара-сырца.

Согласно распоряжению правительства, «сахарный центр» определил, что в 1915 году 65 % обычного свеклосахарного производства посвящено будет изготовлению сахара для людей, т. е. людское потребление его в Германии против обычного в мирное время будет увеличено на 30 % (для возмещения хотя бы отчасти уменьшенного потребления муки). Остальные 35 % назначаются на: изготовление спирта и корма для скота.

Сначала Союзный Совет ограничил было на этот год производство спирта 60 % обычного размера. Потом оказалось, что для военных автомобилей может нехватить бензина, и потому контингент спирта был опять повышен до 100 %, но с тем, чтобы спирт выкуривался не из картофеля и зерна, а из сахара. За вычетом идущей на спирт доли, на кормовые цели остается 3 400 тыс. т, которые и могут быть доставлены скоту в том или ином переработанном виде¹⁾. Эту именно часть передает имперский центр «союзу снабжения», а он распределяет уж затем между местными самоуправлениями.

По содержанию крахмала каждая тонна овса почти в четыре раза превосходит тонну свеклы. Потому своим регулированием сахарного производства правительству удалось заместить лишь несколько менее 900 тысяч т овса из недостававших 2 млн. Каждая лошадь получает теперь в дополнение к $1\frac{1}{2}$ кг овса несколько фунтов кормового сахара согласно опубликованным таблицам, смотря по тяжести работы.

¹⁾ Это составляет около 20% свеклы, идущей на выделку сахара.

Вторым источником было регулирование пивоваренного производства. Союзный Совет ограничил на 1915 год потребление ячменного солода для изготовления пива 60% обычного количества, что дало экономию в 520 тыс. т ячменного солода для всей Германии. Это соответствует покрытию еще 600 тыс. т недостававшего овса.

В качестве третьей меры предписано было использование кухонных отбросов в городах. Этими отбросами должны были питаться коровы, а соответственное количество корма должно было быть передано от них лошадям. В Берлине, Потсдаме, Гамбурге, Кельне, Франкфурте-на-Майне, Шарлоттенбурге и мн. др. городах деление отбросов в каждой кухне на подлежащую переработке и на непригодную часть и дальнейшая переработка их в коровий корм осуществлена еще в декабре 1914 г. Берлин, например, разделен на 170 участков для собирания отбросов особыми агентами и своза их на соответственные заводы. Кухонными отбросами Берлина питалось к осени 1915 года 22 тыс. коров, удои и здоровье которых, как пишут, не потерпели от этого ущерба. Всего, согласно одному из циркуляров министерства сельского хозяйства, из кухонных отбросов должно перерабатываться в Германии 250 тыс. т «сильных кормов», что замещает еще большее количество овса. При таком объеме собирания и переработка кухонных отбросов осуществлены, очевидно, лишь для трети населения страны (именно в средних и крупных городах).

Наконец, еще одним источником послужило регулирование государством количества посевного материала. Так, например, закон о государственной монополии на торговлю овсом 13 февраля 1915 г. прямо предписал, чтобы на гектар высевалось 150 кг (около 9½ пуд. на десятину). Лишь в исключительных случаях, по особенностям почвы и т. п., правительствам отдельных германских государств разрешается в отдельных случаях позволять повышение посевного материала до 200 кг на гектар. После этого министр сельского хозяйства предписал особым циркуляром содействовать всячески тому, чтобы обычная в Германии средняя посадка картофеля в 2 000 кг на гектар была сокращена до 1 500 кг, что при 3½ млн. гект. картофельной посадки в Германии дало бы экономии, по подсчету министра, в 1 750 тыс. т. Он дает всевозможные указания, как при таком количестве посевного материала достичь тех же результатов, и если, как можно думать, эта мера будет проведена хотя бы наполовину в жизнь, то освободившееся количество картофеля способно заместить 300 тыс. т овса. Согласно этому законом 12 апреля, устанавливающим порядок секвестра картофеля у сельских хозяев для обеспечения питания менее состоятельной половины городского населения до осени, вводится правило, что не подлежит секвестру тот картофель, который нужен для прокорма упряжных животных владельца до осени в дополнение к прочим запасам кормовых средств для них, какие находятся в его распоряжении.

Таким образом, задача пополнения недостающего количества кормовых средств для крупного скота была в общем решена, при-

чем было создано еще в крупных размерах производство корма из кухонных отходов и сахара. Раз организованная переработка кухонных отходов сохранится, вероятно, и на мирное время, уменьшая зависимость германского народного хозяйства от привозных кормов и давая занятие туземному рабочему населению на оборудованных для этого заводах. Что касается оставляемой в живых части свиней, то прокорм их весной, летом и осенью обеспечивался устройством свиных пансионатов в казенных лесах и введением производства соломенной муки.

Площадь всех лесов Германии составляет 14 млн. гект., в том числе во владении казны и местных самоуправлений 7 млн. (из них две трети казенные). В половине марта 1915 г. открыты бесплатно все казенные леса для поросных свиней и для молодых в возрасте от 4 до 6 месяцев. Ландратам поручено посодействовать такому же открытию лесов частновладельческих и коммунальных. Свины окрестных владельцев будут просто ежедневно притоняться в лес. Более далеко живущие свиньи будут доставлены в леса железной дорогой и размещены там до ноября в устраиваемых из казенного дерева приютах под надзором специальных пастухов. Так как на каждую свинью придется почти по десятине леса (а если будут предоставлены и частновладельческие леса, то по две), то серьезное значение этой меры не подлежит сомнению. В дополнение же введена соломенная мука.

Идея соломенной муки заключается в таком размельчении одеревеневшей клетчатки, чтобы сделать ее переваримой и удобоусвояемой для животного организма. Многочисленные поставленные в Германии опыты показали, однако, полную непригодность этого рода пищи для человека, сравнительно весьма малую пригодность для крупного скота и удовлетворительность для свиней. Потому для корма последних производство соломенной муки, раньше вовсе не существовавшее, начинает приобретать теперь практическое значение.

Если указанными выше способами и средствами государство разрешило на 1915 год задачу сохранения рабочего и молочного скота, то к следующему году Германия рассчитывает вообще стать независимой от иностранного корма для своего скота. Уже и теперь земледелие сохранило свой скот (и, следовательно, возможность существования) лишь благодаря принятию на себя государством доставки и распределения корма (и лишь в той мере, в какой это было определено государством). На будущее время государству предлагается прямо взять в свои руки производство всего недостающего скоту корма, обычно доставляемого из-за границы. Производство это должно явиться продолжением азотной монополии; для технического оборудования его в надлежащих размерах есть еще около года времени (считая использование осеннего урожая 1915 г.), и, по сообщению берлинских газет, на эту тему происходили уже конференции представителей имперского правительства, прусского министра сельского хозяйства, ученых руко-

водителей «Института основанных на процессах брожения индустрий» и заинтересованных лиц.

Как сообщает официальное агентство Вольфа, названному институту удалось приготовить «кормовые дрожжи», содержащие 50 % белка в усвояемой организмом форме, причем главным составным элементом является атмосферный азот. Государство, доставившее земледельцу удобрение из воздуха, должно теперь доставить ему из воздуха корм для рабочего скота. Руководитель института проф. М. Дельбрюк сообщает 4 апреля следующие подробности о новом производстве.

Сахар соединяется с неорганическим основанием. Берется сахар и «удобряется» серноокислым аммиаком, калием и магнием в форме солей. Потом «сеются» дрожжи, и все это подвергается действию сильного тока воздуха. Дрожжи поглощают сахар вместе с «удобрением», и в итоге появляются в массовом количестве дрожжи, содержащие 50 % белка. Таким образом из неорганического азота (аммиака и воздух) непосредственно получается кормовой белок. Сахара и калия в Германии сколько угодно, она вывозит обычно и то и другое, и легко можно произвести их еще более. Любое количество аммиака можно синтетически образовать, раз есть налицо водород и азот и необходимые фабричные приспособления. После азотной монополии в Германии вообще не может быть недостатка в азоте. Для первоначальной фабрикации белковых кормовых дрожжей, заявляет Дельбрюк, вполне пригодны германские фабрики прессованных дрожжей, снабженные нужными приспособлениями и бездействующие наполовину по случаю войны. Кормовой искусственный белок, как он сообщает, будет выпущен в продажу в форме прессованных дрожжей по ценам, не превышающим цены привозного русского кормового ячменя до войны. По питательным свойствам белковые дрожжи вполне пригодны для всякого рода скота и представляют собой полную и достаточную замену ячменя, «Олькюхен» и прочих подобных кормовых средств, привозившихся обычно в количестве до 400 млн. пуд. в год из-за границы. Конечно, для поставки производства в таких крупных размерах нынешние дрожжевые фабрики уже недостаточны, и после расширения азотных заводов (ибо такого применения азота не имелось в виду при оборудовании азотного производства государством) — надо будет устроить специальные заводы для производства нового корма в каких угодно размерах — оставался бы лишь над Германией содержащий его воздух.

Проф. Дельбрюк отмечает, что способность дрожжей до известной степени «питаться» аммиаком была известна и раньше. Заслуга института заключается в том, что ему удалось превратить этот процесс в действительно фабричный, причем вся операция продолжается только несколько часов. «Журнал спиртовой индустрии» сообщил в своем последнем номере, что при производстве кормовых белковых дрожжей по методу института 100 частей сахара и 52 части упомянутых питательных солей дают при обработке атмо-

сферным воздухом всего 270 частей готового продукта в пресованном виде. А при изготовлении этих дрожжей для хлеба из 100 частей сахара и 37,5 частей питательных солей получается 160 частей хорошо упекающихся пресованных дрожжей. Вся операция об'является выпедшей уже из стадии опытов, способной поставлять немедленно товар на рынок, и секрет изготовления его из неорганических соединений и сахара — открытым.

Пресса разных направлений указывает теперь, что новое производство способно в будущем поставить совсем на другие основания снабжение германского скота кормовыми средствами и вполне уничтожить в этом отношении зависимость Германии от заграницы. Заодно улучшился бы и торговый баланс страны на те несколько сот миллионов рублей, что платит она теперь ежегодно за 400 млн. пуд. иностранного корма (больше всего ввозилось его из России). Указывается при этом, что все дело должно находиться в руках государства, которое должно ограничить производство лишь тем количеством, какое необходимо сверх корма, производимого в стране «естественным путем», чтобы не подрывать отечественных сельских хозяев. «А если русские начнут продавать свой ячмень дешевле, чем они продавали раньше, и он станет дешевле наших белковых дрожжей, мы сможем выписывать и его» («Берлинер Тагеблатт»).

V

Государственное попечение понадобилось и для снабжения земледелия нужным количеством человеческой рабочей силы. Пред войной всех деятельных в сельском хозяйстве как в главном источнике своих доходов было в Германии всего 5 100 тыс. мужчин и 4 900 тыс. женщин (всего сельскохозяйственного населения было 19 млн. из 68 млн. жителей). Из десяти миллионов пар рабочих рук теперь почти около полутора, и притом самых крепких, отвлечено войной. К этому прибавляется уменьшение числа пришлых рабочих, ежегодно являвшихся на сельскохозяйственные работы из соседних стран. По отчету за 1913 г. их было 412 тыс. человек, в том числе 280 тыс. человек из России и 117 тыс. из Австро-Венгрии. Российские, правда, задержаны в Германии в очень значительном количестве при об'явлении войны летом 1914 г. и должны тоже в этом году исполнять все требуемые от них сельскохозяйственные работы, как это делали во второй половине лета и осенью 1914 г. Но количество австрийцев уменьшилось весьма значительно (для облегчения их привлечения разрешено австрийским сельскохозяйственным рабочим переходить германскую границу без паспортов).

Для замены недостающих полутора миллионов государством было использовано шесть источников.

Более полумиллиона из военнопленных назначено было для сельскохозяйственных работ на следующих началах. Военнопленные отпускались только отрядами от 80 до 100 человек, и лишь с особого разрешения меньшими группами, но не ниже 10 человек в ка-

ждой. Иначе сказать, воспользоваться рабочей силой военнопленных солдат могли только помещики или те деревни, которые осуществили рекомендуемый в газетах коллективный наем пленных. О помещении и продовольствии пленных, равно как и приставленной к ним стражи, должны заботиться наниматели. Если место работы находится так близко от лагеря военнопленных, что те могут остаться там жить и ежедневно являться на работу, то наниматель обязан платить военному министерству за помещение ежедневно 15 пфен. с человека. Если же понадобится перевезти пленных в поместье оо-сем, то перевозка на счет нанимателя, считая по тарифу четвертого класса железной дороги. За свою работу военнопленные получают сверх содержания еще денежное вознаграждение. Размер его предоставлен усмотрению нанимателя, но с тем, чтобы плата составляла не менее 2½ и не более 10 пфен. за каждый час работы, т. е., например, при 12-часовом дне не свыше 60 коп. в день сверх харчей (что значительно ниже обычной в Германии оплаты сельскохозяйственного труда взрослых мужчин). Плата не должна выдаваться на руки, но военному начальству.

Второй источник — индустриальные безработные обоего пола, поскольку они происходят из деревни и знакомы были в юности хотя бы несколько с сельскохозяйственными работами. Среди сельскохозяйственных рабочих насчитывается теперь в Германии около двух миллионов, порвавших за последние 20 лет с сельским хозяйством и перешедших в другие отрасли. Если предположить, что среди промышленных безработных заключается такой же процент бывших деревенских, то это дало бы всего около 100 тыс. человек. Потому решено было привлекать к земледельческим работам не только безработных, а вообще хуже оплачиваемые разряды городских рабочих, поскольку они были когда-нибудь раньше сельскохозяйственными, с тем, чтобы на их городских местах их заменили те безработные, которые и понятия не имеют о сельском хозяйстве. Такая мера могла дать около полумиллиона человек.

Для обеспечения ее успеха надо было увеличить привлекательность сельскохозяйственного найма для ставших уже горожанами бывших сельскохозяйственных рабочих, во-первых, и упорядочить распределение рабочей силы, в частности передвижение ее из города в деревню, во-вторых.

Профессиональные и политические рабочие организации условием непротивления своего агитации за временный переход части городских рабочих в деревню поставили отмену знаменитого «устава о челяди». Согласно этому закону, доселе регулировавшему отношения между сельскохозяйственными рабочими и их нанимателями, сельскохозяйственные рабочие в правовом отношении обставлены были весьма неприглядно. Закон частью лишал, частью ограничивал в правах на устройство стачек, союзов. Индустриальный рабочий современной Германии, с его довольно развитым чувством личного и классового достоинства, не пошел бы при таких условиях в деревню. В «уставе о челяди», например, еще в силе узаконения,

аналогичные § 227 старого прусского уложения, по которому «ленивую, неаккуратную и противоречащую челядь господин может привести к должному исполнению обязанностей умеренным сечением»⁴⁾. Что же касается до материального уровня, то смертность грудных детей в сельских округах провинции Западной Пруссии (один из типичных районов сельскохозяйственных рабочих) достигает 39%, в то время как во всей Германии детская смертность равна лишь 21%.

Принимая во внимание долю вознаграждения, получаемую натурой (участок земли и т. д.), Георг Шмидт («Формы заработной платы в сельском хозяйстве Германии», Берлин, 1913 г.) на основании исследований ряда авторов определяет средний годовой заработок семьи сельскохозяйственного рабочего (муж — 300 рабочих дней, жена — 100 рабочих дней в год, как принято в Пруссии), например, в провинции Саксонии:

в 1849 г.	421 мар.
» 1873 »	562 »
» 1890 »	891 »
» 1911 »	955 »

По русскому масштабу заработок батрацкой семьи довольно велик — 442 руб. в год, в том числе на долю мужа около 30 руб. в месяц (довоенных рублей). Но в Германии от такого заработка сельскохозяйственные рабочие тысячами едут в города. В городах не надо ради получения 955 мар. заставлять работать и жену, иногда и детей. В городах гораздо меньшую часть заработка приходится получать путем обязательных сверхурочных работ, оплачиваемых часто для мужчины всего 7 коп. (15 пфен.) в час, а для женщины и того меньше. В имении императора Вильгельма «Граммэнц» (округ Новый Штетин) жены рабочих обязаны покидать домашний очаг и ежедневно приходиться на пятичасовую работу с 1 часа дня всего за 40 пфен. — меньше 4 коп. в час. Можно вспомнить по этому поводу известную кёнигсбергскую речь Вильгельма на тему: «Место женщины — дома». Прибавить мужьям 2 коп. в час — жены остались бы дома.

Что касается продолжительности рабочего дня, то вот, например, в имении князя Бисмарка установлен летом (с 1 апреля по 30 сентября) 10½-часовой рабочий день (кроме 6 недель уборки урожая, когда обязательна работа и сверхурочно и по воскресеньям). Зимой рабочий день 9 часов, иногда 7½. Число сверхурочных часов в год не превышает обычно 300, почти все приходится на 6 недель уборки урожая, когда рабочий день удлиняется до 16 час.

Не особенно редко в договорах встречаются и пункты вроде следующих: «Рабочие и работницы, занятые в государственном име-

⁴⁾ «Устав о челяди» распространялся на батраков, батрачек и домашнюю прислугу. Вплоть до 1914 г. случалось читать в немецких газетах об оправдании судом хозяев за сечение розгами горничных за мелкое воровство, леность и т. п., ввиду разрешения этого «уставом о челяди».

нии «Кольдинген» (Ганновер), не имеют права принадлежать к с.-д. партии или профессиональному союзу под страхом немедленного увольнения. Социал-демократические газеты не могут быть ни приобретаемы, ни читаемы. Все противоречащие этому договору найма предписания законов остаются без применения, и обязательность этого подтверждается подписью обеих сторон» (Ш м и д т, стр. 83).

Пошатнуть раньше все это устарелое законодательство и практику не удавалось, так как сельскохозяйственные рабочие были слишком разобщены, подавлены и некультурны, а энергичного и сильного индустриального пролетариата оно непосредственно не касалось и вызывало в нем поэтому лишь отвлеченное осуждение, а не практическое противодействие. Теперь, после совещаний с Генеральной комиссией профессиональных союзов и с правлением с.-д. партии, правительство пошло на уступки и приостановило на время войны действие «устава о челяди», предоставив решение окончательной участи этого закона будущему мирному времени.

Вместе с тем улучшены условия найма для городских рабочих, возвращающихся временно к земледелию. Сельские хозяева имеют полную возможность повышать заработную плату горожанам без уменьшения обычных своих доходов, ибо они выигрывают на плате военнопленных и на возросшей цене сельскохозяйственных продуктов. Для правильного же распределения рабочих сил вся Германия охвачена сетью союзов «общественно-полезных бюро по указанию труда», объединенных центральным бюро при имперском министерстве внутренних дел. Относительно проходящих чрез все эти бюро рабочих выясняется, не из деревни ли они родом и не согласились ли бы они предоставить себя теперь в распоряжение сельского хозяйства. Передвижение в деревню организовано, например, так. В Бранденбургской провинции сельскохозяйственная палата вступила в соглашение с сельскохозяйственным отделением союза учреждений по указанию труда этой провинции. Союз принял на себя обязательство доставлять лишь таких рабочих, которые когда-либо занимались сельскохозяйственными работами. Палата обязалась требовать рабочих лишь в таком количестве и для тех сельских хозяев, как это действительно требуется по состоянию наличности рабочих рук, и гарантировала, что всякий указанный союзом рабочий будет принят на место, каких бы он ни был убеждений и т. п. Непосредственно помещикам, без посредничества и ручательства сельскохозяйственных палат или других центральных сельскохозяйственных обществ, рабочие не отпускаются. Для рабочих посредничество бесплатно, равно проезд до места работы на счет нанимателя; хозяин же платит союзу от 2 до 5 мар. за доставленного человека, смотря по специальности (за холостого поденщика — 2 мар., за горничную — 5 мар. и т. п.). Если не позже 14 дней после начала работы рабочий бросит службу, нарушив контракт (после приостановки «устава о челяди» он может делать это свободно) — союз возвращает палате полученное за посредничество вознаграждение.

Меньше «церемоний» с обычными природными сельскохозяйственными рабочими, уже находящимися в деревне. Их «влечение к земледелию» поддерживается не столько уступками, сколько прикреплением к сельскому хозяйству на основании военного положения. Раньше эта мера принята была по отношению к русско-польским пришлым рабочим, которые обязаны были остаться у указанных им владельцев и работать на условиях обычного вознаграждения, но без права перемены хозяина. Подобная отмена свободы передвижения, свободы выбора профессии и свободы оставления должности введена и для немецких сельскохозяйственных рабочих, например, в Баварии с середины марта 1915 г., распоряжениями командующих военными округами.

Состоявшаяся в конце марта в Нюрнберге конференция баварских профессиональных союзов указала военному начальству, что тем самым сельскохозяйственные рабочие предоставляются всецело произволу своих нанимателей: всякая попытка оставить место подлежит наказанию до года тюрьмы, так что рабочий бессилен противиться попыткам ухудшить его положение — без письменного разрешения прежнего нанимателя никто не имеет права нанять его. Протест союзов не имел последствий, хотя выдвигут был проект оставить в силе запрещение нынешним сельскохозяйственным рабочим менять профессию, но разрешить им менять свободно хозяина.

Для сельскохозяйственных рабочих, таким образом, создано несколько норм, смотря по их роду: обычные сельскохозяйственные рабочие, закрепощенные пока местами за нынешними хозяевами; горожане, возвращающиеся к земледелию, которым предоставляется неограниченное право коалиций; военнопленные, работающие под стражей и за пониженное вознаграждение¹⁾; пришлые польско-русские рабочие, задержанные в качестве «гражданских пленных», но получающие обычное вознаграждение. Еще одним разрядом являются школьники. В сельских местностях ученики старших четырех и ученицы старших трех классов на семь месяцев, с 1 апреля до 1 ноября, согласно предписанию министерства освобождаются от ученья для полевых работ. В свободные недели они должны, впрочем, посещать школы. В Германии народная школа семиклассная, и потому это распоряжение охватило лиц от 12 до 15 лет. Принимая во внимание только сельскохозяйственное население, таких учащихся насчитывается 800 тыс. мальчиков и 600 тыс. девочек. Если считать, что четверо детей или подростков способны заменить одного взрослого рабочего, то полное использование этого источника дало замещение еще около 300 тыс. пар взрослых рабочих рук.

Важным источником является далее периодический отпуск из рядов армии масс солдат на те краткие периоды, когда сельское хо-

¹⁾ Пленные солдаты отпускаются лишь в те округа, где доказан недостаток местных рабочих сил, и лишь в количестве, не превышающем недостатка (чтобы нельзя было труд вольных туземных рабочих заменять дешевым трудом пленных солдат).

зайство требует особенно напряженной работы. Например, из распоряжения командующего войсками 7-го армейского округа от 24 февраля 1915 г. видно, что из состава армии были отпущены для производства весеннего сева на срок с 13 марта по 5 апреля (на 24 дня) все сельскохозяйственные рабочие, помещики из числа рядовых солдат, самостоятельные крестьяне, управляющие экономиями и экономические служащие. Нетрудно вспомнить, что этот месяц был как раз месяцем полного бездействия германских войск и на западном и на восточном фронте. Даже на Карпаты помогать австрийцам в район к западу от Ужского прохода, сколь ни опасно было там положение австрийцев именно в это время, германские войска, как видно из сообщений в газетах русского генерального штаба, явились лишь после истечения этого срока. Таким путем и было обеспечено производство посева в обычных размерах мирного времени. Все указанные выше меры были лишь подсобными средствами, чтобы свести вызов солдат из-под знамен к возможному минимуму.

Очевидно, к весеннему севу все описанные выше мероприятия не были еще завершены организацией, и германское правительство, не желая рисковать посевом, решилось на столь радикальную меру.

Во Франции и Бельгии сами немецкие солдаты, как видно из печатаемых в газетах «полевых писем», при помощи закупленных военным ведомством моторных плугов, сеялок и т. д. распахали и засеяли довольно большие пространства, чтобы впоследствии меньше требовать продовольственных припасов с родины. К таким же «побочным занятиям» обратились по призыву правительства и при его поддержке многие индустриальные и железнодорожные рабочие в самой Германии. Не оставляя своего главного занятия, в свободное время силами своими и своей семьи они занялись на отведенных им бесплатно участках огородничеством, засевая овощи и картофель. Например, из 30 тыс. железнодорожных рабочих эльберфельдского железнодорожного округа целых 20 тыс. взялись за это дело и возделали, таким образом, сто тысяч аров.

В общем и целом, если германскому сельскому хозяйству удалось вспахать и засеять обычную по размерам площадь, то лишь благодаря совокупности государственных мероприятий, обеспечивших земледелию нужную ему рабочую силу. И в этом отношении, как и в вопросе с прокормом скота и т. п., оно оказалось фактически как бы одной из отраслей государственного хозяйства, своеобразной лишь в том отношении, что заботы выпадают тут на долю государства, а доходы остаются в руках сельских хозяев. Это, понятно, вполне соответствует общему духу строя «государственного капитализма».

VI

Государственное вмешательство не ограничилось областью удобрения, живого и мертвого инвентаря и рабочей силы. Оно охватило

и основную предпосылку земледелия — самую землю. Государство поставило своей задачей увеличить пространство возделываемых полей и взяло с этой целью под контроль всех землевладельцев, перейдя, в конце концов, прямо к общественному земледелию в описанном ниже размере.

Хронологически первым и самым скромным из этого ряда мероприятий было усиление культивирования пустырей и болотистых мест. Общая площадь их, пригодная при культивировании для сельского хозяйства, составляет в Германии около 2 млн. гект. Между тем вся возделываемая площадь охватывает здесь лишь 26 млн. гект. Обработка запущенных или остававшихся доселе без внимания 2 млн. могла бы сыграть большую роль в увеличении продовольственных запасов Германии.

Опыт последних лет показывает, что обработка пустырей и осушенных районов при надлежащем удобрении, к чему имеется полная возможность, уже в первый год дает вполне приличные урожаи, которые затем еще возрастают. Например, Ганиш, директор Вестергорнской экономии (основанной на такой земле в Люнебургском районе), в книге своей «Германское сельское хозяйство при Вильгельме II» рассказывает, что первые же средние урожаи ржи составляли 300 кг на морген, овса — 200 кг, кормовой свеклы — 10 тыс. кг, картофеля — 6 тыс. кг и т. п. (что соответствует на десятину около 84 пуд. ржи, около 56 пуд. овса и т. д.).

Между тем нынешние владельцы пустырей и нуждающиеся в осушении мест очень мало думают об их культивировании. Большая часть этих владельцев — крестьяне, часто не имеющие средств для подобных работ; но и вообще владельцы предпочитают ждать, пока рост внутренней колонизации не подымет спрос и на такие участки настолько, чтобы выгодно стало продавать их людям, готовым взять на себя труд и расходы культивирования, лишь бы «сесть на землю» самостоятельно. Возделывание подобным пионером хотя бы одного участка сейчас же подымет цену на все окружающие поля или болота, и возможная выручка землевладельцев растет без всяких хлопот и затрат с их стороны. Так, в том же Люнебургском районе за морген подобной еще подлежащей культивированию земли 15 лет назад платили только 35 мар., а теперь 150, вчетверо больше (Ганиш).

Ввиду таких обстоятельств, как только выяснился длительный характер войны, а именно 28 октября 1914 г., Союзный Совет издал законодательное постановление об организации принудительных товариществ для обработки пустырей и нуждающихся в осушении участков. Согласно этому закону правительства отдельных германских государств получили право декретировать образование товариществ для культивирования из всех владельцев подобных участков каждого района совершенно без согласия и даже против согласия владельцев. В случае надобности культивирование может производиться за счет подобного товарищества распоряжением властей. Что касается подобных участков, принадлежащих государству, а также

пригодных для обработки площадей из состава казенных лесничеств, то их предписано сдавать (тоже еще осенью 1914 г.) на особо льготных условиях тем, кто обязется так принятаться за дело, чтобы уже в 1915 г. на них появились рожь и картофель. Льготной сдачей этой воспользовались весьма многие, как сообщило впоследствии министерство.

Для облегчения культивирования государство ввело затем субсидии, в каждом районе в соответствии с местными условиями. Например, в округе Юльцен, как видно из объявления местного ландрата от 23 февраля 1915 г., на каждый гектар подлежащей культивированию земли выдается около 70 мар. Этого достаточно для покрытия там около трех четвертей издержек, включая в них и расход на первое удобрение. Подобная пропорция обычна и в других округах.

Наконец, в качестве рабочей силы предоставлены были военнопленные, преимущественно русские как наиболее пригодные, по мнению немцев, к тяжелым земляным работам. В одном только округе Галле (часть Бранденбургской провинции) у образованного на основании закона 28 октября товарищества работало уже в феврале 1915 г. 30 тыс. русских пленных солдат. Государство приняло на себя лишь треть всех расходов по мелиорации, а остальные две трети товарищество получило в долг от провинциальной заемной кассы на льготных условиях. Все издержки составляют 7 марок за морген, а возрастание дохода оценивается в 35 марок.

Недалеко от Берлина, вдоль реки Гавель, приводится пленными в порядок 50 тыс. гектаров. В Померании, у реки Леба 3 тыс. русских осушили 7 тыс. гектаров. В Шлезвиг-Гольштейнии и прилегающих районах этим делом занято 70 тыс. русских солдат и т. д. Подобными сообщениями все время пестрели газеты и специальные органы. Солдатам, занятым на этих работах, выдается не в пример прочим пленным почти по два фунта хлеба в день (750 г, в том числе 20% припеченный картофель) и еще по 50 пфен. на прокорм человека в день. Работой их начальство и «товарищество довольны», и по данным журнала «Социале Праксис» каждый русский солдат, работая по 6—7 часов в день, при культивировании болотистых мест обрабатывает в среднем 100 м² так безусловно, что лучше и желать нечего. Иначе сказать, каждый работник-солдат за каждые сто дней работы увеличивает культурную площадь Германии на один гектар (почти на десятину). Таким образом в 1915 году было засеяно уже несколько сот тысяч гектаров вновь приобщенной к сельскохозяйственной площади земли, а к следующему севу должно было быть готово еще несколько сот тысяч.

Увеличение культурной площади, столь значительное и столь быстрое, останется, разумеется, постоянным приобретением сельского хозяйства Германии и для мирного времени, повышая ту долю ее продовольственного потребления, какую она покрывает собственным производством.

Дело приведения всей возможной сельскохозяйственной площади страны в культурный вид осуществлялось, таким образом, в Германии прямым распоряжением государственного целого, в значительной степени за его счет и помощью предоставляемых им рабочих сил, притом принудительным порядком, безотносительно к желанию или нежеланию частных собственников земли. Эта черта «неуважения к правам частной собственности», как характеризовала ее одна газета, вообще является отличительной в мероприятиях германского правительства относительно расширения площади сельского хозяйства. И так как германское правительство отнюдь не отличается неуважением к свободе воли германских землевладельцев, то ясно, — оно принуждено было стать на этот путь только полным банкротством режима частного хозяйства и усмотрения в германском земледелии режима, грозившего превратиться при сохранении его в неприкосновенности в величайшую «национальную» опасность при данных условиях. Понятно громадное значение для масс населения этого наглядного урока, преподанного под влиянием войны ходом вещей в столь градиозном масштабе.

Следующей хронологически мерой явилось привлечение к земледелию в качестве подсобного занятия индустриальных рабочих, причем площадью приложения их сил должны были служить земли, хотя и не нуждающиеся в мелиорации, но остававшиеся по разным причинам невозделанными. В расчет могли идти только участки, находящиеся в непосредственном соседстве с местом жительства рабочих, при условии предоставления этих участков семьям рабочих бесплатно — ибо для покупки могло не оказаться ни средств, ни желания. Размер таких участков должен был быть приурочен к средней величине рабочей семьи, чтобы силами детей, жены и мужа в свободное время могли быть осуществлены уход и присмотр за участком. Возделываемыми растениями должны были быть только овощи и картофель, так как в городах и вблизи городов огородничество по экономическим причинам гораздо уместнее, чем посев зерновых хлебов, и вообще пригоднее для хозяйства карликовых размеров. Наконец, организация всего дела предполагала, что какие-либо центральные учреждения должны взять на себя заботу о начальных наиболее трудных стадиях работы, — распахка земли, удобрение, может быть, посев, — ибо у отдельной рабочей семьи нет ни времени, ни средств возиться со всем этим. Между тем миллионы карликовых огороднических хозяйств, которые могли бы быть созданы таким образом, в своей совокупности могли бы дать довольно много для повышения продовольственных запасов страны и для привлечения рабочей силы к некоторой части сельскохозяйственных работ. Потому пренебрегать этим делом не приходилось, и оно и было организовано на указанных выше началах.

Главным запасом свободных земель для этой цели были незастроенные участки в городах и около них, равно как неиспользованные полосы вдоль линий железных дорог, лежащие в пределах

полосы отчуждения. Размером каждого образуемого картофельно-огороднического участка принято от 400 до 440 м² (т. е. до одной двадцать пятой десятины). Такой участок достаточен, чтобы обеспечить картофелем на год семью из четырех душ (или соответственным количеством овощей).

Полоса отчуждения железных дорог предназначена особенно под овощи, и здесь организатором дела выступила непосредственно государственная власть. Циркуляр министра путей сообщения Брейтенбаха еще в начале января 1915 г. предписал, чтобы железнодорожные управления за свой счет немедленно обеспечили возможность поливки всех участков (заготовлением рукавов, рытнем колдцев, проведением канав). Железнодорожные управления должны были озаботиться также доставкой удобрения и распахкой за свой счет. Затем участки должны были раздаваться железнодорожному персоналу для посева преимущественно раннего картофеля и ранних овощей, чтобы успеть собрать в 1915 г. несколько урожаев. Плата должна браться только за семена, если и семена доставляются железнодорожным управлением (во многих местах семена были закуплены профессиональными союзами железнодорожников при финансовой поддержке управлений). Министр рекомендует награждать тех рабочих и служащих, которые достигнут наилучших успехов на своих участках, ставя на вид, что здесь патриотический долг соединяется с собственной выгодой: весь сбор без всякой арендной платы достается взявшему участок рабочему.

Длина всех широко- и узкоколейных и местных железных дорог в Германии составляет около 70 тыс. км. Железнодорожных рабочих и служащих в Германии почти 800 тыс. Судя по опубликованным данным отдельных железнодородных округов, участки были взяты двумя третями их, т. е. образовано около полумиллиона участков, обеспечивающих картофелем (или соответственно овощами) до двух миллионов человек на год. В общей экономике страны, где на счету каждый кусок, где хлеб, мясо и картофель раздавались горожанам по карточкам в точно определенном количестве, — и это имеет значение, хотя бы дело шло о 3% населения.

Менее всеобщим было введение огородничества в городах. Правда, оно было организовано в большом количестве мест, но не было такого принудительного предписания центральной власти, распространяющегося на все города страны, какое было издано, например, австрийским правительством ранней весной в том же 1915 г. За всем тем и городское огородничество на незастроенных участках и т. п. приняло в Германии такие размеры, что обеспечило картофелем вряд ли многим меньшее количество населения, чем земледелие железнодорожное.

Образцом для всех городов послужил здесь Берлин. В первой половине января 1915 г. жители Берлина с удивлением увидели моторный плуг, взрывающий девственную почву «Темпельского поля», окруженного многоярусными громадами. То же происходило в это время и на других пригородных по почве для засева незастроен-

ных участках во всех концах города. Всего оказалось их столько, что могли быть образованы участки для 25 тыс. рабочих семейств.

При финансовой поддержке министерства сельского хозяйства берлинские профессиональные рабочие союзы, рабочий потребительский кооператив «Велико-Берлина», союзы домовладельцев и другие организации объединились в «товарищество для обработки незастроенных участков». Товарищество по уставу не имеет права получать какую бы то ни было прибыль. Дирекция его состоит из трех лиц: секретарь одного из «свободных профессиональных союзов» (с.-д.) Риттер, представитель берлинского рабочего кооператива Ламм (тоже с.-д.) и представитель министерства д-р Гепкер.

Под давлением правительства домовладельцы Берлина и пригородов передали этому «товариществу» бесплатно в пользование до окончания войны все принадлежащие им незастроенные участки. То же сделал город со своими большими площадями и т. п. Товарищество за свой счет разбило все это на участки, распахало их, удобрило, приобрело посевный материал и засеяло. Все это было в интересах дешевизны, быстроты и по указанному выше соображениям организовано как крупное производство. По окончании посева каждый из участков сдан одному из членов профессиональных рабочих союза. На обязанности рабочего-арендатора лежит уход за участком во время роста, удаление сорных трав и сбор урожая, поступающего полностью в его собственность. По оценке экспертов на участке в 440 м² (около 100 кв. саж.) должно быть собрано 36 пуд. картофеля в среднем (почти все участки предназначены под картофель).

За землю рабочий ничего не платит. В качестве аренды он платит «товариществу» только действительную сумму издержек по организации всего дела (удобрение, посадка и т. д.), приходящуюся по расчету на 1 участок. Эта сумма определена в 25 мар. за участок; так что немецкий фунт картофеля (= 1¼ русского фунта), если не считать собственного труда на присмотр и уборку, будет обходиться рабочей семье всего в 2 пфен. вместо 10 пфен., которые он стоил летом на свободном берлинском рынке, и вместо 6 пфен., за какую цену продает картофель менее состоятельной половине населения Берлинская городская дума до осени. При этом 7½ мар. платилось вперед, а остальную сумму рабочий-арендатор вносил по 50 пфен. в неделю. Сдача участков и прием платы производились профессиональными союзами и кооперативом.

Отобрать у законных владельцев, да еще крупных домовладельцев, их участки бесплатно на года и передать их в управление рабочим организациям ради усиления питания ста тысяч рабочего населения — этого берлинцы до войны, конечно, никогда не видели. Зато теперь у них развивается желание видеть подобное и в будущем.

Одновременно с организацией посева на незастроенных участках объединены были в особую организацию более 12 тыс. берлинских семей, тоже преимущественно из рабочей среды, получивших вблизи

города участки для разведения овощей. На окраинах многих германских городов находятся такие «беседочные колонии»: куча участков, каждый по 100-300 м² с легким деревянным летним домиком-беседкой посредине. Лучше зарабатывающие рабочие снимают на очень льготных условиях на неопределенный срок у города такой участок, где возятся весной и летом их дети, а по воскресеньям и сами родители. Всего в «Велико-Берлине» 45 тыс. таких колониатов. Вторую центральную организацию для них образует «Военный комитет овощного питания», также образовавшийся после начала войны.

Все эти участки предназначены были для усиленного разведения овощей. Городской сад отпустил бесплатно полмиллиона овощных рассад; сверх того пород ассигновал денежную субсидию. Оба центра бесплатно руководили засевом, доставляли удобрение и семена и т. п. Подобная же организация посева картофеля и овощей на незастроенных участках в самом городе и на парцеллах «беседочных колониатов» возникла в очень многих провинциальных городах. Как и засев полос у железных дорог, как и культивирование пустырей и болот, — все это имело целью расширить площадь земледелия и огородничества, т. е. касается в конце концов, лишь небольшой части всей площади страны. Более общее и всеобъемлющее значение и больший принципиальный интерес имеет зато мера, введенная законом 31 марта 1915 г., как уже более крупное мероприятие по подчинению всего сельского хозяйства общенациональным целям. При городском и беседочно-колониатском огородничестве централизованная подготовка производства находит себе индивидуальное завершение. Мартовский же закон вводит в известные случаи на всем протяжении Германии общественную организацию производственного процесса во всем его объеме.

Сущность постановления Союзного Совета от 31 марта заключается в следующем. Все сельские хозяева, землевладельцы и арендаторы, обязаны доставить в кратчайший срок местной администрации сведения о своем полеводстве. Должно быть сообщено, все ли находящиеся в их распоряжении поля засеиваются в этом году и какая часть и где оставляется невозделанной по каким бы то ни было причинам. Если сельский хозяин «не докажет возможности возделывания им» всех находящихся в его распоряжении полей или если прямо заявит, что не хочет или не может засеять той или иной части своей площади или всей ее, — то все такие участки немедленно и принудительно изъются из его пользования до конца 1915 г. и передаются на это время местному самоуправлению. Вопрос, должно ли и насколько местное самоуправление вознаградить собственника за пользование его землей, согласно § 3 закона, решается местной администрацией. Вместе с землей к местному самоуправлению переходят от владельца постройки и прочие принадлежности сельского хозяйства. Владелец не имеет права протестовать против того применения, какое даст местное самоуправление его земле и средствам производства.

На переданных ему участках местное самоуправление обязано вести за свой счет сельское хозяйство «по правилам упорядоченного хозяйства». При недовольстве решением местной администрации обеим сторонам предоставляется жаловаться высшей администрации не позже 7 дней с момента решения. Приговор высшей администрации не подлежит обжалованию.

Под местным самоуправлением закон 31 марта понимает не отдельную общину, а союз мелких местных самоуправлений, соответствующий примерно русскому уездному земству. Таким образом, по этому закону земство получило в свое прямое хозяйственное управление все те помещичьи и крестьянские земли, владельцы которых не могли или не желали обрабатывать их в военное время за свой счет. Перед нами коммунальное земледелие как обязательная для всей Германии мера, распространяющаяся на крупную площадь, — ибо в это время по понятным причинам нашлось бы достаточно земли, оставшейся без обработки, без такого предписания.

Подобное вмешательство в права частного собственника имеет уже прецедент в истории хозяйственных мероприятий Германии в нынешнюю войну и кроме постановления о принудительном культивировании пустырей и болот. Именно, баденское правительство издало весной того же 1915 г. закон, согласно которому необработанные земли не только отбираются у землевладельца, но могут быть отобраны даже вовсе без вознаграждения, если он в противность предписанию администрации не применит их к производству продовольственных и кормовых средств. Отобранные земли тоже передаются местному самоуправлению.

Побудительным мотивом сначала баденского, а затем и общегерманского правительства была, разумеется, не программная склонность к муниципализации земледелия, а желание видеть засеянной возможно большую площадь. Но средством осуществления пришлось избрать именно отдачу части земледелия в общественное заведывание, и опыт массовой организации муниципальных земледельческих ферм не может пройти, конечно, бесследно. Мысли рядового потребителя такая организация производства представляется естественным завершением организации распределения коммунального земледельческих продуктов. Такая организация стала теперь в Германии общим правилом. Житель какого-либо Вильмерсдорфа — берлинский пригород с более чем сто тысяч жителей — получал все время хлеб из булочной по карточке, выданной ему городской думой; получал картофель по карточке, выданной городской думой, притом непосредственно из городских складов; получал мясо не только по городской карточке и из городской лавки, но еще и переработанное из свиньи распоряжением и за счет города и т. д. Но если в сфере обмена превратить хлебное дело в отрасль коммунального хозяйства, то по понятным причинам усиливается тяготение к муниципальной организации и самого земледелия: зачем местному самоуправлению дорого платить за хлеб помещику, когда оно может гораздо дешевле предоставить его потребителю-избирателю, организовав собственную

земледельческую ферму и доставляя затем хлеб населению по заготовительной цене. Немецкие города уже устраивают как постоянные учреждения собственные свинные, молочные, даже кроличьи и рыбные фермы. Раз общественное внимание обратилось сюда и раз выгоды ясны, нет причин не устраивать и земледельческих ферм. То обстоятельство, что где оказались несостоятельными частные владельцы, там спасение было найдено у общественного самоуправления (закон 31 марта и т. п.), — чрезвычайно усиливает доверие к хозяйственной пригодности органов самоуправления как организаторов сельскохозяйственного производства и обмена.

В итоге не только с.-д., но и самые обывательские круги начинают высказываться в смысле необходимости поставить земледелие в такое же положение, в каком находятся железные дороги и городские водопроводы. Такая социально-благонамеренная газета, как «Остзе-Цейтунг», писала по поводу закона 31 марта, что коммунальное земледелие должно быть перенесено и в мирную эпоху как «прочное приобретение немецкого народа». Патриотическая газета не преминула подкрепить это и военно-политическими доводами: подобная организация будет наилучшей хозяйственной подготовкой ко всякой новой, возможной в будущем войне.

Что касается рабочих организаций, то они выработали систему мероприятий, охватывающую весь ряд, начиная от нынешнего положения, продолжая переходными мерами и кончая полной организацией производства продовольственных средств местными самоуправлениями. За подписями Генеральной комиссии германских профессиональных рабочих союзов и центрального правления германской с.-д. партии заявление это было передано в качестве материала имперскому правительству еще 13 августа 1914 г. Для поддержки вообще продовольственных требований, выдвинутых этой партией, ей удалось организовать из всевозможных организаций «Военный комитет защиты потребительских интересов». В этот комитет вошли представители профессиональных и кооперативных рабочих организаций разных направлений (с.-д., центра, либералов, пслъск.), организаций торгово-промышленных служащих, железнодорожников, учителей, почтовых и иных чиновников, всевозможные женские благотворительные общества и т. д. В общем Военный комитет представлял интересы потребителей объединил по его данным до 7 млн. потребляющих семейств или около трети всего населения Германии. Понятно, голос этой новой мощной организации выслушивается пред всякими серьезными мероприятиями в области народного продовольствия, и, поскольку свидетельствуют многочисленные опубликованные ею докладные записки, она стоит на почве предложений упомянутого выше заявления Центрального комитета с.-д. партии и Генеральной комиссии профессиональных союзов. Заявление это, кое-что из которого действительно осуществлено уже правительством, как видно из предшествующего изложения, — распадается на восемь пунктов, заголовки которых следующие:

«I. Меры для регулирования производства.

1. Организация сбора урожая и приведение его в могущее быть использованным состояние.

2. Установление обязанности сельского хозяина к определенным родам производства. Немедленная обработка невозделанных полей быстро растущими овощами и кормовыми средствами. Организация скотоводства и молочного производства.

II. Меры для обеспечения средствами производства.

1. Поставка удобрений и посевного материала общественными учреждениями и регулирование их применения.

2. Поставка владельцам машин для интенсивного применения союзами местных самоуправлений.

3. Открытие лесов и болотистых районов для сбора хвороста и т. п.

III. Обеспечение рабочими силами.

1. Регулирование найма.

2. Обеспечение минимальной заработной платы.

3. Отмена «устава о челяди» и исключительных законов против сельскохозяйственных рабочих.

IV. Предписания о применении продуктов. Исключение применения картофеля и пшеницы для изготовления алкогольных напитков. Регулирование ограничения производства пива, сахара, крахмала.

V. Обязательство сельских хозяев продавать свои продукты общественным учреждениям (империи, отдельным государствам, местным самоуправлениям).

VI. Установление обязательных цен на средства производства и на продукты сельского хозяйства для производителей и для торговых посредников.

VII. Производство жизненных средств и регулирование их обращения учреждениями местного самоуправления.

VIII. Соответственное распространение этого также на рыболовство, лесное хозяйство, угольное производство и химическую индустрию».

Следует отметить, что во всей истории государственного попечения об организации земледелия противники таможенных пошлин в Германии видят лучшее свидетельство банкротства системы аграрного протекционизма. Нам всегда говорили, пишут они, что таможенные пошлины на хлеб необходимы для максимального развития отечественного сельскохозяйственного производства. Но пришла война, и оказалось, что у нас праздно лежат невозделанные пространства, превышающие в общем целую провинцию, что урожайность и техническое совершенство хозяйства не стоят во многих предприятиях на должной и возможной высоте, словом, что пошлины на хлеб оказались такой же премией за отсталость и невниманием к интересам общественного целого, какою являются часто пошлины индустриальные. От взятия измором Германию спасли не таможенные пошлины на хлеб, а муници-

пальная организация потребления, обеспечения предприятий средствами производства и отчасти самого производства. Но развивать государственно-муниципальную организацию земледелия и обмена его продуктами с успехом можно и без таможенных пошлин, и потому «сохранение их не может иметь оправданием доводы относительно национальной безопасности».

2. УРБАНИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ¹⁾

Война с особой силой привлекла внимание широких масс населения к сельскому хозяйству. Система высоких таможенных пошлин обанкротилась. Хлеба и прочего оказалось недостаточно, хотя и Франция, и Германия, и Англия могут производить в собственных пределах гораздо больше продовольствия, чем производят, могут производить вполне достаточно для их нынешнего населения. Частнохозяйственное усмотрение в распоряжении производством и его результатами привело к непомерной дороговизне, несоответствующей издержкам производства, к неизбежности почти всюду государственного вмешательства.

Все это привело широкие круги к ясному сознанию несоответствия между общественным назначением земледелия — обеспечивать обществу пищу, основное условие его существования, — и между нахождением его в руках отдельных собственников, руководящихся своими личными выгодами, а не общественным назначением сельского хозяйства. Конечно, это лишь частный случай общего несоответствия, лежащего в основе капиталистического строя. Частным случаем в свое время было и бесконтрольное распоряжение железными дорогами их владельцами.

Главную массу покупателей-потребителей продуктов сельского хозяйства составляют наемные рабочие и служащие. Под их давлением там, где обанкротилось частнохозяйственное усмотрение, за спасение положения принялось буржуазное государство в целом, поручая в той или иной степени осуществление регулирования сельскохозяйственного производства и обмена учреждениям местного самоуправления. Таким образом городские думы как органы горожан-потребителей пришли в широкое соприкосновение с проблемой обеспечения народного продовольствия и соответственной организации для этого сельского хозяйства.

Наиболее далеко дело зашло естественно в той стране, где дороговизна и результаты непригодности нынешней организации земледелия к общественным интересам прозвали привести к наихудшим результатам, — в Германии. Сначала здесь предоставлено было городским думами только регулировать распределение булочниками готового хлеба между потребителями — лишь функция контроля над конечной стадией обмена (хлебные карточки). Потом

¹⁾ Напечатано в 1915 г. отчасти в «Современном мире», отчасти в Швейцарии.

(в деле снабжения картофелем) в ведение городского самоуправления перешла и самая розничная продажа: доставленный свыше картофель продается городом за свой счет из городских лавок. Еще шаг сделан был в области обеспечения мясом: города получили право принудительного отчуждения свиней от частных владельцев, сами перерабатывают живых свиней в пригодную для потребления форму, организуют за свой счет и розничную и оптовую стадии обмена и отчасти самое производство.

Еще до войны ряд германских городов ввиду дороговизны мяса купил в сельских местностях землю и завел городские питомники свиней для обслуживания городских учреждений (больницы, приюты, тюрьмы, городские рабочие) и для продажи населению из городских лавок. В 1914 г. Шанеберг (180 тыс. жителей) имел даже кроличью ферму, а свиные городские фермы заводились Эссенем (300 тыс. жителей), Маннгеймом (200 тыс. жителей), Карлсруэ (150 тыс. жителей), Альтоной (180 тыс. жителей), Лейпцигом (600 тыс. жителей), Ульмом (60 тыс. жителей) и многими другими.

Здесь мы переходим уже в область самой доподлинной «урбанизации» сельского хозяйства, превращения его в одну из отраслей деятельности городских самоуправлений, помощью чего эти самоуправления желают оградить обслуживаемое ими население от тяготеющего над ним иначе аграрного гнета. Одно тянет здесь за собой другое. Сначала город хочет обеспечить мясом свои учреждения, фуражом своих лошадей. Для свиных ферм требуется покупать корм — начинается переработка кухонных отходов, которые оказываются очень пригодным кормом и для рогатого скота. Молочные фермы следуют за свиными (целый ряд немецких городов обзавелся своими «Мильх-централями» еще до войны), и избытки молока начинают продаваться на сторону. От отдельных опытов переходят к более систематическому продовольственному обслуживанию городских учреждений производством припасов за городской счет. От продажи избытков переходят к постепенной реализации планов по обслуживанию продовольственных потребностей городского населения вообще, сначала хотя бы в отдельных отраслях — мясо, молоко, корм для скота и т. д. Так, постепенно раскачиваясь, шло, все расширяясь, движение в эту сторону уже в последние мирные годы, оставаясь все же пока лишь рядом отдельных интересных случаев.

Вслед за мясом, молоком и т. п. начались и отдельные (и успешные) попытки городов организовать за собственный счет производство зерна. Можно привести в пример город Глазго в Шотландии. Речь идет здесь не об огородах на полях орошения или о сдаче в аренду городских земель подгородным хозяевам, а о коренном сельскохозяйственном производстве в крупном масштабе. Глазго в 1902 г. приобрел три поместья. Одно из них находится в 70 верстах от города и занимает 14 640 акров. Ардгойль — название поместья — посвящен всецело заготовке мяса. Здесь содержатся городские овцы (8 550 голов) и немного коров. Другое поместье, Ридинг, всего

в 17 верстах, и близко от него третья, Робройстон. В этих двух ведется земледельческое хозяйство за счет города с применением новейшей техники, дорожих молотилок для зерна, сортировальных машин для картофеля и т. д. Площадь — 1 502 акра. Ценность годового производства — 75 тыс. руб. Главные культуры — ячмень, овес, пшеница (9 тысяч бушелей), свекла (около 50 тыс. пуд.), картофель и травы. Большая часть продуктов потребляется различными городскими учреждениями: полиция, пожарная команда, госпитали и т. д. Продано за год горожанам всего на 18 тыс. руб. (все по отчету за 1913 г.).

Особенно надо подчеркнуть, что хорошие финансовые результаты получены при наилучших условиях труда для сельскохозяйственных рабочих, какие только существуют в Англии. Согласно постановлению Глазговской городской думы заработная плата и к о м у не может быть менее 50 рублей в месяц (25 шиллингов в неделю). Кроме воскресений предоставляется еще полдня свободных каждую неделю по субботам. Сверхурочные работы устранены почти совершенно, даже во время сбора урожая прибегают к найму дополнительных вспомогательных сил, но не к сверхурочным работам. В силу английского избирательного права рабочее население Глазго имеет влияние на свою городскую думу, и потому муниципалитет несколько иначе относится к наемным им земледельческим рабочим, чем частные предприниматели.

Городские поместья используются самым различным образом. То отправляют туда безработных из города превращать торфяники в удобную для обработки площадь, то переводят городских лошадей в деревню и обратно для уменьшения вредного влияния твердых городских мостовых. А то недавно глазговское рабочее население пожелало иметь и получило от города «свой» пароход, чтобы ездить по воскресеньям гулять в «свое поместье».

В одном из номеров «Нее Цейт» еще перед войной можно было найти любопытное описание крутных земледельческих предприятий, организуемых дирекциями некоторых крупных же промышленных предприятий для продажи продовольствия своим рабочим и служащим. Побудительным толчком было длительное вздорожание земледельческих продуктов на рынке и боязнь ввиду этого непрерывных забастовок с требованием повышения заработной платы. Иные крупные фирмы рассчитали, что выгоднее завести собственное земледельческое производство для продажи по себестоимости с начислением лишь прибавки, достаточной для оплаты затраченного капитала согласно среднему уровню процента в стране.

Так, Дортмундское гарпеновское горнопромышленное общество, занимающее 30 тыс. рабочих (с семьями целый город), приступило к этому еще с 1907 г. Начало было скромно — за 253 тыс. мар. было куплено поместье Геесте. Постепенно дело развилось, и в 1912/13 отчетном году для пашни (главные культуры — рожь и картофель) применялся уже паровой плуг в 60 лошадиных сил, затем шестидесятисильный же локомобиль для молотбы и т. д. А в

области производства своего мяса (главным образом свиней) сделаны такие успехи, что за отчетный год рабочими куплено его на 850 тыс. мар. по ценам дешевле рыночных ¹⁾.

Количество примеров-прецедентов «урбанизации земледелия» можно было бы увеличить. Здесь происходит сближение города и деревни, соединение индустрии и земледелия для многих, быть может, новым и неожиданным путем. Индустрия в узком смысле знает много «комбинированных» предприятий. Производство готового металлического продукта, например рельсов, соединяется в одно хозяйственное предприятие с выплавкой чугуна из руды, и все вместе присоединяет к себе еще горные промыслы, доставляющие домам руду и уголь. Комбинация разных производств создает здесь одно экономическое целое из всего пути продукта от недр земли и до момента применения его в уже совершенно обработанном виде. Урбанизация, превращение земледелия в одну из отраслей городского хозяйства создает нечто вроде подобной комбинации в одном из основных проявлений производительной деятельности человека, подчиняя планомерно действующей общественной организации доставку пищи, на основе которой современное городское человечество может прилагать затем свои силы к индустриальной и всякой иной работе.

Без урбанизации (т. е. без подчинения германского сельского хозяйства германскому пролетариату) успехи рабочего движения поглощаются земельной рентой. Уже более десяти лет мир вступил в эпоху дороговизны сельскохозяйственных продуктов. Немецкие рабочие устраивают стачки против своих фабрикантов, с величайшим трудом вырывают у них уступки, а уровень их быта не поднимается, потому что жизнь в Германии делается все дороже. Но известно, что фабричные товары стоят теперь дешевле, чем при наших отцах, — дороговизна обуславливается как раз продуктами аграрными. Вопрос о преодолении дороговизны жизни неизбежно должен стать в центре внимания германского рабочего движения после войны, как начинал уже было занимать первенствующее положение перед войной. Если подчиненные рабочему управлению (когда оно создается) города возьмут в свои руки земледелие в объеме, достаточном для удовлетворения основных потребностей городского населения, то рабочий класс будет иметь хлеб и мясо по минимальной технически возможной себестоимости. Ибо нынешняя дороговизна покоится не на ухудшении качества почвы, не на серьезном вздорожании обработки, а на своекорыстном использовании аграрными элементами выгодных для них объективных и общественных условий (рост индустриального населения в Америке, поднятие цен до уровня пошлин на хлеб, ими же самими произвольно устанавливаемых и т. д.). Урбанизация делает земле-

¹⁾ Эти примеры городского и фабрично-заводского земледелия имелись мной в виду, когда в начале 1918 г. стал развивать мысль о создании в Советской России «приписного» к фабрикам земледелия и совхозов. — Примечание 1926 г.

дельческое производство независимым от соображений наживы, оно руководствуется отныне только интересами тех масс потребителей, которых обслуживает ¹⁾).

До войны внимание пролетариата не останавливалось на этом. До войны внимание сосредоточивалось на борьбе против хлебных пошлин. Отменой таможенных границ надеялись обеспечить дешевую пищу. Не вошел еще во всеобщее сознание, в сознание масс, факт вступления Европы в период все меньшей возможности покрывать свою потребность в земледельческих продуктах привозом из-за моря. Индустриализуются внеевропейские аграрные страны, все меньшую долю своего аграрного производства могут отправлять они в Европу, все больше надвигается на Европу судьба быть предоставленной, главным образом, самой себе в удовлетворении потребности своей в хлебе. Потому отмена пошлин недостаточна, придется перейти к планомерной организации земледелия в широком масштабе, чтобы увеличить значительно количество производимых в самой Европе сельскохозяйственных продуктов. Интересы самосохранения европейского населения вступают здесь в решительное противоречие с интересами кармана пынешних сельских хозяев. Мы все более приближаемся к моменту, когда решительные пункты программы — минимум о земле во всех развитых странах из вопроса теории станут вопросом сегодняшнего дня.

Частнохозяйственные аграрные предприниматели заинтересованы в недостатке их продукта на рынке. Индустриальные картели достигают этого искусственными мерами по ограничению снабжения внутреннего рынка. Получать от земли максимум того, что она может дать, можно лишь устранив частнохозяйственное усмотрение в области распоряжения земледельческим производством. К тому же многие сельские хозяева даже и при желании не имели бы возможности поставить хозяйство на должную техническую и научную высоту.

Дороговизна на пищу останется и после войны — она создавалась уже до нее. Потому прочность интереса рабочих масс к аграрному вопросу обеспечена. Сельскохозяйственное производство должно быть подчинено прямому усмотрению и управлению потребителей хлеба. Это стало лозунгом в воюющих и в нейтральных странах во время войны, это должно остаться требованием масс пролетариата и после нее. Осуществление хлебной монополии в Швейцарии, в Германии, отчасти в Австрии, Венгрии и т. п. меры, даже если сначала полностью будут отменены после мира (чего нельзя сказать наверное), оставят в сознании населения глубокий след, облегчающий восприятие более последовательных и более далеко идущих требований в этой области.

¹⁾ Конкретная историческая обстановка борьбы за социализм в СССР делает невозможным считать «урбанизацию земледелия» (т. е. у нас — создание и развитие государственных совхозов) основным путем развития в настоящее время. Но общее их значение со временем, можно думать, возрастет. — П р и м е ч а н и е 1926 г.

До сих пор проекты национализации земли ограничивались выполнением отрицательной задачи: сломить социальную мощь помещичье-феодалского класса и передать его земли крестьянам либо буржуазным арендаторам. Лозунг «конфискации» (в избирательной платформе германской с.-д. «отчуждения крупноземельной собственности» — январь 1912 г.) выдвигался пролетариатом раньше прежде всего в качестве противопомещичьего и как средство привлечения крестьян на сторону рабочих. Теперь пришла пора превращения его, наряду с этим его значением, также в такой же специфически пролетарский, как повышение заработной платы или восьмичасовой день. Превращение это достигается путем вкладывания в юридическую форму (национализация) определенного хозяйственного содержания — урбанизация, организация рабочими общественными самоуправлениями или рабочим государством крупных земледельческих ферм за свой счет и в своем управлении для поставки потребителям пищи по заготовительной цене.

Урбанизация уничтожает, далее, пропасть между людьми труда города и деревни. В этом отличие ее от попыток создания производительных коопераций из полупролетаризированных крестьян и сельскохозяйственных рабочих (для совместной аренды или покупки земли и совместной обработки). Устроив производительную кооперацию, деревенский человек труда заинтересован все же в повышении цен на сельскохозяйственные продукты, а городской рабочий и служащий стремятся к их дешевизне. Французские сельские молочные кооперативы хвалятся в своих отчетах получением 30% чистого дохода в год. Такому проценту позавидует, правда, любой капиталист, но с кого он собран? — С городского рабочего, который вследствие дороговизны молока принужден отказывать своему ребенку в необходимом для того минимуме.

Объединение в кооперации сельских производителей, если эти кооперации составляют их частную собственность, с этой точки зрения только закрепляет и подчеркивает противоположность интересов людей труда деревни и города как продавцов и покупателей. Недаром в буржуазной Европе объединенное в кооперации крупное и отчасти даже среднее крестьянство является сильнейшей опорой крупноаграрных и реакционных элементов в борьбе их против справедливых домогательств тамошнего рабочего движения и в Германии, и во Франции, и в Бельгии, и в Голландии¹⁾. Наоборот, урбанизация земледелия, превращение его в одну из отраслей хозяйства самоуправлений городских рабочих, совершенно и без остатка унич-

¹⁾ У нас в СССР проблема цен решается руководством пролетарского государства на основе «неписанного договора» с деревней. А кооперирование рядовых крестьян при режиме пролетарской диктатуры и под его руководством превращается в средство вовлечения их хозяйства в сторону движения по руслу общего развития страны к социализму. — Примечание 1926 г.

тожает эту противоположность. Человек труда в деревне не заинтересован более в высокой цене хлеба ни как самостоятельный продавец, ни хотя бы отраженно, как такой работник сельского хозяина, которому высокие цены на хлеб облегчат борьбу за увеличение заработной платы просто уже тем, что увеличат доход его хозяина, сделают более легкими для последнего уступки. Наоборот, при урбанизации земледельческий рабочий — наемник города; условия его труда могут быть тем лучше, чем более процветает город и его население; урбанизованный земледельческий рабочий заинтересован в дешевизне хлеба, как улучшающей финансовое положение его коллективного работодателя — города — и потому облегчающей и ему стремление к улучшению своего положения. Он сознает себя работником на общество, у него укрепляется единство психологии с городским собратом.

Здесь мы подходим к третьему пункту: именно урбанизация может серьезно улучшить положение земледельческого рабочего и пролетаризирующегося крестьянина, а между тем ведь как раз от их положения и зависит в первую голову обычно низшая норма оплаты труда городского, вообще индустриального рабочего, стало быть, весь уровень его быта. Ведь состав промышленных рабочих рекрутируется систематически выходцами из деревни. Никто не пойдет в город, если там заработок ниже дохода, падающего на крестьянина или сельского рабочего. Потому всякое улучшение в положении трудового деревенского населения обязательно и неизбежно отзывается повышением нижней границы быта городского рабочего и составляет для последнего надежную предпосылку (в русской литературе более подробно об этом см. в брошюре И. Гр е я, «Земельный вопрос и рабочие»).

При урбанизации же пролетарский город вовсе не заинтересован в получении от земледелия прибыли не меньшей, чем в индустрии (не говоря уж о земельной ренте). Он может поэтому свободно уравнивать положение сельских рабочих с городскими.

Наоборот, медленное обращение капитала в земледелии (в Европе раз в год) для получения от него прибыли, равной уровню ее в промышленности, обязательно подразумевает большую эксплуатацию земледельческого рабочего, чем индустриального, и худшую его оплату. Потому при сохранении в земледелии частно-предпринимательского хозяйства, долженствующего приносить среднюю в стране прибыль, никогда не возможно уравнивание сельского рабочего с городским — сельский всегда остается парией, дольше всего работающим, хуже всего оплачиваемым и более всего бесправным.

Значительное улучшение быта сельскохозяйственных рабочих (в результате урбанизации и роста их организованности в столь благоприятных условиях) поставит их по сумме жизненных удобств выше мелкого крестьянина. Потому можно ожидать вполноте предоставления мелкими крестьянами своих земель мест-

ным самоуправлением¹⁾ для организации на них крупного урбанизованного хозяйства с прежними владельцами в качестве рабочих, не говоря уж о еще более легком производственном укрупнении крестьянских хозяйств путем их кооперативной коллективизации.

Европа стоит перед необходимостью увеличить свое сельскохозяйственное производство и направить больше рабочих сил в земледелие. Этого нельзя сделать без крупного улучшения положения сельских рабочих. А благодаря медленности оборота капитала в земледелии это (улучшение) возможно лишь путем замены частнохозяйственного усмотрения в сельском хозяйстве организацией общественного управления им для доставки потребителям пищи по себестоимости.

Опыт Германии и окристаллизовавшиеся в связи с ним воззрения на урбанизацию земледелия имеют международное значение. В № 20 «Нейе Цейт» от 18 февраля 1915 г., разобрав нынешнее состояние аграрного вопроса в Англии, И. Кэттген приходит к следующему выводу: «Все хозяйственное и политическое развитие в Англии влечет ее к общественному управлению сельским хозяйством. Защита страны от голодной нужды в случае войны, а во время мира—от дороговизны, от вздувания цен трестами, от последствий индустриального развития таких стран, как Соединенные штаты и Канада, которые все в большей мере сами потребляют свое производство жизненных средств, и т. д., — все это принуждает к обращению к государственному и городскому сельскому хозяйству». Современная Англия прокармливает собственным земледельческим производством только 6 млн. человек в год. Сто лет тому назад английское земледелие прокармливало более значительные массы населения. За сто лет улучшена почва и развилась техника. Ясное дело, суть теперь не в объективной невозможности добывать в самой Англии продовольственные припасы более чем для 6 млн. человек, а в мешающей этому частноправовой организации сельского хозяйства и землевладения.

Идея «урбанизации земледелия» кладет во главу угла интересы пролетариата как целого, как потребителя и производителя.

Крупные капиталистические сельские хозяйства должны быть переданы после конфискации (в интересах пролетариата) городским самоуправлениям или государству. А вся прочая помещичья земля, сдаваемая ныне крестьянам в аренду и т. п., должна после конфискации перейти в пользование работающего на ней крестьянства²⁾.

¹⁾ Мы и сейчас полагаем, что через ряд лет не исключена возможность подобных предложений со стороны наших крестьян нашим Советам.—Примечание 1926 г.

²⁾ Все эти соображения, правильные сами по себе, не мешают тому, что ради союза с крестьянами для низвержения буржуазии следует передавать крестьянам и капиталистические хозяйства. Было бы доктринерством действовать иначе. Зато тем более надо ценить и развивать сохра-

Мы имеем здесь дело с движением, которое глубоко коренится в социально-экономических условиях нашего времени и которое, конечно, не завтра и не сразу скажет свое последнее слово. В средневековой Германии город был придатком к сельскому хозяйству. Теперь он, наоборот, приходит к стремлению превратить земледелие в одну из отраслей хозяйства городских управлений.

3. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И АГРАРНЫЙ КАПИТАЛ В СИСТЕМЕ ГОСКАПИТАЛИЗМА ¹⁾

Германия не только регулировала весь продовольственный рынок (и для армии и для гражданского населения), опутав все продукты «твердыми ценами» на всех стадиях их существования, от момента созревания на поле до мига поступления в желудок обывателя, создав при этом свыше тысячи местных контрольных «ведомств цен» из общественных элементов с административно-судебными полномочиями. Она еще успела признать полную недостаточность в сравнении с поставленной целью даже такой беспробельной системы твердых цен, охватывающей весь рынок продовольственных продуктов. Оказалось, что даже самая густая сеть «твердых цен», самое полное регулирование всего продовольственного рынка не может само по себе обеспечить сколько-нибудь равномерного распределения продуктов между потребителями. Тогда систему полного регулирования продовольственного рынка Германия дополнила постепенно системой полного беспробельного принудительного регулирования продовольственного потребления. Даже варенье разделяется там отныне между жителями по карточкам. Но и эта система, несмотря на всю культурную и общественную подготовленность потребителей к сложной организации грандиозного масштаба, несмотря на сохранение в качестве основы для нее системы твердых цен в полной силе и несмотря на монополизацию торговли и секвестр продуктов прямо от производителей, — и эта система оказалась банкротом в сравнении с поставленной задачей: обеспечить всему населению сносное равномерное пользование наличной в стране пищей. И вот в конце января 1917 г. от имевшего место вначале принудительного регулирования одного только продовольственного рынка (твердые цены), от имевшего затем место принудительного регулирования и рынка и потребления (твердые цены и карточки) законодательная практика Германии приходит, наконец, ко всеобщему регулированию самого производства средств продовольствия.

Несомненною последовательностью отличается внутренняя связь мероприятий, при помощи которых немецкие города управляют продовольственными запасами, доставленными уже в черту

нившуюся в революции и ставшую государственной частью крупных хозяйств — пролетарские совхозы. — Примечание 1926 г.

¹⁾ Напечатано в «Русских ведомостях» за февраль 1917 г.

города легальными средствами (через казенные «имперские центры», договорами с союзами производителей, централизованной закупкой за границей). Сюда относится расширение законом полномочий городских управлений, создание во всех городах руководимых местными самоуправлениями «учреждений для контроля цен», охвативший всю страну «Вухермт» (ведомство борьбы против ростовщических цен на продовольствие и против обхода продовольственных законов), организация продажи припасов по карточкам с предоставлением лавочникам точно предписанного городским управлением дохода, затем принудительное синдицирование лавочников для упрощения организации и облегчения надзора, переход даже прямо к городским лавкам, введение однотипности разных родов пищи (колбаса, хлеб), система варьирования рационов в зависимости от возраста и занятия и варьирования цен за одну и ту же пищу в зависимости от дохода потребителя, наконец, прямой переход к централизации кухонного дела в руках города и к массовому питанию жителей в городских столовых или с забором обедов на дом. Все эти меры и учреждения проверены и оправданы практикой, усовершенствовались технически и правильно функционируют, — но лишь в той мере приносят желанный результат, в какой в города попадают продовольственные запасы. Между тем все авторитеты, вплоть до Гинденбурга и Гельфериха, все органы, от либннехтовских (с возмущением) до консервативных (с лицемерным сожалением), сходятся на публичном признании, что рядом с легальным передвижением в стране продовольственных припасов, в «неслыханных», «невероятных», «грандиозных» и т. п. размерах развилась также в Германии незаконная торговля продовольственными припасами, незаконная их переработка (даже на мельницах, не говоря уж о молочных фермах, скотоводческих хозяйствах и т. д.) и незаконное потребление зажиточными семействами гораздо более значительного количества продовольствия, чем им причиталось бы по карточкам. Это обстоятельство ведет к тому, что всевозможные «имперские центры» (мясной, жировой, картофельный и т. д. — всех имеется до 40) оказываются не в силах отчуждить от сельских хозяев то количество продукта, которое было произведено и назначено к отчуждению. Помещики и крупные крестьяне припрятывают припасы, перерабатывают их в наиболее удобную для перевозки форму (масло, мясо, овощные консервы и т. д.) и сбывают зажиточным горожанам прямо или через особые агентства по нелегальной торговле продовольствием. И для себя помещики и некоторые сдои крестьян оставляют продовольствия больше, чем им причитается по закону (мелкие крестьяне производят лишь немногим больше, иногда меньше потребного даже для них самих). Считают, что благодаря такой практике около $\frac{1}{3}$ населения (зажиточная часть городских и сельских жителей) питается и теперь не многим хуже, чем в мирное время, когда их питание стояло гораздо выше среднего немецкого уровня. Наоборот, остальные $\frac{2}{3}$ немцев полу-

чают в 1917 г. на $\frac{1}{4}$ меньше того количества пищи, какое могли бы получать без этого «блока зажиточных элементов города и деревни» для обхода продовольственных законов. По количеству пищи в стране даже при неблагоприятных условиях, но при вполне справедливом распределении, масса немецкого населения могла бы получать почти около $\frac{2}{3}$ мирного количества пищи на душу. Но благодаря своекорыстному неисполнению законов аграриями масса населения имеет сейчас (начало 1917 г.) фактически лишь около половины мирного своего питания. Городские управления, создавшие строительную организацию в черте города, принуждены констатировать, что полномочия всевозможных «имперских центров» в их нынешнем объеме недостаточны, чтобы устранить произвол сельских хозяев. Ибо роль «имперских центров» до сих пор сводилась к тому, чтобы устанавливать обязательные цены на продукты, предписывать отчуждение этих продуктов от сельских хозяев и затем передавать их (иногда после надлежащей переработки) местным самоуправлениям для распределения между жителями. Но при отчуждении продукта от сельского хозяина «имперскому центру» и его агентам приходилось полагаться на добросовестность агрария — от его честности зависит, правильно ли сообщит он о количестве имеющихся у него запасов. Особенно трудна проверка относительно таких продуктов, которые производятся непрерывно круглый год, например мясо, масло, молоко, яйца и т. д. Контроль затрудняется еще тем, что местная администрация в уездах и деревнях отчасти прямо подчинена аграрным элементам, отчасти находится под их сильным влиянием. Имперские «центры» до сих пор не имели права совершенно отстранять владельца от хозяйства и распоряжаться продуктами хозяйства даже в тех случаях, где доказана была бы или подозревалась наличность злоупотреблений. «Центры» ограничивались только посылкой своих распоряжений и агентов во враждебно встречающую их аграрную среду, покрываемую проникнутой аграрным духом администрацией. Немудрено, что при таких условиях городские управления получают иногда лишь $\frac{3}{4}$ всей пищи, какая им полагается по числу жителей, что внутригородская организация остается потому на $\frac{1}{4}$ неиспользованной и что раз эта недостающая доля составляет разницу между фактическим питанием рядового горожанина и потребным для него физиологическим минимумом, — то для рабочих масс требование об устранении произвола отдельного агрария в направлении продуктов его хозяйства стало к половине третьего года войны центральным пунктом продовольственной программы. Ведь полный охват законным путем всех производимых продуктов, без нелегального сдвига в сторону зажиточных — полный охват дал бы возможность улучшить нынешнее питание массы городского населения Германии на добрую треть (соответственно повизив излишнее против установленной нормы питания зажиточных). А нынешнее бессилие «имперских центров» против аграриев об'является национальной опасностью и делается объектом насмешек даже со-

стороны умеренных слоев горожан. В начале 1917 года данцигская умеренно прогрессивная газета по поводу затруднений в очистке немецких городов от снега предложила канцлеру учредить «имперский центр по снеговому хозяйству»: центр назначит таксы на снег, и снег сейчас же скроется сам, «спрячется наподобие прочих продуктов», и города будут очищены.

Для того чтобы отчуждение продуктов от аграриев осуществлялось полностью на деле, надо, по мнению городских деятелей, выйти за сферу организации только рынка и потребления и перейти к прямому руководству производством. Закон провозглашал: секвестр продуктов, разрешительный порядок убоя скота, монополизацию снабжения в ведении местных самоуправлений и т. д., — но все это оказывалось в заметной степени на бумаге, пока сельскохозяйственные предприятия оставались в полном ведении их владельцев. Помещики и продающая продовольствие часть крестьян в сказочных размерах утаивают припасы, чтобы сбывать их под рукой богатой части горожан по вздутым ценам в обход всяких карточек и монополий. Сам аграрий и консерватор, глава имперского продовольственного ведомства Батоцкий, проработав первые полгода, так характеризовал в печати сельских хозяев в Германии: «Теперь считается почти делом чести нарушать продовольственные постановления, а сведения о продовольственной наличности доставляются все фальшивее». Рекорд побит в случае с картофелем. В 1916 г. по величине засеянной площади и по фактическим данным об урожае сбор должен был дать миллионов 40 т. А сельские хозяева умудрились показать, что картофеля собрано всего 21 млн. т, — показание прямо юмористическое, так как подобных колебаний урожая вообще в Германии не бывает. Но картофель выгоден аграриям для корма скота, по их мнению, более, чем брюква. Ибо по действующим твердым ценам морген картофеля дает 240 мар., а морген брюквы доставляет 550 мар. И вот аграрии не продали городам назначенного количества картофеля, зарыв его в землю. Вырывать нельзя во время холодов, — испортится, и в январе 1917 г. пришлось во всех городах сильно сократить дневной рацион картофеля, заменив каждые три фунта картофеля четырьмя фунтами брюквы, — что и требовалось доказать. Правительство обещает раздобыть сколько нужно картофеля через полтора месяца, когда можно будет вырыть его из земли, а аграрии ухмыляются: горожане поедят пока немало брюквы.

Совершенно подобное же происходит с молоком, маслом, мясом. Вопреки всяким предписаниям окрестный район доставил в город Брауншвейг так мало свиней, что в первые две недели января 1917 г. выдавалось только по 125 г мяса на душу в день вместо полагающихся 250. В виде компенсации за недостающее городская дума выдавала жителям по 800 г печеночной колбасы на душу в неделю. Между тем помещики и крестьяне соответственного района заявили полиции, что у них за эти две недели украдено громадное количество свиней, причем подозрений

на каких-либо определенных лиц они не имеют. А брауншвейтские газеты рассказывают, что «у нас, как во всей стране», украденные в деревнях свиньи оказываются — в случае доноса в полицию и допроса — «приблудившимися неизвестно откуда» в квартирах наиболее богатых и почтенных горожан. В один день в двух детских колясках вместо ребят обнаружены захрюкавшие свиньи, комфортабельно доехавшие уже из деревни, чтобы «приблудиться» в богатой квартире, и т. д., и т. п., — подобные эпизоды бесчисленны.

Постепенно потребляющему населению Германии выяснилось, что, пока сельские хозяева остаются господами в своих хозяйствах, всякое принудительное регулирование рынка и распределение цен и рационов остается в крупной мере только на бумаге. И после более чем полугодичной общественной борьбы потребители Германии заставили-таки законодательство приступить к наложению руки и на ход дела внутри каждого отдельного сельского хозяйства, на самый процесс производства.

Агитация за прямое и формальное подчинение сельскохозяйственного производства интересам общенародного потребления началась в Германии в широких размерах уже с половины 1916 г. Потребители устали латать тришкин кафтан, заменяя мясо печеночной колбасой, а картофель — брюквой каждый раз как аграриям уютно обходить и нарушать правила, введенные для регулирования обмена и распределения. Целью стало сковать «свободную волю» агрария в самом производстве, взять самое производство продовольственных продуктов под общественный контроль и планомерное руководство. Регулирование обмена перестает быть бумажным, только если основано на действительном господстве над самим производством, — этот вывод постепенно все более укоренялся в головах недоедающих и встревоженных потребительских масс, т. е., главным образом, рабочих, мелких и средних служащих.

Сначала этот лозунг был выдвинут только обоими крылами германской рабочей партии. К лету 1916 г. он начинает находить отклик и за ее пределами, — под одним из первых таких выступлений значится известный проф. Л. Brentano, уже 18 июня 1916 г. требовавший, чтобы каждому сельскому хозяину в отдельности было предписано, что он должен производить, и т. д. К новому движению начинают присоединяться городские думы. Сначала они идут по линии наименьшего сопротивления, т. е. каждая для себя пытается хотя бы частично подчинить сельское хозяйство интересам горожан — «урбанизовать» его. Десятки городских самоуправлений сразу арендуют и покупают средние и крупные поместья, часто далеко отстоящие, начинают за городской счет при помощи наемного труда сеять рожь и картофель, содержать стада коров, свиней и овец. Военная администрация «для опыта» вводит принудительную организацию сельскохозяйственного производства в Курляндской и Ковенской губерниях. Аграрно-консервативные газеты, всегда протестовавшие против «принудительности произ-

водства» в сельском хозяйстве самой Германии, принуждены теперь признать успех нового начинания в этих провинциях.

Но ведь Германия находится в гораздо более благоприятном состоянии, чем пораженные войной Литва и Курляндия; значит в Германии принудительная организация сельского хозяйства обещает еще более крупный успех, — говорили горожане правительству и аграриям. — Почему же вы против введения принудительности в нашем домашнем сельском хозяйстве? Вопрос этот был, конечно, только риторическим, задававшимся исключительно из ехидства, ибо причина известна и ежедневно напоминает сотнями немецких газет. Чем больше анархия в продовольственном деле, тем выгоднее сейчас для производителей: продукт они все равно сбудут, только в более богатые руки и по вздутым ценам.

Вопрос решен был окончательно неудачей предложения начать мирные переговоры, сделанного Бетман-Гольвегом противогерманской коалиции 12 декабря 1916 г. Стало ясно, что война будет продолжаться еще долго, и потому требования пойти в регулировании продовольственного дела до логического конца, наложить руку и на самый процесс производства в полном его объеме усилились чрезвычайно. В конце декабря и начале января 1917 г. городские думы стали возбуждать пред правительством ходатайства о введении в той или иной форме «принудительности производства». Городская дума Нейкельна (250 тысяч жителей) подчеркнула 2 января, что говорит от имени всех партий горожан. Бывший имперский министр Вермут предложил, чтобы корм для скота выдавался сельским хозяевам, лишь поскольку они будут аккуратно поставлять городским самоуправлениям предписанные хозяйственным планом Балтоцкого количества молока, масла, мяса и других продуктов. Наконец, даже иные идеологи аннекционистского империализма стали высказываться за передачу сельского хозяйства (а не только обмена и распределения) в общественное заведывание, не видя иного способа обеспечить всенародное продовольствие на деле и гарантировать таким путем господствующим классам Германии внутреннее спокойствие в стране и впредь в той мере, какая признается необходимой для продолжения войны. Например, Дикс писал в «Известиях германского сельскохозяйственного общества», что необходимо прежде всего поставить агрономически подготовленных людей во главе крупных хозяйств, отстранив на время войны нынешних владельцев и управляющих, сплошь и рядом недостаточно сведущих в деле бывших офицеров и людей, стремящихся к наибольшей собственной наживе, а не к наибольшему количеству особенно нужных широким слоям населения продуктов. Необходимо в участке каждого сельского самоуправления предписать, — говорит он, — каких продуктов и каких сортов должны засеиваться семена, смотря по тому, каким культурам наиболее благоприятствуют почвенные и прочие природные условия данной части страны. Заведывание крестьянскими хозяйствами должно находиться в руках окружающих местных самоуправлений, — их в Германии около тысячи (по про-

странству и населению соответствуют, приблизительно, укрупненной русской волости, и опираются на сельские самоуправления отдельных деревень, являясь их союзом). Эти местные союзы сельских самоуправлений должны действовать под компетентным агрономическим руководством согласно общему плану производства, установленному для всей страны имперским продовольственным ведомством.

Подобные голоса все умножались и захватывали все более влиятельные круги. Правительство заявило, что не представляется возможным предоставить сельскому хозяйству больше искусственного минерального удобрения, чем в прошлом году, — скорее меньше. Потому мирный уровень урожая и впредь остается вряд ли достижимым, как ни организуем сельское хозяйство. В ответ печать напомнила общепризнанные расчеты Г. Оствальда, что из скотского удобрения, оценивавшегося ежегодно до войны в 1 200 млн. мар., обычно пропадает бесполезно вследствие нецелесообразного распоряжения им половина, т. е. по стоимости не меньше, чем все минеральное удобрение целиком. Только немедленная передача сельского хозяйства в общественно-государственное управление может оберечь производственную кампанию 1917 г. от обычного бесполезного расточения в этом отношении. Правительство стало колебаться, вместо былого отрицательного отношения Батоцкого к широкому вмешательству в самый процесс производства теперь децериент имперского мясного центра Киндлер предложил учредить «имперский центр повышения сельскохозяйственного производства» с большим кругом задач (повторяя сделанное еще за 2½ года перед тем подобное же предложение правлений социал-демократической партии и профессиональных союзов).

Окончательно вопрос решен был, — как ни неожиданно звучит это сначала, — обострением разногласий внутри Германской рабочей партии (поведшим к имперской конференции ее оппозиционной половины 7 января 1917 г.). Оба последние года германское правительство на каждый крупный акт нарастания противовойснной оппозиции среди немецких рабочих неизменно отвечает какой-либо крупной уступкой народным желанием в продовольственной области. И таким образом, когда 19 и 20 января 1917 г. собрался продовольственный Совет при имперском продовольственном ведомстве, то ему был уже представлен правительством проект государственной организации самого сельскохозяйственного производства. Продовольственный Совет, куда входит около ста представителей всех общественных классов и партий, одобрил проект, и в конце января началось уже открытие центральных и местных учреждений по руководству новым делом.

Еще в конце 1916 г. «ведомство военного хозяйства» («Кригсамт» заведует также рабочей повинностью), имперское продовольственное ведомство и прусское министерство сельского хозяйства учредили объединенный центральный комитет по выработке принципов для руководства сельским хозяйством. Через короткий срок прус-

ский Совет министров согласился уже на введение в Пруссии выработанного объединенным комитетом проекта новой организации. Он был принят также 19 января 1917 г. Советом представителей общественных организаций при имперском продовольственном ведомстве, утвержден «Кригсамтом», и в Пруссии новая организация начала уже действовать. Предстояло распространение на остальную треть Германии с расчетом, чтобы весенняя обработка полей и посев произошли уже на новых началах (заявление главы «Кригсамта» генерала Гренера в прусской палате господ 18 января).

Новый закон ставит себе, прежде всего, задачу — по возможности повысить производство продуктов земледелия и скотоводства. С этой целью он продолжает дальше существовавшие уже зачатки принудительного регулирования сельского хозяйства и развивает их в стройную систему государственной его организации. В каждой из 14 прусских провинций учреждается провинциальное ведомство военного хозяйства, которому подчинены местные окружные военнотехнические ведомства; всех таких сельскохозяйственных округов в Пруссии — 487, около 35 на провинцию (состав ведомств указан ниже). Все сельские хозяйства округа подчинены окружному военнотехническому ведомству. Окружные ведомства работают под руководством и в известных случаях с утверждения провинциальных, над которыми в свою очередь стоит «Кригсамт» (отдел сельского хозяйства), связанный в известных отделах персональной унией с имперским продовольственным ведомством и руководящий делом по соглашению с гражданским правительством.

Приходилось сообщать уже об отдельных мерах принудительного регулирования земледельческого производства, например, о создании весной 1916 года «деловых объединений» крестьян для обработки всех полей деревни, об определении законом могущего быть высеянным на один гектар количества пудов овса и т. д. Теперь полномочия местных военнотехнических ведомств определены гораздо шире.

Во-первых, им предоставлена поставка руководителей производства и рабочих, притом с правом в крайнем случае вызова людей с фронта, если нельзя будет обеспечить подходящих сил иначе, и с правом перевода в сельское хозяйство из других отраслей труда. При этом, по докладу генерала Гренера, под «руководителями производства» должно разуметь людей, «которые во взглядах на производство и его поддержку способны быть выше области интересов личной собственности и словом и делом могли бы направить сельских хозяев», т. е., очевидно, прежде всего люди агрономически образованные. При этом на «ведомства» возлагается задача не только доставлять и распределять руководителей и рабочие силы по отдельным предприятиям или по соединяемым в хозяйственную единицу комплексам предприятий, но также заботиться об условиях помещения, прокорма и вознаграждения рабочих. В определении этих условий владельцы предприя-

тий будут связаны вдвойне: во-первых, контролем и предписаниями вновь учрежденных «ведомств», во-вторых, в случае недовольства рабочих условиями — решениями провинциального третейского суда, установленного законом о рабочей повинности в составе одного офицера, трех рабочих и трех хозяев.

Во-вторых, «ведомствам» предоставлено снабжение сельских хозяев лошадьми вместо реквизируемых. На это обращаются возвращаемые из армии, купленные в Венгрии и взятые в Румынии.

В-третьих, «ведомствам» предоставляется распоряжение всеми сельскохозяйственными машинами страны. При самом «Кригсамте» учреждено отделение «обеспечения сельскохозяйственными машинами». Вместе с особым, подсобным для этого органом общегерманского союза инженеров и с 14 провинциальными «ведомствами» ему предписано заботиться, чтобы находящиеся в Германии «сельскохозяйственные машины, особенно же паровые и моторные плуги, действительно были применены с полным, без остатка, использованием их в производстве». Если у помещика есть моторный плуг, то он не должен стоять праздно после вспашки полей владельца, но должен обработать столько чужой земли, сколько только можно успеть. Отменено право отдельного владельца неограниченно распоряжаться этими, принадлежащими ему орудиями производства. На «ведомства» возложена также доставка угля для шаровых и бензола (вместо бензина) для моторных плугов. Ввиду возникновения к середине третьего года войны и в Германии стеснений в транспорте (износилось больше вагонов, чем достраивалось, неопытен новый персонал и т. д.), предписано заготовить уголь загодя, в частности летом уже для весны будущего года (летом товарное движение слабее).

В-четвертых, «ведомства» должны руководить засеваем полей, принимая меры, чтобы не осталось незасеянных пространств. Где осенняя обработка была недостаточна, она должна быть восполнена весной. «Кригсамту» предоставлено подробно рассмотреть вопрос о взятии в полное государственно-военное управление «плохо управляемых» сельских хозяйств. Вообще же владельцы остаются руководителями своего хозяйства, но в рамках предписаний местного «ведомства». Оно выполняет предписанную ему часть общепроvincialного (и общегосударственного) плана и держит владельцев в своих руках как направляющим контролем «руководителей производства», распоряжением рабочими и машинами, так и постановкой владельцев в зависимости от него в отношении получения искусственного удобрения и в подлежащих случаях посевного материала. Индивидуальный владелец низводится до роли исполнителя предначертаний поставленного над ним государственного органа.

В-пятых, «ведомствам» принадлежит забота о сборе урожая. «Председатель провинциального ведомства должен заранее изготовить план операций, совершенно как это делает полководец»

(из доклада Гренера). Вся организация ставится на военную ногу: во главе каждого провинциального «ведомства» ставится «вполне обладающий знанием сельского хозяйства» офицер по назначению центрального «Кригсамта» и этот офицер имеет право распределять работу между остальными членами своего «ведомства» и давать им отдельные поручения. Такие же взаимоотношения устанавливаются между председателем и членами в окружных «ведомствах».

Так обстоит с организацией производства. Вторая задача — учет произведенных продуктов и распределение их между потребителями — оставлена в ведении имперского продовольственного ведомства. В этом отношении на «ведомства» возлагается только обязанность давать отзывы в качестве экспертов и предоставляется право делать предложения соответственным инстанциям.

Новая организация сельского хозяйства в Германии не явилась полным до конца удовлетворением требования о введении «принудительности производства». Ибо это требование всегда понималось в неразрывной связи с организацией распределения: принудительно произведенные продукты должны полностью поступать в общественное заведывание, владелец хозяйства не должен иметь возможности скрыть их и скормить свиньям, а свиней конспиративно потом продать богатым людям. Между тем новая организация как раз в этом пункте разрывала цепь. Владелец подчинен контролю в области производства; но раз продукт произведен, сельский хозяин может опять так же злоупотреблять в учете его, в тайной продаже богатым и т. д., как и теперь.

Ввиду этого сейчас же началась кампания за создание органической связи между принудительной системой производства и принудительной системой распределения. Журнал «Социале Праксис» предложил пополнить местные «ведомства» нейтральными лицами, незаинтересованными в доходах сельских хозяев, и тогда поручить этим же ведомствам учет всего произведенного и передачу продуктов городским самоуправлениям для распределения между потребителями. А идущая во главе продовольственной кампании немецких городов Берлинская городская дума единогласно приняла в январе предложенную с.-д. группой гласных резолюцию, которая как бы подводит итог опыту немецких городов в этом отношении и потому заслуживает быть приведенной полностью (тем более, что руководители берлинской думы руководят и общегерманским союзом городов, председателем которого состоит берлинский городской голова Вермут). Практическое значение резолюции заключается как в том, что правительство принуждено было уже в конце февраля пойти несколько навстречу городским требованиям (см. ниже), так и в том, что конкретнее указывает линию, по какой пойдут дальнейшие продовольственные домогательства германских городов. Текст ее таков:

«С целью равномерного снабжения с естественными припасами городов и сельских местностей надлежит установить законодательными постановлениями следующее:

1. Все потребители, в том числе также владельцы сельскохозяйственных предприятий, имеют право только на равное количество продовольственных припасов. Различия в рационах допустимы только в зависимости от рода и продолжительности труда потребителя, от возраста и состояния здоровья (в случае болезни).

2. Доставка продовольственных припасов в районы с недостатком производства продовольственных продуктов (т. е. преимущественно в города) обеспечивается путем объединения производителей в территориальные принудительные союзы. Эти принудительные союзы обязаны, отсчитавши из произведенных ими продовольственных припасов следуемое по закону самим производителям, все остальное доставлять только указанным им самоуправлениям на условиях, устанавливаемых имперским продовольственным ведомством.

3. Для надзора, а также для принудительного, в случае надобности, осуществления указанных поставок продовольствия имперское продовольственное ведомство присоединяет к себе соответственные исполнительные органы. Вся империя считается единой областью снабжения, которая не может быть разделяема запрещениями вывоза из отдельных составных государств или округов.

4. Для всех жизненных припасов устанавливаются закупочные и продажные цены, при которых прибыль не превышает обычной в мирное время величины.

5. Имперское продовольственное ведомство составляет общеимперский план хозяйства, который предписывает принудительным местным союзам производителей как род, так и объем посева продовольственных и кормовых средств и подлежащего содержанию скота».

При оценке этой программы¹⁾ надо иметь в виду, что под этими принудительными союзами немецкая военная практика понимает полное лишение владельцев возможности по собственному усмотрению распоряжаться продуктами их хозяйства не только в смысле цен, но и в смысле направления сбыта и т. п. Городская программа подразумевает, собственно говоря, радикальную демократизацию центрального правительства, без какой оно неспособно, например, на решительную противаграрную политику в области цен. Потому, хотя правительство принуждено было пойти навстречу городским требованиям, в пункте о ценах программа уступает особенно скромной. Можно составить такой перечень уступок, осуществленных уже по приводимым пяти пунктам городской программы.

По 5 пункту на 23 февраля 1917 г. был созван правительством особый рейхстагский продовольственный комитет (4 с.-д., 3 от партии центра и т. д. от всех партий по их численности, всего — 15), на

¹⁾ Эта программа, послужила прообразом той практики принудительного коллективного доставления «излишков» по разверстке, какую затем мы осуществили в СССР в 1918/19 г. в интересах спасения пролетарского государства. — П р и м е ч а н и е 1926 г

обсуждение, которого президент продовольственного ведомства Батоцкий представил общепруссский хозяйственный план с сообщением, что в окончательном виде он будет утвержден и опубликован не позже 15 марта.

По 3 пункту в середине февраля в имперское продовольственное ведомство включен особый «государственный комиссар по продовольствию», который должен послужить исполнительным органом предначертаний ведомства в Пруссии (и прочих государствах Германии). Комиссару подчинена в продовольственном отношении вся местная государственная администрация от городских до начальников провинций ¹⁾ включительно и все учреждения местного самоуправления. Соответственные полномочия прусских министров внутренних дел и сельского хозяйства переданы названному комиссару. Предполагается этим ослабить аграрные тенденции местной администрации, между прочим в некоторых случаях изъятием от виновных в потворстве аграриям сельских и земских самоуправлений их продовольственных функций и смещением «не обладающих полным сознанием серьезности положения и важности учета всех сельскохозяйственных продуктов» ландратов (среднее между земским начальником и исправником).

По 4 пункту о ценах правительство согласилось лишь на такой пересмотр цен, чтобы в общем потребителю вся пища в целом обходилась не дешевле нынешнего; но чтобы мясо стало на 15—20 % дешевле, а хлеб на 15 % дороже нынешнего. В упомянутом заседании 23 февраля Батоцкий предъявил соответственную таблицу, но принятие ее осталось под вопросом. Аграрии протестуют против понижения цен на скот, а потребители с опасением относятся к вздорожанию хлеба. Батоцкий рассчитывает таким пересмотром цен ослабить стремление аграриев разводить побольше свиней и т. д. на счет продовольствия для людей. А потребители думают, что хлеб-то станет дороже, а подешевевшие животный жир и мясо нельзя будет у аграриев выпарапать, и все это в еще большей мере, чем теперь, нелегальными путями будет перекочевывать в кладовые зажиточных людей. Исход потребители видят в том, чтобы, понизив цены на скот, понизить их также и на прочие предметы продовольствия и этим удержать установившуюся пропорциональность. Но так «обидеть» аграриев правительство не соглашается. Оно скорее идет на организационные уступки, на попытки ограничения для аграриев возможности наживаться сверх установленной нормы нарушением правил, — но не на уменьшение самой военной сверхприбыли, гарантированной немецким аграриям доселе установленным уже в Германии уровнем «твердых цен» (в среднем продовольственные продукты стоят на 120 % выше цен мирного времени).

¹⁾ В Пруссии 14 провинций, в каждой в среднем по три миллиона жителей. Каждая провинция состоит обычно из 3 «бейрков», распадающихся в свою очередь на «участки» (в бейрке около 15 участков).

Наконец, по 2 пункту (о синдицировании производителей), для которого как бы предисловием послужили меры по 3-му (подчинение исполнительных органов включенному в имперское продовольственное ведомство комиссару), новая организация создана постановлением 20 февраля 1917 г. Низшей ее ступенью является административный участок (в Пруссии имеется 110 городских участков и 487 сельских; каждый сельский «участок» включает около 80 деревенских самоуправлений; высшим представителем государственной власти в «участке» является ландрат). В каждом «участке» учреждается «участковый деловой центр». Этот центр руководится ландратом и составляется из «достойных доверия и способных» местных деятелей. В случае «недостатка таковых лиц» в данном «участке» начальник бецирка (обнимающего обычно около 15 «участков»; в Пруссии всего 36 бецирков, не считая г. Берлина) должен прислать подходящих людей из других участков, «не имеющих права отказываться от назначения в силу закона о рабочей повинности» (все цитаты из постановления). На составленный таким образом «деловой центр» возлагается подробный учет и сбор от владельцев всех производимых в участке сельскохозяйственных продуктов, за исключением оставляемой по закону владельцам части для их личного потребления. Служащие «делового центра» должны «хорошо оплачиваться» и даже награждаться премиями за особо успешный сбор от владельцев продуктов. На «деловой центр» каждого участка возлагается заблаговременная заготовка вместилищ (бочек, мешков, ящиков и т. д.) для планомерных собраний и отправки продуктов, а также организация подвоза к железным дорогам (для чего также предоставляется право требовать военные повозки и лошадей военного министерства). Упаковочный материал должен заготовляться по соглашению сразу несколькими «деловыми центрами» соседних участков или всего бецирка, «не останавливаясь перед величиной издержек». «Деловой центр» может привлекать в качестве помощников учителей, священников и школьников. Для большей стройности дела «центр» может объединить производителей своего «участка» в синдикат.

Все собранные в пределах участка продукты хозяева должны продавать местному «деловому центру» по установленным правительственным распоряжениям ценам. В свою очередь участковый «центр» может продавать отчужденные и закупленные им продукты только или указанным ему нуждающимся в продовольствии самоуправлениям (для распределения между жителями городов), или разным общегосударственным казенным «центрам» (мясному, картофельному и т. д.). Продажа должна происходить с таким расчетом, чтобы участковому «центру» не оставалось наживы. Могущие же оказаться небольшие избытки передаются участковому земству на предмет содействия улучшению сельского хозяйства в участке (в среднем «участке» около 60 тыс. жителей). Одновременно приняты меры для усиления контроля над «ручным багажом», перевозимым по железным дорогам (так часто отвозили

нелегально припасы в города), и за почтовыми посылками, сдаваемыми в сельских местностях.

Для руководства деятельностью «участковых центров» учреждены районные («бездирковые») и губернские («провинциальные») комитеты, в которых чиновничий элемент представлен более сильно. Эти инстанции контролируют и объединяют деятельность местных участковых центров и направляют ее в зависимости от указаний, получаемых от имперского продовольственного ведомства и его организаций прямо или через уполномоченного государственного комиссара. По такому же типу, как в Пруссии, организуется дело и в прочих государствах Германии.

Социальный смысл всей организации вскрывается ясно тем, что в этом отношении роль аграриев в правительственном аппарате сказывается особенно рельефно. Как класс общества в целом они, видимо, сознали уже в Германии опасность для них того настроения, какое создается во всем неаграрном населении (три четверти страны) подвигами их, как отдельных сельскохозяйственных предпринимателей. Потому они решились взять каждого из своей среды под свой же собственный коллективный контроль как класса. В этом отношении интересно особенно объединение всех сельских хозяев округа и провинций в области производства под определяющим руководством нескольких сот окружных и 14 провинциальных «ведомств». Ибо состав этих ведомств свидетельствует, что по существу вся организация является лишь своего рода принудительным синдицированием сельского хозяйства самими аграриями под государственным надзором.

В состав провинциального «ведомства», ведающего сельским хозяйством, входит, смотря по провинции, по 12 или 13 человек. Из них один — председательствующий офицер от «Крисамта» (из числа вполне знакомых с сельским хозяйством, т. е. мобилизованный помещик или агроном), затем два высших чиновника от гражданской администрации, один ветеринар, назначаемый командующим военным округом, и два или три (смотря по провинции) представителя от казенных железных дорог, наконец, шесть сельских хозяев, избираемых сельскохозяйственной палатой соответственного района. Эти палаты являются органами крупного землевладения, отчасти крупнокрестьянского.

Еще однороднее состав местных «окружных ведомств». Он определен смотря по округу (соответствует русскому уезду), от 6 до 10 человек, причем председателем является ландрат (правительственный чиновник, нечто среднее по функциям между земским начальником и исправником, но выше по общественному положению и преимущественно из числа местных помещиков: представьте земского начальника, которому подчинен весь уезд). Вице-председатель назначается из числа практических сельских хозяев. Наконец, от четырех до шести членов утверждаются губернатором по предложению уездного земства (находящегося в руках помещиков)

и после отзыва сельскохозяйственной палаты о предложенных земством кандидатурах.

Перед нами, таким образом, «самоуправляющиеся аграрии» по образцу самоуправляющейся индустрии, созданной с начала войны в виде «военных обществ», получивших публично-правовые полномочия, составленных из всех предприятий данной отрасли и поставленных под общегосударственный контроль. Теперь и в применении к аграриям произвол отдельного владельца в области производства заменяется коллективным усмотрением представителей сельских хозяйств как целого слоя (заодно им подчиняются и мелкие хозяйства, подобно тому как в индустрии мелкие предприятия подчинены усмотрению крупнопромышленных «военных центров»). Продажа сельскими хозяевами всех видов скота и дальнейшая торговля им также объединены с первой четверти 1916 года в принудительных провинциальных синдикатах, обнимающих всю Германию. При этом в управляющих синдикатах комитетах тон по закону задают тоже аграрии.

Такова же организация использования кормовых средств. Все запасы, какие только будут в Германии, подлежат секвестру и передаче «Союзу снабжения германских сельских хозяйств». При попытках неправомерных продаж затем обнаруженные количества конфискуются без вознаграждения. Но Союз снабжения не все секвестрованное забирает себе, а оставляет владельцам известную часть по усмотрению «союза». Через четверть года опять повторяется общий секвестр, и опять Союз снабжения решает, какая доля запасов может остаться у их владельцев, и т. д. каждые 3 месяца.

Все собирающиеся у «Союза снабжения» и секвеструемые им кормовые запасы он распределяет между местными самоуправлениями сообразно численности скота в их районах и прочим данным. При этом установлено, что «союз» имеет право взимать с них только 4% сверх себестоимости. Из этой прибыли одна двадцатая часть остается «союзу» за посредничество, а остальные 3,8% назначаются на покупку кормовых средств за границей. Местные самоуправления в свою очередь имеют право брать с владельцев скота не более, чем 3% выше себестоимости. Между прочим в руках того же «Союза снабжения» находится теперь монопольное снабжение сельских хозяйств искусственным удобрением всех видов, причем цены тоже определены Союзным советом. Распределение происходит на таких же началах, т. е. через посредство 1 207 союзов местных самоуправлений.

В отличие от других учреждений, созданных лишь войною, «Союз снабжения» существует уже давно — война только расширила его функции и облекла его монопольными полномочиями. Он основан еще в 1897 г. по соглашению «Союза сельских хозяев», «Германского сельскохозяйственного общества», «Центральной кассы сельскохозяйственных кооперативов Германии» и «Союза христианских крестьянских союзов» — главнейших аграрных организаций, объединяющих свыше двух миллионов членов, которые

владеют 95 % всей сельскохозяйственной площади страны. Первоначальной целью была закупка «томасовой муки» (удобрение из перемолотых отбросов металлургического производства, называемых томасшлаками и содержащих около 20 % фосфора и 30 % кальция). Наличие этой всеобъемлющей и широко разветвленной организации не мало способствовала возможности осуществления таких сложных мероприятий, как монополизация распределения кормовых средств и удобрения. Как сообщает прусский министр сельского хозяйства в «Германской сельскохозяйственной газете» от 11 мая 1915 г., «Союз снабжения не сам предложил себя для разрешения этих задач, но принял это на себя по просьбе империи». Почтительное распаркивание министра весьма характерно для роли этой аграрной организации. Она привлечена также и к делу распределения между сельскими хозяевами рабочих рук, которые также теперь доставляются в Германии земледелию, как известно, главным образом поощением государства (отпуска из армии, выписка из Польши, направление рабочих сил из города, пленные в некоторых районах, обязательные постановления начальников военных округов относительно сельскохозяйственных рабочих, затем командировка учащих как общая мера и т. д.). Немецкие аграрии устроились в общем не без удобства для себя: государство заботится, чтобы у них было удобрение для земли, корм для скота и рабочие для хозяйства, и государство же забирает готовый урожай по весьма приятной цене (верные своим привычкам они, разумеется, не устают указывать на «великую жертву», принесенную согласием на подчинение монопольному ограничению продажных цен).

После войны немецкое сельское хозяйство предстанет в виде довольно стройно организованного аппарата. Останется лишь вопрос, кому им управлять.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ

1. ХЛЕБНАЯ МОНОПОЛИЯ ¹⁾.

I.

За австрийским об'явлением войны Сербии последовала в Берлине немедленной сильнейшая паника на рынке продовольственных припасов. Едва пробежали 28 июля 1914 г. по улицам газетчики с экстренными выпусками телеграмм, как фунт соли взлетел с 12 пфен. до 30, местами до 48. Вспоминая это время, обозреватель «Коммунале Праксис» (№ 47 от 21 ноября 1914 г.) пишет: «В 10 часов утра можно было достать у мясника фунт «Лизе» (сорт свиного мяса) по 65 пфен., а уже через полчаса тому же самому лавочнику за то же самое количество приходилось платить вдвое; цена картофеля в мановение руки взлетела с 50 пфен. до 1 мар. за 10 фунтов» и т. п.

Я был в то время в Берлине и живо помню эту картину. Изящные господские автомобили рядами останавливались у лавок с естных припасов. Выскакивали взволнованные горничные, иногда сами хозяйки, и скоро служащие магазина начинали грузить запасы соли, муки, овощей, сахару и т. д. буквально в корзины для белья. И пока все это везли в палаты богачей, кучами стояли около лавок встревоженные хозяйки рабочих семей и не могли часто даже добиться, чтобы на них обратили внимание.

Казалось, миллионный город находится в непосредственной опасности осады. Еще не было войны с Россией, еще не послан даже ультиматум, а многие лавки прекратили продажу, распродав все запасы своих складов. Паника возросла еще больше. Странно сказать, но признаки некоторого успокоения наступили лишь после об'явления войны и введения военного положения. Назначенный главнокомандующим Берлина и Бранденбурга генерал Кессель уже утром 2 августа 1914 г. ввел максимальные цены для продовольственных припасов и под угрозой закрытия лавок предписал про-

¹⁾ Налечатано в «Современном мире» за июль 1915 г.

давать по этим ценам и принимать в уплату бумажные деньги. Ибо лавочники сплошь требовали звонкой монеты и наотрез отказывались принимать бумажки. Как заметил один немецкий публицист, Германская империя, повидимому, не пользовалась у них доверием даже на 5 мар., и они считали дело ее проигранным еще до первого сражения.

Подобное же творилось по всей стране. Рядовое немецкое население достаточно интеллигентно, чтобы понимать, что для всех не может хватить продовольственных припасов в прежней мере, раз подвоз в Германию извне прекратится или значительно сократится. А лавочники и аграрии достаточно хищны, чтобы не упустить случая нажиться на общественном бедствии.

4 августа собрался рейхстаг и принял закон, предоставляющий правительству (Осюзному Совету Германской империи) фактически неограниченные полномочия по регулированию хозяйственной жизни страны и в частности — обеспечения ее продовольствием. Но пока живы были надежды на окончание войны в 5—6 месяцев по примеру кампании 1870 г., до тех пор ничего серьезного в этой последней области не предпринималось. Только с.-д. партия выставила продуманную программу продовольственных мероприятий, уже 13 августа предложив ее имперскому правительству в заявлении, подписанном центральным правлением партии и Генеральной комиссией профессиональных союзов. В заявлении этом указаны все меры, к которым полгода спустя действительно прибегла Германия, и при этом указаны в гораздо более стройном виде, чем это затем осуществлено. Но тогда записка эта осталась без внимания со стороны правительства и господствующих партий — на полгода запасов было более чем достаточно, а к тому времени предполагалось уже «завоевать мир и подвоз».

К 10 сентября 1914 г. немецкие войска отступили от Марны к реке Эн, и к концу месяца стала очевидной неизбежность неопределенно длительной продолжительности войны. Вместе с тем вмешательство государства в устройство продовольственного дела в самой его основе, а не только в устранении ростовщических излишеств продавцов, сделалось неизбежным.

Вопрос шел лишь о содержании этого вмешательства, о той мере, в какой должны были быть удовлетворены при нем своекорыстные стремления к наживе производителей продовольственных запасов и торговцев ими. Вокруг этого пункта и возгорелась все оживлявшаяся общественная борьба. Самый принцип частного-правового хозяйствования в области народного продовольствия оказался, следовательно, несостоятельным с самого начала, при первом же серьезном испытании, постигшем современную капиталистическую Германию, и был признан таковым политическими выразителями всех общественных классов: и партией консерваторов и всеми оттенками либерализма, не говоря уже о рабочей демократии. Но признание принципа не означало еще полного и единодушного проведения его в жизнь.

Первым крупным актом новой организации послужило введение хлебной монополии законом 25 января 1915 г.

Вся работа по организации народного продовольствия в Германии стала осуществляться в значительной мере силами местного самоуправления, главным образом, городского. Оно и понятно — среди сельского населения очень много лиц, стоящих вне общественных забот. Всем сельскохозяйственным владельцам оставлена из бывших у них запасов часть, достаточная для прокорма их самих, их семей и их сельскохозяйственных рабочих, поскольку последние, как часто в Германии, получают от помещика пищу или часть ее натурой. Главными потребителями, каким приходится всецело покупать земледельческие продукты, являются те 50 % населения Германии, которые живут в городах с населением свыше чем 5 тыс. в каждом. Затем идет неземледельческое население вне городов — рабочие горных промыслов, металлургических и иных заводов и т. д. и т. п., в общем еще 20 %.

В соответствии с таким составом потребителей организовано центральное общеимперское учреждение — «Военно-продовольственное общество», которому отведена главная роль в снабжении страны мукой. Именно, правление ВПО состоит из 5 представителей правительства, 5 представителей, избранных магистратами 48 крупнейших городов Германии, и 3 представителей от 13 крупнейших внегородских индустриальных предприятий¹⁾. В основном капитале ВПО (50 млн. мар.) участвует государство 20 миллионами марок, города — 21 млн. (в том числе Берлин — 4 млн.) и крупные предприятия — 9 млн. Помещики не допущены, таким образом, явно к участию в управлении этим центром, несмотря на негодующие заявления помещичьих союзов, консервативной прессы и юнкерских депутатов в прусском ландтаге. Зато в шестичленной комиссии советников при правлении одним из них состоит представитель Германского союза потребительных кооперативов (организация рабочих кооперативов, находящаяся под влиянием с.-д. партии).

Не следует, впрочем, думать, что ВПО является откровенно юнкероедским учреждением, с революционной решимостью расправляющимся со своекорыстными тенденциями германских помещиков. В скрытой форме интересы помещиков представлены правительственными членами ВПО. Во главе его стоит «имперский комиссар» Михаэлис, товарищ министра финансов королевства Пруссии. Комиссар имеет право veto, к которому ему, впрочем, вряд ли приходится часто прибегать. Ибо ВПО, судя по его отчету, столь деликатно, что вначале вообще в большинстве случаев не пользовалось своими громадными полномочиями по принудительному отчуждению зерна и муки, а заключало при отчуждении с владельцами сделки путем свободного соглашения о ценах.

¹⁾ В том числе фирма Круцш, «Рейнско-вестфальский угольный синдикат», Общество соединенных кельнско-ротвейлерских пороховых фабрик, фирма Стипнес и др.

Из представителей отдельных германских государств в Союзном Совете устроено состоящее под председательством канцлера «Имперское распорядительное учреждение». Входит в его состав также по одному представителю от городов, торговопромышленников и сельских хозяев. Этому Имперскому распорядительному учреждению (ИРУ) ВПО и все прочие власти докладывают о наличии запасов для хлебного производства в Германии — зерна и муки, за вычетом отложенных на посев, на потребление армии до конца сельскохозяйственного года и на покрытие необходимых технических потребностей. Все это остающееся количество находится в ведении ВПО. Получив сведения, ИРУ определяет, сколько должно выдаваться на человека в день муки для печенья хлеба, и этим функции его оканчиваются. В остальном страна имеет дело уже с ВПО.

Ежедневной нормой, установленной ИРУ на человека, была до 15 августа 1915 г. величина в 200 г чистой муки (полфунта). Для увеличения же веса хлеба предписано было прибавлять как к пшеничному, так и к ржаному 10% картофельной муки (или соответственное количество сырого картофеля). Для правильности снабжения картофельной мукой производство и распределение ее монополизировано в руках особого «Общества сухого картофеля» (между прочим правительство соорудило на казенный счет еще 200 картофельно-крахмальных заводов в дополнение к 550, уже бывшим в Германии). Наконец, предписано не выдавать вовсе муки и хлеба на грудных младенцев и выдавать только половину нормы на детей моложе пяти лет. Экономия должна быть обращена на усиление порции лиц, занимающихся тяжелым физическим трудом.

II

ВПО принялось в широких размерах заготавливать склады, создало из мелких местных и провинциальных скупщиков сеть своих торговых агентов по всей стране в составе 4 тысяч человек (оптовая торговля была устранена от участия в деле) и организовало за свой счет перемол. При этом ВПО почти совершенно устранило средние и мелкие мельницы (в значительной мере помещичьи). Из всех 35 тыс. мельниц Германии (не считая 10 тыс., бывших лишь побочным занятием отдельных крестьян) до последнего времени оно работало лишь с 350 крупнейшими, которые вместе способны ежедневно произвести более 20 тыс. т муки (т. е. все нужное для продовольствия количество). Из мелких мельниц ВПО дает работу лишь соединяющимся для этого специально в крупные союзы. С точки зрения потребителей и общества в целом разумнее, конечно, и дешевле перемолоть все зерно в 350 мельницах, чем оставлять их производительную силу неиспользованной в полной мере ради распыления производства между 35 тыс. предприятий. Но заинтересованные круги жаловались очень громко. С половины мая аграрии и торговцы повели открытую борьбу за изменение управления ВПО (аграрии) или даже за упразднение самой монополии (торговцы).

Прусский ландтаг 10 июня 1915 г. во многом примкнул к требованиям аграриев, требуя относительно управления ВПО составления «поровну из представителей потребителей и производителей».

В конце мая общегерманский съезд торговцев возбудил ходатайство о полном восстановлении свободы торговли хлебом, а союз торговцев — о пополнении администрации ВПО представителями торговцев. Имперский союз самоуправлений с населением до 25 тыс. человек в начале июня обратился с просьбой предоставить и ему одно место в Совете будущего центрального учреждения — настолько он верил в безусловное исполнение воли аграриев. Но города с населением свыше 25 тыс. в лице своего союза подняли резкий протест, поддержанный также с.-д. партией и почти всей печатью.

В аграрных вождениях заинтересованы хотя и влиятельные, но не особенно многочисленные круги. Из всех 5 736 тыс. «сельских хозяев» Германии почти $2\frac{3}{4}$ млн. имеют менее одного гектара сельскохозяйственной площади каждый (все вместе 576 тыс. гект. пашни). Посевы ржи и пшеницы занимают в Германии вообще лишь 35% пашни, поэтому от этой группы вообще ничего не может поступить на рынок, не может хватить даже для нее самой. Затем имеется 2 720 тыс. крестьян, владеющих от 1 до 20 гект. каждый, с общей площадью пашни в 10 724 тыс. гект. При ожидаемом сборе ($\frac{2}{3}$ обычного), при среднем составе семьи, при отчислении на посев и по 9 кг зерна в месяц на продовольствие каждому из домочадцев (такое количество сельские хозяева оставляют у себя из нового сбора на год вперед согласно закону 28 июня) — чистый остаток для очуждения может составить у всех этих мелких владельцев лишь менее $2\frac{1}{2}$ млн. т зерна. По такому же расчету для 262 тыс. средних владельцев (от 20 до 100 гект., всего 7 220 тыс. гект. пашни) и для 23 тыс. помещиков (владеющих свыше 100 гект., всего 5 900 тыс. гект. пашни), принимая во внимание получающую от хозяев хлеб натурой часть сельскохозяйственных рабочих, — чистый остаток для отчуждения составить $4\frac{1}{2}$ млн. т ржи и пшеницы в зерне. Следовательно, на две трети вопрос касается интересов менее чем 300 тыс. помещиков и крупных крестьян. А в городах с населением свыше 20 тыс. человек живет в Германии около 24 млн. человек.

Закон 28 июня 1915 г., преобразовавший ВПО, явился до некоторой степени компромиссом, хотя и не доставившим аграриям полной победы, но сделавшим им серьезные уступки.

Все обслуживающие снабжение населения хлебом инстанции объединены во вновь созданном учреждении. Во главе этого «Имперского зернового учреждения» поставлен прежний имперский комиссар Михаэлис с тремя помощниками-заместителями. Двое из 4 членов этой дирекции принадлежат к числу наиболее подвергавшихся нападкам со стороны аграриев деятелей ВПО (Михаэлис и Куно), которые все время противодействовали чрезмерным притязаниям аграриев (поддерживавшимся зато прусским министерством сельского хозяйства).

Новое ВПО распадается на два отделения: административное и торговое. Административное отделение решает вопросы, касающиеся осуществления секвестра, — весь урожай секвестрируется уже на корню, но при этом, как и раньше, прусским уездам и соответствующим им округам других государств разрешается с утверждения административного отделения принять на себя заботу о снабжении обитающего в них населения хлебом¹⁾. В таких «самоснабжающихся» уездах рожь и пшеница секвеструются в пользу данного местного самоуправления. Весь избыток они обязаны сдать по цене в пределах существующих максимальных цен. Однако им не принадлежит решение, какое количество зерна могут они сдать, какого сорта и по какой цене, — все это определяется вторым отделением, которое и перенимает все признаваемое им избыточным для данного уезда зерно. А этим вторым отделением объявлено теперь все то же ненавистное аграриям, хотя и несколько преобразованное ВПО («Военно-продовольственное общество»).

Величину дневного рациона, примесь картофеля, соотношение между выпуском в потребление ржи и пшеницы — все это определяет административное отделение. Процент вымола определен законом (82 % рожь, 80 % пшеница). «Самоснабжающимся» уездам из разрешаемого им «Имперским зерновым учреждением» к оставлению для себя зерна разрешается перемалывать в муку не более, чем на 2 месяца вперед. Иначе хозяйничающие в них аграрии ради получения отрубей живо перемололи бы все зерно, и от долгого хранения часть муки неизбежно испортилась бы и пропала для населения. Вопрос этот был все время спорным между ВПО и аграриями и вызвал между ними даже полемику в газетах.

Более приятно для аграриев разрешено столкновение относительно мельниц. Закон предписывает «по возможности равномерно» занимать все мельницы. Административное отделение управляется дирекцией в приведенном выше составе, при которой состоит Совет для обсуждения всех принципиальных и более серьезных вопросов. Председателем Совета является заместитель имперского канцлера (имперский министр внутренних дел Дельбрюк), вторым председателем — Михаэлис (с титулом президента), члены назначаются канцлером из числа членов Союзного Совета и различных организаций, состав которых тот же, что в прежнем «Имперском распределительном учреждении», прибавлен только «Военный комитет германской индустрии».

Практически важнее и больше споров вызвал вопрос об управлении вторым отделением — торговым. Этим отделением, как упомянуто, признано теперь ВПО, получающее организацию по типу

¹⁾ Путем оставления по 108 кг зерна на год всем домохозяевам сельских хозяйств (включая указанную часть рабочих) монополия организация освобождается от забот о 14 млн. жителей (за вычетом мобилизованных). При этом каждому домохозяеву сельских хозяйств достается по 239 г муки в день, тогда как городской обыватель получал по 200 г (скрытая премия для скота).

имперского банка, т. е. смешанного состава — из уполномоченных правительства и заинтересованных сил, причем частнопредприятие по форме учреждения наделяется государственноправовыми полномочиями.

Второе отделение, сохраняющее название ВПО, осуществляет отчуждение всей секвеструемой ржи и пшеницы (кроме приходящейся на долю населения «самоснабжающихся» районов), назначает за нее цены, распределяет между мельницами, определяет обязательную норму платы за помол и за хранение на складах, назначает обязательную цену за муку и доставляет ее местным самоуправлениям согласно числу их жителей и установленной первым отделением дневной нормы потребления. При этом § 8 предписывает «при определении цены муки принимать во внимание только действительную себестоимость». Введенная с 1 февраля 1915 г. хлебная монополия не знала еще максимальных цен на муку, установив их лишь для зерна.

Главный вопрос, относительно управления ВПО, решен увеличением числа членов руководящего его совета до 25. Из них председателем является главный директор первого отделения — тот же Михаэлис, совмещающий в своем лице руководство обоими отделениями. Из остальных 24 — семеро назначаются империей и отдельными союзными государствами, семеро избираются представителями городских дум 48 важнейших городов, трое избираются 13 крупнопромышленными предприятиями и семеро вступают в качестве представителей сельских хозяев (капитал ВПО повышается для этого взносами крупных сельскохозяйственных организаций). Всего, таким образом, 10 представителей покупателей хлеба, 7 представителей производителей его и 8 чиновников, из которых несколько успели уже навлечь прежней своей деятельностью неудовольствие аграриев. Влияние последних возросло, но не смогло стать определяющим.

III

Цена муки до полного развертывания работы ВПО далеко превышала норму мирного времени. Согласно статистике 50 главных прусских городов она достигла в апреле 1915 г. в среднем для пшеничной муки 53,3 пфен. за кг против 37,9 пфен. в апреле 1914 г. и для ржаной муки 48,8 пфен. против 31,5 пфен. в апреле 1914 г. (розничные цены). Средняя цена белого хлеба составляла в апреле 1915 г. уже 72,6 пфен. за кило. Это был кульминационный момент дороговизны. Монопольное ВПО успело, однако, сосредоточить в этом времени в своих руках все зерно страны, и возможность вздувания цен мельницами и посредниками исчезла. Установив свою себестоимость зерна и муки, ВПО стало поставлять всем общинам Германии¹⁾ с 15 мая 1915 г. муку по

¹⁾ Собственно не всем, а только имеющим около 50 млн. жителей. Общины с остальными 18 млн. жителей покрывают потребность своих жителей в хлебе собственным попечением (с разрешения центра и руковод-

однообразной цене: пшеничную — по 37,2 пфен. за кило (с колебаниями в 1½ пфен., смотря по району), ржаную — по 34 пфен. (тоже с колебаниями в 1½ пфен.). Благодаря этому, как только города запаслись мукой по новым расценкам — стоимость хлеба понизилась до уровня мирного времени. Например, кило излюбленных берлинцами для утреннего завтрака маленьких пшеничных булочек «Шриппен» стоило до войны 62½ пфен. После введения монополии они были первое время совсем запрещены — опасались недостатка пшеничной муки и хотели развить на счет ее потребления ржаной. Когда ВПО закончило сосредоточение в своих руках зерновых хлебов и вымолот их, оказалось пшеницы больше, чем рассчитывали. «Шриппен» были вновь разрешены, и с 7 июня такса на них была установлена в Берлине в 60 пфен. за кг, т. е. даже несколько ниже уровня мирного времени. После того как жители отвыкли было уже от маленьких белых булочек (каждая весит 50 г и стоит 3 пфен.), возвращение их вызвало в иных кругах почти ликование, вплоть до следующего «Приветственного гимна долго отсутствовавшему» в «Берлинер Тагеблатт» от 9 июня:

Lange Verdrängte,
Neu uns Geschenkte,
Nicht zu Bezahlende,
Zart weisslich Strahlende,
Leicht bräunlich Gleissende,
Frieden Verheissende,
Prächtigt uns Schmeckende,

Wohlgefühl Weckende,
Uns so Bekömmliche,
Anti-Kriegesemmlige,
Heil dir, Erkorene,
Weizengeborene!
Bist wieder da.
Schripp, Schripp, hurra! ¹⁾

Установленная норма в 200 г представляет собой только едва 75 % обычного хлебного потребления в Германии. В смысле объема средний немец замечает это не столь сильно благодаря обязательной прибавке 10 % картофельной муки. Но дело в том, что действительное потребление мучных изделий вовсе не распределяется в население столь равномерно, чтобы общее ограничение 200 г в день равнялось для всех сокращению хлебного питания только на четверть. Изданное недавно статистическим бюро Маннгейма исследование разделило потребителей на пять групп по их зажиточности. Пирожных и тонкого печенья наиболее богатые разряды потребляют около 30 г в день на человека, а самый низший разряд — менее пяти. Наоборот, хлеба едят тем больше, чем люди беднее: высшие и средние классы заменяют его более тонкими и более дорогими кушаньями. В итоге ежедневное потребление муки по

стнуясь общими нормами; один из таких «союзов общин» представляет собой вся Бавария). Имеющийся избыток хлеба против имперской нормы (200 г муки в день) эти общины обязаны, впрочем, сдавать ВПО как органу имперской монополии.

¹⁾ Долго отсутствовавшая, вновь нам подаренная, бесценная, белым нежно сияющая, слегка коричнево блестящая, мир обещающая, на вкус прекрасная, чувство удовольствия вызывающая, нам так полезная, противница военного хлеба, слава тебе избранная, рожденная от пшеницы! Снова ты здесь. Шрипп, Шрипп! Ура!

классам, начиная от самого богатого и кончая наименее зажиточным, выражалось до войны в таких цифрах:

I	189,1 г
II	245,3 »
III	260,6 »
IV	276,9 »
V	307,3 »

Нетрудно видеть, что, тогда как наиболее богатые не испытывают никакого лишения при ограничении потребления 200 г чистой муки в день, для наиболее бедных это составляет сокращение обычного потребления муки на целых 35 %.

Уступая требованиям установить распределение муки не просто поголовно, а в соответствии с потребностями, правительство согласилось обратить экономию от невыдачи муки грудным и от выдачи малолетним только половинного количества на усиление рационов занятым физическим трудом, с таким расчетом, «чтобы личности с низшим доходом получали высший хлебный рацион». Постановление, дающее право местным самоуправлениям прекращать и сокращать выдачу младенцам и детям муки и употреблять экономию на дополнительную выдачу «личностям с низшим доходом», вступило в силу с 1 апреля. Впоследствии эта мера была развита в систему пайков разной величины, смотря по занятию и возрасту.

IV.

Февраль и март 1915 г. были переходным периодом. По объявлению самого ВПО только к 1 апреля оно закончило уже настоящие подготовительные работы, что смогло взять снабжение всех пекарен Германии в свои руки. Принимая во внимание громадность задачи, нельзя признать слишком длинным двухмесячный срок. Напомню, что «каждый рабочий день при десятичасовой его продолжительности и в течение двух месяцев ВПО каждый час обслуживало в торгово-техническом отношении двадцать поездов зерна по 40 вагонов в каждом».

Секвестрованное у сельских хозяев государством зерно, превращенное затем ВПО в муку, поступает далее в заведывание местных самоуправлений. Созданные государством центральные для всей империи учреждения предопределили и долю каждого человека и ее цену. Городу остается позаботиться лишь о том, чтобы каждый действительно и аккуратно получал то, что ему причитается.

Во-первых, городское самоуправление заботится о получении от ВПО количества муки, причитающегося на население района деятельности данного самоуправления¹⁾.

¹⁾ Мелкие поселения и сельские общины объединены в «союзы коммун», которым предоставлены те же полномочия, что и каждому городу с населе-

Во-вторых, город распределяет муку между всеми пекарнями, кондитерскими и лавочками. Каждое из этих заведений получает муку с тем, что должно представить городу в конце недели получаемые им от потребителей при продаже «хлебные карточки» на количество, равное полученному от города. Остаток должен быть налицо под страхом тяжких наказаний (одновременно могут быть определены крупный штраф, продолжительное тюремное заключение и закрытие предприятия). Все эти заведения получают муку от города по особым квитанциям и не должны получать ее больше нигде. Городской и полицейский контроль во всякое время подвергает ревизии книги и запасы всех имеющих дело с мукой заведений.

В-третьих, город определяет часы и места продажи хлеба и допустимые к производству сорта. Впрочем, по решению Союза городов правительством сделан теперь обязательным во всей империи однотипный хлеб: ржаной и ржанопшеничный. Город имеет право вовсе запрещать производство пирожных, печенья и т. п., поскольку это и без того не запрещено государством, как, например, по отношению к пасхальным лакомствам. Все эти запрещения относятся не только к пекарням, кондитерским и т. п. заведениям, но и к частным хозяйствам. Пирожные и печенье должны содержать муки не более 10 %.

Повсюду города установили, какого веса должен выпекаться хлеб, какой процент картофеля должен припекаться (не менее 10, не более 30 — впрочем, не заметно особой склонности повышать процент картофельной муки далее 15) и какими количествами хлеб может продаваться при каждой отдельной покупке (обычно порциями в 25 г как минимум = $\frac{1}{16}$ фунта, а выше — сколько угодно, пока хватает «хлебной карточки»). Однокачественность хлеба упрощает расчет его стоимости и гарантирует всем слоям населения одинаковый по питательности продукт.

В-четвертых, городское самоуправление снабжает всех жителей «карточками», на которых обозначено, сколько хлеба имеет право данное лицо потратить в течение данной недели. Где бы вы ни желали купить хлеба — в булочной, на железнодорожной станции, в ресторане, — вы должны предоставить продавцу отделить от вашей карточки купон на соответствующую сумму¹⁾. Обитатели богаделен и тюрем, случайные проезжие и нищие — все получают хлеб исключительно на основании такого строгого контроля. Задача его, выполняемая именными карточками, обеспечить, чтобы каждый житель

нием свыше 10 тыс. (в таких городах живет до 30 млн. человек). Из числа принимаемых в расчет жителей исключаются все те сельские хозяева с прокармливаемыми ими лицами, кому при общем секвестре были оставлены нужные им до новой жатвы для пропитания запасы из бывших у них в наличности.

¹⁾ Предписано, что кто желает получить муку, должен отдать купон на вдвое большее количество хлеба; например за купон на 250 г хлеба выдается лишь 125 г муки.

действительно получал причитающуюся ему долю, чтобы никому не мог булочник продать доли другого человека, соблазнившись лишней парой пфеннигов.

Для выполнения этой ответственной функции городам пришлось создать дорогой и сложный аппарат. Двухмиллионный собственно Берлин (без окраин) разделен, например, на 170 участков. В каждом участке имеется городской комитет по снабжению жителей хлебными карточками. Во главе комитетов поставлены заведующие начальными народными школами, и на их ответственности лежит, чтобы никого не осталось в их участке без «карточки», на попечении каждого комитета находится в среднем 12 тыс. лиц.

С целью внесения порядка в получение публикой хлеба на булочных Берлинская городская дума наняла 1 200 распорядителей, рекомендованных профессиональными рабочими союзами из числа их безработных членов. Украшенные белым шарфом на левой руке, они должны регулировать движение и очередь перед булочными (кроме аристократических районов). На расходы по печатанию хлебных карточек, по организации их распределения и контролю и т. д. города не получили от государства между прочим никаких специальных ассигновок. ВПО доставляет только муку и требует, чтобы ее уходило не свыше назначенной нормы. Регулирование же распределения на месте всецело предоставлено местному самоуправлению. Оно осуществляется, однако, главным образом только предписаниями и контролем со стороны города, самый же продукт населения, получает в конце концов, не непосредственно от городских агентов, а из рук частных предпринимателей — булочников и иных. Производство зерна, переработка его в муку, распределение ее между производителями готового продукта (хлеба) — наконец, продажа хлеба населению, — из этих четырех стадий первая находится совершенно вне ведения и влияния городских самоуправлений; во второй (т. е. в определении цен муки) их коллективный голос слышен лишь поскольку их представителям принадлежит часть мест членов правления ВПО: третья стадия осуществляется ими непосредственно и четвертая — под их полным контролем, но в порядке частногохозяйственного предпринимательства. Правда, предприниматели эти так связаны сетью городских постановлений, что по существу, особенно там, где установлена такса на хлеб, являются не более как городскими агентами, с определенными городом размерами вознаграждения. Город просто воспользовался готовым аппаратом, чтобы наполнить его содержанием по своему усмотрению: людям предписывают, что печь и как печь, кому продавать и сколько продавать, по какой цене получать муку и по какой цене отпускать хлеб. Только вместо жалованья из городской кассы они получают вознаграждение непосредственно от потребителей — но в размере, predetermined городским самоуправлением, которое определило ведь и количество продаваемого и разницу между стоимостью материала и готового продукта. Ясно, что отсюда один шаг до прямого и формального перехода продажи по-

требителю к городу, к превращению «четвертой стадии» в такую же отрасль непосредственного городского хозяйства, какой уже стала третья (покупка муки у ВПО и продажа пекарням).

В порядке местной инициативы отдельные города, например Кельн и др., обсуждают уже вопрос о переходе «четвертой стадии» в городские руки (в Кельне, например, предпринято было городом сосредоточение всего производства хлеба только в 10 наиболее крупных предприятиях). Можно еще заметить, что где такса не установлена городом, там цены хлеба нормированы соглашением булочников (например Берлин), причем обычные колебания цен чрезвычайно сократились. Так как над пекарями все время висит гроза городской таксы (в силу предоставленного государством городам права), то это побуждает их и самих несколько подтягиваться¹⁾.

2. ИТОГИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ²⁾

I

При подведении итогов организации распределения Германией своих продовольственных ресурсов приходится прежде всего отличать отвлеченный «средний» итог для всей немобилизованной части нации от фактических «средних» для аграрной и неаграрной ее части. Первая величина показывает, сколько есть в стране продовольствия после удовлетворения потребностей армии, вторая — как оно распределяется между сельскохозяйственным и прочим населением. Под «аграрным населением» понимаю при этом, согласно немецкому продовольственному законодательству, исключительно тех, кто производит в своем хозяйстве сырые продовольственные материалы (помещики, крестьяне) и кому предоставлено самому отделять для себя из всего производимого нужную ему для питания часть в пределах установленных законом рамок. Таких лиц немецкий закон называет «самозаботящимися» и к числу их относит не только владельца и членов его семьи, но также всех тех служащих в хозяйстве (с их семьями), которые обычно получают продовольствие натурой. В сельском хозяйстве Германии к этому разряду относятся не только домашняя прислуга, но и большинство сельскохозяйственных наемных рабочих. Этим объясняется крупное число «самозаботящихся». По сведениям «Имперского зернового центра» немобилизованное население распадается так. Почти 30 %, именно 17,2 млн. человек живут в районах местных самоуправлений, целиком получающих зерно и муку от «Имперского зернового центра» (крупные и средние города). Затем менее половины,

¹⁾ По образцу хлебной монополии строился затем распределительный аппарат и прочих продовольственных монополий, причем все большую роль начинала постепенно играть продажа непосредственно из лавок городских самоуправлений, начавших устраиваться в заметном количестве. Примечание 1926 г.

²⁾ Налечтано в «Вестнике Европы» за ноябрь 1916 г.

именно 28 млн. человек, живут на территории тех союзов местных самоуправлений, которые могут из местного производства (после его секвестра) удовлетворить установленными рационами всех жителей и еще сдают избытки «Имперскому зерновому центру» (речь идет о местностях с расположенными в них мелкими городами и местечками). Наконец, во всех районах вместе проживают еще невключенные в предыдущие цифры «самозаботящиеся», числом 14,4 млн. человек, или как раз 24% всего немобилизованного населения (пленные содержатся военным ведомством; их питание покрывается из заготовок для армии, они не включены в немобилизованное население).

Всем «самозаботящимся» предоставлено лучше питаться, чем прочему населению. Например, для живущего рационами населения указано среднее дневное потребление муки в 220 г на душу. А «самозаботящимся» закон разрешает оставлять себе для этого по 9 кг зерна на душу в месяц, что при установленном проценте вымола дает 240 г муки в день (это повышает отвлеченную «среднюю» для всех немобилизованных до 225 г в день вместо 220 г). Картофеля «самозаботящиеся» едят свыше чем на четверть больше горожан. Рыба направляется, правда, почти целиком в города, но зато «самозаботящимся», т. е. аграрному населению, закон предоставляет льготы в снабжении маслом, молоком и мясом.

Благодаря дальнейшим успехам статистики и рационирования исчисления теперь представляются точнее сделанных для времени до войны коллективным сборником под редакцией Эльцбахера (появился в декабре 1914 г.) и затем для середины второго года войны¹⁾. Но и ошибки прежних вычислений, судя по всему, не были в общем велики, так что в целом имеем довольно надежную картину учета постепенного падения продовольственных ресурсов. Ниже приведены будут факты, относящиеся к перспективам продовольствия в дальнейшем (т. е. после третьего года войны). Как помнит читатель, питательность пищи измеряют калориями, единицами энергии, какую она создает в человеческом теле. Таким образом сводят к качественному единству и возможности количественного учета все разнообразные конкретные виды продовольствия. Во избежание загромождения цифрами ниже приводятся данные, уже переведенные в калории. Только для общей средней, показывающей величину «среднего» дневного продовольствия всего немобилизованного населения Германии, приведу также учет распределения «среднего» дневного рациона на белки, жиры и углеводы (сумма полезного усвоения которых и дает дневное количество потребляемых калорий). Это то количество, какое каждый житель Германии получал бы при совершенно равномерном распределении, если бы не было разницы в рационах между горожанами и «самозаботящимися», между детьми и взрослыми, между зажиточными и малоимущими.

¹⁾ «Вестник Европы», март 1916 г.

	Мирное время.	Третий год войны.
Белков	92,9 г	57,0 г
Жиров	106,0 >	39,0 >
Углеводов	530,5 >	373,0 >
Сумма калорий	3 642 калор.	2 125 калор.

Постепенное понижение продовольственного уровня может быть представлено в такой сжатой форме: на «среднюю» душу приходилось в мирном 1913 г., по Эльцбахеру, 3 642 калор. в день, в середине второго года войны — по 2 852 калор. и на весь третий год ее имеется по 2 125 калор. В относительных числах 100%—78%—60%. Иначе сказать, продовольственные ресурсы немецкого народа (сверх армии) составляют теперь лишь три пятых мирного уровня. Правда, главная масса населения (семь восьмых) имела в мирное время лишь по три тысячи калорий, остальное целиком потреблялось или уничтожалось зажиточной частью народа, питавшейся гораздо лучше малоимущих. Затем, мало зная отклонение от привычного уровня, надо определить еще степень неизбежности физиологического недоедания, т. е. питания ниже той нормы, какая признается наукой необходимой для сохранения населением нормальной работоспособности. Зная состав населения в каждое данное время, можно высчитать физиологическую норму для теоретического «среднего человека». Во время войны менялось соотношение в населении возрастных и половых групп вследствие выбытия в армию мужчин. Потому средняя физиологическая норма постепенно понижалась. Она составляла в Германии в мирном 1913 г. 2 441 калор. в день, в середине второго года войны — 2 381 калор. и в третьем году ее — 2 301 калор. Иначе сказать, в мирное время все население Германии имело бы возможность (при равномерном распределении) питаться наполовину лучше физиологического минимума, необходимого для сохранения нормальной работоспособности и здоровья. Оно действительно питалось гораздо лучше жителей ряда европейских стран, как это давно установлено бюджетными обследованиями мирного времени. В середине второго года войны при равномерном распределении все еще оставался бы некоторый избыток над физиологическим минимумом, — но не было как раз всеобщего равномерного распределения, были только его зачатки. Теперь, наконец, равномерность достигнута в более крупной мере, — но недоедание стало объективно неизбежным. Даже при идеальной равномерности «средняя физиологическая норма» составила бы для немобилизованного населения в третьем году войны всего 2 125 калор. вместо требующихся 2 301 калор., т. е. почти на 8% меньше. Объективные границы немецкого «голода», таким образом, довольно скромны, все зависит от правильности распределения, в частности — от устранения поправок «самозаботящемуся» аграрному населению.

В интересах сравнения любопытно привести данные новейшего русского бюджетного исследования (А. Стопани, «Нефтепромышленный рабочий», Баку, 1916). Бюджетная перепись произве-

дена под руководством А. Стопани в 1910 г. в условиях мирного времени. По климатическим условиям в Баку меньше должно уходить на теплое платье и топливо, да и заработок бакинского рабочего русской национальности (большую частью металлисты) выше среднего фабрично-заводского заработка в России. Для сравнения привожу еще (несколько устарелые) данные о питании низшей группы крестьян Можайского уезда Московской губ. (все крестьяне были разбиты на две группы — цитирую по изданию Костромского земства «Питание крестьян», 1910). Все данные относятся к взрослому мужчине. Для Баку А. Стопани приводит состав средней семьи учтенных рабочих русской национальности, так что можно вычислить «среднюю фактическую норму» для рабочего населения данного возрастного и полового состава. Дневной рацион взрослого мужчины:

Калорий.

Бакинского русского рабочего с доходом до 500 руб.	2 846
» » » » от 500 до 700 руб.	3 015
Крестьянина Можайского уезда Московск. губ. низш. разряда	2 650
Бакинского русского рабочего с доходом от 700 до 900 руб.	3 247

«Средняя фактическая норма» для бакинских русских с доходом до 500 руб., если рассчитать на всех членов семьи (на жену $\frac{2}{3}$, на каждого из двух детей по $\frac{1}{2}$ рациона мужчины), оказывается равна 2 064 калор.; для семьи русского рабочего с доходом до 70 р. (58 руб. в месяц) получаем 2 186 калор. Между тем в Германии при вполне равномерном распределении средняя фактическая норма может составлять теперь, как приведено выше, 2 125 калор. Иначе сказать, немобилизованное немецкое население в 1916 г., в третьем году войны, имеет объективную возможность питаться так, как питалось в мирное время население бакинских рабочих русской национальности, зарабатывавших около 50 руб. в месяц. Рабочих с таким заработком было в России до войны не так уж много. И их «средняя фактическая норма» была ниже того минимума, который им следовал «физиологически» для поддержания нормальной трудоспособности и здоровья. Потому заболеваемость и смертность среди них были выше, а продолжительность жизни меньше, чем в Германии. Но они все же существовали и работали. В Германии в 1916 г. фактическая норма тоже неминуемо должна быть ниже полагающейся «физиологической». Потому там повысилась за время войны заболеваемость и смертность немобилизованного населения, как бы стремясь догнать русский довоенный уровень в этом отношении, и несколько уменьшился средний вес жителей (см. ниже). Но они могут существовать и работать в такой мере, в какой могли это до войны бакинский русский рабочий с доходом до 700 руб. в год и менее имущая половина крестьян Можайского уезда Московской губ. вместе с их семьями.

Из приведенных данных видно, что сильнее всего упало жировое питание: вместо мирных 106 г имеется теперь только 39 на

«среднюю» душу в день. Жировое питание уменьшилось почти втрое. Но уменьшившиеся втрое жировые ресурсы все же превышают то жировое питание, каким пользовались у нас даже до войны рабочие и значительная часть крестьян. На взрослого мужчину приходилось в день в бакинских рабочих семьях русской национальности в 1910 г.:

С доходом	Жиров
до 500 руб.	20 г
от 500 » 700 »	27 »
» 700 » 900 »	29 »

У крестьян Можайского уезда, Московской губ. — 28 г (у бедной половины), у крестьян Верейского уезда Московской губ., тоже у бедной группы, — 30 г (а в рабочей семье в городе Москве, по Эрисману, еще меньше). В сравнении с этим немецкие 39 г в 1916 г. представляются в несколько ином свете, чем если их сравнивать только с немецким же мирным уровнем в 106 г.

II

Нынешний «средний» немецкий дневной душевой рацион мы сравним сначала с таким же рационом мирного времени (1913 г. по Эльцбахеру), а затем укажем отличие «аграрного рациона» («самозаботящихся») от рациона прочих трех четвертей населения (все в калориях).

Название продуктов	Мирное время	Третий год войны
Мука, картофель, стручки и крупа	1 916	1 244
Мясные продукты	585	157
Молочные, растительные масла, какао	560	295
Сахар	195	185
Алкогольные напитки	173	29
Овощи и плоды	167	138
Яйца	26	10
Рыба (и неучтенные в третьем году)	20	17
	<hr/> 3 642	<hr/> 2 125

Несколько мелких продуктов остались неучтенными для третьего года (козье молоко, какао, заграничный шоколад, привозная битая птица, сыр швейцарский и голландский и т. д.). Их так мало, что принимаем, вероятно, с преуменьшением, всего 7 калор. для всех вместе (на рыбу в третьем году приходится только 10 калор.). Все подобные немонополизированные, перационированные и нетаксированные заграничные продукты почти целиком поступают зажиточной части горожан. О туземном сыре (тощем, ибо производство жирных сыров запрещено Союзным Советом) правительство расследование показало, что он потребляется теперь исключительно зажиточными людьми, массами получающими его в почтовых посылках из деревни.

Приведенная таблица дает представление об общем уменьшении продовольственных ресурсов в стране для немобилизованного населения и представляет собой величину вполне отвлеченную для теоретической «средней» души. Гораздо больше жизненного содержания получится, если разложить «средний общегерманский» душевой рацион на две основные составные его части: средний душевой рацион «аграрного» населения («самозабывающихся» производителей, 24 % всех жителей) и средний душевой рацион прочего «неаграрного» населения (потребителей чистой воды, 76 % всех жителей). Противоположность между производителями и потребителями выступает здесь в яркой форме, германские производители не только наживаются на счет потребителей, но и едят лучше их. Именно, средний дневной душевой рацион составляет в Германии в третьем году войны у аграрных 24 % жителей 2 500 калорий, у прочих 76 % жителей — 2 000 калорий в день.

Иначе сказать, аграрное население питается на четверть лучше прочего. Действительная разница может быть еще больше. Ибо для «прочих» трех четвертей населения имеем дело главным образом с точными рационами, проходящими центральные учреждения и местные самоуправления — больше рядовому малоимущему горожанину, вообще чистому потребителю, и неоткуда теперь достать пищи. Другое дело производитель (аграрная четверть): или он соблюдает предписанные «самозабывающимся» рамки, боясь тюрьмы, или не соблюдает, рассчитывая укрыться от контроля. Во всяком случае ясно, аграрное население питается в Германии выше «физиологического минимума» (составляющего теперь, как указано, 2 301 калор. в день на среднюю душу). Наоборот, большинство населения, именно, три четверти его, имеют в среднем уже только 2 000 калор. в день, меньше физиологического минимума на 301 калор., или более чем на восьмую часть. Но и это большинство народа, — все несельскохозяйственное население — в свою очередь распадается на разные возрастные и социальные группы. Германское продовольственное законодательство дает возможность определить величину дневного рациона для каждой из этих групп отдельно и вскрыть таким образом «социальную физиологию» войны, определить, на кого же в конечном счете падают продовольственные тяготы, возложенные на Германию войной, каково их значение для будущего (влияние на работоспособность и на детей) и для настоящего (попытка принудить правящие классы Германии к уступчивости возложением на них продовольственных лишений путем лишения Германии ввозившейся раньше из-за границы части пищи).

III

Во избежание загромождения цифрами ограничусь приведением только конечного итога: сколько калорий содержит дневной рацион каждой из шести групп, на какие разбиваю все несельскохозяйственное население страны (76 % немобилизованных жителей) в со-

гласии с продовольственным законодательством. Здесь мы имеем дело уже не с отвлеченными «средними» душами, то общенациональными, то «аграрными» или неаграрными, — а с конкретной действительностью, с фактическими рационами, какие получают люди такого-то возраста и такого-то социального положения. Половину почти населения составляют дети до 17 лет, их разбиваем на три группы: до 6 лет, от 6 до 12 лет и от 12 по 17 лет включительно (подростки). Затем взрослое население (с 18 лет) распадается на две части: тяжело работающие (т. е. большая часть физических рабочих) и неработающие или легко работающие. Все это относится к малоимущим жителям, составляющим семь восьмых населения. Шестую группу составляют зажиточные, в свою очередь разбивающиеся по возрастам на те же группы (у них недостает только тяжело работающих физически по отсутствию таковых).

Вычисляя, сколько калорий приходится в день на душу каждой группы, получаем такую таблицу:

	Малоимущие	Зажиточные
Дети до 6 лет	2 148	2 628
» от 6 до 12 лет	1 874	2 354
Подростки 12—17 лет	1 881	2 361
Взрослые не тяжело работающие . .	1 778	2 258
Тяжело работающие взрослые	2 325	—

Разница между соответственными группами малоимущих и зажиточных (480 калор.) создается нерационированными продуктами (овощи, сыр, птица, дичь, разные мелкие «неучтенные» продукты), потому невозможно точно распределить ее между возрастными, и приходится для всех зажиточных принять одну среднюю величину. Для сравнения отношений, в каких стоит фактическое потребление к необходимому физиологически минимуму, выведем среднее для всех детей и для всех взрослых как для малоимущей, так и для зажиточной группы (принимая во внимание число лиц каждого разряда), а также средний фактический рацион для каждой из этих двух групп населения в целом, — и сравним со средней физиологической нормой для каждой группы в ее целом в отдельности (физиологическая норма для детей одинакова, разница должна быть лишь в питании взрослых, потому суммарные физиологические нормы зажиточных и малоимущих гораздо меньше отличаются одна от другой, чем при сравнении физиологически обязательных норм для одних мужчин:

	Малоимущие	Зажиточные
Дети и подростки	1 970	2 450
Взрослые	1 934	2 258
Все вместе	1 951	2 348
Физиологическая норма	2 352	1 934

Иначе сказать, все малоимущее население в общем получает на 17% меньше, чем ему необходимо, а зажиточные получают, наоборот, на 21% больше, чем с них было бы достаточно при

их образе жизни, если бы ограничить их физиологическим минимумом. Таким образом, и на третий год войны в Германии не установлена еще полная действительная равномерность питания, принимающая во внимание только потребность в нем и наличие запасов. Все еще зажиточные имеют серьезные преимущества, а аграрное население («самозабывающиеся») получают еще больше неаграрных зажиточных (по 2 500 калор. в день первые и по 2 340 вторые). За вычетом этих двух групп все остальное население — около 71 % всех жителей — довольствуется лишь 1 951 калор. в день на душу. Между тем, если бы все решительно разделить поровну между всеми, без поблажек аграриям и зажиточным, то на душу пришлось бы по 2 125 калор. Наоборот, если бы все зажиточное население в городе и деревне питалось, как в мирное время, то остальным семи восьмым населения осталось бы только по 1 257 калор. в день на душу. Иначе сказать, установленное на третий год войны регулирование доставило малоимущим 80 % всего мыслимого улучшения питания (по сравнению с отсутствием регулирования, когда зажиточные благодаря возможности дорожке платить сосредоточивали бы в своих столовых обычный для них мирный рацион, а остальное население должно было бы довольствоваться остатком). Между тем в середине второго года войны благодаря достигнутой к тому времени степени регулирования малоимущие достигли только 40 % того улучшения своего питания, какое мыслимо было в то время. Этой разнице — 40 % и 80 % — измеряется социальный прогресс германской продовольственной организации в третьем году войны по сравнению с серединой второго. В абсолютных цифрах движение средних фактических дневных душевых рационов представляется в Германии приблизительно таким (в калориях и без мобилизованных):

	Малоимущие	Зажиточные	Все население
Мирный 1913 г.	3 000	8 400	3 642
Половина 2-го года войны	2 424	6 048	2 858
3-й год войны!	1 951	2 348	2 125

Если принять во внимание аграрное население, то средняя величина окажется в третьем году несколько выше и для малоимущих и для зажиточных. Нельзя сказать, чтобы для питания зажиточных слоев Германии война проходила совершенно бесследно; их питание сократилось на две трети с лишним. Но из покупувшегося ими в мирное время такая крупная часть выбрасывалась в виде отбросов, остатков и т. п. и само питание было настолько избыточно обильно, что эта часть населения и теперь не испытывает никаких действительных лишений, питается все еще выше обязательного для нее физиологического минимума. Таким образом, на трудящуюся, малоимущую массу переложили главное бремя продовольственного дефицита правящие зажиточные классы Германии. Эта масса получает теперь едва две трети того, что она привыкла получать в мир-

ное время, и на шестую часть меньше того, что ей физиологически необходимо для сохранения нормальной трудоспособности и здоровья. Давление ее недовольства заставляет правящие классы, правда, все более и более уменьшать разницу между своим и ее питанием. За первые полтора года войны она завоевала две пятых, за последующий год еще две пятых этой разницы и, возможно, добьется затем полного ее устранения. Но даже при совершенном равенстве питания (2 125 калор. на среднюю душу) зажиточная восьмая часть населения все же получала бы еще больше, чем с нее достаточно согласно ее образу жизни и возрастному составу (1 934 калор.). Даже дальнейшее падение внутреннего производства продовольствия еще на 10% не причинило бы этой группе физиологического дефицита, а только свело бы питание ее и аграрного населения к тому уровню, на котором уже теперь стоит питание семи десятых народа. Для работающего физически народа этот уровень мал, но для высших 12% населения достаточен. Отсюда отчасти объясняется то «спокойствие патриотического героизма», с каким относятся к блокаде зажиточные круги немецкого населения. Они ее «не боятся» и согласны «выдерживать» еще хоть ряд лет — ибо она поражает не их, а трудящееся население. Притом поражает не в такой степени, чтобы сделать жизнь невыносимой вследствие голода, а лишает «только» шестой части физиологического минимума, необходимого для поддержания нормальной работоспособности и нормального здоровья.

IV

Уже при поверхностном просмотре приведенных выше таблиц бросается в глаза (если отвлечься от группы тяжело работающих) правильное понижение дневных рационов от юных возрастных групп к более взрослым. Кто моложе, на того больше выдается еды. Отчасти это сделано для сохранения детей. Отчасти некоторые продукты, как, например, картофель, выдаются на всех, даже на заведомо не потребляющих их грудных детей, просто, чтобы поощрить многодетных, чтобы наличность в семье детей считалась не проклятием, а благословением, чтобы женщины не боялись рожать детей, чтобы родители имели возможность повышать свое питание насчет ненужных детям избытков, например, того же картофеля. Мы видели, что благодаря этой черте немецкой продовольственной политики на всех детей и подростков малоимущего неаграрного населения приходится по 1 970 калор. в среднем на душу в день (до 17 лет). Между тем физиологическая норма не требует более 1 500 калор. для всех детей моложе 15 лет, взятых вместе. Следовательно, можно считать без особой ошибки, что фактический дневной рацион каждого взрослого мог бы возрасти благодаря внутрисемейному перераспределению приблизительно на 400 калорий.

Подобное распределение еды между детьми и взрослыми делает понятным то удивительное явление, что смертность детей по-

низилась в Германии за время войны и относительно и абсолютно. В этом отношении Германия является единственным исключением среди всех воюющих стран. Хотя уменьшилась рождаемость детей (в 1915 г. родилось только 75% нормального количества, в первую половину 1916 г. даже только 62%), но еще больше уменьшилась смертность грудных младенцев, а равно смертность всех детей до 15 лет. Между тем смертность всего населения возросла: за 1915 г. она составила 19% против 15,8% последнего мирного 1913 г. (сообщение Гельфериха в октябрьской сессии рейхстага), т. е. увеличилась на 20%; следовательно, смертность специально взрослого населения возросла еще больше. Для Берлина за первую половину 1916 г. сравнительно с последним мирным 1913 г. имеем для всех детей до 15 лет вместе уменьшение относительной смертности на 18,7% (абсолютно уменьшилась еще значительно), а для всех взрослых от 15 лет и старше, наоборот, увеличение смертности со 125 человек до 167 человек на каждые десять тысяч человек, т. е. на одну треть. В такой же приблизительно пропорции повысилась заболеваемость взрослого населения. Официальный «Рейхсарбейтблат» ежемесячно приводит число больных из числа всех членов аккуратной отчитывающейся части больничных касс. Эти ежемесячные отчеты редко охватывают меньше 10 млн. рабочих и работниц с 16 лет. Пред войной, на 1 июля 1914 г. больных состояло 8,5%. Постепенно повышаясь, по последнему отчету на 1 сентября 1916 г. эта величина дошла уже до 12,15% — увеличение заболеваемости взрослых более чем на две пятых. Наконец, подобный же результат дали осмотры и взвешивания детей городских школ, произведенные местными самоуправлениями по просьбе правительства в разных частях страны, с одной стороны, — и с другой — итоги наблюдения врачей над взрослым населением. Средний вес детей не уменьшился, и увеличение роста в сантиметрах не замедлилось сравнительно с мирным временем. Наоборот, относительно взрослых «Форвертс» сообщает, например, от 20 сентября 1916 г. для Берлина о среднем понижении веса взрослых на семь килограммов (почти полпуда) сравнительно с весом тех же лиц в мирное время — по массовым наблюдениям врачей. Большей частью, — говорят врачи, — произошло пока лишь удаление избыточного веса (сведение жира до размеров, поддерживаемых наличным жировым питанием, и т. п.). «Пострадавшие» не жалуются обычно на понижение умственной или физической трудоспособности, но обеспокоены самым фактом столь заметного понижения веса. Обычный рецепт врачей — ждать конца войны и пока избегать лишних движений, без которых можно обойтись (спорт, прогулки и т. д.).

Из сказанного можно сделать вывод, что тяжесть продовольственной блокады обрушилась главным образом на взрослое малолетнее население. Когда подрастут теперешние дети, Германия может иметь здоровое население. Но в переходные

годы работоспособность населения будет подорвана, у одной части взрослых — трехлетним пребыванием в окопах, у другой — принятием на себя всей тяжести продовольственной блокады, уменьшением веса и сопротивляемости организма (рост заболеваемости), сокращением средней продолжительности жизни (рост смертности).

Среди других мотивов, побудивших господствующие классы Германии идти на некоторые продовольственные уступки рабочим и их детям, надо отметить также то обстоятельство, что война особенно подчеркнула для буржуазии ценность человека, незаменимость его рабочей силы, как основы мощи государства и накопления в нем капитала. Журнал певца германского капитализма известного империалиста Рорбаха «Дас Грессере Дейтшланд» («Более великая Германия») занялся недавно вычислением, как много выигрывает Германия экономически от постепенного удлинения в ней средней продолжительности жизни. Статья любопытна для понимания психологии и направления политики капиталистических руководящих сил Германии. Если взять средние величины за 1901—1910 гг., — ожидание жизни для 20-летнего юноши на 4 года больше, чем оно было в десятилетие 1871—1880 г. Орган Рорбаха считает, что лишь с 20 лет человек начинает производить более, чем потребляет, и производит, как он выражается, «прибавочной стоимости» в среднем на 500 мар. в год. Так как ежегодно вступает в 20-й год жизни в Германии 600 тыс. юношей, каждый из которых проработает на 4 года больше, чем его сверстник 30 лет назад, то нетрудно высчитать, что это означает в итоге конечное увеличение на 1 233 млн. мар. При капитализации даже только из 6% оказывается таким путем согласно автору ежегодный выигрыш (потому что ежегодно созревают новые 600 тыс. мужчин) в 20 млрд. мар., «потому что мы научились лучше беречь человеческую жизнь и лучше ее использовать. Немецкая промышленность выигрывает на мировом рынке не только потому, что немецкий рабочий лучше обучен, но и потому, что он дольше работоспособен» (стр. 647—653).

Каждый убитый солдат уносит с собою, — говорит журнал, — возможность создания громадного количества ценностей, превышающих стоимость его содержания. Каждый мог бы проработать еще хоть 20 лет, и если капитализировать избыток, какой он мог бы дать, то гибель каждого придется оценить как потерю капитала свыше, чем в 130 тыс. мар. Тем более надо позаботиться о поддержании после войны в состоянии физической пригодности оставшихся работников и об умножении числа благополучно переживающих ранний критический возраст детей, с каждым из которых вырастает возможность создания капитала в 130 тыс. мар. на почве накопления избытков от его работы над стоимостью его содержания. Если раньше работники имелись всегда в достаточном количестве, то теперь надо принять особые меры, чтобы этот драгоценный инструмент, стоящий, оказывается, чуть не столько,

сколько равное по весу количество золота¹⁾, сохранился в исправности в моменты вынужденной своей бездеятельности, не покрылся бы ржавчиной истощения, не пришел бы в негодность — и чтобы появилось на рынке, сверх того, достаточное количество новых подобных молодых аппаратов вместо сломанных войной. Отсюда та сравнительная легкость, с какою во время войны правящие круги Германии пошли навстречу также некоторым скромным старым требованиям рабочих организаций в области социальных реформ, особенно относительно безработицы, материнства и отчасти жилищ.

¹⁾ Золотом 130 тыс. мар. весят более трех пудов.

ГЕРМАНСКИЙ ГОСКАПИТАЛИЗМ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОЙ КОН'ЮНКТУРЫ.

СТРАНА-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА ¹⁾.

37

I.

Соединенные штаты Северной Америки уже до войны выделялись своей экономической мощью. Национальное имущество их (т. е. стоимость всей собственности всех жителей) определялось официальной статистикой для 1912 г. в 188 млрд. долларов. Национальное имущество Англии (с Ирландией и Шотландией) составляло в том же году около 100 млрд. долл., а Германии — 80 млрд. (= 336 млрд. мар., подсчет Гельфериха). Иначе сказать, национальное имущество одних Соединенных штатов немного превышало вместе взятое национальное имущество обеих главных европейских капиталистических стран — Англии и Германии.

Следует принять при этом во внимание величину населения. Во всех этих странах были переписи населения в 1910 и 1911 гг. Считая обычный средний прирост числа жителей, к началу 1912 г. должно быть жителей в Соединенных штатах 96 млн. человек (без островов и колоний), а в Англии и в Германии вместе — 111 млн., или на одну седьмую больше, чем в Соединенных штатах. Если бы по сумме имущества на каждого жителя в среднем Соединенные штаты не превосходили своих европейских соперниц, то национальное имущество Соединенных штатов должно было бы составлять всего 155 млрд. долл. А оно на 21 % больше — следовательно, если абсолютно по своему богатству Соединенные штаты равны Англии и Германии, взятым вместе, то относительно Соединенные штаты превосходят их на одну пятую.

Владения Соединенных штатов на североамериканском материке (без Аляски) в девять раз превышают европейские владения Англии и Германии, взятых вместе (7 839 тыс. км² и 854 тыс. км²). В Англии и Германии на гораздо меньшую площадь приходится несколько большее население, чем в Соединенных штатах, и почти такое же

¹⁾ Напечатано в «Северных записках» за февраль 1917 г.

абсолютно национальное имущество. Уже из одного этого видно, что Англия и Германия являются все же в общем и целом странами с более выраженным индустриальным характером. Но громадный природный фундамент под народным хозяйством Соединенных штатов, отсутствие феодальных пут и ряда иных препятствий давали возможность Соединенным штатам уже до войны постепенно догонять европейский капитализм в отношении не только абсолютной величины, но и относительной интенсивности промышленного развития.

Небезызвестный английский социалист Эскью делает на этот счет любопытные сопоставления в книжке своей «Британский империализм», помеченной 22 июля 1914 г. Для каждого пятилетия он берет среднее на одного жителя годовое потребление хлопка, производство угля и производство чугуна, отдельно в Соединенных штатах, в Англии, в Германии и во Франции, затем для каждого предмета в каждом пятилетии принимает английскую величину за сто и, наконец, по отношению к ней вычисляет соответственный размер величины германской, французской и Соединенных штатов. Три таблицы для хлопка, угля и чугуна обнимают самые основные и самые крупные отрасли промышленности во всех этих странах. Сведение всех величин к одному жителю каждой страны, а не просто к данной стране в целом, позволяет сравнить именно глубину, напряженность промышленного развития этих стран без затемнения картины неодинаковой их величиной. Наконец, принятие самой старой и все еще руководящей индустриальной страны, Англии¹⁾, за основу для сравнения и выражение данных других стран в процентах к английским величинам — позволяет очень точно уловить именно сравнительный темп промышленного развития всех этих стран во времени, а не только абсолютные изменения. Я впервые встречаю такое наглядное и изящное изображение занимающего нас явления, какое дает Эскью своими таблицами.

Потребление хлопка на одного жителя в год составляло, принимая английские величины за сто:

	в 1875—1879 гг.	в 1895—1899 гг.	в 1905—1908 гг.
в Соединенных штатах	42	54	63
> Германии	17	29	35
> Франции	15	22	29

Производство угля на одного жителя в год составляло, принимая английские величины за сто:

	в 1875—1879 гг.	в 1895—1899 гг.	в 1905—1908 гг.
в Соединенных штатах	28	52	77
> Германии	22	33	38
> Франции	11	15	15

¹⁾ Как известно, Англия считалась ею до мировой войны 1914 г. —
Примечание 1926 г.

Производство чугуна на одного жителя в год составляло, принимая английские величины за сто:

	в 1875—1879 гг.	в 1895—1899 гг.	в 1905—1909 гг.
в Соединенных штатах	26	68	118
» Германии	26	55	86
» Франции	21	27	36

Все три страны постепенно догоняют Англию. Но Франция отстала так далеко, что двум другим с ней вообще не приходится считаться как с серьезной соперницей. Соединенные штаты развиваются заметно быстрее Германии, относительно всех трех продуктов наблюдается, что расстояние между американскими и германскими величинами в последнее пятилетие больше, чем оно было за 30 лет перед тем. Следует отметить еще ускоряющийся темп развития Соединенных штатов: за последнее десятилетие они настолько же нагнали Англию, сколько за предшествовавшие двадцать лет. Но Англия все еще остается индустриальной парицей: в отношении хлопка американская величина составляет только почти две трети английской, в отношении угля — три четверти, и только в чугуне обгоняет¹⁾.

Но если Соединенные штаты не достигли еще такой интенсивности индустриального развития, как Англия, если относительно они еще отстают во многом от Англии, то абсолютно они уже до войны почти догнали или даже обогнали Англию и Германию, взятые вместе, в длинном ряде производств. «Форвертс» от 13 апреля 1916 г. привел такое сравнение годового производства (за 1913 г., в иных случаях за 1912 г.) в миллионах тонн:

	Соединенные штаты	Англия и Германия
угля	517,0	571,0
железной руды	59,4	52,0
чугуна	31,5	30,0
стали	31,7	24,3

Потребление меди, свинца и цинка почти одинаково, потребление хлопка в Соединенных штатах на миллион тюков определенного веса больше, чем в Англии и Германии, взятых вместе (5,6 млн. тюков и 4,6 млн. тюков).

Разумеется, индустриальное производство Соединенных штатов рассчитано было главным образом на внутреннее потребление. Поэтому на мировом рынке роль Соединенных штатов была меньше, чем можно было бы подумать, судя по приведенным выше цифрам. Здесь надо иметь в виду, конечно, только мировой рынок индустриальных изделий, рынок фабрикатов, а не вывоз продовольственных припасов или сырых материалов. Но постепенно Соединенные

¹⁾ В судостроении (по количеству тонн) в 1875—1879 гг. Соединенные штаты составляли 49% (Германия 9%, Франция 8%), а в 1905—1909 гг. — 56% (Германия 20%, Франция 6%) по отношению к Англии (то же по расчету на одного жителя).

штаты насыщалась индустрией, все падала доля занятых в сельском хозяйстве среди всех занимающихся чем бы то ни было лиц (в 1900 г. на сельское хозяйство приходилось уже только 36%), и значение их индустриального вывоза все подымалось. Если сравнить последние 20 лет, то вывоз фабрикатов из Соединенных штатов составлял по отношению к вывозу их:

	в 1890—1894 гг.	в 1910—1911 гг.
из Англии	20%	49,5%
> Германии	40 >	66 >
> Франции	53 >	120 >

На мировом рынке индустриальных изделий Соединенные штаты отстали уже довольно заметно Францию, но отстают еще на треть от Германии и лишь почти достигли половины английского экспорта фабрикатов. Средний годовой вывоз фабрикатов в 1909—1911 гг.; из Англии—3 340 млн. руб.; из Германии—2 450 млн. руб.; из Соединенных штатов—1 630 млн. руб.; из Франции—1 360 млн. руб. В то время как вывоз фабрикатов из Соединенных штатов не достигает еще и 50% английского, вывоз их из Германии только на четверть отстает от того же английского (а из Франции на 60%).

Американский индустриальный экспорт перед войной отставал еще от главных европейских стран довольно значительно, но догонял их все быстрее. С периода 1890—1894 гг. по период 1909—1911 гг. средний годовой вывоз фабрикатов из Англии увеличился только на две трети, из Франции—почти вдвое, из Германии—в два с половиной раза и из Соединенных штатов—в четыре раза (с 39 млн. фунт. стерл. до 168 млн. фунт. стерл.). Рядом со странами старого европейского капитализма все больше «выходил в люди» капитализм Соединенных штатов. Даже в буквальном смысле: из всего вывоза Соединенных штатов шло в Англию, Германию и Францию вместе в 1880—1884 гг.—70% по ценности, в 1895—1899 гг.—63%, в 1905—1908 гг.—52,5% и в последний год перед войной—46,3%. Таким образом, экспорт из Соединенных штатов все более утрачивал характер обмена продуктами с тремя старыми странами европейского капитализма и все более приобретал значение конкуренции с ними на рынках, лежащих вне Соединенных штатов и вне Англии, Франции и Германии ¹⁾. Но зависимость

¹⁾ Интересно, что при этом нельзя отметить особенного влияния личности или отсутствия высоких таможенных пошлин, если взять все протекционистские страны как целое. Эсюю приводит официальный английский расчет о средней пошлине на всю сумму ввоза в каждую страну английских товаров в 1902 г. По отношению к стоимости ввезенных из Англии товаров взятые с них таможенные пошлины составили в России 131%, в Испании 76%, в Соединенных штатах 73%, Португалии 71%, Австро-Венгрии 35%, Франция 34%, Аргентине 28%, Италии 27%, Германия 25%, Швеция 23%, Греция 19%, Дания 18%, Канаде 17%, Румынии 14%, Бельгии 13%, Норвегии 12%, Японии 9%, Швейцарии 7%, Австралии 6%, Южной Африке 6%, Китае 5%, Голландии 3%, Индии 3%. Если взять восемь наиболее протекционистских европейских стран по этому

индустрии Соединенных штатов от европейского капитала оставалась еще в силе в самом прямом значении этого слова. К началу войны в Соединенных штатах помещено было свыше шести миллиардов долларов европейского капитала в акциях и облигациях различных предприятий, в займах государства и местных самоуправлений (между тем сами американские капиталисты разместили вне Соединенных штатов лишь до полутора миллиардов долларов, главным образом в Мексике). Для оплаты этого долга процентами требовалось ежегодно около 400 млн. долл., даже свыше, принимая во внимание средний дивиденд американских акционерных обществ. Между тем средний перевес всего вывоза Соединенных штатов над ввозом в них составлял в последний период перед войной только до 450 млн. долл. в год. Почти все уходило на оплату иностранного капитала, вложенного в американские предприятия и займы, и эмансипация от влияния европейского капитала могла совершаться поэтому лишь очень медленно. До известной степени Соединенные штаты все еще оставались колонией европейского капитала, главным образом английского, все еще не могли обойтись без него, — внешним образом эта зависимость сказывалась прежде всего в жалком состоянии американского судоходства, ибо эту область английский капитал приберегал по возможности всецело для себя. Так было в свое время и с Германией, пока германский капитализм не стал окончательно на собственные ноги.

Как велика была заинтересованность английского капитала в Соединенных штатах, показывают сделанные Эскью подсчеты о всем помещении английского капитала в Англии, ее колониях и за гра-

диром и прибавить к ним фритредерские Бельгию и Голландию, через которые всегда идет значительная часть американского ввоза в среднюю Европу, то в этот европейский протекционистский район экспортировалось из Соединенных штатов (в процентах):

	в 1895 г.	в 1900 г.	в 1905 г.	в 1908 г.
из вывоза фабрикатов . . .	21	31	24	28
> прочего вывоза	31	37	36	41

Если исключить из счета Соединенные штаты, то из всего остального населения земного шара население десяти европейских государств протекционистского района составляет 26%. Как видим, в этот район отправляется средним счетом как раз 26% всего вывоза фабрикатов из Соединенных штатов, считая по ценности. Неиндустриальный ввоз в этот район из Соединенных штатов относительно все повышается (протекционизм имеет здесь преимущественно индустриальный характер).

Если взять весь торговый оборот на мировом рынке (сумма стоимости ввоза и вывоза всех стран), то в 1912 г. (по «Ежегоднику Германской империи» 1915 г.) доля каждой из главных стран составит в процентах к общему итогу: Англия 16,2; Германия 12,6; все английские колонии 12,2; Соединенные штаты 9,6; Франция 8,8; Голландия 6,8; Бельгия 6,5; Россия 3,4; весь остальной мир 23,9. Англия со своими колониями обнимает все еще свыше четверти мировой торговли; Франция со своими колониями 10,3; Германия с Бельгией и Голландией (в смысле мировой торговли являющимися ее воротами) — четверть. На Австро-Венгрию приходится 3,3; на Италию 3,0; на Финляндию—0,4; (не включена в Россию).

ницей (учтены, конечно, только выпуски акций, облигаций и займов, т. е. подавляющее большинство размещаемого капитала). За последние 11 лет перед войной, 1903—1913 гг., всего помещено английскими капиталистами:

в Англии	452 млн. фунт. стерл.
> английских колониях	626 » » »
за границей	808 » » »

Из этого, кстати, видно, что уже три четверти накапливаемой английскими капиталистами прибавочной стоимости они помещают теперь вне Англии. Чем дальше, тем большая доля всего прироста уходит в другие страны и части света. Если разбить последний период на две части, то окажется, что всего помещено было в течение:

	в Англии.	вне Англии.
первого пятилетия . . .	217 млн. фунт. стерл.	419 млн. фунт. стерл.
второго десятилетия . .	235 » » »	1 015 » » »

Благодаря этому вся более крупная часть английского «национального имущества» оказывается вне Англии — это принадлежащая английским капиталистам собственность на разные предприятия и капиталы, размещенные в иных странах. Из таблиц Эскью видно, что в 1913 г. всего было помещено уже вне Англии английских капиталов (акции, облигации, займы):

в колониях	2 006 млн. фунт. стерл.
за границей	2 059 » » »

Вместе это составляет 4 млрд. фунт. стерл., или 20 млрд. долл., т. е. как раз уже целую пятую часть всего «национального имущества» Англии. Если подумать еще, что около пятой части всего имущества принадлежит не капиталистам, а всему остальному населению Англии, то окажется, что из всего английского капитала, из всего имущества, принадлежащего английским капиталистам, уже целая четверть находилась пред войной вне Англии. Таков действительно весьма солидный экономический базис английского империализма, и ничего подобного по размерам не было до войны в Соединенных штатах. Наоборот, как указано, в них размещено было в несколько раз более иностранного капитала, чем они сами в состоянии были поместить вне своих пределов из собственной накопленной прибавочной стоимости. Отсюда сравнительная скромность до войны империализма американского — капитализм Соединенных штатов не был еще достаточно заинтересован во взятии в свое непосредственное управление иных стран, где бы он мог размещать накапливаемую дома прибавочную стоимость, ибо самое это размещение имело место еще в скромных размерах.

Между прочим в русской печати встречались по поводу войны иронические замечания по адресу теоретиков капитализма: они, мол, твердили про усиливающуюся международную связь капита-

листов, про то, что капитал интернационализуется, один капиталист имеет акции предприятий разных государств и интересы так переплетаются, что война между такими «капитально связанными» государствами делается маловероятной, — а между тем война разразилась как раз между двумя наиболее капиталистическими странами Европы — Англией и Германией, каждая из которых стоит позади одной из коалиций. Чего же стоит наука? Оказывается, однако, что наука стоит многого, и для иллюстрации на основании написанной еще до войны книжки Эскью можно составить такую таблицу. За последние 6 лет перед войной, 1908—1913 гг., английскими капиталистами было помещено для получения дохода во всем свете всего 1 250 млн. фунт. стерл. (свыше 12 млрд. руб.). Из них:

в самой Англии	235	млн. фунт. стерл.
» Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции	12	» » »
» остальных странах	1 002,3	» » »

Иначе сказать, по отношению ко всему размещенному английской буржуазией капиталу, вложенная в страны ныне противоборствующей коалиции часть составляет всего один единственный процент. В одну Россию за эти шесть лет Англия поместила вчетверо больше капитала, чем в Германию, Австро-Венгрию, Болгарию и Турцию вместе. А в Соединенные штаты — в одиннадцать раз больше.

Из всего английского капитала, бывшего в 1913 г. размещенным вне Англии, на Соединенные штаты приходилось 626 млн. фунт. стерл., или 3,1 млрд. долл., т. е. половина всего иностранного капитала, которым пользовались пред войной Соединенные штаты. Германского же капитала было вложено в Штатах всего миллиард долларов, втрое меньше. Война предоставила Соединенным штатам случай начать быстро освобождаться от всей этой зависимости. Европейский капитализм слабел, а американский усиливался. Из кредитора Европа стала превращаться в должника. Говорят, что нынешняя война — преимущественно и прежде всего война экономическая, за усиление относительной экономической мощи разных стран. В таком случае, как увидим, победительницей уже можно признать Северную Америку. Победа Соединенных штатов упрочивается и расширяется с каждым следующим месяцем войны и будет тем полнее, чем дольше продлится война в Европе. (Продлилась еще почти 2 года. Ю. Л. 1926 г.).

Сначала война вызвала в Соединенных штатах даже некоторое падение темпа хозяйственной жизни, безработицу, сокращение производства. За весь календарный 1914 г. вывоз всех продуктов составил 2 071 млн. долл. — нормальная величина для Соединенных штатов, приблизительно на столько же вывезено было и в предыдущем году. Но с началом 1915 г. начинают поступать из Европы заказы на предметы военного снаряжения (взрывчатые вещества, автомобили, оружие, химические продукты и т. д.). Сначала в небольшом

количестве, а по мере выяснения самим руководителям затяжного характера войны и важности снаряжения — заказы заливают Соединенные штаты в таком масштабе, с каким не может справиться даже эта страна. Известный «стальной трест» объединял перед войной три пятых всего стального производства в Соединенных штатах (акционерный и облигационный капитал его вместе уже в 1907 г. достигал трех миллиардов рублей). Еще в декабре 1914 г. предприятия треста были заняты только на 35% своей производительной способности, в мае 1915 г. уже на 75%, в июне на 85%, в августе полностью, а затем началась горячка постройке новых заводов. Одновременно взлетали вверх цены, ибо американским заводам стало ясно, что европейские заказчики принуждены платить любые цены, лишь бы получить снаряжение. Отсюда необычайный рост чистых доходов стального треста. По его отчетам чистый доход составлял в миллионах долларов по четвертям года:

	I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.
в 1914 г.	12,2	13,3	14,7	8,0
» 1915 »	6,6	20,3	30,0	40,9
» 1916 »	51,2	71,4	75,2	96,3

Трест не без удовольствия заявляет, что он никогда еще не имел такого крупного чистого дохода, как теперь, и что количество невыполненных заказов все растет. Уже на 1 января 1917 г. имелись сотни миллионов пудов заказов даже на 1918 г.

Само собой, что все это повело к необычайному росту биржевой стоимости акций и к основанию новых предприятий и даже конкурирующих трестов. В начале 1915 г. акции старого стального треста (трехмиллиардного, моргановского) стоили 40, а в конце уже 90 долл. Зрелище этого золотого потока побудило объединиться и прочие стальные заводы, и в начале 1916 г. Рокфеллер (сын) организовал второй стальной трест с капиталом сразу в миллиард рублей. Однако оба стальных треста не конкурируют между собой, ибо заказов хватает на всех, а в будущем, возможно, даже сольются (Рокфеллер состоит уже одним из пайщиков старого стального треста).

Подобное же лихорадочное расширение производства и обогащение происходило и в других отраслях индустрии Соединенных штатов, обслуживающих европейскую войну. В календарном 1915 г. автомобилей вывезено на 111 млн. долл. против 34 млн. долл. в предшествовавшем 1914 г.¹⁾, химических продуктов вывезено на 80 млн. долл. против 29, взрывчатых веществ на 182 млн. долл. против 10 (т. е. на сумму, в восемнадцать раз большую), железных и стальных товаров (на добрую половину пушки, ружья, револьверы, рельсы для военных надобностей и т. д.) на 389 млн. долл. вместо 200 млн.

¹⁾ Соединенные штаты вообще страна автомобилей. На 30 июня 1915 г. в Соединенных штатах констатировано 2135 тыс. автомобилей. В январе 1916 г. рассчитывали, что в автомобильной переписи 1 июля 1916 г. их окажется в употреблении уже около 2800 тыс. штук т. е. более чем по автомобилю на каждые сорок жителей.

долл. Каким все нарастающим темпом шло увеличение «военного» экспорта, можно иллюстрировать таким сопоставлением: в декабре 1914 г. вывезено взрывчатых веществ на 2 300 тыс. долл., а в декабре 1915 г. — уже на 46 100 тыс. долл. Этот рост продолжался и в дальнейшем. Неудивительно, что на нью-йоркской бирже акции крупнейшего предприятия по производству пороха, «Вифлиемского общества», стоили:

1 июля	1914 г.	41	долл.
14 декабря	1914 »	41,6	»
30 июля	1915 »	259	»
16 октября	1915 »	478	»
25 мая	1916 »	458	»

Директором (и главным владельцем) этого общества с таким мало подходящим к его деятельности названием состоит известный миллионер Шваб. В его личную пользу общество отчислило в последнем отчетном году из своей прибыли 22,5 млн. долл. (45 млн. руб.). Журнал «Нью-Йорк Анналист» привел в апреле 1916 г. отчет «Дюнанских пороховых заводов». Это общество имеет 5 крупных заводов, один из которых, «Карнис-Пойнт», производит ежедневно 37 тыс. кг бездымного пороха. Это общество выдало за 1915 г. дивиденд в двести процентов, а в декабре 1915 г. подписало контракт о поставке пороха еще на миллиард франков (на еще более выгодных условиях). «Анналист» приводит список 425 американцев, ставших миллионерами за время войны в связи с поставками в Европу, и оговаривается, что всех он, конечно, не знает. Особенно крупный кусок европейского пирога достался на долю президента «Ремингтонской компании» (револьверы и т. п.), г. Доджа, получившего уже 60 млн. долл.

Некоторое время хозяйственная жизнь Соединенных штатов отличалась в разных своих пределах весьма неодинаковым темпом: металлургическая и т. п. «военная» промышленность работала во всю, а в других отраслях господствовала еще вялость. Но к концу первого года войны начинается усиленная закупка Европой в Соединенных штатах всякого продовольствия. Цены на зерно, мясо и т. д. быстро взлетают вверх. Зерновых хлебов вывезено в 1915 г. на 528 млн. долл. против 310 млн. долл. в 1914 г., мяса на 259 млн. долл. против 138 млн. и т. д. Золотой поток заливает сельское хозяйство. Стоимость зернового урожая 1915 г. достигла 5,4 млн. долл., прочих земледельческих продуктов — 1,3 млн. долл. и продуктов скотоводства — 3,8 млрд. долл. Всего сельское хозяйство Соединенных штатов дало 21 млрд. руб., свыше чем на миллиард больше предыдущего года — этот миллиард притек из Европы. Среди всего чем-либо занимающегося населения Соединенных штатов на сельское хозяйство приходится треть. Хорошие дела в сельском хозяйстве вместе с хорошими делами в «военной» индустрии создали достаточную основу для оживления всего народного хозяйства вообще, для усиления внутреннего спроса на всевозможные продукты промышленности. Возникло усиленное про-

изводство и в тех отраслях индустрии, которые не работают на войну. Железные дороги до самого конца июля 1915 г. работали не в полном объеме, акции их падали. С этого же времени наступает перелом, акции начинают опять подыматься, к марту 1916 г. слышны уже жалобы на «расстройство транспорта» вследствие перегруженности железных дорог Соединенных штатов. Цена железнодорожных акций на нью-йоркской бирже (в долларах):

	8 июля 1914 г.	30 июля 1915 г.	24 мая 1916 г.
Canada Pacific	167,2	144,7	182,0
Chesapeake Ohio	41,2	50,2	63,6
Чикаго Милвоки С. Поль . .	85,5	81,0	99,0
Denver Rio Grande	4	3	15
Illinois Central	105,4	102,5	103,3
Louisville Nashville	127	109	130
Missouri Pacific	8	2,3	6,5
Northern Pacific ¹⁾	109,7	106,2	113,7
Union Pacific ¹⁾	96,2	87,2	100,5
Southern Pacific ¹⁾	154,4	128,5	140,5

Беру важные дороги из разных частей страны, чтобы показать повсеместность и однородность процесса оживления транспорта во второй год войны сравнительно с первым. Место возникшей в начале войны крушной безработицы (когда сотни тысяч людей возвратились даже обратно в Европу) заняли жалобы на недостаток рабочих. Стальной трест (старый) повысил в начале 1916 г. на десять процентов без стачки заработную плату всем своим рабочим (около четверти миллиона человек). Недостаток рабочих усиливается тем, что вызванное войной оживление северо-американского производства совпадает с вызванным войной чрезвычайным сокращением приезда эмигрантов из Европы. В Соединенных штатах теперь почти 25 млн. наемных физических рабочих и работниц всякого рода и возраста. Ежегодно значительная часть умирает, теряет работоспособность вследствие увечий и т. п. Для одного пополнения пробелов, не говоря уж о расширении, страна нуждается сверх естественного прироста в ежегодном приливе до миллиона человек из числа бывших до того хозяйственно самостоятельными или из Европы. Но при данной хозяйственной кон'юнктуре усиленная пролетаризация местного населения не происходит, а иммиграция крайне сократилась. Ибо подавляющее большинство эмигрантов прибывало в Соединенные штаты обычно как раз из воюющих теперь стран, а воюющим странам теперь самим люди нужны, и они не отпускают эмигрантов. В 1912—1913 отчетном году воюющие страны Европы отпустили вообще всего 2 204 тыс. эмигрантов (Италия — 873 тыс., Англия — 470 тыс., Россия — 352 тыс., Австро-Венгрия — 315 тыс., Португалия — 89 тыс., Турция — 45 тыс., Франция —

¹⁾ Для этих трех трансконтинентальных дорог к Тихому океану за 1914 г. привожу данные от 1 июля, а не от 30 июля, которых для этих дорог нет сейчас под руками. Война началась 1 августа 1914 г.

20 тыс., Бельгия — 18 тыс., Германия — 12 тыс., Болгария, Сербия и Черногория вместе 7 тыс. по Ежегоднику Германской империи 1915 г.¹⁾ Эмигранты из одних только первых четырех государств доставляют Соединенным штатам шесть седьмых всех эмигрантов. В 1912—1913 отчетном году всего прибыло в Соединенные штаты 1 056 тыс. эмигрантов. Из них:

из России	291 тыс. человек
» Италия	266 » »
» Австро-Венгрии	255 » »
» Англии	88 » »
» прочих стран	156 » »

Война уменьшила приток эмигрантов вчетверо: в 1915 г. прибыло всего 264 тыс. человек²⁾.

Пресса американских предпринимателей в оправдание чрезвычайного повышения цен к настоящему времени (они возросли в Соединенных штатах в полтора, а для некоторых экспортных продуктов даже в два раза сравнительно с мирным временем) ссылается между прочим на недостаток рабочих сил и на «грабительство» пароходных компаний, обслуживающих транспорт из Америки в Европу. Но последний пункт оплачивают преимущественно сами европейцы, а в какой крупной величине это выражается, показывает сводка отчетов главных пароходных компаний, сделанных газетой «Бернер Тагвахт» 22 мая. Из восьми «скандинавских» обществ выдали за 1915 г. дивиденда: два — по 50 % на капитал, два — по 30 %, три по 20 % и одно — 15%. Из семи «голландских» обществ выдали: два — по 100 % (за один 1915 г.), два — по 50 %, два — по 40 %, одно — 25%. Надо заметить, что величина чистой прибыли гораздо больше суммы выданного дивиденда. Например, общество «Холлад Америка Лайн» выдало только 50 % дивиденда. Отчет его поясняет это так. На акционерный капитал в 25 млн. франков общество получило в 1915 г. чистой прибыли 48 млн. фр.; из них 12,5 млн. фр. выдало в виде дивиденда на акции, а 35,5 млн. фр. отложило в запасный и прочие свои фонды. Английские компании из их «военной прибыли» обязаны половину вносить в казну в виде особого военного налога (теперь этот налог поднят уже до 60%). И вот,

¹⁾ По трем последним переписям из всего самодеятельного (т. е. занимающегося чем-бы то ни было или имеющего какой-либо свой доход) населения Соединенных штатов было рабочих и служащих вместе в 1890 г. 69%, в 1900 г. 70%, в 1910 г. 75%.

²⁾ Это вызвало сначала вовлечение в производство «резервной армии труда», а когда она была исчерпана, — оставление неграми южных штатов сельского хозяйства и массовое переселение их в индустриальные северные штаты (к весне 1917 г. два миллиона). Потому весной 1917 г. впервые собрал в американском конгрессе большинство двух третей и стал законом проект о невпуске впредь в Америку неграмотных европейских переселенцев, раньше в течение десятилетий неизменно проваливавшийся. Война помогла американскому капиталу в собственном негре найти еще более неприязнительного индустриального рабочего, чем каким являлся венгерец, румын, серб, еврей, поляк, итальянец.

внеся эту половину в казну, 51 английское пароходство смогло все же выдать своим акционерам следующий дивиденд: одно — 106%, одно — 50, одно — 49, одно — 40, четыре — более 30, двадцать одно — более 20, четырнадцать — более 10, два — по 8 и только шесть — менее. Наконец, из 6 «японских» пароходств выдали: одно — 30%, одно — 24, одно — 16, два — по 10 и одно 9. Все это неслыханное обогащение американской индустрии, американского сельского хозяйства и всяких пароходств происходило естественно насчет разорения и обеднения Европы, т. е., главным образом, тех государств, которые имеют возможность широко и свободно пользоваться северо-американским рынком.

Следующий 1916 год дал Соединенным штатам еще больший перевес, чем какого они достигли в 1915 г. Выше упомянуто, что календарный 1914 г. не обозначил почти никаких успехов в этом отношении. В 1915 г. перевес стоимости всего вывоза из Соединенных штатов над стоимостью всего ввоза в них составил уже никогда небывалую величину в 1 770 млн. долл. (3 486 млн.—вывоз и 1 716 млн.—ввоз) — вчетверо больше нормы. За 1916 г. перевес составил свыше 3 млрд. долл. Таким образом, только за два года, 1915 и 1916 Соединенные штаты получают от Европы лишних пять миллиардов долларов (10 млрд. руб.), т. е. почти весь европейский капитал, какой вообще был в них помещен, даже если отсчитать суммы, идущие на оплату процентами остающейся еще в руках европейских капиталистов части северо-американских акций и других ценных бумаг. 1917 г. продолжает развитие в том же направлении, хотя менее энергично вследствие начавшейся в феврале немецкой блокады. Но война еще не кончена, а если бы она прекратилась к концу 1917 г., то все же все европейские государства принуждены были бы в 1918 г. попрежнему в самой широкой степени вывозить из Соединенных штатов продовольствие, сырые материалы и частью готовые продукты, не останавливаясь перед ценами. Ибо, во-первых, даже и без войны в 1918 г. в Европе должно быть еще меньше собственного продовольствия, чем в 1917 г. (подготовительные работы и посев на 1918 г. должны производиться летом и осенью 1917 г.). Американцы рассчитывают, что, если бы военные действия прекратились в 1917 г., армии все же останутся мобилизованными, пока будут длиться сложные мирные переговоры, да и после мира смогут быть распущены по домам лишь с большой постепенностью. Германское правительство прямо намерено, как сообщает центральный орган германских профессиональных союзов «Корреспондентблатт», распускать войска лишь постепенно, по мере налаживания перехода всей хозяйственной жизни на мирные рельсы. Поэтому американцы ждут в 1918 г. дальнейшего увеличения продовольственного вывоза в Европу. Во всяком случае вывоз продовольствия не будет меньше, чем теперь (прибавится еще открытая дорога в Германию), а рост стоимости продовольственного вывоза составляет одну из главных статей перевеса в пользу Соединенных штатов. В мирное время Штаты вывозили одних видов продовольствия приблизительно на такую

же сумму, на какую ввозили других. Например, с 1 июля 1913 г. по 30 июня 1914 г. вывезено продовольствия (в сыром или переработанном виде, включая живых животных) на 431 млн. долл., а ввезено на 476 млн. долл. В следующем же (военном) году с 1 июля 1914 г. по 30 июня 1915 г. ввезено продовольствия почти столько же, на 476 млн. долл. — в отношении этих видов пищи потребность Соединенных штатов осталась без изменений, а вывезено уже на 960 млн. долл., т. е. на 529 млн. долл. больше предыдущего мирного года — избыток свыше чем в миллиард рублей. Важно к тому же, что этот избыток лишь отчасти создан увеличением количества пудов вывозимого продовольствия, а в значительной части просто повышением цены, запрашиваемой с европейцев за отправляемую пищу. Иначе сказать, американцы получают с Европы лишние деньги, не отдавая ей за то отчасти лишних товаров, и эти деньги обращают затем на обратный выкуп принадлежавших раньше европейцам американских акций, облигаций и займов — очень выгодный путь уничтожения зависимости от европейского капитала. Европейцы сами дают американцам лишние деньги, чтобы Соединенные штаты могли получить обратно находившиеся в Европе свои ценные бумаги и избавиться от ежегодной уплаты в Европу нескольких сот миллионов процентов.

Вторым элементом вывоза, который должен даже увеличиться в 1918 г., если этот год будет уже мирным, американцы с полным основанием считают всякие сырые материалы для европейской индустрии. Запасы многих сырых материалов в Европе, особенно в Центральной Европе, сильно истощились за время войны (это можно иллюстрировать тем, что за год, окончившийся 30 июня 1915 г., т. е. за первый год войны, из Соединенных штатов вывезено сырых материалов для европейской индустрии на 284 млн. долл. меньше, чем в предыдущем году, а именно на 509 млн. долл. вместо 793 млн. долл.). Нельзя будет восстановить более или менее нормальный ход экономической жизни в Европе без, по возможности, быстрого приобретения в Америке очень значительного количества сырых материалов для европейской индустрии. В берлинских газетах проскользнуло недавно известие, что Германия сделала уже в Соединенных штатах заказ на двести миллионов, специально на сырые материалы для индустрии, которые должны лежать готовыми в Нью-Йорке и других гаванях и должны быть доставлены в Германию немедленно по заключении мира по тем ценам на эти продукты, какие будут тогда стоять на рынке (с доплатой в случае надобности к двумстам миллионам). Американцы полагают, что усиленный вывоз сырых материалов в 1918 г. возместит те пробелы, которые могут образоваться от сокращения в 1918 году вывоза предметов военного снаряжения (на весну 1918 г. американские заводы все равно уже обеспечены заказами в этом отношении, так что будет война или нет, а военный экспорт из Соединенных штатов во всяком случае будет).

Уже одних этих соображений (продовольствие, сырые материалы, наличность части военных заказов на 1918 г.), достаточно, чтобы оправдать и объяснить уверенность американцев: будет в 1918 г. война или не будет, но во всяком случае 1918 г. принесет Штатам не меньший перевес стоимости вывоза над ввозом, чем 1916 г., и, следовательно, окончательно довершит «освобождение Соединенных штатов от засилья европейского капитала» и полную самостоятельность туземного капитализма. К пяти миллиардам долларов перевеса вывоза над ввозом в 1915 и 1916 гг. присоединится еще столько же миллиардов в 1917 и 1918 гг., что бы ни происходило в Европе. Этого достаточно, чтобы принадлежавшие до войны европейским капиталистам на шесть миллиардов долларов американские ценности перешли в руки американских капиталистов. У американского капитализма будет благодаря этому ежегодно оставаться в руках миллиард рублей «свободных», который раньше он принужден был «выбрасывать» европейским капиталистам в виде процентов¹⁾. А с такими свободными деньгами в руках ежегодно совсем другим темпом пойдет экономическое подчинение Соединенным штатам разных отсталых государств (прежде всего Мексики и Южной Америки). До войны за всю историю Соединенных штатов северо-американским капиталистам удалось «наскрести» для помещения во всем мире вне Штатов всего до полутора миллиардов. Теперь можно будет ежегодно добавлять еще по полмиллиарда и быстро догнать, вытеснить Англию из американской половины земного шара, скупить принадлежащие англичанам южно- и центрально-американские акции и займы, либо перегнать их организацией там своих предприятий и, словом, так или иначе резервировать для себя Южную и Центральную Америку, превратить этот район с почти стомилионным уже населением и с громадным будущим в преимущественную «сферу влияния» либо в исключительную вотчину капитализма Соединенных штатов. Ведь до сих пор прямо обидно смотреть, скажем, Моргану или Рузвельту, как на один миллиард долларов капитала Соединенных штатов приходится в Центральной и Южной Америке четыре миллиарда долларов английских — и соответственно еще гораздо больше влияния. И вот, как только начинают выясняться новые перспективы, начинается планомерная организация экономической борьбы за господство в американских республиках: изменяется законодательство о банках в смысле облегчения банкам Соединенных штатов открытия своих

¹⁾ Сверх того, часть накопившихся за время войны излишков американцы разместили в самой Европе, превратив ее в свою должницу. Американское финансовое ведомство сообщило, что к ноябрю 1916 г. американскими капиталистами было скуплено уже разных европейских ценных бумаг на 1 627 млн. долл., что равносильно крупному ежегодному притоку процентов из Европы в Америку: американский капитал стал непосредственно и лично заинтересован в сохранении в Европе системы наемного труда (капитализма), дабы получать «законно причитающуюся» ему часть прибавочной стоимости, вообще отнимаемой капиталом от европейского пролетариата.

отделений в Южной Америке (раньше не было, теперь уже открываются) и т. д. Южно-американские государства, сильно пострадавшие в первый период войны вследствие своей хозяйственной зависимости от Европы, охотно теперь пошли — впервые — навстречу таким стремлениям Соединенных штатов. С 24 по 29 мая 1915 г. состоялась первая «панамериканская финансовая конференция» с участием представителей почти из всех американских республик — Аргентины, Панамы, Боливии, Костарики и др. Вместо привычной Англии они начинают заключать государственные займы в Соединенных штатах (во второй половине 1915 г.). Ослабление европейской конкуренции начинает постепенно использоваться для завоевания отдаленных от Европы рынков индустрией Соединенных штатов.

II

Первый подъем американского экспорта не грозил еще европейской индустрии захватом ее рынков. Если взять первый год войны (собственно 1 мирный месяц и 11 военных — по 30 июня 1915 г.), то окажется, что очень сильно возрос только вывоз продовольствия, а вывоз полуфабрикатов уменьшился по сравнению с предшествовавшим годом с 374 млн. долл. до 357 млн. долл., вывоз же готовых индустриальных фабрикатов увеличился всего на 84 млн. долл. — с 725 млн. долл. до 809 млн. долл. Но в составе этого вывоза находилось уже столько специально военных изделий (патроны, порох и т. д.), что за вычетом их прироста первый год войны дал даже уменьшение индустриального экспорта Соединенных штатов. Даже и несколько позже наблюдалось то же: по сравнению с первыми девятью месяцами 1913 г. в первые девять месяцев 1915 г. вывоз швейных машин оказался в десять раз меньше (понижился с 2 610 тыс. долл. до 270 тыс. долл.), вывоз пишущих машин в три раза меньше, вывоз сельскохозяйственных машин в два раза меньше. И на «спорных» рынках позиция Соединенных штатов за первый год войны не улучшилась. В миллиардах долларов весь вывоз из Соединенных штатов равнялся:

	в Северную и Центральную Америку	в Южную Америку	в Австралию	в Азию
с 1 июля 1913 г. по 30 июня 1914 г. . .	529	124,5	83,6	113,4
» 1 » 1914 » » 30 » 1915 » . .	477	99,3	79,8	114,5

Если бы война прекратилась после первого года, европейская индустрия нашла бы свое место на дальних рынках незанятым, ибо Соединенные штаты не только не захватили его, но даже сократили собственный вывоз. Скоро, однако, дело стало меняться.

Если сравнить первые 10 месяцев 1915 г. с первыми 10 месяцами 1914 г., то весь вывоз из Соединенных штатов окажется (в миллионах долларов):

	в Южную Америку	в Австра- лию	в Азию	в Африку
за 10 месяцев 1914 г. . . .	70,4	64,8	78	22
» 10 » 1915 » . . .	116,7	77,6	115,8	29

Постепенно Соединенные штаты стали укрепляться в этих районах и в экспортном отношении. Американцы считают, что прочность этого укрепления возрастет в мере увеличения длительности войны в Европе и что вообще «влияние заключения мира на Америку будет тем менее чувствоваться, чем дольше будет продолжаться война» (экономическое письмо из Нью-Йорка в «Гандельсцейтунг» от 23 февраля 1916 г.). Это значит: тем менее европейские капиталисты смогут оспаривать у капитала Соединенных штатов приобретенное им за время войны положение, чем больше будет Европа истощена и обессилена. В частности американцы пророчат уменьшение накопления в Европе прибавочной стоимости в период после войны вследствие понижения работоспособности населения (длительное плохое питание, длительное перенапряжение, затем понижение уровня быта рабочих после войны сравнительно с уровнем до войны) и вследствие абсолютного уменьшения количества мужских рабочих сил. В начале мая 1916 г. генеральный штаб Соединенных штатов опубликовал результаты предпринятого им опроса, дающего возможность установить относительное значение потерь. Все сведения американского генерального штаба основаны, как он заявляет, на официальных сообщениях самих воюющих сторон и представляют собой первую полную и компетентную сводку всех понесенных потерь. Генеральный штаб Соединенных штатов принял во внимание только таких потерянных для армии людей, возврат которых во время войны немислим: убитых, умерших от ран, умерших от болезней, признанных безнадежными инвалидами и попавших в плен. Наоборот, не засчитаны все раненые и больные, которые уже выздоровели, а также те, на выздоровление которых не потеряна еще надежда. Сведения обнимают только первые 17 месяцев войны, т. е. период до 1 января 1916 г. Общее количество указанных (безвозвратных в военном отношении) потерь всех воюющих государств за указанный период составляет тринадцать с четвертью миллионов человек¹). Но из этого числа 4¼ млн. — пленные, которые вернутся после войны в свои государства (по-скольку выживут). Значит безвозвратная потеря для народного хозяйства составляет «только» девять миллионов человек за 17 месяцев, или свыше полумиллиона наиболее работоспособных мужчин

¹ Из этих потерь приходится на долю Германии 2½ млн. человек, Австро-Венгрии 2 млн., Франции 2 млн., Англии 620 тыс., Турции и Болгарии 500 тыс., Сербии 230 тыс., Бельгии 160 тыс., Италии, Черногории и Японии 240 тыс. человек. На долю России 5 млн. (из них 2 млн. пленные).

ежемесячно. За первые три года войны (1914—1917) это должно дать 18 млн. человек. Но во всех одиннадцати воюющих европейских державах было к началу войны всего 126 млн. «самодельных», т. е. чем бы то ни было занимающихся или какой бы то ни было доход имеющих мужчин всякого возраста, в том числе малолетних, старцев, — кроме живущих только на счет пенсiona, ренты, милостыни¹⁾. Следовательно для народного хозяйства воюющей Европы уже потеряна седьмая часть всех чем-либо занимающихся мужчин, будь они хозяева или рабочие, доктора или чиновники, притом именно наиболее работоспособная часть, так как сохранили жизнь как раз старики-швейцары, сторожа и т. п. — и малолетки-разночички газет, мальчики при ресторанах («пиколо») и т. д. И каждые следующие десять недель будут безвозвратно, навсегда устранять из всех «самодельных» мужчин Европы еще один процент. На этом основан простой и ясный расчет. Даже в Англии и в Германии стоимость их экспорта в 1913 г. составляла лишь по 22% всего их годового производства, следовательно, занимала рабочие силы приблизительно такой же части всего их самодельного населения. В остальной Европе экспорт и доли посвящавшихся ему рабочих сил были в общем еще меньше. Количество «самодельных» женщин в общем более чем вдвое меньше количества мужчин. Исчезновение процентов пятнадцати мужчин означало бы уменьшение общего запаса деятельных сил Европы более чем на 10%. При таких условиях Европа после войны никак не сможет поддерживать свой вывоз на довоенном уровне — недостаток рабочих сил в стране должен будет сказаться прежде всего понижением возможности работать для заграницы. Таким образом чем дольше продолжится война, тем больше гарантий для Соединенных штатов, что рынок отдаленных от Европы стран без особой борьбы и хлопот достанется им в почти монопольное обладание, притом как в индустриальном отношении — для вывоза туда, так и в финансовом отношении — для доходного помещения там своих капиталов и полного хозяйственного подчинения себе этих стран. А за хозяйственным господством идет и фактическая политическая власть, легко закрепляющая хозяйственные позиции, раз объект воздействия слаб²⁾, а возможные соперники оказываются вступившими на путь уменьшения своей экономической заинтересованности в южноамериканских государствах и притом политически надолго отвлеченными. И вот как раз в годовщину первой панамериканской

¹⁾ По данным «Ежегодника Германской империи» 1915 г., доведенным для каждого государства до начала войны, согласно приросту его населения.

²⁾ В сравнении с Соединенными штатами прочие американские республики слишком слабосильны для успешного сопротивления без европейской поддержки. В Бразилии в 1915 г. было 22,5 млн. жителей, в Мексике — 16 млн., в Аргентине свыше 7 млн., в Колумбии 5,5 млн. и во всей остальной Центральной и Южной Америке — около 22 млн. человек. Уровень быта и покупательная способность этих 85 млн. человек много выше, чем населения Персии или Конго (по расчету на жителя).

финансовой конференции, в мае 1916 г. войска Соединенных штатов высаживаются на «независимом» острове Гаити (3 200 тыс. жителей) для установления «упорядоченного» правления и в то же время вступают в пределы «независимой» Мексики, проникая в нее все глубже и все в большем количестве «для содействия президенту Карранце против Виллы», — хотя Карранца самым решительным образом протестует против непрошенного «содействия» и вторжения¹⁾.

Вся Америка, кроме Канады, обеспечивается таким образом за капитализмом Соединенных штатов (несколько месяцев назад Да-

¹⁾ Капиталисты Соединенных штатов «вложили» в Мексику свыше миллиарда долларов; Англия же — менее полумиллиарда. Это единственная крупная страна, где северо-американцы превосходили англичан уже до войны. В горной промышленности Мексики капитал Соединенных штатов в 15 раз превышает туземный мексиканский капитал. В сельском хозяйстве Мексики капиталистам Соединенных штатов принадлежат обширные плантации, где господствует фактически подобное же рабство, какое имело место в Соединенных штатах до освобождения негров — поработенным здесь является христианское индийское население, прочно закрепощенное «долговыми обязательствами». Миллионы «обязанного» таким образом населения не могут покидать своего местожительства без разрешения помещика и обязаны работать по его указанию от зари до зари за очень скромное вознаграждение. Помещик может лишать их свободы и сечь розгами, в том числе женщин, что широко практикуется. Капиталисты Соединенных штатов (действующие обычно через своих управляющих испанского происхождения) решительно противятся всем попыткам отменить или смягчить это, плохо замаскированное, крепостное право. Отсюда особенная ненависть в Мексике именно к «янки». Подобные же отношения установились в главной индустрии Мексики — в горном деле. И плантации и рудники принадлежат часто деятелям могучих северо-американских трестов, и те устраивают в «слабой, отсталой Мексике» какие им угодно порядки, пользуясь оставшимся еще от адтеев долговым правом, доводя до логического конца то отношение к рабочим, стремление к которому в самих Соединенных штатах хотя и проявляется, но задерживается противодействием более или менее организованной демократии. В Мексике же можно наблюдать чистую картину господства финансового капитала, когда ему не мешают. Несколько последних десятилетий Мексики диктаторски правил, в интересах пришлого капитала, президент Диас. Наконец, разразилась революция. После долгих перипетий летом 1915 г. революция окончательно восторжествовала, и вождь ее, Карранца, опубликовал 11 июня 1915 г. манифест к мексиканскому народу. Он указывает, что уже области с семью восьмьюми населения страны находятся в руках «конституционалистов» (его партии), и публикует свою программу: новая переоценка земель и введение «единого налога на землю» (против плантаторов и горнопромышленников, — вероятно отклик идей Генри Джорджа), свобода совести и отделение церкви от государства (старый режим Мексики всецело пользовался поддержкой считавшегося господствующим католического духовенства), реформа образования и т. д. Неподчинившиеся новому режиму сын Диаса (реакционер) и генерал Вилла (представитель еще более решительной оппозиции, стремящейся к полной экспроприации зарубежных капиталистов, на что не решается партия Карранцы, опасаясь в таком случае войны с Соединенными штатами и обещающая доехать этих капиталистов одними налогами) держались еще в 1917 г. со своими приверженцами, на севере Мексики (там сильнее влияние «янки» и сильнее ненависть к ним). Следует заметить, что немногие существующие в Мексике социалистические группы и профессиональные рабочие организации примкнули к Карранце.

ния продала Соединенным штатам принадлежавшую ей группу Антильских островов — вместе с жителями), европейский капитал уходит из Америки, — потрясенный и ослабленный европейскими событиями, он сокращает свою площадь эксплуатации. Одновременно, как известно, происходит заново подобное же размежевание и в Китае — в пользу Японии. Япония давно уже перестала быть маленьким государством и пространственно, и по населению, и по хозяйственному значению. Площадь ее с Кореей и Формозой равна площади Австро-Венгрии с Боснией (671 тыс. км² и 677 тыс. км²). Население ее превысило к 1915 г. уже 71 млн. — больше Германии. Японский торговый флот больше французского, австрийского, итальянского, русского и представляет собой почти такую же величину, как германский торговый флот десять лет назад, причем последние 15 лет растет значительно быстрее германского. Европейская экономическая печать посвящает много внимания происшедшему за время войны усилению экономического и политического значения Японии в Китае и оттеснению ею оттуда европейского капитала. В связи с этим следует особо подчеркнуть поворот линии Соединенных штатов относительно Филиппин. Эти острова (8½ млн. жителей) являются географическим продолжением Японии и захвачены Соединенными штатами почти 20 лет назад, когда с японцами еще особенно не считались. Теперь японцы все больше косятся на Филиппины, японская торговля с ними обогнала американскую, создано переселение японцев на Филиппины, и хотя их там всего двести тысяч, но благодаря характеру октроированного американцами (еще до укрепления на островах японского экономического «засилья») избирательного права и благодаря политической неразвистости и пассивности большинства туземного населения (романизованного и обращенного в христианство испанцами за сотни лет их владычества) — японцы уже теперь играют едва ли не руководящую роль в ландтаге Филиппинских островов (Филиппины не выбирают депутатов в парламент Соединенных штатов, а только в собственный ландтаг). Надобно было выбирать — воевать с японцами или отдать им Филиппины. Пока Мексика, Центральная и Южная Америка были слишком плотно прикрыты от северо-американских вожделений своей экономической связью с Англией, до тех пор Соединенные штаты крепко держались за Филиппины, отношения с Японией делались все более и более натянутыми (известные ограничения для японцев на тихоокеанском побережье Соединенных штатов и т. п.). Но вот открылась возможность залолучить в «сферу своего влияния» гораздо более крупный, более близкий, более культурный и более многообещающий кусок, — Среднюю и Южную Америку¹⁾, — и картина сразу переменялась. Не только президент Вильсон выступил про-

¹⁾ Американские войска перешли мексиканскую границу 14 марта 1916 г. Интересно, что уже в мае правительство Соединенных штатов добилось от правительств Бразилии, Аргентины, Чили и других южно-американских республик заявлений, что они не возражают против похода Соединенных штатов в Мексику.

тив ограничений японцев на тихоокеанском побережье и т. п., — это все лишь симптомы, — но конгресс и президент Соединенных штатов утвердили закон, которым Соединенные штаты обязуются через четыре года провозгласить полную суверенную самостоятельность и независимость во внутренних и внешних делах Филиппинских островов как нового государства¹). При нынешнем положении на Филиппинах это означает или провозглашение затем парламентом новой Филиппинской республики, присоединение ее к Японии, или оккупацию и протекторат Филиппин японцам на тех же основаниях, с ссылкой на которые высадились войска Соединенных штатов на Гаити, т. е. — для помощи местным людям в усовершенствовании местной жизни и внесения успокоения в нее ввиду наличности борьбы на месте разных партий. А о японской партии на Филиппинских островах и ее влиянии упомянуто выше. Новый закон означает, следовательно, не что иное, как облеченное в «приличную» форму обещание Соединенных штатов уступить японцам Филиппины не позже, чем через четыре года (закон разрешает правительству Соединенных штатов провозгласить независимость Филиппин и раньше, если это будет признано соответственным по обстоятельствам дела). Соединенные штаты дают Японии «отступное»: вот вам Филиппины, и не мешайте мне утруждаться со Средней и Южной Америкой¹). Это означает разумеется, взаимное признание Восточной Азии (Китай) входящей в сферу преимущественного влияния Японии²). Происходит размежевание северо-американского капитала сразу на два фронта: активное с европейским в Америке и пассивное с японским в Азии. По словам французских газет Россия тоже сосредоточила свои интересы в Европе, Западной и Средней Азии, а Восточную Азию признала японской сферой влияния (Китай, кроме северной Монголии

¹) Этот закон не был выполнен Соединенными штатами, когда после войны пришел срок для его выполнения, ибо война кончилась, руки развязаны и можно надуть Японию, а заодно и Филиппины. — П р и м е ч а н и е 1926 г.

²) Голландское правительство весьма обеспокоено законом Соединенных штатов о независимости Филиппин через четыре года. Рядом с Филиппинами находятся принадлежащие Голландии Зондские и Молуккские острова. Пространством эти острова почти в три раза больше Японии, население их составляет сорок миллионов, природа богата, и для густо населенной Японии они были бы прямо кладом. К тому же Голландия, со своими 6½ млн. жителей в Европе, сама по себе была бы бессильна бороться с Японией чуть не у ворот японского дома. Если Англия, во имя каких-либо компенсаций себе, в ином месте разрешит японцам взять часть голландских островов, а Соединенные штаты — отказом от Филиппин вообще «умоют руки» в решающем направлении восточно-азиатских дел — то единственно, что могло бы остановить японцев, — это сопротивление самого 40-миллионного населения голландских островов, если бы можно было ожидать такого сопротивления (из всех жителей 33 млн. живут на одном острове Ява — площадью меньше десятой части всего голландского архипелага; здесь же больше всего японских переселенцев и торговцев). Поэтому, голландская печать усиленно обсуждала в 1916 г. вопрос о необходимости быстрого введения в «Голландской Индии» (официальное название островов) к о н с т и т у ц и и с единым парламентом для всех островов, чтобы заинтересовать население в непризнании к Японии.

и северной Манчжурии), какое соглашение могло быть при нынешних обстоятельствах заключено только с одобрения Англии, состоящей в союзе и с Россией и с Японией. Теперь сопоставьте еще с этим приведенные выше цифры о пространственном распределении всего размещаемого по свету английского капитала: только один процент в странах нынешней противанглийской коалиции (Германия, Турция) и 99 % в остальном районе. Но в Америке Англия очищает позиции в пользу Соединенных штатов — выше приведено о многомиллиардном перевесе в пользу Соединенных штатов за время войны, и ниже иллюстрировано применение, какое дают этому перевесу Соединенные штаты. А Восточная Азия резервируется для Японии — именно поэтому японцы так охотно отдадут в распоряжение своих друзей свои заводы и свои пароходы (конечно, по хорошей цене — что должно помочь умалению заграничной задолженности Японии, как помогло Соединенным штатам). За вычетом этих трех районов оказывается примечательная картина: в результате нынешней войны английский капитал более чем когда-либо концентрируется в странах нынешней противогерманской коалиции (с колониями включительно). Если раньше из числа последних стран сравнительно слабее был связан английский капитал с Россией (все же существовала Юзовка, Ленское золотопромышленное общество, разные нефтяные компании и т. д.), то теперь этот пробел пополнен самым основательным образом. В виде займов и поставок за время войны помещены в России миллиарды рублей английского капитала, аккуратной оплаты которого процентами ожидают английские капиталисты. В русской печати не раз уже указывалось, что Англия пострадала от войны гораздо меньше Германии и меньше всех вообще участвующих в войне больших европейских государств. Возьмите, например, безвозвратные потери людьми за первые 17 месяцев войны, опубликованные генеральным штабом Соединенных штатов. В то время как у всех потери исчисляются миллионами, для Англии находим в таблице всего 620 тыс. человек, да и из них чуть не четверть приходится на индусские и другие колониальные войска. В результате выходит, что на 46 млн. жителей Англия (с Ирландией и Шотландией) потеряла едва полмиллиона. По такому расчету Германия при ее населении должна была бы потерять только почти три четверти миллиона, а потеряла в действительности два с половиной миллиона; Франция при ее населении должна бы потерять лишь несколько более четырехсот тысяч, а потеряла по ее заявлению два миллиона, и т. д. Исключительно благоприятное положение Англии очевидно. Впрочем, можно возвести в эмпирическое правило истории, что глава коалиции обычно страдает меньше прочих участников. Еще в 1812 г. Наполеон утепал себя соображением, что больше всего погибло во время похода на Москву и обратно не французов, а разных союзных и подчиненных народов. И теперь, например, потери Австрии в сравнении с ее населением тяжелее, чем потери Германии, и т. п. Именно этому обстоятельству — в три и

в четыре раза меньшему участию в войне личными потерями, чем другие государства — именно этому обязана Англия прежде всего сравнительным благополучием своего хозяйственного положения. В одной Англии экспорт не очень сильно уменьшился теперь сравнительно с мирным временем, одна Англия из всех воюющих государств сохранила золотое обращение. Это не удивляет, если подумать, что она больше, чем кто-либо, сохранила свои личные силы для работы внутри государства, а не для пребывания в окопах, и упорнее всего их сохраняла. Из этого вытекает сравнительное усиление за время войны экономической мощи Англии среди стран противогерманской коалиции. Потрясена экономически и ослабела (в пользу Соединенных штатов и Японии) вся Европа. Но Англия ослабела меньше всех, значит в пределах Европы Англия усилилась. Ослаблением ее финансового значения в Америке может измеряться, следовательно, лишь минимум общего ослабления Европы — это есть степень ослабления наиболее сильного слагаемого, притом относительно еще усилившегося внутри своего комплекса. В результате, если английский капитал в итоге войны сокращает площадь области своего преимущественного влияния (в пользу Соединенных штатов и Японии), зато в остающемся для него районе (нынешняя противогерманская коалиция с ее колониями) значение его тем более возрастает¹). Нечто подобное происходит с германским капиталом. Значение его падает в странах противогерманской коалиции, в Америке и в восточной Азии, но зато чрезвычайно увеличивается в странах противоанглийской коалиции (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция). Германские капиталисты продают принадлежащие им иностранные ценности (уже на несколько миллиардов марок, в том числе почти на два миллиарда марок акций, облигаций и займов Соединенных штатов) и вырученные деньги подписывают на военные займы. Иначе сказать, извлекают свой капитал из-за границы и помещают его в Германии. Немецкие предприятия в Италии, Франции и т. д. не только сейчас подвергаются ограничениям, но и после войны найдут в этих странах менее благоприятные для себя условия, чем какими пользовались до войны, между прочим и потому, что усилилась связь этих стран с конкурирующим английским капиталом и зависимость их от него. С другой стороны, Турция отменяет железнодорожные и горные концессии, выданные французам, и передает их немцам. Государственная задолженность Болгарии и Турции вместо англо-французского приобретает немецкое направление. Торговое преобладание Германии и Австрии на Балканском полуострове имело место и раньше (особенно Германии). Даже для политически нейтральной Румынии оказалось выгодным весной 1916 г.

¹) Внешним симптомом могут считаться последние финансовые и экономические конференции в Париже представителей всех противогерманских стран. О конференциях этих много писали в русской печати с точки зрения «борьбы с германским засильем». Поучительны еще и другие точки зрения.

торговое сближение с германской коалицией, и, несмотря на политические сомнения и угрозы репрессиями, она подписала торговые договоры с Германией, Австрией, Турцией (и готовяла с Болгарией). Парижским экономическим конференциям стран противогерманской коалиции на другой стороне соответствует идея о таможенном сближении стран германской коалиции («Средняя Европа»), о чем ведутся уже предварительные переговоры между соответственными правительствами и капиталистическими кругами (по сообщениям берлинских газет). Среди стран германской коалиции германский капитал приобрел еще более монопольную и доминирующую роль, чем английский капитал среди стран противогерманской коалиции. Германия пострадала более Англии, германский капитал сократил свою площадь эксплуатации еще более, чем английский, но внутри оставшегося за ним района, внутри стран нынешней противанглийской коалиции значение его увеличилось и относительно самих этих стран и относительно всего помещенного в них иностранного капитала. Ибо сами эти страны (Турция, Австрия) ослабели еще более Германии, и из них произошел отлив негерманского иностранного капитала, который вряд ли будет возмещен скоро после войны (ср. выше о Соединенных штатах), а прилив германского капитала, наоборот, все продолжался, финансовая их зависимость от Германии увеличивалась. В экономическом отношении они окончательно стали вассалами германского капитала, экономическим продолжением и дополнением германской хозяйственной территории. Концентрация немецкого капитала в странах германской коалиции называется теперь в немецкой печати «консолидацией хозяйственных сил Германии» и необычайно грандиозный масштаб, в каком происходит за время войны «консолидация» (и английская и германская) обеспечивают ее сравнительную прочность. Ибо после войны у всех этих экономически потрясенных и ослабевших стран не может быстро появиться такая экономическая мощь, такой экономический перевес, чтобы быстро вернуть потерю тех шести миллиардов долларов в Соединенных штатах, тех двух миллиардов флоринов в Голландии и т. д., размещение которых было результатов всего исторического развития и отлив которых произошел теперь столь быстро.

Таким образом период 1914—1917 г. приносит любопытное размежевание сфер влияния главных капиталистических центров. Соединенные штаты с Америкой, Япония с восточной Азией, Англия со странами одной коалиции и Германия с другой, образуют четыре основных комплекса, каждый из которых связан внутри не только политическим сближением, но и общностью подчинения одному капиталистическому центру (разумеется, в жизни все это не так схематически прямолинейно, как при сжатом изложении на бумаге, но основное достаточно отражается и приведенным изложением). Такое размежевание между этими районами (не столько юридическое, сколько фактическое) в сторону ослабления международных хозяйственных связей как мирового целого можно считать

одним из проявлений исторической реакции в области хозяйства, причиненным войной. Само собой, что такое длительное и в таком большом масштабе ослабление производительных сил человечества не могло остаться без влияния на мировое хозяйство. Само собой понятно также, что из длительного и грандиозного ослабления производительных сил обязательно вырастает попятное движение хозяйства, хозяйственная реакция, а не хозяйственный прогресс. В этом смысле временное умаление интернационального характера финансового капитала, замыкание каждой из важнейших частей его за стеной одного из четырех комплексов («консолидация»), ослабление международных экономических связей по сравнению с быстротой намечавшегося до войны их развития — все это было бы на своем месте. Но слова о «диалектике исторического развития», думается мне, могут быть здесь применены с особенным успехом. «Черная смерть» в средневековой Англии — чумная эпидемия, уничтожившая около трети населения, — разумеется, создали в тогдашней Англии падение интенсивности хозяйства и в этом отношении хозяйственную реакцию. Но она же послужила важным моментом в уничтожении крепостнических отношений в этой стране — здесь исход зависит от общей обстановки исторического периода, от конкретного состояния общества, на которое обрушивается исторический удар. Тридцатилетняя война вызвала в Германии подобное же умаление населения, как в Англии «черная смерть», но последствия от этого были только реакционные. Что же до нашего времени, то общественная среда и уровень до некоторой степени сознательного отношения к своим основным интересам сделали уже такие успехи, что влияние хозяйственного ослабления при всей своей экономической реакционности в каждой стране, можно думать, будет стимулировать, давать толчок к организации таких форм экономического быта, осуществление которых на много способно поднять общую успешность человеческого хозяйства, т. е. дает толчок движению к социализму. Ведь даже ослабленный организм, если он правильно и планомерно работает, руководясь только пользой дела, может дать гораздо больше, чем какой-либо сильный, но работающий хаотически, стихийно, бессистемно, с бесчисленными трениями и взаимными противодействиями отдельных частей, и притом направляемый не соображениями о пользе дела, а своеобразными интересами случайно руководящих отдельными его частями людей. Но давно известно из политической экономии, что именно такова картина общего хода частнокапиталистического хозяйства. В исторический период после войны тут будет над чем подумать человечеству. Окажется, что либо надо мириться с понижением быта вследствие ослабленного состояния хозяйства, либо надо так изменить организацию хозяйства, чтобы даже ослабленные силы человеческого общества благодаря правильной организации давали больше. Совершенно очевидно, что система «государственного капитализма» не является решением задач в подобной общей постановке. Она решает вопрос только для капиталистов, но не для всего общества. Должно

быть создано не только единство хозяйственной организации, но еще управление этим единством в сознанных интересах свободно распоряжающегося им человечества, а не только в интересах Рокфеллера, Шваба, Моргана и подобных. Итоги и опыт войны двинул рабочие массы к активности в эту сторону уж одним обнажением пружин хозяйственного руководства, какие они продемонстрировали. Таким образом, конечные последствия хозяйственно-реакционных результатов войны при данном историческом уровне общественной среды и в данной исторической обстановке в конечном счете могут оказаться по типу ближе к последствиям «черной смерти» в Англии, чем Тридцатилетней войны в Германии. Но только «в конечном счете».

Без войны хозяйственное объединение капиталистического мира назревало бы и происходило бы при более высоком состоянии производительных сил человечества, без происшедшего ныне частичного их расточения и сопутствующего культурного и идеологического регресса. Полнота организационного и технического совершенства капиталистического строя не является обязательной предпосылкой для перехода к следующей ступени хозяйственной эволюции — достаточно просто наличности сосредоточения в капиталистическом производстве большинства продуктов и населения, что несомненно имеется уже в Европе в целом. Но идеологический прогресс объективно заинтересованного большинства населения является обязательным предварительным условием, без наличности которого даже вполне зрелое состояние капиталистических отношений является благоприятной обстановкой для зарождения лишь «государственного капитализма». Между тем война, усовершенствованная организацией капиталистического хозяйства в Германии и т. д., пока что разрушила зато во многих рабочих головах весьма важные идеологические ценности. Потому никак нельзя считать, что война непосредственно действительно ускорила историческое развитие. Кто не верит в чудеса, тот вообще знает, что подобное событие в данных исторических условиях могло только задержать и затормозить ход истории. Если же история вообще не прекратит своего хода и если ближайшие десятилетия, которые последуют за войной, будут, как позволяет думать очень многое, эпохой перехода к следующей после капитализма стадии хозяйственной эволюции, к социализму, то все это произойдет не благодаря войне, а несмотря на задержки и тормозы, созданные ею путем разрушения идеологических и производительных сил и ценностей.

Соединенные штаты пользуются своим перевесом отнюдь не для «накопления в стране золота», а для систематического устранения своей финансовой зависимости от Европы и для создания такой зависимости от себя других стран. Весь перевес ввоза золота в Соединенные штаты над вывозом его оттуда составил за первый год войны всего 146 млн. долл., совершенно незначительную величину сравнительно с приведенными выше данными о громадном перевесе торгового баланса в пользу Соединенных штатов. Очевидно, штаты

избегали накапливать у себя наличное золото — и это общее явление, наблюдаемое во всех наживающихся сейчас нейтральных странах. Швеция дошла, например, до того, что отменила обязательство государственного банка принимать золото в неограниченном количестве и обменивать его на бумажные деньги по нарицательной их стоимости (2 473 кроны 80 эре за килограмм золота). С 9 февраля 1916 г. шведский банк принимает золото только с тем условием, что продавец получает шведскими бумажными деньгами на несколько процентов меньше, чем стоит золото по его весу. Понадобилось ради этого издание особого закона и соглашение с прочими скандинавскими государствами (в Швеции, Дании и Норвегии общая монетная система). Между тем за приносимые бумажки банк выплачивает (с 9 января 1916 г.) золото, как в мирное время. Таким образом, золото объявлено в Швеции дешевле бумажек, и принимаются специальные меры, чтобы вытолкнуть из страны золото. Подобная изумительная для русского глаза картина — не исключение. Мартовская за 1916 г. книжка «Ди Банк» сообщает, что Аргентина тоже стала «страдать» слишком большим притоком золота и, чтобы избавиться от него, установила, что золото принимается только с уступкой в два процента (т. е. выдается 98 франков бумажками за 100 фр. золотом). Причины подобного непочтительного отношения к золоту очень просты. Ведь в конце концов вся совокупность золотых денег представляет собой только «накладной расход капиталистического производства» (Гильфердинг). Человечество истрчивает на добычу золота и изготовление золотых монет много труда. Золотые монеты служат для прочности и порядка в денежном обращении, золото является мерилом стоимости всех товаров (бумажка лишь его заместитель) и т. д. Но по существу вещей — вовсе не обязательно «от природы», чтобы для распределения между людьми нужных им предметов существовали деньги. Если бы планомерно и сообща управлять всем производством, заранее определяя, сколько чего для всех нужно, и затем раздавая каждому причитающуюся ему долю, то не имели бы вовсе места покупки и продажи, не было бы нужды в деньгах. Они существуют только благодаря хаотическому характеру современного хозяйства: нет единого управляющего и распределяющего центра, каждый кусочек производства находится в частной собственности отдельного лица или группы лиц, распределение всех предметов в обществе может происходить лишь путем бесчисленного количества актов покупки и продажи, для чего нужны золотые деньги как овеществленное воплощение человеческого труда, лежащее в основе сравнения стоимостей разных предметов и их обмена. Следовательно, затрата большого количества человеческого труда на добычу из земли и изготовление золотых денег есть лишь расплата за нынешнее хаотическое состояние хозяйства. Это «мертвый груз», затрата труда на который не является по существу производительной, а только помогает ослабить и устранить некоторые неудобные последствия хаотичности, основанной на частной собственности капиталистической системы. Подобный «мертвый груз» естественно ста-

ратся свести к необходимому минимуму, чтобы иметь возможность как можно больше сил употреблять производительно. Так., например, постройка броненосцев считается германским буржуазным обществом трудом непроизводительным, но необходимым в пределах известного минимума. То же относится при данном хозяйственном строе к золоту. Но во время войны в Швецию, Аргентину и т. д. стало приливать столько «мертвого груза» народного хозяйства, что это далеко превысило необходимый минимум, и начались энергичные попытки избавиться от золотого избытка. Для страны гораздо выгоднее скупить обратно свои ценные бумаги, находящиеся за границей, или раздать свои избытки займы иностранным государствам, чем накапливать у себя груды золота, превышающие необходимый для правильного функционирования товарного оборота минимум и лежащие праздно. По этим более выгодным путям и пошли Соединенные штаты, едва обозначился в их пользу значительный перевес.

Как указано выше, полный «военный расцвет» североамериканского хозяйства начался только с половины 1915 г. С какой быстротой пошло финансово-экономическое использование перевеса в направлении к смещению в сторону Соединенных штатов мирового «центра экономической тяжести», — показывает обследование, предпринятое правительством Соединенных штатов в половине декабря 1915 г., т. е. едва через полгода военнoхозяйственного расцвета. Согласно обследованию, за этот промежуток времени капиталисты Соединенных штатов успели выкупить из Европы находившихся там акций, облигаций и займов Соединенных штатов:

из Англии	на 950 млн. долл.
» Германия	» 300 » »
» Франции	» 150 » »
» Голландии	» 100 » »
» Швейцарии	» 50 » »

а всего свыше чем на три миллиарда рублей. Например, стальной трест (старый) в начале 1915 г. должен был терпеть в руках иностранных (европейских) капиталистов еще 1 503 тысяч штук своих акций. К концу 1915 г. больше трети было выкуплено уже обратно, вернулось в Соединенные штаты, зависимость от воли европейских капиталистов уменьшилась, в руках европейцев осталось лишь 971 тыс. штук акций стального треста. Почему европейские капиталисты охотно сбывают в 1916 г. в Соединенные штаты североамериканские ценности, показывает простой расчет. Боны Нью-гавенской железной дороги, выпущенные в свое время во Франции, приносят их французским владельцам в виде процентов 19 фр. 43 сант. ежегодного дохода. Если однако эти боны продать в Соединенных штатах и полученную сумму долларов поместить в билеты последнего французского военного займа (так называемого «займа победы»), то с выручки от каждого бона владелец будет получать в виде процентов уже 27 фр. 7 сант. Результаты понятны. Биржевая хроника утвер-

ждает, что в 1916 г. отлив американских бумажных ценностей из Европы (что означает уменьшение помещенного европейцами в Америке капитала) еще более увеличился и ускорился. Итоговых данных еще нет, но так и должно быть, судя по общему развитию экономических соотношений и по тому, что как раз в этот последний период английское и германское правительства объявили обратную продажу в Америку американских ценностей патриотической обязанностью английских и германских капиталистов и приняли особые меры для планомерной организации и ускорения такой продажи.

Выкупая свои ценности из Европы, освобождая себя от европейской зависимости, Соединенные штаты начали одновременно снабжать Европу своим капиталом, приводить ее в финансовую зависимость от себя, что им несколько лет назад даже и не снилось. Согласно тем же данным, относящимся к половине декабря 1915 г., капиталисты Соединенных штатов за один 1915 г. поместили вне своей страны 1 188 млн. долл. (почти 2 400 млн. руб.), в том числе в Европе 953 млн. долл. (из них в Норвегии 3 млн., в Швеции 5 млн., в Швейцарии 15 млн., в Италии 25 млн., в Германии 25 млн. и т. д.) и в Америке 235 млн. долл.

При этом еще американцы помещают свои деньги в Европе на более выгодных условиях и по более высоким процентам, чем раньше помещали европейцы в Америке. Если поэтому до конца 1915 г. война принесла передвижение богатств в сторону Соединенных штатов на сумму около шести миллиардов рублей (выкуп из Европы американских ценностей плюс помещение своих избытков в иностранные займы и т. д., плюс перевес ввоза золота над вывозом), то в смысле дохода, который ежегодно будет поступать отныне на эти деньги не в Европу, а в Соединенные штаты эта сумма равновелика еще большей. А 1916 г., как мы видели, принес Соединенным штатам еще больший перевес, чем какой принес 1915 г., когда Европа еще меньше успела ослабеть, а 1917 г., как ожидают американцы, должен принести еще больший перевес. И, наконец, если исполнится ожидание руководящих политических и военных кругов Англии и Франции, что победа в желательных им размерах будет достигнута только к концу будущего 1918 г., то все это отодвигается еще на год дальше, и Соединенные штаты получают еще год для расширения и ускорения своего финансово-экономического перевеса¹⁾.

Таким образом, представляется несомненным результатом войны серьезное передвижение мирового центра экономической тяжести в сторону капитализма Соединенных штатов. Выше указывалось, как уже до войны промышленная мощь Штатов постепенно догоняла Англию и Германию. Война явилась в этом отношении ускоренным продолжением прежних тенденций. Ослабляя Европу, она закрепляет прочность пере-

¹⁾ Так и случилось, как известно. Германия сдалась в ноябре 1918 г., почти через два года после написания этой статьи. — Примечание 1926 г.

веса Соединенных штатов, неустрашимость его при сохранении в неприкосновенности в Европе системы капиталистического хозяйства, и наряду с промышленной мощью Соединенных штатов ставит стремящуюся к первенству в мировом масштабе роль их финансового капитала.

Ибо в Соединенных штатах, как известно, едва ли не больше, чем где бы то ни было, промышленная жизнь находится под руководством центров финансового капитала. Уже в 1907 г. всего 93 индивидуальных капиталиста управляли тремя четвертями всей длины железных дорог Соединенных штатов (т. е. управляли сетью, приблизительно в четыре раза больше всех железных дорог России, частных и казенных вместе). Эта часть дорог перевезла 87 % всех железнодорожных грузов Соединенных штатов. Главные из этих капиталистов — те же лица, что стоят во главе финансовых институтов и промышленных трестов. Что касается индустрии, то имеется свежий отчет «промышленной комиссии», назначенной президентом Вильсоном в 1915 г. для обследования индустрии Соединенных штатов. Согласно уже опубликованному отчету этой комиссии только шесть крупнейших банков руководят промышленными предприятиями с двадцатью миллиардами долларов капитала и 2 652 тыс. наемных рабочих, что, по словам комиссии, составляет 28 % индустриальных наемных рабочих Соединенных штатов. На первом месте из этих шести банков стоит банк известного Моргана («Первый национальный банк»), которому одному подчинены предприятия с 786 тыс. наемных рабочих.

Но если Соединенные штаты есть страна финансового капитала по преимуществу, то с общим характером наступающей мировой эпохи (эпохи стремящегося к планомерно организованному господству объединяющегося финансового капитала) — с характером этой эпохи вполне гармонирует, чтобы на первое место выдвинулась страна финансового капитала по преимуществу — Соединенные штаты. Логически это выглядит довольно уместно, практически же означает, что приобретающий отныне мировую роль преуспевающий финансовый капитал Соединенных штатов понесет во весь широкий мир те методы своего действия и своего господства, с какими он вырос и на каких воспитался у себя дома. Методы же эти по своей зловредности, жестокости, разрушительному и развращающему влиянию оставляют далеко позади обычную практику европейского капитализма. Хозяйственно-консервативные силы европейского капитализма будут укреплены и поддержаны в борьбе против своих домашних антагонистов (рабочих) экономической и политической мощью финансового капитала Соединенных штатов. Чем больший перевес в пользу Америки создаст война, т. е. чем длительнее она окажется, тем больше американских денег будет помещено в Европе, тем более заинтересован будет американский капитал в сохранении обеспечивающего ему доход европейского частнохозяйственного строя, тем более решительную и далеко

идущую активную поддержку склонен он будет оказывать борьбе европейского капитализма против попыток штурма его принципиальных противников. Тем самым вопрос о хозяйственной эволюции, ставившийся обычно практически лишь в рамках Западной Европы, принужден будет и сможет окончательно разрешиться только в рамках более широкой территории, включающей в себя и Соединенные штаты. Это обстоятельство вызывает особый интерес к вопросу о состоянии рабочей демократии в Соединенных штатах, о том, какое, какой силы, какого значения и какой принципиальности встречает и может встретить противодействие финансовый капитал Соединенных штатов внутри собственной страны со стороны самого американского труда. До сих пор в идеологическом и политическом отношении американский пролетариат стоял на таком жалком уровне, примеров которому нет даже в самых отсталых странах Европы, как Испания или Румыния. Оформление сознания и практики меньшинства идет там на-ряду с ростом всякой путаницы в головах и действиях большинства. Но история, как известно, не кончается сегодняшним днем.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

<i>Предисловие.</i> Государственный капитализм военного времени и очередные вопросы.	3
--	---

Часть первая.

Промышленность и система государственного капитализма.

1. Военный центр германской индустрии	11
2. Государственный капитализм в Германии	28
3. Займы, банкноты и организация хозяйства	38
4. Особенности военного госкапитализма	57
5. Утописты минимализма и действительность	91

Часть вторая.

Пролетариат при госкапитализме.

1. Состав пролетариата	125
2. Трудовая повинность	151

Часть третья.

Организация госкапитализмом сельского хозяйства.

1. На пути к госорганизации земледелия	188
2. Урбанизация земледелия	216
3. Сельское хозяйство и аграрный капитал в системе госкапитализма	227

Часть четвертая.

Организация потребления.

1. Хлебная монополия	240
2. Итоги продовольственной организации	251

<i>Приложение.</i> Германский госкапитализм и хозяйственные тенденции мировой конъюнктуры	263
---	-----

